

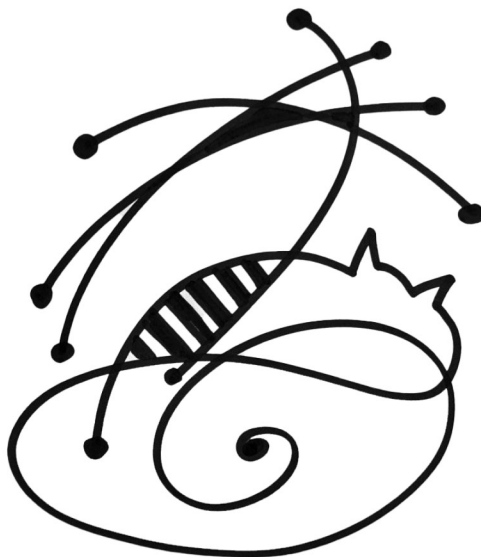
eISSN 2592-916X

ISSN 2592-9232

PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 15 (2025/3)

ПРАВО БЫТЬ: ЖИВОТНЫЕ В ЭТИКЕ И ПРАВЕ

freeuniversity.education • freeuniversity.press

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПАЛЛАΔION
#15 (2025/3)

**ПРАВО БЫТЬ:
ЖИВОТНЫЕ
В ЭТИКЕ И ПРАВЕ**

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

#15 (2025/3) «Право быть: животные в этике и праве»

DOI: 10.55167/817ce6cafbee

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Владка Кои

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ: М. С.

ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА Владимир Харитонов

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

freeuniversity.education

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

freeuniversity.press

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»; Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.); Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»; Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»; Elena Lukyanova, Evgeniy Poroshin with the participation of Sergey Shpilkin, Andronik Arutyunov, and Ekaterina Zvorykina «Maximum Security Elections»; Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»; Михаил Минаков «Постсоветский человек и его время»

• А ТАКЖЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:

#1 «Город как текст» #2 «Современные угрозы свободе» #3 «Социология войны» #4 «Ролан Барт и культура демократического общества» #5 «Мир и война. Двойная оптика» #6 «Государство и война» #7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» #8 (2023/4) «Русский мир: история болезни» #9 (2024/1) «Язык и свобода» #10 (2024/2) «Патогенез суверенитета» #11 (2024/3) «Журналистика и образование во время войны» #12 (2024/4) «Язык и свобода II» #13 (2025/1) «Cor iuris» #14 (2025/2) «Нерусский мир»

Содержание

4	Владка Кой Вступительная статья
	ПРАВО БЫТЬ: ЖИВОТНЫЕ В ЭТИКЕ И ПРАВЕ
12	ДМИТРИЙ ТУРКО Может ли чувствительность быть основой универсализации правосубъектности?
61	PRISCILA GULIĆ PIRNAT Beyond animal welfare: legal paths to animal rights
94	RAWNAK MIRAJ UL AZAM Transboundary solutions for climate-displaced species: A legal imperative for ecological resilience
123	VARVARA PEL The 3Rs in the treatment of laboratory animals
137	DMITRII KUZNETSOV, VLADKA KOI The duty of care for animals in environmental disasters: Lessons from the Kerch Strait oil spill
183	НАРГИС КОСИМОВА Правовой статус и защита бездомных животных в Узбекистане: проблемы и перспективы
196	SUBHASH RAWAT, RAJESH BABOO Urban companion animal welfare: A comprehensive analysis of global and Indian legal frameworks
228	ЕЛЕНА БЕНЛЕЗАР, ВАСИЛИСА СЕРЕБРЯНАЯ Домашние питомцы на рабочем месте: взгляд через призму французского трудового законодательства
251	AVIVA VINCENT, EUNICE LEE, ALANA VAN GUNDY, LAUREN CASWELL, LINDA QUINN Linking policy and practice: exploring professionals' knowledge, barriers, and experience reporting "The Link" between interpersonal violence and animal abuse
	УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ
288	ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Хроники Свободного университета. Весна-лето 2025
301	DMITRY DUBROVSKIY The slow-motion collapse of Russian higher education
	ЛЕКЦИИ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
312	АЛЕКС ЮСУПОВ Как работает немецкая демократия (и как она не работает)

Настоящий выпуск журнала «Палладиум» посвящён достаточно новой междисциплинарной области, посвящённой осмыслению этики взаимодействия человека и животных (зооэтики) и выработке адекватного правового регулирования складывающихся при этом отношений (зооправо). Основным фокусом данной области является столкновение философских дискуссий о моральном статусе животных с устоявшимися этическими и правовыми концепциями статусов человека и животных в природе и социуме, наработками биоэтики и практическими вызовами. В этом столкновении этика выполняет одновременно функцию базиса для разработки правовых норм и драйвера их дальнейшего развития. При этом, подобно другим отраслям права и межотраслевым правовым институтам, зооправо закономерно выходит за пределы национальных юрисдикций, становясь частью глобальной исследовательской и регулятивной повестки. Благодаря этому мы имеем возможность наблюдать широкую дискуссию экспертов о подходах к пониманию правосубъектности животных, анализировать модели их юридической защиты на пути от обсуждения специалистами до реализации в национальном и международном праве, оценивать эффективность различных концепций обеспечения их благополучия.

Цель настоящего выпуска двойная. Во-первых, через представление различных направлений дискуссии мы стремимся показать многогранность данной области, её концептуальные основания и философские предпосылки, где одной из центральных является сегодня дискуссия о возможности признания прав животных. Неотъемлемой частью этой дискуссии являются вопросы о выборе критериев демаркации и смены парадигмы при определении центральной идеи и оптимального подхода к регулированию взаимодействия человека и животных. Именно эти вопросы становятся отправной точкой представленных в номере исследований Дмитрия Турко *«Может ли чувствительность быть основой универсализации правосубъектности?»* касательно перспектив универсализации представлений о правах живых существ, исходя из общего для них качества чувствительности, в работе Присцилы Гулич Пирнат *«Больше, чем благополучие: законные пути к правам живот-*

ных», предлагающей альтернативу парадигме «благополучия» через концепцию «дифференцированной юриспруденции» для животных и в статье Равнака Мирайя Ал Азема *«Трансграничные решения для видов, перемещенных из-за изменения климата: юридический императив экологической устойчивости»*, отстаивающей необходимость смещения парадигмы регулирования в сторону принципа «экологической справедливости» через признание правосубъектности перемещенных видов и разработку трансграничных видоспецифичных правовых комплексов.

Во-вторых, выпуск предлагает читателям оценить прикладное значение этих концептуальных рамок, показывая и анализируя их пересечение с задачами научного поиска и экологическими решениями. Разобраться в исследовательском аспекте этой проблематики нам поможет анализ эволюции биоэтических принципов 3R («replacement, reduction, refinement»), определяющих рамки допустимости использования животных в исследованиях, представленный в статье Варвары Пель *«Принципы 3R в обращении с лабораторными животными»*. Согласно выводу автора, указанные принципы недостаточны для этичного проведения экспериментов на животных, и в каждом конкретном случае необходима комплексная экспертиза, учитывающая интересы как животных, так и науки, тогда как принципы 3Rs могут оставаться общей базой для совершенствования подходов к обеспечению благополучия животных. Экологический аспект раскрывается в статье Дмитрия Кузнецова и Владки Кой *«Обязанность заботиться о животных во время экологических бедствий: уроки разлива нефти в Керченском проливе»*, исследующих обязанности государства и истоки мотивации граждан в условиях техногенной экологической катастрофы. По результатам исследования авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день говорить о сдвиге парадигмы отношений человека и животных в сторону большего баланса их интересов, а тем более об отражении этой смены в нормативных актах пока преждевременно. Однако укорененность в человеческом сознании таких мотивов, как сочувствие к природе и гражданская солидарность, безразличие и осознание личной ответственности позволяют дать этой тенденции положительный прогноз. Для

более детальных выводов, по мнению авторов, необходимы дополнительные междисциплинарные исследования.

Особенности национального социально-правового контекста представлены двумя блоками статей. Первый из них посвящен сравнительному анализу нормативной базы обеспечения благополучия животных-компаньонов на национальном уровне, позволяющему авторам сформулировать рекомендации по развитию законодательства и совершенствованию системы правоприменения. Так, Наргис Косимова в своей статье *«Правовой статус и защита бездомных животных в Узбекистане: проблемы и перспективы»* оценивает узбекское законодательство о защите бездомных животных в сравнении с Германией, Казахстаном и Россией, предлагая конкретные шаги по законодательной реформе, укреплению системы мониторинга, правовому просвещению общественности и поддержке НПО. Аналогичным образом, в исследовании *«Благополучие городских животных-компаньонов: комплексный анализ правового регулирования в Индии и других странах»* Субхаша Равата и Раджеша Бабу индийское законодательство о благополучии домашних животных в городских условиях сопоставляется с передовыми правовыми моделями Великобритании, Скандинавии и других стран. Подчеркивая разрыв между устаревшими доктринами и современными научными знаниями о способности животных чувствовать и испытывать эмоции, авторы предлагают конкретные законодательные реформы в этой области.

Статьи второго блока исследуют социально-юридические аспекты таких малоизученных, но распространённых феноменов, как присутствие животных-компаньонов на рабочем месте и связь жестокости к животным с межличностным насилием. Анализируя «серую зону» на пересечении французского трудового и зоозащитного законодательства, Елена Бенлезар и Василиса Серебряная в статье *«Домашние питомцы на рабочем месте: взгляд через призму французского трудового законодательства»* отмечают отсутствие прямого законодательного запрета в отношении нахождения таких животных на рабочих местах, но указывают на сохраняющуюся в таких случаях необходимость учитывать требования по охране труда (безопасности рабочих мест) и возможность регламентировать этот вопрос

актами работодателя. Авива Ли Винсент с соавторами в статье *«Соединяя политику и практику: изучение осведомлённости специалистов, барьеров и опыта в сообщениях о «Связи» между насилием над людьми и жестоким обращением с животными»* обсуждают законодательную новацию штата Огайо (США), признающую за феноменом взаимосвязи жестокости к животным и межличностного насилия статус юридически значимого маркера вероятности противоправного поведения людей. Позитивно оценивая экспериментальную полезность новеллы и перспективы расширения предлагаемой в ней схемы на другие штаты, авторы отмечают недостаточность информирования и обучения профессионалов, ответственных за сообщение о случаях жестокости к животным, и предлагают заинтересованным сообществам сформировать комплекс конкретных институтов, направленных на стимулирование участия специалистов в выявлении данного маркера.

Составители номера надеются, что предлагаемые статьи в совокупности позволяют составить представление о популярных и активно развивающихся сегодня областях зооэтики и зооправа, проблемах их пересечения и возможных решениях. Этот выпуск приглашает читателя увидеть не только разрывы и напряжения между этическим и юридическим измерением, но и их плодотворные взаимодополнения и синергию в условиях кризиса антропоцентризма и поиска новой нормативной рамки для взаимоотношений животных и человека.

Владка Ков

This issue of *Palladium* explores a relatively new interdisciplinary field that reflects on the ethics of human-animal interactions (animal ethics) and develops corresponding legal frameworks (animal law). Central to this field is the intersection of philosophical debates on the moral status of animals with established ethical and legal conceptions of human and animal status in nature and society, bioethical insights, and practical challenges. Ethics in this context serves both as the foundation for legal norm development and as a driving force for their ongoing evolution. Like other branches of law and cross-sectoral legal institutions, animal law naturally extends beyond national jurisdictions, forming part of a global research and regulatory agenda. This perspective allows us to trace expert debates on animal legal subjectivity, analyze models of legal protection from scholarly discussion to national and international implementation, and evaluate the effectiveness of different welfare frameworks.

The issue has a dual purpose. First, by presenting diverse lines of discussion, it aims to reveal the multifaceted nature of this field, its conceptual foundations, and philosophical premises, with the current debate on the recognition of animal rights being central. Integral to this discussion are questions regarding criteria for demarcation and potential paradigm shifts in defining the core idea and optimal approach to regulating human-animal interactions. These questions underpin Dmitry Turko's article "*Can sentience ground the universalization of legal personhood?*" exploring the prospects for the conceptual universalization of the idea of rights for all living beings based on their common quality of sentience, Priscila Gulić Pirnat's article "*Beyond animal welfare: legal paths to animal rights*" proposing a 'differentiated jurisprudence' for animals as an alternative to the traditional welfare paradigm, and Rawnak Miraj Ul Azam's article "*Transboundary solutions for climate-displaced species: A legal imperative for ecological resilience*," which advocates the need to shift the regulatory paradigm towards environmental justice through the recognition of the legal personality of displaced species and the development of transboundary species-specific legal frameworks.

Second, the issue invites readers to consider the practical relevance of these conceptual frameworks by highlighting their intersections with scientific research objectives and ecological

challenges. The research dimension is illustrated through Varvara Pel's article "*The 3Rs in the treatment of laboratory animals*" that analyses the evolution of the bioethical 3Rs principles ("replacement, reduction, refinement"), which define the permissible boundaries for using animals in research. Pel concludes that these principles alone are insufficient for ethical animal experimentation, and that each case requires comprehensive evaluation considering both animal and scientific interests, while the 3Rs continue to provide a foundation for refining approaches to animal welfare. The ecological dimension is addressed in Dmitry Kuznetsov and Vladka Koi's article "*The duty of care for animals in environmental disasters: Lessons from the Kerch Strait oil spill*", which examines state obligations and citizen motivations in the context of technological environmental disasters. The authors argue that the time has possibly not yet come to talk about a paradigm shift in human-animal relations towards a greater balance of their interests, let alone this change being reflected in regulatory acts. Nevertheless, the presence in human consciousness of such motives as sympathy for nature, civic solidarity, care, and awareness of personal responsibility allows for a positive forecast of this trend. According to the authors, additional interdisciplinary research is needed to draw more detailed conclusions.

The national socio-legal context dimensions are presented in two clusters of articles. The first focuses on a comparative analysis of the national regulatory frameworks for the welfare of companion animals, enabling the authors to formulate recommendations for legislative development and improvements in law enforcement practices. Thus, Nargis Kosimova, in her article "*Stray animals in Uzbekistan: Legal status, protection, and prospects for reform*," evaluates Uzbek legislation on stray animal protection in comparison with Germany, Kazakhstan, and Russia, setting out a roadmap for legislative reform together with the development of the monitoring system, improvements in public legal education, and stronger NGO support. Similarly, the study "*Urban companion animal welfare: A comprehensive analysis of global and Indian legal frameworks*" by Subhash Rawat and Rajesh Babu compares Indian legislation on the welfare of companion animals in urban settings with advanced legal models from the United Kingdom, Scandinavia, and other jurisdictions. Highlighting the gap

between outdated doctrines and contemporary scientific knowledge on animals' sentience and emotional capacities, the authors propose specific legislative reforms in this field.

The articles in the second cluster explore the socio-legal dimensions of such understudied yet widespread phenomena as the presence of companion animals in the workplace and the link between cruelty to animals and interpersonal violence. Analyzing the "grey zone" at the intersection of French labor law and animal welfare legislation, Elena Benleazar and Vasilisa Serebryanaya, in their article *"From home to office: Companion animals in the workplace through the lens of French labor law"*, conclude that there is no direct statutory prohibition on such practices. At the same time, they emphasize the need to consider occupational safety requirements and the possibility of regulating this matter at the employer's discretion. Aviva Lee Vincent and co-authors, in their article *"Linking policy and practice: exploring professionals' knowledge, barriers, and experience reporting" "The Link" between interpersonal violence and animal abuse"*, discuss the state of Ohio's legislative innovation (USA), which recognizes the phenomenon of the link between animal cruelty and interpersonal violence as a legally significant marker of the likelihood of unlawful human behavior. While positively evaluating the experimental usefulness of this innovation and the prospects of extending its framework to other states, the authors highlight the insufficient training and awareness of professionals responsible for reporting cases of animal cruelty and call upon relevant communities to establish a framework designed to foster professionals' engagement in identifying this marker.

The editors hope that these articles collectively offer insight into the current, actively evolving domains of animal ethics and animal law, the challenges arising from their intersections, and potential solutions. This issue encourages readers to appreciate not only the tensions between ethical and legal dimensions but also their productive complementarities and synergies in the context of the anthropocentric crisis and the search for a new normative framework for human-animal relations.

Vladka Koi

DOI: 10.55167/d1af1be984ad

**ПРАВО БЫТЬ:
ЖИВОТНЫЕ
В ЭТИКЕ И ПРАВЕ**

Может ли чувствительность быть основой универсализации правосубъектности?

Дмитрий Турко¹

Аннотация. В данной статье, написанной скорее с философской, чем с юридической точки зрения, рассматривается вопрос о том, можно ли переосмыслить устоявшиеся теории обоснования прав человека, приняв их в качестве неантропоцентрических или универсалистских описаний правосубъектности. Утверждается, что такая реконцептуализация может быть проведена на основе понятия чувствительности (*sentience*).

Рассмотрено само это понятие и несколько влиятельных подходов к обоснованию прав — прежде всего, теория статуса и теория интересов. Утверждается, что чувствительность в этих теориях может служить достаточным или необходимым и достаточным условием наделения некоего индивида правами; и что универсализация прав на основе чувствительности не противоречит принципам этих теорий.

Делается вывод, что нет концептуальных оснований, которые запрещали бы нам осмысленно говорить о правах чувствующих животных и других существ в моделях на основе статуса и интересов. Кратко рассмотрены теория воли и контрактарианство; отмечается, что их потенциал для универсализации меньше, чем у теорий статуса и интересов.

Ключевые слова: чувствительность; правосубъектность; моральный статус; теория интересов; теория статуса; права животных; нечеловеческие права; основы прав; неантропоцентрическая этика; теория права.

Какого рода сущность может быть субъектом права и претендовать на фундаментальные права², такие как право на жизнь,

1. Dmitry Turko, Department of Philosophy, University of Western Ontario, Canada. E-mail: dturko3@uwo.ca.

2. Рассуждая о правах человека, Роберт Алекси говорит, что они защищают лишь «фундаментальные способности, интересы и нужды» индивида (Alexy, Robert. 2006. 'Discourse Theory and Fundamental Rights'. In *Arguing Fundamental Rights*, by Agustín José Menéndez and Erik Oddvar Eriksen, 15–32. Law and Philosophy Library 77. Dordrecht: Springer Netherlands. <https://doi.org/10.1007/1-4020-4919-4>. P. 144). С другой стороны, Алекси часто говорит о фундаментальных правах

телесную свободу и равное уважение? Несмотря на продолжающуюся по крайней мере с 1980-х годов³ дискуссию о правах животных и зарождающиеся дебаты о правах искусственного интеллекта⁴, теории прав традиционно имеют в виду лишь права людей. Роберт Алекси называет универсальность специфической характеристикой фундаментальных прав, к которым он причисляет права человека⁵. Однако универсальность прав вызывает сомнение, если множество их субъектов без достаточного основания ограничено только лишь человеческими индивидами.

Настоящая статья посвящена вопросу, можно ли использовать распространённые подходы к обоснованию прав человека с целью обоснования неантропоцентрической теории прав. Другими словами, можно ли обосновать фундаментальные права⁶, в том числе нечеловеческих индивидов, из посылок

как части конституционных прав: «Фундаментальные права — те права, которые включены в конституцию с целью преобразовать права человека в позитивное право» (Alexy. *Op. cit.* P. 17), также (Alexy. *Op. cit.* P. 143). Говоря о фундаментальных правах, мы будем иметь в виду только первое из упомянутых значений: фундаментальны те права, которые защищают основополагающие способности, интересы и нужды индивидов. При этом мы выставим за скобки распространение у Алекси фундаментальных прав только на людей.

3. Regan, Tom. 2004. *The Case for Animal Rights*. Updated with a new preface, [2004 ed.]. Berkeley: University of California Press.

4. Andreotta, Adam J. 2021. 'The Hard Problem of AI Rights'. *AI & SOCIETY* 36 (1): 19–32. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00997-x>.

5. Alexy. *Op. cit.* P. 21.

6. Здесь и далее речь идёт о моральных правах, то есть тех, у которых есть морально-философское обоснование вне зависимости от того, существует ли позитивное юридическое право (legal right), коррелятивное этим правам. Как отмечает Крафт, хотя многие юридические права обоснованы морально, иногда эти категории расходятся (есть моральное право без юридического, и наоборот). Например, у меня есть моральное право не быть убитым, даже если у этого права нет юридического коррелята (Cruft, Rowan. 2004. 'Rights: Beyond Interest Theory and Will Theory?' *Law and Philosophy* 23 (4): 347–397. P. 348). Так или иначе, наличие морального обоснования некоторого права представляется серьёзным доводом в пользу его кодификации в позитивном праве.

теорий, которые мы часто используем для обоснования права человека? В качестве таких теорий в настоящей статье рассмотрены подробно теория статуса и теория интересов, а также кратко — теория воли и контрактарианство. Направляющим методологическим принципом работы служит анализ постулатов и предпосылок упомянутых теорий, на основе которого будет сделан вывод о возможности или невозможности их реконцептуализации в качестве универсальных — неантропоцентрических — теорий прав.

Гипотеза работы заключается в двух утверждениях. Во-первых, мы предполагаем, что условием правосубъектности в рассматриваемых теориях является чувствительность индивида, то есть его наделённость способностью переживать валентные феноменальные состояния. Другими словами, чувствительность является необходимым и достаточным (или просто достаточным) условием наделения индивида правами в рассматриваемых теориях. Мы не утверждаем, что рассматриваемые теории эксплицитно основываются на чувствительности; но что они имплицитно могут быть применены для обоснования прав у чувствующих индивидов. Во-вторых, в анализируемых предпосылках и принципах рассматриваемых теорий нет преград для реконцептуализации этих теорий в качестве теорий прав всех чувствующих существ. Другими словами, мы могли бы использовать некоторые распространённые подходы, которые мы используем для обоснования прав человека, для обоснования прав всех чувствующих существ (сентиентов), не совершая насилия над духом и буквой этих теорий.

В качестве методологического замечания необходимо сказать о том, почему объектом подробного анализа выбраны именно теории статуса и интересов. Никел и Этинсон утверждают, что «в современной литературе попытки обосновать права человека предпринимаются исходя из чрезвычайно разнообразных принципов»⁷. В качестве примеров таких принципов они перечисляют наличие у индивида основания

7. Nickel, James, and Adam Etinson. 2024. 'Human Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman,

для рационального действия, наличие агентности и автономии, базовых нужд, возможностей и достоинства; честность (fairness), статусное равенство и равное уважение. С другой стороны, Уэнар перечисляет лишь три магистральных подхода к обоснованию: статус, интересы и контракты⁸. Также дихотомию статуса и интересов при анализе этого вопроса использует Франсес Кэмм⁹. Задача работы — ответить на вопрос «Есть ли принципиальные препятствия для переосмысления распространённых подходов к обоснованию прав человека в качестве неантропоцентрических теорий прав?». Чтобы решить эту задачу, можно сосредоточиться на множестве индивидуальных моделях прав, которые перечисляют Никел и Эткинсон; или же вслед за Уэнаром и Кэмм рассмотреть несколько «больших» общепринятых подходов. Данная работа следует вторым путём и фокусируется, главным образом, на теориях статуса и интересов (разделы 2 и 3 соответственно) ввиду следующих причин.

Во-первых, невозможно провести анализ даже половины из перечисленных Никелом и Эткинсом подходов в рамках

Fall 2024. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/rights-human/>. Sec. 2.2.

8. Wenar, Leif. 2023. 'Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman, Spring 2023. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/rights/>. Sec. 6.

9. Kamm, Frances. 2002. 'Rights'. In *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law*, edited by Jules L. Coleman, Kenneth Einar Himma, and Scott J. Shapiro, 1st ed., 476–513. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270972.001.0001>. P. 483–487. Стоит, помимо этого, упомянуть классификацию обоснования Алекси (Alexy). Op. cit. P. 19–21), который перечисляет религиозное, интуиционистское, консенсуальное, социобиологическое, инструменталистское и культурное обоснования. Все эти подходы намечены Алекси крайне бегло. Социобиологическое и инструменталистское обоснования в формулировке Алекси можно расценить как разновидности того, что мы называем теорией интересов; консенсуальное — как вариант контрактарианства. Как бы то ни было, мы не будем останавливаться на оставшихся вариантах (религиозном, интуиционистском и культурном) — либо потому, что они совместимы друг с другом и с рассматриваемыми ниже подходами, либо потому, что в формулировке Алекси они практически лишены философского содержания.

одной статьи. Во-вторых, некоторые из перечисленных ими теорий можно рассматривать как концептуально родственные либо теории статуса, либо теории интересов (например, обоснование с точки зрения возможностей¹⁰ можно классифицировать как близкую к теории интересов; а с точки зрения достоинства¹¹ — к теории статуса). Ту же аргументацию, которую автор применяет при обсуждении интересов и статуса, можно с определёнными модификациями применить и в контексте родственных теорий. В-третьих, автор полагает, что именно теории интересов и статуса (в отличие от других подходов) могут быть с минимальными изменениями реконцептуализированы как универсалистские обоснования прав. Само по себе это, конечно, не говорит ничего об их истинности или о том, что их следует предпочесть другим. Однако теории, которые противопоставляются подходам от статуса и интересов (контрактарианство и теория воли), сталкиваются с существенными проблемами, о которых мы скажем в четвёртом разделе. Наличие таких проблем представляет собой независимое основание поставить эти «конкурирующие» теории под сомнение.

Наконец, некоторые весьма влиятельные теории прав рассуждают о них в таком ключе, который не затрагивает проблему правосубъектности напрямую. Поскольку статья посвящена поиску основания моральной правосубъектности, мы не будем касаться теорий, которые фокусируются на юридических и политических правах. Например, мы не будем рассматривать предложенную Алекси теорию конституционных прав как «принципов», которые в отличие от «правил» представляют собой ограниченные фактическими и юридическими

10. Nussbaum, Martha. 2002. 'Capabilities and Human Rights'. In *Global Justice and Transnational Politics*, edited by Pablo De Greiff and Ciaran P. Cronin, 117–150. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3302.003.0007>.

11. Tasioulas, John. 2015. 'On the Foundations of Human Rights'. In *Philosophical Foundations of Human Rights*, edited by Rowan Cruft, S. Matthew Liao, and Massimo Renzo, 45–70. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688623.003.0002>.

обстоятельствами «оптимизационные требования»¹². Также мы не коснёмся теории политических прав Дворкина. Согласно Дворкину, политические права — преимущества или «козыри» (trumps), при помощи которых индивиды ветируют действия коллективных акторов (общества или государства), даже когда эти действия соответствуют утилитаристской логике, то есть направлены на общее благо¹³. С другой стороны, право на равную заботу и уважение (equal concern and respect), по мнению Дворкина, фундаментально и «аксиоматично» и не может быть охвачено моделью «козыря»¹⁴. Более того, все политические права у Дворкина производны от права на равную заботу и уважение¹⁵. Это право требования индивиды налагают на свою политику. Согласно Дворкину, государство или иная политика легитимны тогда и только тогда, когда соблюдают это требование, что предполагает определённую контрактарианскую логику за этой идеей¹⁶. С другой стороны, акцент на равном уважении предполагает квази-деонтологическое понятие неотъемлемой ценности, о котором пойдёт речь во втором разделе. Однако, прежде чем выводить политические права из права на равное уважение, имеет смысл ответить на вопрос, какого рода индивиды могут быть его субъектами.

Теории обоснования прав отвечают на вопрос о необходимых и достаточных условиях для существования прав¹⁷.

12. Alexy, Robert. 2010. 'The Construction of Constitutional Rights'. *Law & Ethics of Human Rights* 4 (1): 21–32. <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1042>. P. 21.

13. Dworkin, Ronald. 2011. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge (Mass.): the Belknap press of Harvard university press. P. 329; Dworkin, Ronald, ed. 2013. *Taking Rights Seriously*. Bloomsbury Revelations. London: Bloomsbury Publishing. P. 6.

14. Dworkin, 2013. Op. cit. P. 218.

15. Dworkin, 2011. Op.cit. P. 330.

16. Ibid.

17. Как формулирует этот вопрос Джон Тесьюлас, «я использую понятия фундамента, основы, базиса, или обоснования прав человека взаимозаменяемо. [...] В каждом случае меня волнует, что есть то положение дел, благодаря которому нечто можно квалифицировать как право человека» (Tasioulas. Op. cit. P. 45, n. 1).

Они приписывают индивидам права на основе некоторого положения дел (например, в теории Дворкина такое положение дел — возможность права функционировать как «козырь» и его производность от равного уважения). Одним из таких положений дел может быть некоторое свойство самих индивидов, которое наделяет их правосубъектностью. Центральный тезис обоснований прав, отталкивающихся от характеристики индивида, можно выразить формулой: «Все индивиды, обладающие свойством Ф, наделены правами человека»¹⁸. Таким образом, вопрос о правосубъектности тесно связан с вопросом обоснования прав. Иосеф Раз трактует право как достаточное основание для существования обязательств по отношению к субъекту права со стороны других¹⁹. В таком контексте вопрос правосубъектности — это вопрос, при каких условиях Х может выставить право требования на определённые обязательства²⁰ со стороны других? Другими словами, перед какими сущностями у моральных агентов вообще могут или должны быть обязательства?

Когда мы задумываемся об этой проблеме, мы можем рассуждать «по аналогии». Люди обладают такими-то характеристиками. Эти характеристики, согласно некой правовой теории, достаточны или необходимы и достаточны для обладания правами. Значит и нечеловеческие животные, которые также обладают этими характеристиками, заслуживают прав. (Именно на таком рассуждении по аналогии построен influential аргумент от маргинальных случаев, о котором речь пойдёт ниже). С другой стороны, мы можем рассуждать не по

18. Alexy, Robert. 2021. *Law's Ideal Dimension*. First edition. Oxford Scholarship Online. Oxford New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198796831.001.0001>. P. 147. Любопытно, что сама по себе эта формулировка Алекси не запрещает наделение правами человека нечеловеческих индивидов.

19. Raz, Joseph. 1988. *The Morality of Freedom*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0198248075.001.0001>. P. 168.

20. Здесь и далее имеются в виду, в первую очередь, моральные обязательства. При этом в правовой системе могут быть правовые обязательства, коррелятивные моральным. Также о параллелях в языке и форме моральных и правовых обязательств см. Hart 1994, 172.

аналогии, а дедуктивно. Мы можем начать с вопроса «Что является основанием (набором необходимых и достаточных условий) для наделения некоего индивида правами?», а затем уже решить, какие индивиды в мире удовлетворяют этим условиям.

Кто-то может думать, что только люди обладают фундаментальными правами, и что они обладают ими за счёт принадлежности к роду людскому. Однако идея, что именно статус человека наделяет нас правами, выглядит философски необоснованной. Глубоко укоренённое представление, что только люди могут быть полноценными моральными пациентами (то есть объектами морального действия), в 1970-х годах было обличено Ричардом Райдером и Питером Сингером как предрассудок и форма дискриминации под названием «видизм» (*speciesism*)²¹. Видизмом они называли дискриминацию по видовому принципу, по аналогии с дискриминацией по признаку расы, пола и другим. Отталкиваясь от утилитаристской традиции, Сингер выдвинул тезис, что страдание имеет моральное значение независимо от того, животное какого вида его испытывает, и что интересы различных наделённых сознанием животных должны учитываться равным образом²². Идея, что для наличия моральных прав необходимо принадлежать к человеческому виду, также будет формой видизма, если эта идея лишена обоснования.

Если для антропоцентризма в вопросе правосубъектности нет оснований, то становится неочевидным, почему множество обладателей прав должно быть ограничено представителями человеческого рода. Конечно, может быть так, что множество (или подмножество) людей случайным образом совпадает со множеством индивидов, обладающих необходимыми для прав свойствами. Например, кто-то может считать, что прав заслуживают лишь индивиды, обладающие

21. Хотя критика видизма существовала и до появления этого термина в 1970-х — например, в книге английского защитника прав животных Генри Солта *Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress* (1892).

22. Singer, Peter. 2023. *Animal Liberation Now: The Definitive Classic Renewed*. New York, NY: Harper Perennial. P. 5.

самосознанием и способностью к долгосрочному планированию. Поскольку, рассуждает сторонник этой позиции, только люди обладают этими свойствами, права есть только у людей. Но в таком случае, конечно же, основанием для наделения правами является не принадлежность к человеческому виду, а названные свойства. Марсианин, который обладал бы ими, заслуживал бы тех же фундаментальных прав, которыми мы наделяем людей. Таким же образом в контексте неантропоцентрического или универсалистского понимания прав нет очевидных ограничений на наделение правами знакомых нам нечеловеческих индивидов — животных.

В данной статье мы коснёмся нескольких теорий правосубъектности. Первый подход, который мы рассмотрим — теория статуса — утверждает, что индивиды имеют права просто в силу обладания определенными свойствами — например, такими как достоинство²³; личность, рациональность и агентность²⁴, или неотъемлемая ценность. Как подчёркивает Уэнар²⁵, эти теории близки к деонтологической традиции в нормативной этике. Другая теория (теория интересов) отталкивается от наличия у индивида интересов и понимает права как то, что защищает его интересы. Поскольку наше благополучие увеличивается, когда мы удовлетворяем свои интересы, теория интересов также апеллирует к максимизации блага индивида, утверждая, что люди заслуживают прав тогда и только тогда, когда предоставление им прав производит в итоге больше ценности, чем отсутствие у них прав. Эта группа теорий близка к консеквенциалистской традиции. Теория воли считает, что субъект права должен быть способен контролировать налагаемые на других требования (например, отказываться от них или следить за их исполнением). Наконец, контрактные теории утверждают, что индивиды имеют права только в том случае, если как рациональные агенты они согласятся с определёнными

23. Tasioulas. Op. cit.

24. Griffin, James. 2008. *On Human Rights*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199238781.001.0001>. P. 32–33.

25. Wenar. Op. cit. Sec. 6.

ми базовыми принципами, регулирующими их совместную жизнь.

В данной статье мы утверждаем, что нет серьёзных концептуальных препятствий для реконцептуализации двух из рассматриваемых подходов (теории статуса и интересов) из обосновывающих права человека в неантропоцентрическую, универсалистскую теорию прав; и что основой такой реконцептуализации лучше всего может служить понятие чувствительности. Конечно, философы и теоретики прав животных уже предлагали сознание и чувствительность в качестве необходимого и достаточного условия для наличия прав. Том Рейган (Риган), один из основоположников философии прав животных, отстаивал точку зрения, что все «субъекты жизни» заслуживают прав. Субъектами жизни Рейган называет носителей определённых ментальных состояний, таких как «убеждения и желания; восприятие, память, чувство будущего, включая собственное будущее; эмоциональная жизнь»²⁶. Таким образом, чувствительность сама по себе не кажется Рейгану достаточной для наличия прав. Гэри Франсион²⁷ идёт значительно дальше Рейгана и утверждает, что все сознающие (sentient) существа имеют моральный статус и, как следствие, заслуживают прав. Паола Кавальери²⁸ и Аласдер Кокрейн²⁹ призывают расширить концепцию прав человека до *прав чувствующих существ* (sentient rights), в то время как Джейн Коцманн³⁰ защищает сознание и неотъемлемую ценность (intrinsic worth) индивидов, в том числе нечеловеческих, как два критерия для наделения их правами. Рассматривая вопрос, какого рода сущности могут быть

26. Regan 2004. Op. cit. P. 243.

27. Francione, Gary L. 2000. *Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* Temple University Press.

28. Cavalieri, Paola, ed. 2001. *The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights*. New York: Oxford University Press.

29. Cochrane, Alasdair. 2013. 'From Human Rights to Sentient Rights'. *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 16 (5): 655–675. <https://doi.org/10.1080/13698230.2012.691235>.

30. Kotzmann, Jane. 2023. 'Sentience and Intrinsic Worth as a Pluralist Foundation for Fundamental Animal Rights'. *Oxford Journal of Legal Studies* 43 (2): 405–428. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqad003>.

наделены правами, Мэтью Креймер утверждает, что «Ни одно неодушевленное существо или неодушевленный организм не входит в число потенциальных держателей прав требования; большинство животных, не являющихся людьми, входят в число этих потенциальных держателей»³¹.

Новизна данной статьи, в отличие от процитированных работ[^] — в фокусе на двух распространённых подходах к обоснованию прав человека. Как мы утверждаем, эти подходы (теория интересов и теория статуса) могут быть без нарушения их основных посылок расширены как обосновывающие права всех сентиентов. В первом разделе рассматривается понятие чувствительности; во втором и третьем — то, как критерий чувствительности сочетается с теориями статуса и интересов соответственно; в четвёртом — с теорией воли и контрактарианством.

I. Чувствительность

До рассмотрения подходов к обоснованию прав человека необходимо уделить внимание понятию, которое, по мнению автора, лучше всего подходит в качестве концептуальной основы универсализации прав человека: понятию чувствительности. Чувствительность (*sentience*)³² — способность переживать валентные (или аффективные) феноменальные состояния³³. Ва-

31. Kramer, Matthew H. 2024. *Rights and Right-Holding: A Philosophical Investigation*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198891222.001.0001>. P. 333–388; Kramer, Matthew H. 2025. *Legal Rights and Moral Rights*. 1st ed. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009022293>. Sec. 2.6.2.

32. У термина *sentience*, распространённого в англоязычной философии, нет общепринятого перевода на русский язык. Перевод «разумность» (например, в выражении *sentient life* «разумная жизнь») неприемлем. Перевод «сознание» нежелателен из-за синонимии с переводом слова *consciousness*. Перевод «аффективное сознание» передаёт смысл, но труден для понимания. Перевод «чувствительность» предпочтителен, так как хорошо схватывает семантику английского *sentience*.

33. Бёрч с коллегами используют максимально упрощённое определение чувствительности: «способность иметь чувства» (Birch, Jona-

лентные состояния — те, которые имеют внутренне им присущее позитивное или негативное содержание. Другими словами, валентные состояния непосредственно и с необходимостью ощущаются как приятные (хорошие и желательные) или неприятные (плохие и нежелательные) теми, кто их переживает³⁴. Хотя видов таких состояний множество (скука, радость, тоска, усталость, жжение, эйфория, покой, тревога...), в литературе выделяют две общие категории валентных состояний — страдание и удовольствие, понимаемые очень широко³⁵. Перечисленные выше в скобках состояния можно грубо обобщить как особые случаи страдания и удовольствия. Очевидно, что не все феноменальные состояния аффективны. Когда я смотрю на небо, в моём переживании голубого цвета нет внутренне присущего ему позитивного или негативного содержания. Конечно, я могу смотреть на небо с чувством благоговения и покоя или, наоборот, тревоги. Но эти аффекты не присущи переживанию цвета самому по себе. Другим словами, переживание голубого цвета само по себе ни приятно, ни неприятно.

than. 2024. *The Edge of Sentience: Risk and Precaution in Humans, Other Animals, and AI*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/9780191966729.001.0001>. P. 12). Проблема этого определения в том, что не все чувства носят аффективный характер. В связи с этим стоит заметить, что иногда термин *sentience* употребляют широко: в качестве синонима феноменального сознания вообще, вне зависимости от наличия валентных состояний (например, так этот термин употребляет Леонард Дунг (Dung, Leonard. 2024. 'Preserving the Normative Significance of Sentience'. *Journal of Consciousness Studies* 31 (1): 8–30. <https://doi.org/10.53765/20512201.31.1.008>)). В этой статье я использую «чувствительность» в узком смысле (так же его употребляет в своей монографии Бёрч (Birch 2024. Op. cit. P. 21)).

34. Некоторые аффективные состояния могут иметь смешанную валентность; другие могут иметь неопределённую валентность. Наконец, возможны или представимы сознающие существа, не способные переживать валентные состояния. О таких существах кратко пойдёт речь ниже.

35. Moore, Andrew. 2019. 'Hedonism'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Winter 2019. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/hedonism/>. Introduction.

Как видно из определения выше, чувствительность — разновидность феноменального сознания. Феноменальное сознание в современной философии принято понимать как возможность переживать состояния, про которые осмысленно спросить, каково находиться в этих состояниях³⁶. Другими словами, осмысленно будет спросить, каково смотреть на голубое небо или испытывать тревогу, но не будет осмысленным спросить, каково быть тюльпаном или каково футбольному мячу ощущать, что его пинают (если мы согласны, что тюльпаны и мячи лишены сознания). Поскольку валентные состояния — подкласс феноменальных состояний, наличие феноменального сознания у индивида — необходимое условие для наличия у него чувствительности. Другими словами, все существа, наделённые чувствительностью, также наделены сознанием. (Обратное может быть эмпирически верно в живой природе, но не следует априори из природы сознания).

Про любое наделённое сознанием существо осмысленно спросить, каково быть этим существом. Наделённые сознанием и чувствительностью существа также обладают *благосостоянием* (well-being, welfare). Благосостояние существа — ответ на вопрос, хорошо или плохо идут у него дела в целом. От чего принципиально зависит наше благосостояние? Существует несколько конкурирующих теорий, которые отвечают на этот вопрос³⁷. Философский гедонизм и родственная ему гедонистическая теория благосостояния утверждают, что единственный

36. Общепринятое (Chalmers, David John. 1996. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford University Press. P. 4; Bourget, David. 2017. 'The Role of Consciousness in Grasping and Understanding'. *Philosophy and Phenomenological Research* 95 (2): 285–318. <https://doi.org/10.1111/phpr.12208>. P. 33; Mendelovici, Angela. 2018. *The Phenomenal Basis of Intentionality*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190863807.001.0001>. P. 83) сегодня понимание феноменального сознания как состояния «каково это» (what-it's-like) берёт своё начало в знаменитой статье Томаса Негеля «Каково быть летучей мышью?» (Nagel, Thomas. 1974. 'What Is It Like to Be a Bat?' *The Philosophical Review* 83 (4): 435. <https://doi.org/10.2307/2183914>).

37. Основные из которых — гедонизм, теория желаний и теория «объективного списка» (Parfit, Derek. 1984. *Reasons and Persons*. Clarendon Press. P. 493–502).

вид блага — удовольствие, а единственный вид зла — страдание. (Как мы отметили ранее, удовольствие и страдание здесь понимаются весьма широко: например, удовлетворение от совершённого вами научного открытия — тоже вид удовольствия). Но какую бы теорию благосостояния мы ни выбрали, нам не нужно быть гедонистами, чтобы согласиться с тем, что наши аффективные состояния влияют на наше благосостояние. Если большую часть времени я хорошо себя чувствую, то по крайней мере на первый взгляд моя жизнь идёт хорошо. И наоборот: если я постоянно страдаю от боли, меня нельзя будет назвать счастливым человеком, каких бы карьерных успехов я при этом ни достиг.

Очевидно, что наши действия в отношении «чувствующих» (аффективных) существ могут влиять на их благосостояние. Если я пну собаку, её благосостояние понизится (попросту говоря, она станет менее счастливой *в целом*). Некоторые философы-«сентиентисты»³⁸ считают, что одного этого достаточно, чтобы признать всех чувствующих существ моральными пациентами, то есть возможными объектами морального действия³⁹. Моральные пациенты отличаются от прочих вещей в мире тем, что у моральных агентов есть перед ними определённые обязательства⁴⁰. Если собака — моральный пациент, у меня есть *непосредственное* обязательство перед самой собакой не пинать её зря — в отличие от тюльпанов, мячей и стульев, перед ко-

38. Ebert, Rainer. 2018. 'Mental-Threshold Egalitarianism: How Not to Ground Full Moral Status'. *Social Theory and Practice* 44 (1): 75–93; Ebert, Rainer. 2022. 'Being a World unto One's Self'. *Zeitschrift Für Ethik Und Moralphilosophie* 5 (2): 179–202. <https://doi.org/10.1007/s42048-022-00125-y>; Dung, Leonard. 2022. 'Why the Epistemic Objection Against Using Sentience as Criterion of Moral Status Is Flawed'. *Science and Engineering Ethics* 28 (6): 51. <https://doi.org/10.1007/s11948-022-00408-y>; Kotzmann 2023. Op. cit; Perry, Matthew Wray. 2024. 'Why Sentience Should Be the Only Basis of Moral Status'. *The Journal of Ethics* 28 (4): 719–741. <https://doi.org/10.1007/s10892-024-09487-4>.

39. Regan 2004. Op. cit. P. 151–153.

40. Все известные нам моральные агенты (люди, кроме маленьких детей и людей с тяжёлыми болезнями, в том числе ментальными) — также и моральные пациенты.

торыми у меня нет прямых обязательств. У меня может быть обязательство не пинать стул, потому что это ваш стул, а перед вами у меня есть обязательство — а именно, не портить вашу мебель. Но у меня явно нет обязательств перед самим стулом.

Легко увидеть, почему у нас могут быть непосредственные обязательства перед чувствующими существами. В самом деле, если мы знаем, что благосостояние того или иного существа может измениться от наших действий, у нас есть обязанность prima facie не делать его менее счастливым без достаточной причины. Конечно, могут быть обстоятельства, когда я причиняю другому страдание, не совершая при этом морального проступка. Когда меня хотят ограбить, я могу отнять нож у грабителя или убежать от него, сделав его несчастливym. Но вне таких обстоятельств произвольно и целенаправленно причинять другому существу страдание кажется морально негативным, то есть попросту злым действием. Кому именно я причиняю страдание в таком случае — человеку, корове или марсианину, — сентинентисты полагают морально безразличным. (Конечно, не все философы согласятся с этим, о чём мы подробнее скажем ниже).

Все упомянутые понятия — феноменального сознания, чувствительности и благосостояния — требуют тщательного и гораздо более подробного анализа, который мы не можем себе здесь позволить. Приведённый быстрый обзор, конечно, игнорирует многочисленные философские трудности. Обратим внимание лишь на две из них.

Первая трудность связана с конститутивным разнообразием чувствительности в живой природе. Животные — пока что единственный известный нам класс чувствующих (и сознающих) существ — чрезвычайно различны по своему поведению, среде обитания и нейрофизиологии. Эволюционная история и физиологические характеристики различных видов наделяют их разной чувствительностью. Не все животные страдают и наслаждаются в одних и тех же условиях, и не все страдают и наслаждаются одинаковым образом. Одни животные способны чувствовать радость, другие — нет. Одни страдают от монотонности окружения, другие не обращают на неё внимания. Некоторые животные, включая людей, могут страдать,

не испытывая «физической» боли; другие могут обладать чувствительностью, будучи не в состоянии ощущать боль так, как ощущают её люди⁴¹. Наконец, одни животные могут обладать чувствительностью (а значит и сознанием), другие могут быть лишены и того и другого.

Способность к благосостоянию напрямую зависит от «параметров» чувствительности. Поэтому очевидно, что у различных животных различная способность к благосостоянию⁴². Попросту говоря, разные вещи делают разных животных счастливыми и несчастными. Это значит, что если мы как моральные агенты должны заботиться о благосостоянии животных, различные виды в силу своей разной чувствительности накладывают на нас разные обязательства. То же самое применимо к правам: если животные заслуживают прав, то акт наделения их правом вносит сравнительно разный вклад в благосостояние разных животных в зависимости от права. Например, лишение коров права на свободу вероисповедания, фундаментального права человека, вряд ли приведёт к сокращению их благосостояния. Но здесь нам не нужно разрабатывать отдельный список фундаментальных прав для каждого вида: мы можем попросту допустить, что их перечень един для всех субъектов права; однако некоторые субъекты не склонны к тому, чтобы заявлять требования на те или иные права или пользоваться ими.

В качестве примера разнообразия чувствительности в животном мире заметим, что, согласно некоторым данным, у акул нет болевых рецепторов (ноцицепторов) в теле, за исключением черепной области. Как отмечает Бёрч, акулы, вероятно, переживают механический вред не так, как переживаем его мы⁴³. Однако было бы неверным сделать вывод, что акулы напроць лишены чувствительности. Другой пример: судя по не-

41. Birch 2024. Op. cit. P. 5.

42. Подробный анализ разницы в способности к благосостоянию у разных животных см. Višak, Tatjana. 2022. *Capacity for Welfare across Species*. Oxford, New York: Oxford University Press; Fischer, Bob, ed. 2024. *Weighing Animal Welfare: Comparing Well-Being Across Species*. Oxford, New York: Oxford University Press.

43. Birch 2024. Op. cit. P. 24.

которым данным, высокая температура для насекомых гораздо более неприятна, чем механический вред. В экспериментальных условиях насекомые продолжали питаться и спариваться даже после значительных механических повреждений. Но поведение насекомых в других условиях — связанных с высокой температурой — говорит о том, что по крайней мере некоторые из них чувствительны⁴⁴. Так, земляные шмели способны выбирать между двумя ёмкостями с сахарным раствором. Раствор в одной ёмкости не привлекателен для шмелей, так как содержит слишком мало сахара. Раствор в другой содержит достаточно сахара, но нагрет до неприятной для шмелей температуры. Шмели способны найти компромисс между вкусной едой и неприятной температурой: они не станут есть слишком горячий раствор, но предпочтут горячий раствор пресному, когда температура не слишком высокая⁴⁵. Такое сложное поведение и способность находить баланс между приятными и неприятными стимулами также свидетельствует о наличии чувствительности у этих насекомых.

Вторая сложность носит эпистемический характер: откуда нам вообще известно, что какие-либо нечеловеческие животные наделены чувствительностью? В XVII веке Рене Декарт выдвинул идею о необходимости наличия души, или мыслящей субстанции, для переживания «идей» (сегодня мы бы сказали «ментальных состояний»), включая боль. По мнению Декарта, поскольку тела животных не связаны с мыслящей субстанцией, они являются не более, чем живыми автоматами или сложно устроенными часами, и не чувствуют боли («Рассуждение о методе», V)⁴⁶. Подобный антропоцентризм о сознании служил оправданием для вивисекции, которую Декарт

44. Birch 2024. Op. cit. P. 264.

45. Gibbons, Matilda, Elisabetta Versace, Andrew Crump, Bartosz Baran, and Lars Chittka. 2022. 'Motivational Trade-Offs and Modulation of Nociception in Bumblebees'. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 119 (31): e2205821119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2205821119>.

46. Декарт, Рене. 1989. *Сочинения в двух томах. Том I*. Москва: Мысль. Об анализе этого места у Декарта см. Regan 2004, Op. cit. P. 3–5.

практиковал со своими последователями⁴⁷. Сегодня идея, что только люди наделены чувствительностью, маргинализирована: нам не известно ни одного философа или учёного, который бы отрицал чувствительность у всех животных, кроме людей. Но равным образом нет достаточных причин считать, что *все* животные, от простейших до млекопитающих, наделены чувствительностью.

Как уже отмечалось, наличие чувствительности — и её конкретные параметры — определяют наши обязанности перед чувствующими существами. Поэтому чрезвычайно важным является вопрос о границе чувствительности в живой природе. По аналогии с соответствующей проблемой сознания её можно назвать *проблемой дистрибуции* чувствительности. В последние два десятилетия наука и философия совершили определённый прогресс в решении этой проблемы. Подавляющий консенсус состоит в том, что чувствительны все млекопитающие⁴⁸. Консенсус слабее, когда речь заходит о животных, лишённых неокортекса — птицах и рыбах (хотя, как отмечает Бёрч, отрицание чувствительности у рыб может быть вызвано приверженностью некоторых учёных и философов к несколько устаревшей «короцентричной» теории сознания⁴⁹). Как бы то ни было, у нас хватает данных, чтобы считать *всех позвоночных*, включая млекопитающих, птиц, рыб и рептилий, по крайней мере *кандидатами на чувствительность*⁵⁰. Многочисленные ис-

47. Singer 2023. Op. cit. P. 227–228.

48. Birch 2024. Op. cit. P. 9–10.

49. Birch 2024. Op. cit. P. 237.

50. Birch 2024. Op. cit. P. 236; Jones, Robert C. 2013. 'Science, Sentience, and Animal Welfare'. *Biology & Philosophy* 28 (1): 1–30. <https://doi.org/10.1007/s10539-012-9351-1>. Термин, используемый Бёрчем. Бёрч предлагает считать кандидатами на чувствительность (sentience candidates) те «системы», в пользу чувствительности которых у нас накопилось достаточно данных; причём эти данные позволяют нам опознать риски для благосостояния этих систем (Birch 2024. Op. cit. P. 1). Помимо нечеловеческих животных, в процитированной монографии Бёрч также рассматривает людей с нарушениями сознания, человеческий плод, мозговые органониды и системы искусственного интеллекта.

следования свидетельствуют о том, что головоногие моллюски и десятиногие раки также чувствительны⁵¹, причём особенно много данных о чувствительности осьминогов. Также имеются данные о чувствительности насекомых, хотя подавляющее большинство имеющихся исследований посвящено отряду перепончатокрылые (пчёлы, муравьи, шмели и осы), о чувствительности которых, таким образом, мы располагаем самыми надёжными данными⁵².

Конечно, мы не можем переживать ментальные состояния животных непосредственно, как свои собственные. Поэтому в деле демаркации чувствительности в животном мире нам остаётся лишь кропотливая эмпирическая работа, которая делает выводы из данных о поведении и физиологии животных. Работающие в этой области учёные опираются на набор экспериментальных методов и критериев. Джонатан Бёрч, ведущий исследователь в этой области, выделяет с коллегами следующие критерии чувствительности у животного: (1) наличие ноцицепторов (нейронов-рецепторов боли); (2) наличие отделов мозга, интегрирующих данные от разных органов чувств; (3) связь между ноцицепторами и этими отделами; (4) изменение поведения после введения местного анестетика или анальгетика; (5) способность действовать, сравнивая опасность и выигрыш (или неприятный и приятный стимулы) от некоего варианта действий; (6) гибкое защитное поведение как реакция на повреждение тканей или угрозу (например, уход за повреждённой частью тела); (7) ассоциативное обучение, при котором нейтральные стимулы ассоциируются у животного с неприятными стимулами; (8) предпочтение местного анестетика или анальгетика после повреждения тканей⁵³. Процитированный обзор суммирует выводы более чем трёхсот исследований о по-

51. Birch, Jonathan, Burn, Charlotte, Alexandra Schnell, Heather Browning, and Andrew Crump. 2021. 'Review of the Evidence of Sentience in Cephalopod Molluscs and Decapod Crustaceans'.

52. Lambert, Helen, Angie Elwin, and Neil D'Cruze. 2021. 'Wouldn't Hurt a Fly? A Review of Insect Cognition and Sentience in Relation to Their Use as Food and Feed'. *Applied Animal Behaviour Science* 243 (October):105432. <https://doi.org/10.1016/j.applanim.2021.105432>.

53. Birch et al. Op. cit. P. 17.

ведении и психологии двужаберных головоногих моллюсков. Команда Бёрча делает вывод, что осьминоги удовлетворяют всем критериям, кроме пятого, с высокой или очень высокой степенью уверенности, и удовлетворяют пятому со средней степенью уверенности. Данных по другим двужаберным, кальмарам и каракатицам доступно меньше. Тем не менее, по результатам обзора они удовлетворяют критериям 1, 2, 3 и 7.

Когда экспериментальных данных накапливается достаточно, мы можем заключить, что животные такого-то вида (или даже более крупного биологического таксона, если у нас достаточно причин сделать обобщение) наделены чувствительностью (или хотя бы являются кандидатами на чувствительность), а значит, требуют обращения, которое учитывает их интересы и благосостояние. При этом «особое обращение», то есть обращение как с моральными пациентами, ещё далеко не то же самое, что наделение правами: можно согласиться, что чувствительность животного требует учитывать его благосостояние, но при этом отрицать, что у него могут быть какие-либо права. В данном разделе мы ввели понятие чувствительности и постарались показать его важность для нормативной этики. Цель двух следующих разделов — рассмотреть две ключевые теории обоснования прав и установить, как критерий чувствительности сочетается с принципами этих теорий. По итогам этого анализа мы сможем сделать вывод о возможности или невозможности их универсализации в качестве обоснований прав всех чувствующих существ.

2. Теория статуса: неотъемлемая ценность чувствующих существ

Наша первая задача — установить, как критерий чувствительности коррелирует с теорией статуса (*status theory*, *status-as-a-person theory*). Эта теория приписывает индивиду права на основе имеющихся у него определённых неотъемлемых свойств. В числе таких свойств, как правило, называют досто-

инство (dignity)⁵⁴; неотъемлемую ценность (intrinsic worth)⁵⁵; личность (personhood), агентность и рациональность⁵⁶. Вслед за Коцманн мы будем употреблять термины «неотъемлемая ценность», «внутренне присущая ценность» (inherent value, intrinsic worth) и «достоинство» взаимозаменяемо⁵⁷. В качестве парадигмальной версии теории прав в данной главе мы возьмём квази-кантианскую модель, при которой права есть у индивида, если и только если он обладает неотъемлемой ценностью.

Рассуждая вне строго кантианской рамки, неотъемлемая ценность обычно понимается как ценность, к которой мы должны стремиться ради неё самой⁵⁸. Предмет, обладающий такой ценностью, ценен сам по себе, а не опосредованно или инструментально. Мы стремимся к самому этому предмету и не должны использовать его в качестве средства для достижения некой другой цели. В свою очередь, индивид, обладающий достоинством, ценен сам по себе; мы также не должны использовать его в качестве средства. Другими словами, мы никогда не должны совершать действий, которые имеют в виду только лишь наши цели и используют этого индивида исключительно в качестве средства для их реализации.

Напротив, мы должны всегда иметь в виду благо, интересы и цели индивидов, обладающих внутренне присущей ценностью. Например, свой велосипед я использую исключительно в качестве инструмента. Мне никогда не придёт в голову сделать что-то ради велосипеда как такового — то есть что-то, что будет иметь своей целью благо велосипеда и ничто иное. Я могу смазать цепь и накачать колёса, но, конечно, цель

54. Tasioulas. Op. cit.; Ebert 2020. Op. cit.; Perry forthcoming. Op. cit.

55. Kotzmann. Op. cit.

56. Griffin. Op. cit. P. 32–33.

57. Kotzmann. Op. cit. P. 408.

58. Zimmerman, Michael J., and Ben Bradley. 2019. 'Intrinsic vs. Extrinsic Value'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Spring 2019. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/value-intrinsic-extrinsic/>. Sec. 2.

этих действий — не забота о благе велосипеда, а забота о моём собственном благе. Очевидно, что в отношениях с людьми мы руководствуемся совершенно иными правилами. Хотя иногда мы используем друг друга в инструментальном ключе, мы стараемся при этом не упускать из виду благо другого. Например, руководитель компании может использовать подчинённых в качестве средств для достижения неких коммерческих целей, но он должен делать это таким образом, чтобы учитывать их собственное благо (например, он не должен эксплуатировать их, платить слишком низкую зарплату, заставлять нарушать закон и так далее). Короче говоря, он не может относиться к ним как к живым инструментам — так, как мы относимся к неодушевлённым вещам и заменимым деталям⁵⁹.

Подобные формулировки во многом опираются на деонтологическую этику Иммануила Канта. Кант считал моральность возможностью всеобщего законодательства в царстве целей, то есть возможностью устанавливать моральные законы, качественно иные, чем законы природы. Поскольку только разумный индивид способен быть свободным по отношению к законам природы и повиноваться своим собственным моральным законам, в философии Канта предикаты «достоинство», «неотъемлемая ценность», «рациональность» и «моральность», по сути, эквивалентны друг другу: я могу быть личностью или обладать достоинством, если и только если я разумен⁶⁰. Из этого следует, что не только человек, но и разумный марсианин мог бы «законодательствовать в царстве целей» и обладать

59. В самом деле, Кант говорит, что то, что имеет достоинство, «не допускает никакого эквивалента», то есть не может быть заменено на другой предмет (Кант 1994. *Op. cit.* P. 212). Ср. с незаменимостью наделённых сознанием индивидов: кто-то может убить меня и заменить качественно тождественным клоном, но такая замена будет метафизически и морально совершенно другим случаем по сравнению с заменой колеса велосипеда на качественно тождественное. Замена наделённого сознанием существа предполагает потерю финальной ценности; но не замена детали или инструмента.

60. Кант, Иммануил. 1994. *Сочинения. В 8-ми т. Т. 4.* Москва: Чоро. С. 213.

достоинством⁶¹. Что касается нечеловеческих животных, то они, согласно Канту, лишены рациональности, не являются личностями и могут быть использованы нами как средства, то есть без заботы об их достоинстве и благополучии ради них самих⁶². Поскольку животные не могут быть целями самими по себе, у нас нет по отношению к ним прямых обязательств. С другой стороны, Кант считал, что у нас к ним есть не прямые обязательства: жестокость, которую мы проявляем к животным, подтачивает в нас человечность, которую мы обязаны поддерживать и проявлять по отношению к другим людям:

Если кто-нибудь убивает свою собаку, потому что та не зарабатывает больше на свой хлеб, то этим самым он не действует против своих обязанностей по отношению к собаке, так как она не обладает способностью суждения, а нарушает этим самым принцип человечности в самом себе, согласно которому должен действовать. Для того чтобы не уничтожить человечество, человек должен проявлять добросердечность уже по отношению к животным, потому что человек, жестоко относящийся к животным, окажется таковым и по отношению к людям⁶³.

Действительно ли животные не удовлетворяют условиям кантианской теории статуса? Кристин Корсгаард в современной философии принадлежит заслуга разработки деонтологической теории прав животных на основе критерия чувствительности⁶⁴. По мнению Канта, мы репрезентируем самих себя и других людей как «цели в себе». Как отмечает Корсга-

61. При этом Кант говорит, что «только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством» (Кант 1994. Op. cit. P. 212). По-видимому, Кант отрицал возможность рациональной внеземной жизни (Clark 2001, 209).

62. Кант 1994. Op. cit. P. 204; Kant, Immanuel. 1900. *Kant's Gesammelte Schriften* [AA]. Edited by (formerly Königlich-Preussische) Akademie der Wissenschaften. Berlin: Reimer, 1900–1919; de Gruyter, 1920–. B. 4. P. 428.

63. Кант, Иммануил. 2000. *Лекции по этике*. Республика. P. 212; Kant. Op. cit. B. 27. P. 459.

64. Korsgaard, Christine M. 2015. 'A Kantian Case for Animal Rights'. In *The Ethics of Killing Animals*, by Peter Singer, edited by Tatjana Višak and Robert Garner, 154–177. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199396078.003.0010>; Korsgaard, Christine M. 2018. *Fel-*

ард, в трудах Канта эта формула употребляется в двух смыслах. Во-первых, если некто — цель сама по себе, то её благо ценно вне зависимости от инструментальных (практических или прагматических) соображений, то есть является *абсолютным благом*⁶⁵. Во-вторых, цель сама по себе может быть законодателем для других агентов, налагая на них ограничения, обеспечивающие ей свободу преследовать своё благо. Корсгаард считает, что поскольку мы, люди, не можем избирательно объявить только своё благо абсолютным, у каждого чувствующего существа есть благо, которое для него составляет абсолютное благо. Поэтому вопреки Канту Корсгаард утверждает, что все чувствующие существа, а не только люди, являются целями самими по себе. В таком случае каждое чувствующее существо может быть «законодателем», то есть наложить на нас ограничения, вызванные его свободой преследовать своё благо. Рассмотрим эти и другие идеи подробнее.

В литературе широко распространена⁶⁶ точка зрения, что чувствительность необходима и достаточна для наличия у индивида благосостояния. Как мы отмечали в предыдущем разделе, если индивид может страдать и наслаждаться, его жизнь в целом может идти хорошо или плохо, и он может прожить в целом счастливую или несчастливую жизнь. У каждого чувствительного индивида есть благо: положения дел, в силу которых его благосостояние меняется к лучшему. Но в таком случае мы можем совершать поступки *ради* индивида, то есть полагая индивида и его благо своей целью. Это происходит, когда наши поступки имеют своей целью благо индивида и ничто другое. Это совершенно невозможно в случае велосипеда, потому что велосипед не чувствует боли и других валентных феноменальных состояний: у велосипеда нет *собственного* блага. Есть ли такое благо у нечеловеческих животных? Сложно отри-

low Creatures: Our Obligations to the Other Animals. First edition. Uehiro Series in Practical Ethics. Oxford: Oxford University Press.

65. Korsgaard 2018. Op. cit. Sec. 8.5.1.

66. Lee, Andrew Y. 2022. 'Speciesism and Sentientism'. *Journal of Consciousness Studies* 29 (3): 205–228. <https://doi.org/10.53765/20512201.29.3.205>. P. 215.

цать, что по крайней мере наиболее знакомые нам животные — домашние и сельскохозяйственные — могут наслаждаться и страдать, бояться и скучать, радоваться и испытывать тоску. Их жизнь может идти хорошо или плохо — в том числе в зависимости от наших действий. И в своих действиях мы можем намеренно ставить их счастье или несчастье в качестве единственной цели своих действий. Другими словами, мы можем влиять на благосостояние чувствующих индивидов, но не на благосостояние индивидов, которые могут быть лишь средствами по своей природе — таких, как велосипед, булыжник или ноутбук. (Я могу починить велосипед, и это действие будет на первый взгляд напоминать заботу о его благе. Но для велосипеда, то есть для его благополучия ничего не изменится; велосипед лишён благополучия, какую бы теорию благосостояния мы ни выбрали). Итак, вопреки Канту у нас нет причин считать, что нечеловеческие животные принципиально не могут быть целями наших моральных действий. Если они могут быть целями, то они обладают неотъемлемой ценностью, а значит могут предъявлять другим требования, налагающие обязанность уважать эту ценность.

Выше мы упомянули, что перечень фундаментальных прав может быть общим для всех чувствующих существ; но некоторые из них могут не нуждаться в определённых правах и не предъявлять на них требований. При этом, возможно, есть ядро фундаментальных прав, на которые есть права требования у любого чувствительного существа. Эти права одновременно обусловлены его достоинством и служат защите его достоинства. Таковы:

- a. право на телесную целостность и неприкосновенность, а также свобода от целенаправленного физического и психологического вреда;
- b. телесная свобода, свобода от порабощения и заключения; и, наконец,
- c. право преследовать избираемый животным и соответствующий природе животного образ жизни⁶⁷.

67. Довольно ясно, что (a–c) накладываются друг на друга: например, порабощение животного (b) — уже нарушение двух других прав. Но

Является ли чувствительность достаточной для таких прав? Возможно, кантианский критик примет тезис о необходимости чувствительности для (а–с), но будет отрицать, что она достаточна для этих прав. Он может заявить, что для пользования даже столь базовыми правами необходимо дополнительное свойство — например, пресловутая рациональность. Отвечая на это возражение, оставим в стороне весьма спорный вопрос, действительно ли все нечеловеческие животные лишены рациональности. Чтобы отсечь это и все подобные возражения «от недостаточности чувствительности», воспользуемся классическим аргументом от маргинальных случаев:

1. У людей с когнитивными нарушениями, у людей с ментальными заболеваниями и у младенцев есть неотъемлемая ценность.
2. Если она есть у таких людей, она есть у любых существ со схожими ментальными характеристиками и способностями.
3. У некоторых нечеловеческих животных ментальные характеристики и способности по крайней мере соответствуют таковым у людей с когнитивными нарушениями, ментальными заболеваниями и у младенцев.
4. Неотъемлемая ценность есть по крайней мере у некоторых нечеловеческих животных⁶⁸.

Согласно этому аргументу, если мы готовы признать наличие неотъемлемой ценности у людей, ментальные способности которых значительно ниже способностей «обычного» взрослого, то нет никаких причин отказать в ценности хотя бы некоторым нечеловеческим животным. Аргумент от маргинальных случаев можно применить и против тех, кто защи-

при этом каждый пункт схватывает моменты и ситуации, которых не касаются два других.

68. Посвящённая аргументу монография — Dombrowski, Daniel A. 1997. *Babies and Beasts: The Argument from Marginal Cases*. Urbana: University of Illinois Press. Критику аргумента со стороны защитника интересов животных см. Singer, Peter. 1987. 'Animal Liberation or Animal Rights?' *The Monist* 70 (1): 3–14.

щает другие высокопорядковые свойства как основу прав — например, личность, самосознание, способность к планированию и прочее.

Вывод представленного аргумента говорит лишь о «некоторых» нечеловеческих животных — о каких именно? Чтобы продемонстрировать, что вывод распространяется на *всех* чувствующих животных, представим следующее. Иван из-за тяжёлой травмы мозга прикован к больничной койке и находится в подавленном состоянии сознания, но по-прежнему может испытывать боль. Иван практически не реагирует на стимулы. Когнитивные характеристики Ивана из-за его травмы сопоставимы с характеристиками очень нейрофизиологически «примитивных» чувствующих животных. Но вряд ли кто-то будет отрицать, что у Ивана, поскольку он всё ещё может чувствовать боль, сохраняются моральные права. Мы не можем произвольно причинить ему боль и использовать в качестве подопытного, ведь у него всё ещё есть аффективное сознание, и его благосостояние ухудшится, если мы будем относиться к нему только как к средству. Тогда мы не должны полагать, что подобного права на свободу от вреда нет и у когнитивно аналогичного нечеловеческого животного. Остаётся сделать вывод, что у всех чувствующих животных есть право на свободу от произвольного вреда.

Итак, мы постарались показать, что в квази-кантианском варианте теории статуса чувствительность необходима для неотъемлемой ценности. Мы установили, что неотъемлемая ценность (и прочие предикаты в основании теории статуса) могут быть приписаны только лишь чувствующим индивидам. Мы не можем навредить достоинству и внутренней ценности (лишённого сознания) робота, потому что, как бы мы ни старались, для самого робота, или во «внутреннем мире» робота, от наших действий ничего не изменится: робот лишён состояний, про которые можно спросить, каково для него быть в этих состояниях. При помощи аргумента от маргинальных случаев мы также попытались доказать, что чувствительность достаточна для прав в теории статуса. Тогда финальный аргумент в пользу прав животных и всех чувствующих существ будет выглядеть так:

Согласно теории статуса,

1. неотъемлемая ценность — необходимое и достаточное условие прав;
2. чувствительность необходима и достаточна для неотъемлемой ценности;
3. чувствительность необходима и достаточна для наличия прав.
Тогда
4. Все чувствующие животные обладают правами.

Перейдём к следующей теории обоснования прав — теории интересов.

3. Теория интересов: чего хотят чувствующие существа?

Многие философы⁶⁹ придерживаются идеи, что основание прав следует искать в наличии интересов. Иосеф Раз утверждает, что у существа есть права, если и только если (1) оно способно быть обладателем прав и (2) некий его интерес, то есть аспект его благосостояния, достаточен для того, чтобы обосновать долг других по отношению к этому существу. Существо способно обладать правами, по Разу, если и только если его благосостояние представляет предельную ценность, то есть ценно само по себе⁷⁰. В предыдущей главке мы постарались доказать, что благо животных может быть предельной ценностью, поэтому оставим этот кантианский элемент определения Раза в стороне и сосредоточимся на значении интересов для прав. Права в теории интересов можно рассматривать в двух аспектах. С позитивной точки зрения, права служат для максимизации блага, которое индивид получает путём удовлетворения

69. Raz. Op. cit.; MacCormick, D. N. 2013. 'Rights in Legislation'. In *Arguing About Law*, edited by Aileen Kavanagh and John Oberdiek, 321–334. Routledge. P. 330; Cochrane. 2013. Op. cit.; Kurki, Visa A. J. 2018. 'Rights, Harming and Wronging: A Restatement of the Interest Theory'. *Oxford Journal of Legal Studies*, no. 3, 430–450. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqy005>.

70. Raz. Op. cit. P. 166. По Разу, правами также могут быть наделены «искусственные» личности — корпорации.

своих интересов. С негативной точки зрения, права индивида защищают его от произвольного нарушения его интересов⁷¹. Права индивидов происходят не от их неотъемлемых свойств, как в теории статуса, а действуют в качестве полезных правил, максимизирующих благо индивидов.

«Интерес» здесь следует понимать предельно широко: не только и не столько как мою психологическую заинтересованность в чём-либо, а скорее как отношение индивида к некоему положению дел — такому, что если это положение дел реализуется, благополучие индивида возрастает. В таком случае я могу быть заинтересован в чём-либо, что никогда не фигурирует в моём сознании как предмет моего интереса. Например, в интересах ребёнка может быть учиться, или в моих интересах может быть перестать употреблять кофеин, но ни я, ни ребёнок никогда не узнаем об этом. Из этого следует, что мои ментальные состояния, моя речь или даже моё поведение — не единственный индикатор моих интересов. Разумеется, большинство животных не могут сообщить нам о своих интересах. Точно так же мы не можем проникнуть в их сознание и узнать, чего они хотят. Но из этого обстоятельства не следует, что у них нет интересов, или что мы никогда не узнаем об их интересах, или что наличие у них интересов не может быть достаточным основанием для наделения их правами. Как бы то ни было, аргумент в пользу прав животных от теории интересов может выглядеть следующим образом:

1. Индивид обладает правами, если и только если он обладает интересами.
2. Наделённые чувствительностью животные обладают интересами.
3. Наделённые чувствительностью животные обладают правами.

Первая посылка утверждает, что интересы необходимы и достаточны для обладания правами. Критик может под-

71. Конечно, это не значит, что любому интересу должно соответствовать некое право, защищающее этот интерес. Моего интереса обладать изделиями из платины недостаточно для того, чтобы у меня было гарантированное право владеть такими изделиями.

вергнуть эту идею сомнению, опять заявив, что хоть даже если интересы и необходимы, одних только интересов не достаточно для обладания правами⁷². Другими словами, критик может отрицать саму теорию интересов. Но тогда критик вновь встречается с аргументом от маргинальных случаев. Вернёмся к Ивану: из-за травмы количество очевидных интересов у него резко сократилось. Он больше не может голосовать на выборах или заниматься спортом — и эти действия в его нынешнем состоянии не принесут ему блага. Но Иван по-прежнему может испытывать боль. Если мы знаем, что Иван может испытывать боль, мы заключаем, что в интересах Ивана не испытывать боль⁷³. Знания об этом его интересе для нас достаточно, чтобы стараться сократить его боль и не причинять её. Достаточно ли знания об этом интересе, чтобы признать за Иваном соответствующее право? Мы не видим причин ответить отрицательно. Если право, согласно теории интересов, это не более чем максимизирующее благо и защищающее от сокращения блага правило, то это правило явно применимо к Ивану как то, что служит своей цели — заботе о его благе⁷⁴. Критику, который отрицает достаточность интересов для прав, будет сложно ука-

72. Критик также может заметить, что права могут быть и у лишённых интересов индивидов — другими словами, что интересов только лишь достаточно для наличия прав, а не что они достаточны и необходимы. Возможно, это действительно так, но аргумент срабатывает, даже если мы согласимся с этим возражением и заменим первую посылку на импликацию вместо эквиваленции: «Если индивид обладает интересами, он обладает правами».

73. С другой стороны, можно вообразить, что травма Ивана изменила его мозг настолько, что он стал «мазохистом»: теперь для него боль — смешанный аффект, в котором есть больше приятного, чем неприятного. Но тогда то, что чувствует Иван, уже нельзя назвать болью!

74. Конечно, могут быть «отменяющие» защиту факторы, когда носитель теряет право, или его действие приостанавливается. В случае с Иваном, например, врач может решить, что постоперационная боль для Ивана — не так плохо, как страдание, которое он получит, если операция не будет проведена. Если решение врача соответствует закону и этическим нормам, причинение боли Ивану со стороны врача не будет нарушением прав Ивана.

зять, чего в данном случае не хватает Ивану, чтобы за ним признали наличие прав. Но если Иван заслуживает такой защиты, то её заслуживает и другое чувствующее животное, сходное с Иваном по когнитивным способностям.

Вторая посылка утверждает, что каждое наделённое чувствительностью животное обладает интересами — возможно, по крайней мере интересами, коррелятивными правам в списке (а-с) выше (свобода от вреда, телесная свобода, самореализация). Но сейчас мы можем ограничиться лишь одним интересом: не испытывать страдания в широком смысле слова. В самом деле, мы можем редуцировать нарушение перечисленных в скобках интересов к страданию: телесный и психологический вред, порабощение и невозможность реализации желательного образа жизни в стандартных обстоятельствах причинят многим чувствующим животным страдание.

Как уже говорилось, мы не ограничиваем возможные интересы только теми интересами, которые фигурируют в качестве ментальных состояний животного. Поэтому мы также не ограничиваемся феноменальным страданием — то есть непосредственным переживанием боли, страха, отчаяния и прочих аффектов. Возможен вред, который никак не фиксируется в моём сознании⁷⁵. Но поскольку сейчас наша задача — связать интерес не страдать с чувствительностью, рассмотрим именно феноменальное страдание.

Кажется интуитивно верным, что каждое чувствительное существо заинтересовано по крайней мере в том, чтобы не испытывать негативные валентные состояния. В самой природе боли, тоски, тревоги, скуки и прочих негативных аффектов есть нечто отталкивающее, что заставляет нас рассматривать эти состояния как нежелательные сами по себе — то есть без каких-либо дополнительных, внешних факторов, которые делают их нежелательными. В самой боли — точнее, в ощущении боли — есть нечто, что делает её злом. Хотя можно назвать

75. Например, незнакомец-миллиардер хочет сделать мне подарок и переводит на мой счёт в банке большое состояние. Но мошеннику удаётся украсть эти деньги до того, как мне сообщат об этом переводе, и стереть о нём в системе банка всю информацию. Таким образом, мне нанесён вред, о котором я никогда не узнаю.

множество проявлений зла, многие из них (гедонист скажет, что все) сводимы к страданию: они становятся злом лишь в силу того, что они причиняют страдание чувствующим существам. Боль — это зло само по себе, не сводимое к неким фундаментальным причинам, которые делают её злом. Она является злом не в силу социальных, культурных, языковых и прочих контингентных обстоятельств. Другими словами, негативная характеристика боли заключена в самой её природе: мы полагаем, что боль — это зло во всех возможных мирах и для всех способных ощущать её существ.

Тем не менее, метафизическая природа боли и страдания — отдельная проблема в моральной философии. Гедонисты и другие философы согласятся с рассуждением выше, что боль имеет неотъемлемый, внутренне ей присущий негативный характер. Другие философы⁷⁶ отстаивают «теорию отношения» (*attitudinal theory*) боли и других аффективных состояний. Согласно этой теории, боль приобретает свой негативный и нежелательный характер не сама по себе, а в силу нашего отношения к ней как к такому состоянию. По мнению этих философов, между тем, что мы считаем разновидностями боли, или феноменального страдания, слишком много различий, чтобы мы могли объединить их в один естественный вид. Действительно, в феноменологии таких разнородных состояний, как зуд, скука и головная боль, мало общего. По мнению «теоретиков отношения», основная причина, по которой мы считаем их все нежелательными, или даже объединяем в единый класс, это то, что все они фигурируют как содержания наших негативных ментальных отношений. Тогда гедонизм ложен, и мы не можем объединить множество интересов избегать каждого из этих состояний в один интерес (а именно: «избегать страдания»). Но вряд ли это концептуальное возражение что-то сильно меняет в аргументе выше. Мы можем переформулировать его так,

76. Feldman, Fred. 2004. *Pleasure and the Good Life: Concerning the Nature Varieties and Plausibility of Hedonism*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/019926516X.001.0001>. P. 79; Bramble, Ben. 2016. 'A New Defense of Hedonism about Well-Being'. *Ergo, an Open Access Journal of Philosophy* 3 (20201214). <https://doi.org/10.3998/ergo.12405314.0003.004>. P. 90–95).

чтобы каждому ментальному состоянию, к которому существо проявляет устойчиво негативное ментальное отношение, соответствовал интерес его не испытывать, а некоторым из таких интересов — право его не испытывать.

Другое возражение, которое может выдвинуть противник концептуализации свободы от страдания в отдельный интерес, заключается в следующем. Иногда мы сознательно совершаем действия, которые вызывают у нас негативные аффекты. Мы страдаем в спортзале или соглашаемся на операцию, после которой, как мы знаем, нам предстоит долгое и трудное восстановление. Конечно, такие случаи не могут служить возражением против утверждения, что мы как чувствующие существа фундаментально заинтересованы в том, чтобы не переживать боль. Будучи рациональными существами, люди, подобно другим животным, в том числе насекомым (см., например, описанный выше эксперимент с земляными шмелями⁷⁷, способны на практические компромиссы. Мы можем выбрать зло для себя, чтобы избежать большего зла, или чтобы получить большее благо, чем получили бы, если бы не выбрали зло. Всё это не имеет отношения к вопросу о природе боли и страдания. В ситуациях обмена большего зла на меньшее мы бы, конечно, выбрали вариант, не связанный с болью, если бы он был нам доступен (например, операцию, которая не связана с долгим периодом восстановления).

Как уже отмечалось, теория интересов хорошо сочетается с утилитаристской и в целом консеквенциалистской традицией в этике. Для консеквенциалиста будет естественно понимать права как максимизирующие ценность правила (для утилитариста этой ценностью будут эквивалентные удовольствие, счастье или полезность [utility]). При этом возможны экзотические варианты консеквенциализма, которые рассматривают права как правила, максимизирующие не-феноменальные блага, такие как знание, свободу или удовлетворение личных проектов. Но для утилитаристов и других философских гедонистов проблема «неощущаемых» (то есть не-феноменальных) благ и вреда представляет теоретическую сложность. Также

77. Gibbons et al. Op. cit

сложность для них представляют гипотетические существа, лишённые чувствительности.

Представим индивида — например, наделённую сознанием машину или инопланетянина — который не может переживать валентные состояния (другими словами, не чувствует страдания и наслаждения в каком бы то ни было виде), но которому, возможно, доступны другие блага. Такой индивид был назван Дэвидом Чалмерсом «вулканцем», по аналогии с расой гуманоидов в сериале «Звёздный путь», к которой частично принадлежит Спок⁷⁸. Предположим, что некий вулканец считает знание благом и стремится к нему. То есть знание является содержанием его интереса. Этого обстоятельства, согласно первой посылке, уже достаточно, чтобы заключить: вулканец обладает правами. (При этом вулканец необязательно имеет право на знание как таковое). Его интерес к знанию означает, что у него есть благосостояние и что он имеет право на защиту от целенаправленных действий, снижающих его благосостояние без достаточной причины⁷⁹. Но поскольку вулканец может иметь права, и у него нет чувствительности, становится неочевидным, что чувствительность необходима для прав, согласно теории интересов: она может быть лишь *достаточной* для прав.

Как уже отмечалось, есть животные, которые переживают боль совсем не так, как млекопитающие. При этом невозможно пока сказать, существуют ли животные, неспособные к валентным состояниям — животные-вулканцы — в нашем мире. Чувствительность имеет огромное эволюционное значение, поскольку служит выживанию организма, и вид, который

78. Chalmers, David John. 2022. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. First edition. New York, NY: W. W. Norton & Company. P. 342. Стоит заметить, что вулканцы в «Звёздном пути» отличаются от вулканцев Чалмерса: они лишь подавляют свои эмоции, но при этом способны чувствовать боль и наслаждение.

79. Некоторые гедонисты — например, Питер Сингер и Нил Синабабу — отрицают, что у таких существ есть моральный статус. Из этого следует, что мы не нанесём вулканцам вреда (и не совершим проступка), если будем относиться к ним исключительно инструментально, убивать ради развлечения и так далее. Вслед за Чалмерсом мы считаем это совершенно неверным, если не сказать чудовищным.

не мог бы переживать валентные состояния, был бы лишён очевидного эволюционного преимущества. С другой стороны, мы не знаем, каковы самые примитивные феноменальные состояния у существ чуть выше границы сознания. Может ли крошечная нематода с парой сотен нейронов чувствовать неприятное, или же она переживает все свои состояния как нейтральные? Чувствует ли она вообще что-либо? Пока мы не можем дать ответа на эти вопросы. Поэтому вывод в аргументе выше («Наделённые чувствительностью животные обладают правами») сформулирован как достаточное условие. Он не утверждает, что только чувствующие существа обладают интересами и никакие другие. Ввиду хотя бы возможного существования вулканцев более правдоподобным кажется тезис, что только наделённые сознанием и никакие другие существа имеют интересы, а следовательно, обладают правами. Однако и этот тезис требует тщательного анализа. Могут ли быть интересы — а значит, и права — у лишённых сознания животных или у растений? Оставим эти важные вопросы за скобками. В этом разделе мы постарались продемонстрировать, что поскольку чувствительность связана с возможностью переживать боль или страдание, и каждое способное их ощущать существо *prima facie* заинтересовано в том, чтобы их не ощущать, чувствующие существа обладают правами — по крайней мере, одним правом: не быть произвольно подвергнутыми страданию.

4. Другие теории

Даже если рассуждения в двух предыдущих разделах убедят сторонника теории статуса или интересов, некто может отрицать, что чувствительность имеет значение для прав, если он отвергает обе эти теории. В последнем разделе речь пойдёт о возражениях, которые можно адресовать критерию чувствительности со стороны других теорий⁸⁰.

80. При этом мы не будем говорить о возражениях, направленных против идеи прав животных в целом. Например, Майкл Лейхи отрицает наличие у животных интересов и желаний с витгенштейнианских позиций (Leahy, Michael P. T. 1993. *Against Liberation: Putting Animals in Perspective*. Routledge. <https://www.routledge.com/Against-Lib>

В контексте прав теорию интересов, о которой шла речь в предыдущем разделе, часто противопоставляют⁸¹ так называемой теории воли (*will theory*). Креймер формулирует суть теории воли следующим образом:

Необходимым и достаточным условием для обладания X правом требования, соответствующим некоторой определённой обязанности [duty], является то, что X компетентен и наделён властью контролировать существование и исполнение этой обязанности⁸².

Другими словами, «субъекты прав контролируют по своему выбору обязанности, которые должны исполнять по отношению к ним другие, обладая [...] правом аннулировать или передавать другим такие обязанности, отказываться от них, или обеспечивать их исполнение»⁸³. Таким образом, требования, предъявляемые к субъектам права, в теории воли весьма высоки: субъект должен как минимум осознавать, что он наделён правами, то есть обладать самосознанием и располагать

eration-Putting-Animals-in-Perspective/Leahy/p/book/9780415103169). Роджер Скрутон утверждает, что необходимое условие и необходимый коррелят прав — наличие обязанностей у того, кто наделён правами. Поскольку животные не могут взять на себя обязанности, они не могут быть наделены правами (Scruton, Roger. 2006. *Animal Rights and Wrongs*. Bloomsbury Academic. London: Metro. P. 86). Очевидно, что обе такие позиции исключают из круга непосредственных носителей прав младенцев, людей с когнитивными нарушениями и людей с ментальными болезнями. Но так как подобные возражения носят общий характер, а не направлены конкретно против чувствительности, я оставляю их без внимания.

81. См. Herstein, Ori. 2023. 'Legal Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman, Winter 2023. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/legal-rights/>. Sec. 4.I; 4.3; Rainbolt, George W. 2023. 'Rights: Interest and Will Theories'. In *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*, edited by Mortimer Sellers and Stephan Kirste, 3109–3113. Dordrecht: Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6519-1_375; Wenar. Op. cit. Sec. 2.2.2; Kramer 2025. Op. cit. Sec. 2.3; 2.4.

82. Kramer 2025. Op. cit. Sec. 2.4.

83. Herstein. Op. cit. Sec. 4.I.

понятием права. Хотя чувствительность можно трактовать как необходимое условие для наличия самосознания, и в таком случае чувствительность в теории воли тоже становится необходимой для наличия у кого-либо прав, совершенно очевидно, что одной чувствительности недостаточно для правосубъектности в теории воли.

Среди многих возражений против теории воли наиболее очевидным представляется то, что, согласно этой теории, многие индивиды, в том числе человеческие, будут лишены прав, если они лишены самосознания и рациональности, необходимых для распоряжения своими правами, включая потенциальный отказ от права требования. Возможность распоряжения, ключевая в теории воли, кажется произвольным условием для наделения кого бы то ни было правами. При этом отрицание прав за этими лишёнными «воли» индивидами несовместимо с общепринятым пониманием прав, или, как пишет Роуэн Крафт, «фактическим употреблением»:

Теорию воли часто обвиняли в ошибочном исключении возможности наличия у людей неотчуждаемых прав. Маленькие дети, взрослые с ментальными проблемами и животные не имеют возможности отказаться от своих требований или обеспечить их соблюдение, но, по-видимому, ошибочно из этого делать вывод, что маленькие дети, взрослые с ментальными проблемами и животные не имеют прав. При этом фактическое употребление термина «право» допускает возможность, что маленькие дети, взрослые с ментальными проблемами и животные могут иметь права. И фактическое употребление также допускает возможность, что психически дееспособные взрослые могут иметь неотчуждаемые права⁸⁴.

Точно с такой же сложностью встречается другая влиятельная теория прав — контрактарианство. Согласно контрактарианству, рациональные и мотивированные агенты имеют права, если и только если они соглашаются на определённые

84. Cruft. *Op. cit.* P. 369. Как отмечает Крафт, некоторые сторонники теории воли, например Г. Л. А. Харт, в ответ на это возражение склонны «закусить пулю» и согласиться, что у детей, ментально больных и прочих нет прав (Cruft. *Op. cit.* P. 369, n. 35).

базовые принципы, регулирующие их совместную жизнь⁸⁵. Философы-контрактарианцы считают, что справедливость этих принципов обеспечена их принятием агентами из некой нейтральной позиции, наподобие «исходного положения» Ролза⁸⁶, или «разумности» (reasonableness) Скэнлона⁸⁷. Поскольку животные не обладают рациональностью, необходимой для одобрения базовых принципов, они находятся вне правового режима и не могут иметь прав. Хотя в контрактарианских текстах эта позиция обычно имплицитна, иногда контрактарианцы эксплицитно выступают против прав животных⁸⁸.

Некоторые люди лишены нормативной рациональности, поэтому не способны согласиться на некий моральный или правовой режим и поддерживать его, выставляя права требования и соблюдая предписываемые им обязанности⁸⁹. Контрактарианцы могут отрицать, что у таких людей есть непосредственные права; например, они могут утверждать, что их интересы защищает представитель, который соглашается на контракт за них. Или же они могут утверждать, что такие люди включены в правовой режим в силу их будущей, прошлой или потенциальной рациональности. Несмотря на эти решения, кажется, что мы сможем избежать большего количества проблем, если признаем, что у людей в маргинальных случаях есть права непосредственно, даже если у них нет никакого представителя; и что их возможная рациональность не играет роли в том, как

85. Wenar. Op. cit. Sec. 6.3.

86. Rawls, John. 2003. *A Theory of Justice*. Rev. ed., 5.-6. printing. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard Univ. Press. P. 11.

87. Scanlon, Thomas. 1998. *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA: Belknap Press. P.189.

88. Narveson, Jan. 1977. 'Animal Rights'. *Canadian Journal of Philosophy* 7 (1): 161–178; Narveson, Ja. 1987. 'A Case Against Animal Rights'. In *Advances in Animal Welfare Science 1986/87*, edited by Michael W. Fox and Linda D. Mickley, 191–204. Dordrecht: Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-009-3331-6_16.

89. Cudd, Ann, and Seena Eftekhari. 2021. 'Contractarianism'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Winter 2021. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/contractarianism/>. Sec. 6.

нам следует с ними обращаться. Если бы некое качество было необходимо для того, чтобы индивид обладал неким правом, в нормальных случаях было бы странно настаивать, что он обладает этим правом на основе лишь *потенциального* владения этим качеством. У меня нет права работать врачом на основе лишь того, что я *мог бы* получить медицинское образование. С фундаментальными правами картина меняется не слишком сильно: оплодотворённая яйцеклетка на раннем этапе беременности не заслуживает всех фундаментальных прав, которых заслуживает младенец, хоть у неё и есть потенциал превратиться в младенца.

Тем не менее, контрактарианец, который не отрицает, что у людей в маргинальных случаях есть права, может признать права и за чувствующими животными. Например, он может считать, что рациональность необходима только для создания и поддержания договора, но права могут назначаться и тем, кто лишён нормативной рациональности, но зависит от нормативного режима или связан с ним каким-то другим образом. В этом случае за животных соглашается на контракт представитель, который также репрезентирует их интересы. Как родители и опекуны действуют в роли «голоса» лишённых нормативной рациональности младенцев и тем самым включают их в правовой режим, так и заинтересованные стороны — активисты, животнозащитные организации и даже государственные институты — представляют интересы животных.

В этом отношении рабочую рамку предлагают труды Дональдсон, Кимлики⁹⁰ и Кокрейна⁹¹ (заметим, что ни один из этих авторов не поддерживает контрактарианство). Работа Сью Дональдсон и Уилла Кимлики *Zoopolis* положила начало «политическому повороту» в теории прав животных. Авторы утверждают, что различные животные находятся в разном отношении к человеческому социуму. Домашние животные должны стать полноправными членами политического сообщества

90. Donaldson, Sue, and Will Kymlicka. 2011. *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. Oxford, New York: Oxford University Press.

91. Cochrane, Alasdair. 2018. *Sentientist Politics*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198789802.001.0001>.

людей. Дикие животные, живущие среди людей, рассматриваются как резиденты без прав гражданства. Прочие животные образуют собственные политические сообщества, которые они имеют право защищать от «колониальных» посягательств со стороны человека. Согласно Дональдсон и Кимлике, несмотря на то что все животные заслуживают неотчуждаемых прав, у людей разные обязательства по отношению к разным перечисленным категориям животных. В этом контексте также необходимо упомянуть книгу Аласдера Кокрейна *Sentientist Politics*, предлагающую амбициозный проект «сентиентистской космополитической демократии». В отличие от проекта *Zoopolis*, Кокрейн защищает эгалитарную модель, в которой все чувствующие животные получают равные права, в том числе права репрезентации. В делиберативных и партиципаторных демократических институтах системы Кокрейна будут работать специальные представители нечеловеческих животных, чья задача — «переводить» их интересы на язык делиберации и защищать их.

Как мы видим, теория воли и контрактарианство имеют меньший потенциал для обоснования универсальных прав на основе чувствительности в отличие от теорий статуса и интересов. При этом в случае контрактарианства существуют ходы и решения, которые смягчают концептуальное сопротивление.

Заключение

Стоит заметить, что хотя на уровне нормативной этики теории статуса и интересов связаны с деонтологией и консеквенционализмом — традициями, которые стереотипно воспринимают в качестве несовместимых антагонистов, существуют гибридные и плюралистические модели обоснования права. Такова модель Джона Тесьюласа, которая «обращается как к моральным (равное человеческое достоинство), так и к пруденциальным (универсальные человеческие интересы) соображениям и позволяет множественности человеческих интересов играть основополагающую роль»⁹². В данной статье мы постарались

92. Tasioulas. P. 70. Также смягчает противоречия Фрэнсес Кэмм: «Если мы понимаем деонтологические ограничения как выражение

показать, что теории на основе равного статуса и теории на основе интересов также объединяет то, что они обе обладают потенциалом универсализации и могут быть использованы для обоснования правосубъектности всех чувствительных индивидов.

Вернёмся к вопросу, поставленному в начале статьи: «Есть ли принципиальные препятствия для переосмысления распространённых подходов к обоснованию прав человека в качестве неантропоцентрических теорий прав?». Мы постарались показать, что если в качестве основания прав берётся критерий чувствительности, этих препятствий нет в случае теорий статуса интересов, но они возникают в случае теории воли и контрактарианства. Обе части нашей гипотезы подтвердились только в отношении моделей статуса и интересов. Другими словами, в теориях статуса и интересов, по крайней мере согласно их обобщённым формулировкам, нет постулатов, которые бы запрещали правосубъектность всех чувствующих существ.

Поскольку проблема статьи касалась только моральных, а не юридических прав, мы ничего не сказали о проблеме трансляции и укоренения моральных прав в позитивном праве; а также об обеспечении соблюдения прав. В заключение скажем об этом несколько слов. В последние десятилетия в некоторых частях света законодатели подготавливают почву для этой трансляции. Такие различные юрисдикции, как Европейский союз, Танзания и канадская провинция Квебек на уровне парламентов признали животных чувствующими существами⁹³. Хотя это признание необязательно влечет за собой правовую

статуса каждой личности, и этот неприкосновенный статус сам по себе является благом, то в некоторой степени мы сокращаем различие между консеквенциализмом и деонтологией. Ведь консеквенциализм интересуется реализацией того, что некоторая теория ценности считает наилучшим положением дел. Если высокий статус личностей — это благо, существование которого отражено в наличии ограничений, то в этом смысле ограничения связаны и с благом, и с благом положением дел» (Kamm, Frances. 1992. 'Non-Consequentialism, the Person as an End-in-Itself, and the Significance of Status'. *Philosophy and Public Affairs* 21 (4): 354–389. P. 389).

93. Kotzmann 2023. Op. cit. P. 407.

защиту, оно подразумевает, что общественность и законодатели становятся более открытыми для наделения правами некоторых нечеловеческих индивидов, и что чувствительность может служить основой для расширения прав человека до прав чувствующих существ⁹⁴. Кажется, что срочность проблемы страдания и эксплуатации животных⁹⁵ требует скорейших действий, и формальное признание моральных прав у всех чувствующих существ могло бы создать рамку для решения этой проблемы. Но такое одномоментное признание маловероятно в обозримом будущем из-за политических, философских и эпистемических препятствий. Более реалистичным кажется постепенное принятие нормативных актов, которые предоставляют права определенным видам или группам чувствующих животных. Этот процесс могут ускорить декларации международных организаций, таких, как ООН, решения на уровне политических блоков (Евросоюз), а также экспертные документы — такие, как Кембриджская декларация сознания (2012) и Нью-Йоркская декларация о сознании животных (2024).

То, что у нас нет убедительных ответов на проблему дистрибуции сознания и чувствительности в природе, создаёт много неопределенности. Некоторые нечеловеческие животные, модели искусственного интеллекта и другие сущности, такие как мозговые органониды, находятся на эпистемической «границе чувствительности»⁹⁶. Помимо проблемы дистрибуции, неясно также, какие сущности должны стать приоритетной целью для правовой защиты. Вероятно, мы должны отдать приоритет существам, которые извлекут наибольшую выгоду из правовой защиты, а именно: (1) наиболее уязвимым видам (животным в лабораториях и промышленном животноводстве); (2) видам, в чувствительности которых у нас больше всего уверенности (позвоночные, двужаберные головоногие моллюски, десятиногие ракообразные); и (3) видам с развитыми когнитивными способностями, которые в природе коррелируют с раз-

94. Kotzmann 2024. Op cit.

95. Singer 2023. Op. cit. Chaps 2–3.

96. Birch 2024. Op. cit.

витой чувствительностью (обезьяны, китообразные, слоны, врановые и попугаи).

Акцент на чувствительности как критерии прав имеет ещё одно преимущество. Он позволяет нам подготовиться к появлению не-животных кандидатов на наличие прав — таких, как наделённый сознанием искусственный интеллект. Критерий чувствительности позволит нам осознать, что эксплуатация чувствующих существ всегда связана с моральными рисками — и защитить их таким образом, чтобы снизить или устранить эти риски. Уже сегодня чувствительность используют в качестве основания для превентивных мер, которые бы устранили эти риски. Например, Джонатан Бёрч и его коллеги предлагают законодательно запретить разведение осьминогов на фермах, поскольку такая практика связана с огромными рисками для благополучия этих животных⁹⁷. Подобный запрет уже введён в американских штатах Вашингтон и Калифорния⁹⁸. Равным образом законодатели должны рассмотреть упреждающие запреты и ограничения на определенные практики, в которых в будущем могут быть задействованы не-животные чувствующие существа: искусственный интеллект⁹⁹ и мозговые органоиды¹⁰⁰.

Мы не можем и, вероятно, никогда не сможем узнать, «каково быть летучей мышью» — и тем более эволюционно отдалёнными от нас животными — рептилиями, птицами, рыбами, насекомыми, моллюсками. Но нам и не нужно этого знать, чтобы установить факт чувствительности многих из этих животных. Акцент на чувствительности позволит нам перекинуть прочный мост от эмпирических исследований в зоопсихологии

97. Birch et al. Op. cit. P. 110.

98. HB 1153 Washington State Legislature. Prohibiting Octopus Farming, 2023; Assembly Bill No. 3162. Octopus: Aquaculture: Prohibition, 2023.

99. Metzinger, Thomas. 2021. 'Artificial Suffering: An Argument for a Global Moratorium on Synthetic Phenomenology'. *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness* 08 (01): 43–66. <https://doi.org/10.1142/S270507852150003X>.

100. Birch, Jonathan, and Heather Browning. 2021. 'Neural Organoids and the Precautionary Principle'. *American Journal of Bioethics* 21 (1): 56–58. <https://doi.org/10.1080/15265161.2020.1845858>.

к выводам в этике. А в свою очередь эти выводы с опорой на науку смогут служить опорой для учреждения правовой защиты нечеловеческих животных.

Библиография

1. Alexy, Robert. 2006. 'Discourse Theory and Fundamental Rights'. In *Arguing Fundamental Rights*, by Agustín José Menéndez and Erik Oddvar Eriksen, 15–32. Law and Philosophy Library 77. Dordrecht: Springer Netherlands. <https://doi.org/10.1007/1-4020-4919-4>.
2. Alexy, Robert. 2010. 'The Construction of Constitutional Rights'. *Law & Ethics of Human Rights* 4 (1): 21–32. <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1042>.
3. Alexy, Robert. 2021. *Law's Ideal Dimension*. First edition. Oxford Scholarship Online. Oxford New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198796831.001.0001>.
4. Andreotta, Adam J. 2021. 'The Hard Problem of AI Rights'. *AI & SOCIETY* 36 (1): 19–32. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00997-x>.
5. Assembly Bill No. 3162. Octopus: Aquaculture: Prohibition. 2023. 2024 2023. https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240AB3162.
6. Birch, Jonathan. 2024. *The Edge of Sentience: Risk and Precaution in Humans, Other Animals, and AI*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/9780191966729.001.0001>.
7. Birch, Jonathan, and Heather Browning. 2021. 'Neural Organoids and the Precautionary Principle'. *American Journal of Bioethics* 21 (1): 56–58. <https://doi.org/10.1080/15265161.2020.1845858>.
8. Birch, Jonathan, Burn, Charlotte, Alexandra Schnell, Heather Browning, and Andrew Crump. 2021. 'Review of the Evidence of Sentience in Cephalopod Molluscs and Decapod Crustaceans'. LSE. <https://www.lse.ac.uk/business/consulting/assets/documents/Sentience-in-Cephalopod-Molluscs-and-Decapod-Crustaceans-Final-Report-November-2021.pdf>.
9. Bourget, David. 2017. 'The Role of Consciousness in Grasping and Understanding'. *Philosophy and Phenomenological Research* 95 (2): 285–318. <https://doi.org/10.1111/phpr.12208>.
10. Bramble, Ben. 2016. 'A New Defense of Hedonism about Well-Being'. *Ergo, an Open Access Journal of Philosophy* 3 (20201214). <https://doi.org/10.3998/ergo.12405314.0003.004>.
11. Cavalieri, Paola, ed. 2001. *The Animal Question: Why Nonhuman Animals Deserve Human Rights*. New York: Oxford University Press.
12. Chalmers, David John. 1996. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford University Press.
13. Chalmers, David John. 2022. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. First edition. New York, NY: W. W. Norton & Company.

14. Clark, David L. 2001. 'Kant's Aliens: The "Anthropology" and Its Others'. *CR: The New Centennial Review* 1 (2): 201–289.
15. Cochrane, Alasdair. 2013. 'From Human Rights to Sentient Rights'. *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 16 (5): 655–75. <https://doi.org/10.1080/13698230.2012.691235>.
16. Cochrane, Alasdair. 2018. *Sentientist Politics*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198789802.001.0001>.
17. Cruft, Rowan. 2004. 'Rights: Beyond Interest Theory and Will Theory?' *Law and Philosophy* 23 (4): 347–397.
18. Cudd, Ann, and Seena Eftekhari. 2021. 'Contractarianism'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Winter 2021. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/contractarianism/>.
19. Dombrowski, Daniel A. 1997. *Babies and Beasts: The Argument from Marginal Cases*. Urbana: University of Illinois Press.
20. Donaldson, Sue, and Will Kymlicka. 2011. *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. Oxford, New York: Oxford University Press.
21. Dung, Leonard. 2022. 'Why the Epistemic Objection Against Using Sentience as Criterion of Moral Status Is Flawed'. *Science and Engineering Ethics* 28 (6): 51. <https://doi.org/10.1007/s11948-022-00408-y>.
22. Dung, Leonard. 2024. 'Preserving the Normative Significance of Sentience'. *Journal of Consciousness Studies* 31 (1): 8–30. <https://doi.org/10.53765/20512201.31.1.008>.
23. Dworkin, Ronald. 2011. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge (Mass.): the Belknap press of Harvard university press.
24. Dworkin, Ronald, ed. 2013. *Taking Rights Seriously*. Bloomsbury Revelations. London: Bloomsbury Publishing.
25. Ebert, Rainer. 2018. 'Mental-Threshold Egalitarianism: How Not to Ground Full Moral Status'. *Social Theory and Practice* 44 (1): 75–93.
26. Ebert, Rainer. 2020. 'Are Humans More Equal Than Other Animals? An Evolutionary Argument Against Exclusively Human Dignity'. *Philosophia* 48 (5): 1807–1823. <https://doi.org/10.1007/s11406-020-00202-9>.
27. Ebert, Rainer. 2022. 'Being a World Unto One's Self'. *Zeitschrift Für Ethik Und Moralphilosophie* 5 (2): 179–202. <https://doi.org/10.1007/s42048-022-00125-y>.
28. Feldman, Fred. 2004. *Pleasure and the Good Life: Concerning the Nature Varieties and Plausibility of Hedonism*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/019926516X.001.0001>.
29. Fischer, Bob, ed. 2024. *Weighing Animal Welfare: Comparing Well-Being Across Species*. Oxford, New York: Oxford University Press.
30. Francione, Gary L. 2000. *Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* Temple University Press.
31. Gibbons, Matilda, Elisabetta Versace, Andrew Crump, Bartosz Baran, and Lars Chittka. 2022. 'Motivational Trade-Offs and Modulation of Nociception in Bumblebees'. *Proceedings of the National Academy of Sciences of*

- the United States of America* 119 (31): e2205821119. <https://doi.org/10.1073/pnas.2205821119>.
32. Griffin, James. 2008. *On Human Rights*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199238781.001.0001>.
  33. Hart, H. L. A. 1994. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford : New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
  34. HB 1153 Washington State Legislature. Prohibiting Octopus Farming' 2023. 2024 2023. <https://app.leg.wa.gov/billsummary?BillNumber=1153&Initiative=false&Year=2024>.
  35. Herstein, Ori. 2023. 'Legal Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman, Winter 2023. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/legal-rights/>.
  36. Jones, Robert C. 2013. 'Science, Sentience, and Animal Welfare'. *Biology & Philosophy* 28 (1): 1–30. <https://doi.org/10.1007/s10539-012-9351-1>.
  37. Kamm, Frances. 1992. 'Non-Consequentialism, the Person as an End-in-Itself, and the Significance of Status'. *Philosophy and Public Affairs* 21 (4): 354–389.
  38. Kamm, Frances. 2002. 'Rights'. In *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law*, edited by Jules L. Coleman, Kenneth Einar Himma, and Scott J. Shapiro, 1st ed., 476–513. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270972.001.0001>.
  39. Korsgaard, Christine M. 2015. 'A Kantian Case for Animal Rights'. In *The Ethics of Killing Animals*, by Peter Singer, edited by Tatjana Višak and Robert Garner, 154–177. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199396078.003.0010>.
  40. Korsgaard, Christine M. 2018. *Fellow Creatures: Our Obligations to the Other Animals*. First edition. Uehiro Series in Practical Ethics. Oxford: Oxford University Press.
  41. Kotzmann, Jane. 2023. 'Sentience and Intrinsic Worth as a Pluralist Foundation for Fundamental Animal Rights'. *Oxford Journal of Legal Studies* 43 (2): 405–428. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqad003>.
  42. Kotzmann, Jane. 2024. 'Sentience Recognition as a Means for Moving Beyond Animal Welfare to Animal Rights'. In *The Legal Recognition of Animal Sentience: Principles, Approaches and Applications*, edited by Jane Kotzmann and M. B. Rodriguez Ferrere, 63–80. Oxford: Bloomsbury Publishing.
  43. Kramer, Matthew H. 2024. *Rights and Right-Holding: A Philosophical Investigation*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198891222.001.0001>.
  44. Kramer, Matthew H. 2025. *Legal Rights and Moral Rights*. 1st ed. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009022293>.
  45. Kurki, Visa A. J. 2018. 'Rights, Harming and Wronging: A Restatement of the Interest Theory'. *Oxford Journal of Legal Studies*, no. 3, 430–450. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqy005>.

46. Lambert, Helen, Angie Elwin, and Neil D'Cruze. 2021. 'Wouldn't Hurt a Fly? A Review of Insect Cognition and Sentience in Relation to Their Use as Food and Feed'. *Applied Animal Behaviour Science* 243 (October):105432. <https://doi.org/10.1016/j.applanim.2021.105432>.
47. Leahy, Michael P. T. 1993. *Against Liberation: Putting Animals in Perspective*. Routledge. <https://www.routledge.com/Against-Liberation-Putting-Animals-in-Perspective/Leahy/p/book/9780415103169>.
48. Lee, Andrew Y. 2022. 'Speciesism and Sentientism'. *Journal of Consciousness Studies* 29 (3): 205–228. <https://doi.org/10.53765/20512201.293.205>.
49. MacCormick, D. N. 2013. 'Rights in Legislation'. In *Arguing About Law*, edited by Aileen Kavanagh and John Oberdiek, 321–334. Routledge.
50. Mendelovici, Angela. 2018. *The Phenomenal Basis of Intentionality*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190863807.001.0001>.
51. Metzinger, Thomas. 2021. 'Artificial Suffering: An Argument for a Global Moratorium on Synthetic Phenomenology'. *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness* 08 (01): 43–66. <https://doi.org/10.1142/S270507852150003X>.
52. Moore, Andrew. 2019. 'Hedonism'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Winter 2019. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/hedonism/>.
53. Nagel, Thomas. 1974. 'What Is It Like to Be a Bat?' *The Philosophical Review* 83 (4): 435. <https://doi.org/10.2307/2183914>.
54. Narveson, Jan. 1977. 'Animal Rights'. *Canadian Journal of Philosophy* 7 (1): 161–178.
55. Narveson, Ja. 1987. 'A Case Against Animal Rights'. In *Advances in Animal Welfare Science 1986/87*, edited by Michael W. Fox and Linda D. Mickley, 191–204. Dordrecht: Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-009-3331-6_16.
56. Nickel, James, and Adam Etinson. 2024. 'Human Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman, Fall 2024. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/rights-human/>.
57. Nussbaum, Martha. 2002. 'Capabilities and Human Rights'. In *Global Justice and Transnational Politics*, edited by Pablo De Greiff and Ciaran P. Cronin, 117–150. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3302.003.0007>.
58. Parfit, Derek. 1984. *Reasons and Persons*. Clarendon Press.
59. Perry, Matthew Wray. 2024. 'Why Sentience Should Be the Only Basis of Moral Status'. *The Journal of Ethics* 28 (4): 719–741. <https://doi.org/10.1007/s10892-024-09487-4>.
60. Perry, Matthew Wray. forthcoming. 'Sentient Dignity and the Plausible Inclusion of Animals'. *Politics, Philosophy and Economics*. <https://doi.org/10.1177/1470594x251314191>.
61. Rainbolt, George W. 2023. 'Rights: Interest and Will Theories'. In *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*, edited by Mortimer Sellers

- and Stephan Kirste, 3109–3113. Dordrecht: Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6519-1_375.
62. Rawls, John. 2003. *A Theory of Justice*. Rev. ed., 5.-6. printing. Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard Univ. Press.
  63. Raz, Joseph. 1988. *The Morality of Freedom*. 1st ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0198248075.001.0001>.
  64. Regan, Tom. 2004. *The Case For Animal Rights*. Updated with a new preface, [2004 ed.]. Berkeley: University of California Press.
  65. Scanlon, Thomas. 1998. *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA: Belknap Press.
  66. Scruton, Roger. 2006. *Animal Rights and Wrongs*. Bloomsbury Academic. London: Metro.
  67. Singer, Peter. 1987. 'Animal Liberation or Animal Rights?' *The Monist* 70 (1): 3–14.
  68. Singer, Peter. 2023. *Animal Liberation Now: The Definitive Classic Renewed*. New York, NY: Harper Perennial.
  69. Tasioulas, John. 2015. 'On the Foundations of Human Rights'. In *Philosophical Foundations of Human Rights*, edited by Rowan Cruft, S. Matthew Liao, and Massimo Renzo, 45–70. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688623.003.0002>.
  70. Višak, Tatjana. 2022. *Capacity for Welfare across Species*. Oxford, New York: Oxford University Press.
  71. Wenar, Leif. 2023. 'Rights'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta and Uri Nodelman, Spring 2023. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/rights/>.
  72. Zimmerman, Michael J., and Ben Bradley. 2019. 'Intrinsic vs. Extrinsic Value'. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta, Spring 2019. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/value-intrinsic-extrinsic/>.
  73. Декарт, Рене. 1989. *Сочинения в двух томах. Том 1*. Москва: Мысль.
  74. Кант, Иммануил. 1994. *Сочинения. В 8-ми т. Т. 4*. Москва: Чоро.
  75. Кант, Иммануил. 2000. *Лекции по этике*. Республика.

Can sentience ground the universalization of legal personhood?

Dmitry S. Turko

Abstract. This paper, written from a philosophical rather than legal perspective, explores whether established theories for justifying human rights can be reconceptualized as non-anthropocentric or universalist accounts of legal personhood. It argues that such reconceptualization is possible on the basis of the concept of sentience.

The notion of sentience itself is examined alongside several influential theories of rights justification, particularly the status-based and interest-based theories.

The article contends that within these frameworks, sentience may serve as either a sufficient or both a necessary and sufficient condition for ascribing rights to an individual, and that the universalization of rights grounded in sentience does not conflict with the core commitments of these theories.

The author concludes that there are no conceptual barriers to recognizing the rights of sentient nonhuman animals and other sentient beings within status- and interest-based models. The will theory and contractarian approaches are also briefly considered, though their potential for universalization is shown to be more limited.

Keywords: sentience; legal personhood; moral status; interest theory; status theory; animal rights; nonhuman rights; foundations of rights; non-anthropocentric ethics; legal theory.

DOI: 10.55167/c93ddde2d5d8

Beyond animal welfare: legal paths to animal rights

Priscila Gulič Pirnat¹

Abstract: The paper critically examines the limitations of the prevailing 'animal welfare' paradigm in the legal and ethical treatment of non-human animals and explores alternative legal models that aim to recognize animals as rights-bearing entities. Drawing on comparative and interdisciplinary legal analysis, the author contrasts three major approaches: legal personhood for animals, the rights of nature framework, and Eva Bernet Kempers' gradualist model of legal recognition. The paper argues for a pluralistic and context-sensitive jurisprudence that acknowledges the diversity of animal life and the complexity of human-animal relationships. Rather than advocating for a single revolutionary shift, the author suggests the concept of 'differentiated animal jurisprudence,' envisioning legal reform as a dynamic and layered process rooted in moral inclusion, ecological interdependence, and legal innovation. It is concluded that a post-anthropocentric legal order requires moving beyond binary categories of person/property and developing differentiated paths to justice for nonhuman animals.

Keywords: animal rights, legal personhood, rights of nature, animal welfare law, ecological justice, differentiated animal jurisprudence, post-anthropocentrism, nonhuman legal subjectivity.

AI use disclosure statement: The author declares that OpenAI's ChatGPT was utilized as a supportive instrument in the preparation of this manuscript. Its use was limited to assistance with phrasing, language refinement, the review of the English text, and the preparation of Table 2 in accordance with the author's instructions. The intellectual content, analysis, and conclusions contained herein are entirely the work of the author, who assumes full responsibility for the originality, accuracy, and integrity of the article.

Introduction

The legal conceptualisation of animals has long been rooted in anthropocentric assumptions that reinforce their classification as property, regulate their welfare only instrumentally, and obscure their intrinsic moral status. Traditional legal systems continue to function within a paradigm that grants animals, at best, derivative

1. P. Gulič Pirnat, Faculty of Arts, University of Ljubljana, Askerceva cesta 2, 1000 Ljubljana, Slovenia. E-mail: priscila.gulicpirnat@ff.uni-lj.si. ORCID: 0009-0008-8231-1449.

protection based on human interests while denying them recognition of their legal subjectivity. Against this backdrop, contemporary animal law scholarship has sought to challenge the normative foundations of existing frameworks by advocating for models that recognise animals as rights-bearers. This article critically examines the limitations of the welfare paradigm and explores emerging legal strategies that attempt to move beyond it — most notably the personhood approach, the rights of nature framework, and the development of nuanced models of animal jurisprudence.

Through a comparative and interdisciplinary analysis, this article examines how these approaches redefine the legal status of animals and question the entrenched binary between persons and things. While legal personhood for cognitively complex animals — such as elephants or great apes — has gained traction in some jurisdictions², it remains constrained by cognitive thresholds that reproduce human-centred standards. The rights of nature model, on the other hand, opens up space for ecocentric and collective legal recognition but often subsumes the interests of individual animals under broader ecological goals. To address these tensions, the article introduces the concept of differentiated animal jurisprudence, which argues in favour of a pluralistic legal architecture that takes into account the contextual, species-specific, and relational features of animal life. This vision culminates in an analysis of Eva Berner Kemper's gradualist model of animal rights, which dissolves the false binary between property and personhood by proposing a scalable, pragmatic path to legal recognition.

Taken together, these legal innovations reflect a profound re-orientation of the way justice is theorised and institutionalised in relation to nonhuman animals. They invite a shift from an anthropocentric abstraction to a legal pluralism based on ecological and moral complexity. By exploring the intersections and limitations of each framework, this article contributes to a more nuanced view of animal law — one that understands legal reform not as a one-off event but as a multi-layered and evolving process of legal inclusion.

2. Raffael N Fasel and Sean C Butler, *Animal Rights Law* (Hart 2023), 119–145.

I. Paradigm of animal welfare vs. paradigm of animal rights

The legal and ethical treatment of non-human animals has traditionally been characterised by two dominant and often contradictory paradigms: the animal welfare paradigm and the animal rights paradigm. These frameworks differ not only in their ethical foundations but also lead to fundamentally different legal implications. As legal scholarship increasingly questions the anthropocentric structures of law, understanding this paradigmatic divide is critical to assessing both the limits and transformative potential of contemporary animal law. The paradigm of animal welfare is based on the notion that animals can be used for the benefit of humans, provided that their suffering is minimised. This utilitarian model has its philosophical roots in thinkers such as Jeremy Bentham, who famously stated in *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* ([1789], 1823), "The question is not, Can they reason? nor, Can they talk? but, Can they suffer?"³ Bentham's formulation was groundbreaking because it recognised the moral relevance of sentience rather than cognitive abilities, but it did not call for the abolition of animal exploitation. Rather, it legitimised regulated use. In legal systems influenced by this approach to animal welfare, animals are treated as legal objects or property, and their interests are subordinated to the economic, cultural, or

3. Jeremy Bentham, *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* (New ed, corrected by the author, Clarendon Press 1789), 311, fn 1: »The day may come, when the rest of the animal creation may acquire those rights which never could have been withhelden from them but by the hand of tyranny. The French have already discovered that the blackness of the skin is no reason why a human being should be abandoned without redress to the caprice of a tormentor. It may come one day to be recognised, that the number of the legs, the villosity of the skin, or the termination of the os sacrum, are reasons equally insufficient for abandoning a sensitive being to the same fate. What else is it that should trace the insuperable line? Is it the faculty of reason, or, perhaps, the faculty of discourse? But a full-grown horse or dog is beyond comparison a more rational, as well as a more conversable animal, than an infant of a day, or a week, or even a month, old. But suppose the case were otherwise, what would it avail? the question is not, Can they *reason*? nor, Can they *talk*? but, Can they *suffer*?«

scientific goals of humans. Legislative frameworks — such as the *European Union's Directive 2010/63/EU*⁴ on animal experimentation or the *U.S. Animal Welfare Act (1966)*⁵ — establish minimum standards for housing, feeding, and transportation, but these are often riddled with exemptions, particularly for industries with strong lobbying power (e.g., agriculture and research). As Gary Francione⁶ argues, the animal welfare model serves primarily to familiarise the public with the continued use of animals without questioning the fundamental assumption that animals exist for human purposes. Animal welfare-based legal systems tend to rely on cost-benefit analyses that weigh the suffering of animals against the benefits to humans. This is reflected in the concept of 'unnecessary suffering,' which is often interpreted in terms of prevailing human interests rather than the point of view of the animal itself.⁷ Scholars such

4. 'Directive — 2010/63 — EN — EUR-Lex'. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/63/oj/eng>, accessed 9 May 2025.

5. 'Animal Welfare Act | National Agricultural Library'. URL: <https://www.nal.usda.gov/animal-health-and-welfare/animal-welfare-act>, accessed 9 May 2025.

6. Gary Francione, *Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement* (Temple University Press 1996), ch. 1 and ch. 5; see also: Gary L Francione and Alan Watson, *Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* (49054th edition, Temple University Press 2000), ch. 2 and ch. 4.

7. Many pieces of legislation stating the aim of preventing 'unnecessary suffering' lack a clear distinction between 'unnecessary' and 'necessary' calling for definitions, as it is difficult to decide where to draw the line or for a citizen to interpret what is regarded acceptable by the legislator. Several interpretations are possible, e.g. the intensity and duration of the suffering, the intention behind the act, the fulfillment of human interests and the animals' interests. Furthermore, countries differ regarding what species are legally protected and at what level. For more see: F Lundmark, C Berg and H Röcklinsberg, "Unnecessary Suffering" as a Concept in Animal Welfare Legislation and Standards' in Helena Röcklinsberg and Per Sandin (eds), *The ethics of consumption: The citizen, the market and the law* (Academic Publishers 2013); Thomas Köllen and Doris Schneeberger, 'Avoiding Unnecessary Suffering: Towards a Moral Minimum Standard for Humans' Responsibility for Animal Welfare' (2023) 32 Business Ethics, the Environment & Responsibility 1139.

as David Favre⁸ and Steven Wise⁹ have criticized this structure for allowing systematic harm to animals under the guise of regulation. Ultimately, animal welfare law upholds a speciesist legal system¹⁰, in which non-human animals are only protected to the extent that their welfare coincides with the interests of humans. In contrast, the animal rights paradigm asserts that animals are moral subjects that should not be treated as means to human ends, regardless of how “humanely” they are used. This paradigm emerged in its modern form with the work of Tom Regan, whose *The Case for Animal Rights* (1983) introduced a deontological framework based on the concept of inherent value. Regan argued that certain animals — the ‘subjects of a life’ — have beliefs, desires, memories, a sense of the future, and emotional complexity and are therefore entitled to moral rights. Building on this view, Gary Francione has developed a legal theory of animal rights that calls for the abolition of institutionalised animal use rather than its regulation. In works such as *Animals, Property, and the Law* (1995) and, as mentioned above, *Rain Without Thunder* (1996), Francione criticises animal welfare reforms as morally and legally incoherent. He argues that as long as animals are considered property, their interests will always be overridden by those of their human owners. Legal rights are necessary to provide animals with meaningful protection — not just as passive recipients of human care, but as holders of enforceable claims. Furthermore, the rights paradigm calls into question the anthropocentric foundations of legal personhood. Legal theorists such as Steven Wise and the Nonhuman Rights Project (NhRP)

8. David Favre, ‘Living property: a new status for animals within the legal system’ [2010] *Marquette Law Review* 1021, 1042–1064. The author criticises the limitations of current animal welfare laws and their dependence on property-based frameworks. Although his analysis assumes that animals remain in some form of property status, the author emphasises that this does not mean that wild animals per example do not deserve or are somehow incapable of possessing legal rights.

9. Steven M Wise, *Rattling The Cage: Toward Legal Rights For Animals* (First Edition, Perseus Publishing 2000), 23–88.

10. Joan Dunayer, *Speciesism: A Failure, in Attitude or Practice, to Accord Any Nonhuman Being Equal Consideration and Respect* (Ryce 2004), 31–50, 99–112, 135–150.

have strategically litigated to obtain legal personhood for cognitively sophisticated animals such as chimpanzees and elephants. In this way, they challenge the assumption that personal rights only apply to humans and emphasise the arbitrariness of denying legal capacity to sentient, autonomous beings. Although the courts have largely resisted these arguments, a growing number of judicial opinions — such as the dissenting opinion in *Happy the Elephant* — signal a shift in legal consciousness.

While the distinction between welfare and rights is often presented as binary, several scholars propose more nuanced or hybrid models. Martha Nussbaum's capabilities approach¹¹ for example, offers a third way by suggesting that justice requires that all sentient beings be given the opportunity to flourish according to their species-specific capacities. Nussbaum argues for a constitutional model of justice for animals that does not rely solely on human-like characteristics or property relations but recognises animals as beings with entitlements. In addition, Sue Donaldson and Will Kymlicka's theory of animal citizenship¹² proposes differentiated rights based on animals' relationships to human society, offering a path beyond blanket welfare and abstract personhood. They call for sovereignty for wild animals, co-citizenship for domesticated animals, and denizenship for liminal animals. This model recognises the limits of a blanket rights approach and emphasises the importance of political inclusion and relational justice. The tension between the animal welfare and animal rights paradigms is not merely theoretical — it has profound implications for how legal systems conceptualise justice, obligation, and moral community. While animal welfare law may offer incremental improvements, it risks reinforcing the very structures that perpetuate suffering.¹³

11. Martha C Nussbaum, *Justice for Animals: Our Collective Responsibility* (Simon & Schuster 2023), 80 — 153. See also: Martha C Nussbaum, *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership* (Harvard University Press 2006). URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1c7zftw>, accessed 9 May 2025.

12. Sue Donaldson and Will Kymlicka, *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights* (Oxford university press 2013).

13. This critique has been advanced by scholars who argue that animal welfare frameworks, rather than dismantling systems of exploitation, of-

The rights paradigm, while more challenging, provides a critical lens through which to question the underlying assumptions of the legal system and imagine a post-anthropocentric jurisprudence.¹⁴ As legal debates move from the question of whether animals should be protected to the question of how and under what conditions, it becomes increasingly important to recognise the paradigmatic choices embedded in legal discourse. The transition from welfare to rights is not only a matter of degree but also a shift in worldview: animals are no longer seen as vulnerable objects of care but as subjects with lives that matter independently of human use.

2. Animal rights approach — legal personhood for animals

The animal rights approach challenges the longstanding anthropocentric orientation of law¹⁵ by proposing a fundamental shift in how animals are conceived within legal systems. Rather than

ten legitimize them by making their operations appear more humane. As such, they risk entrenching anthropocentric and speciesist legal norms, see Gary L Francione, *Animals, Property, and the Law* (Temple University Press 1995); Maneesha Deckha, 'The Subhuman as a Cultural Agent of Violence' (2010) 8/3 *Journal for Critical Animal Studies* 28; David Nibert, *Animal Oppression and Human Violence: Domesecration, Capitalism, and Global Conflict* (Columbia University Press 2013).

14. See Donaldson and Kymlicka (n 12); Gary L Francione, *Animals as Persons: Essays on the Abolition of Animal Exploitation* (Columbia University Press 2008); Nussbaum, *Justice for Animals* (n 11); Anna Grear, "Deconstructing Anthropos": A Critical Legal Reflection on "Anthropocentric" Law and Anthropocene "Humanity" (2015) 26 *Law and Critique* 225.

15. Since the Code of Hammurabi, through Greek and Roman philosophy, the Middle Ages, and into modernity, legal and philosophical systems have largely privileged human interests, often justified by utilitarian or hierarchical reasoning. From Aristotle's doctrine of natural hierarchy to Roman law's classification of animals as property (*res*), through medieval Christian theology and Enlightenment rationalism, animals were consistently excluded from moral and legal consideration. See Wise (n 9); Peter Garnsey, *Thinking about Property: From Antiquity to the Age of Revolution* (Cambridge University Press 2007); Tom Regan, *The Case for Animal Rights* (University of California Press 1983); Peter Singer, *Animal Liberation* (HarperCollins 1975).

treating animals as objects of human stewardship or welfare regulation, this approach insists that certain animals should be recognized as legal persons — entities with rights that can be invoked and defended in a court of law. This chapter explores the implications of such recognition, the historical background of animals as property, the ongoing legal debate, and the potential shift this approach signals for the future of animal protection.

Throughout legal history, nonhuman animals have been classified as property, a status that continues to dominate contemporary legal systems worldwide. This classification is deeply rooted in Roman law, which distinguished between *personae* (legal persons) and *res* (things), with animals firmly placed in the latter category. This legal objectification of animals reflected and reinforced a broader ontological hierarchy, where only humans were seen as capable of rights and duties, and all other beings existed to serve human interests. Legal philosophers such as John Locke¹⁶ and Immanuel Kant¹⁷ contributed to the notion that animals, lacking

16. The greatest influence on the legal and moral status of animals was Locke's political philosophy, which he expressed in two treatises concerning government. In this work, he laid the foundations of the liberal theory of property and natural law that would characterise the legal systems of Western societies in the following centuries. According to Locke, the natural rights of the individual — in particular, the right to life, liberty, and property — are the basis of social order. In this framework, animals are not understood as bearers of rights but as a part of nature that humans can legitimately exploit. This is a distinctly anthropocentric view that sees nature as a raw material for human utilisation, which was characteristic of early capitalism and colonial expansion. This concept of property had important consequences for the understanding of animals in law: their suffering was not legally relevant unless it affected the property damage of their owners. In: John Locke and Mark Goldie, *Two Treatises of Government* (New ed, reprinted, Dent [u.a.] 1689).

17. Kant's moral philosophy is based on the concept of rational autonomy. In his view, morality is only possible in beings that are capable of understanding and obeying the moral law dictated by the categorical imperative. As Kant did not regard animals as rational beings, he did not ascribe them any intrinsic moral value. In his view, animals act solely on instinct and are incapable of moral judgment and therefore cannot be bearers of rights or moral duties. Kant's anthropocentric view of morality had a profound influence on later legal and ethical systems. His thinking has

rationality and moral autonomy, could not be rights holders. Consequently, the suffering or well-being of animals was considered only insofar as it affected human morality or social order. While modern animal welfare laws have introduced limited protections, these do not alter the underlying legal ontology: animals remain objects of ownership, and any harm to them is primarily a violation of human property or regulatory law, not a violation of the animals' own rights. The animal rights approach calls for recognizing at least some nonhuman animals as legal subjects — entities with the capacity to hold and exercise rights. This recognition is not necessarily tied to granting all the same rights as humans but aims to establish legal standing, inviolability of basic interests, and access to justice. The debate hinges on two interrelated questions: who counts as a legal person, and what criteria justify the attribution of personhood? Traditional legal theory has linked personhood with capacities such as rationality, autonomy, and self-awareness — traits often claimed to be exclusive to humans. However, scientific advances in cognitive ethology have dismantled these assumptions. Many animals, especially primates, elephants, cetaceans, and birds like corvids, exhibit behaviors indicative of self-awareness, empa-

contributed to the development of the concept of human rights and the philosophy of law, but it has also contributed to the marginalisation of the issue of animal rights. Christine Korsgaard has attempted to reformulate or reinterpret Kant's ideas in favour of animal rights. She argues that Kant's imperative can also apply to sentient beings that are not rational. See: Christine Korsgaard, 'A Kantian Case for Animal Rights' in Tatjana Višak and Robert Garner (eds), Peter Singer, *The Ethics of Killing Animals* (Oxford University Press 2015). Kant's distinction between humans and animals has often been criticised because it is not empirically proven and ignores modern scientific findings on the cognitive abilities of animals. Studies in ethology and neuroscience have shown that many animals (e.g., primates, dolphins, elephants, crows) exhibit complex cognitive abilities, consciousness, and even some form of rationality. See Mark Rowlands, *Can Animals Be Moral ?* (Oxford University Press 2012); Marc Bekoff and Jane Goodall, *The Emotional Lives of Animals: A Leading Scientist Explores Animal Joy, Sorrow, and Empathy — and Why They Matter* (1. paperback printing, New World Library 2008); Frans De Waal, *Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?* (W W Norton and Co 2017). Kant's argument that only humans are rational and therefore deserve moral consideration is therefore rather questionable today.

thy, planning, and social complexity.¹⁸ These findings have fueled calls to expand the circle of legal personhood to include at least some nonhuman species. Yet, the move toward legal subjectivity remains controversial. Visa Kurki argues that equating legal personhood with the possession of rights is not the best way to understand the concept but rather confusing.¹⁹ Others caution against a purely cognitive approach, warning it may replicate exclusionary hierarchies by privileging intelligence or autonomy while ignoring relational, emotional, or ecological dimensions of being.²⁰ Feminist and posthumanist scholars emphasize that such frameworks risk reinforcing anthropocentrism, advocating instead for legal models grounded in vulnerability, interdependence, and multispecies justice.²¹

A key advocate of legal personhood for animals was Steven M. Wise, founder of the Nonhuman Rights Project (NhRP). Wise argued that legal personhood is not limited to humans and should be based on morally relevant criteria such as autonomy, self-determination, and the ability to value one's life. The NhRP has filed strategic litigation seeking habeas corpus relief for chimpanzees and elephants held in captivity, aiming to establish precedent for recognizing nonhuman animals as legal persons. One of the most prominent cases brought by the NhRP involved Happy, an Asian elephant who has lived alone at the Bronx Zoo for over 40 years. The legal team argued that Happy possesses a sense of self, demonstrated through mirror self-recognition tests, and that her continued confinement violated her fundamental right to bodily liberty. The petition sought her transfer to a sanctuary where she could live in social and spatial conditions closer to her natural needs. In 2022,

18. See Bekoff (2008), De Waal (2017), Rowlands (2012).

19. Visa AJ Kurki, *A Theory of Legal Personhood* (Oxford University Press 2019), 47-62.

20. Cora Diamond, 'Eating Meat and Eating People' (1978) 53 *Philosophy* 465.

21. Maneesha Deckha, *Animals as Legal Beings: Contesting Anthropocentric Legal Orders* (University of Toronto Press 2021); Maneesha Deckha, 'Toward a Postcolonial, Posthumanist Feminist Theory: Centralizing Race and Culture in Feminist Work on Nonhuman Animals' (2012) 27 *Hypatia* 527.

the New York Court of Appeals ruled against the NhRP, holding that while animals are entitled to some legal protections, they do not qualify for habeas corpus relief because they are not “persons” under New York law. The court emphasized that recognizing such rights would be a radical departure from legal precedent and risk destabilizing human-animal relations in law. However, in a notable dissent, Judge Rowan Wilson argued that the law must evolve and that autonomy — not species membership — should be the relevant criterion for legal personhood. He stated: “While it may be unsettling to some, granting Happy a right does not make her a human being. It makes her a nonhuman being with a right.”²² The Happy case illustrates both the barriers and the potential of the legal personhood approach. While the majority decision maintained the status quo, the judicial dissent and the public attention the case attracted reflect a growing unease with the moral and legal assumptions that currently define animals’ status.

Legal personhood for animals remains a contested and evolving concept. Some legal scholars, such as Visa Kurki, suggest that personhood is a flexible legal fiction — a tool used by the law to allocate rights and responsibilities, not a metaphysical truth. From this perspective, there is no principled reason why nonhuman animals could not be recognized as rights bearers, provided the law chooses to do so.²³ Others emphasize the role of dignity, vulnerability, and relationality as bases for legal inclusion, proposing a more pluralistic and context-sensitive model of legal subjectivity.²⁴ The animal rights approach is therefore not just about extending existing human rights to animals but about a new conception of legal subjectivity that reflects the moral status of nonhuman life. This means moving away from anthropocentric legal assumptions and towards a framework that recognises animals as ends in them-

22. *Nonhuman Rights Project, Inc. v Breheny* 38 NY3d 830 (NY Ct App 2022) (Wilson J, dissenting). ‘Nonhuman Rights Project, Inc. v Breheny’ (*Justia Law*). URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/2022/52.html>, accessed 10 May 2025.

23. Kurki (n 19).

24. Per example Eva Bernet Kempers, ‘Animal Dignity and the Law: Potential, Problems and Possible Implications’ (2020) 41 *Liverpool Law Review* 173.

selves, with interests that are worthy of protection in their own right. The legal personhood approach challenges one of the most entrenched dogmas of Western legal systems: the sharp divide between persons and things. While still in its infancy, the growing body of case law²⁵, scholarly work, and public advocacy suggests that this approach is gaining conceptual and political traction. The animal rights paradigm, grounded in personhood, offers a radical yet coherent challenge to the commodification and subordination of nonhuman life. Although courts remain cautious, and legislative reform is slow, the personhood debate reveals the fragility of legal boundaries once thought immutable. As animals continue to be recognized as sentient, autonomous, and socially embedded beings, the call for their recognition as legal persons or rights bearers may come to be seen not as a legal anomaly but as a necessary evolution in the pursuit of justice beyond the human.

3. Animal rights approach — Nature's rights for animals

Discourse on animal rights has traditionally focused on the moral and legal status of individual animals, often drawing on concepts such as sentience, autonomy, and dignity. However, a parallel and increasingly influential approach — the rights of nature paradigm — shifts the focus from the rights of individual animals to the recognition of ecosystems, species, and natural communities as rights-bearing entities. In this framework, animals are understood not just as isolated beings but as integral parts of ecological wholes whose protection depends on the maintenance of the ecological relationships in which they exist. This chapter examines how the

25. See *AFADA s/ Habeas Corpus* (Buenos Aires Court of Appeals, 18 December 2014) (Sandra the orangutan case), where an orangutan was recognized as a “non-human person” with certain rights; *Corte Constitucional del Ecuador*, Caso No 253-20-JH/22 (Estrellita case, 27 January 2022), in which the court affirmed that individual wild animals are subjects of rights under Ecuador's constitution; and Government of India, Ministry of Environment and Forests, Notification No 20-1/2013-CZA (17 May 2013), prohibiting the captivity of dolphins on the grounds that they should be viewed as “non-human persons” due to their advanced cognitive capacities.

rights of nature framework reshapes the foundations of legal protection for animals by locating their interests within the integrity of the ecosystem and explores its application in pioneering jurisdictions such as Ecuador and Bolivia.

The rights of nature paradigm recognises that animals do not exist in isolation, but as members of complex ecological systems. Their welfare, survival, and even identity are deeply embedded in the webs of interdependence that make up nature. This view rejects both the Cartesian notion of animals as machines²⁶ and the liberal rights model of individuals with rights abstracted from their environment. Instead, it draws on the ecocentric philosophy of thinkers such as Aldo Leopold (1949), who advocated an “ecological conscience,” arguing that humans should develop an ecological conscience — a moral responsibility toward nature. He believed that actions are right if they help protect the health, balance, and beauty of the natural world. This means valuing ecosystems not

26. With his philosophical dualism, Descartes established a strict separation between humans and other living beings, thus influencing epistemology, metaphysics, and the development of the natural sciences. One of his most controversial theses was the conceptualization of animals as automata, that is, machines without consciousness and the ability to feel. This view had far-reaching consequences not only in philosophy but also in scientific disciplines and law, as it justified an instrumental attitude towards animals, which were considered mechanical systems without internal experience. In his work *Discours de la méthode* (*Discourse on Method*, 1637), Descartes substantiates his understanding of animals as mechanical beings. He argues that animals are simply complex machines that respond to external stimuli without any internal consciousness or suffering. The key to his argument lies in the dualistic understanding of reality, where he distinguishes between the mind (*res cogitans*), which is a property exclusively of humans, and the body (*res extensa*), which belongs to both humans and animals. Since the mind, as the seat of reason and consciousness, is supposed to be possessed only by humans, Descartes rejects the possibility that animals have any inner experiences. For a more comprehensive overview, see René Descartes and J. Cottingham, R. Stoothoff, & D. Murdoch, Eds. in Trans., ‘The Philosophical Writings of Descartes. 3: The Correspondence’ (Repr, Cambridge Univ Press 1997). See also: John Cottingham, ‘Descartes on ‘Thought’’ (1978) 28 *The Philosophical Quarterly* 208–214; Gary L. Francione, *Animals as Persons: Essays on the Abolition of Animal Exploitation* (Columbia University Press 2008), 28–29.

just for human use, but as communities that deserve respect in their own right.²⁷ Arne Naess (1989), the founder of deep ecology, similarly argued that living things — including animals — acquire moral and legal relevance through their embeddedness in an ecological whole and not just through cognitive or utilitarian criteria.²⁸ More recently, George Monbiot (2022) has emphasised the legal and ethical need to move from an extractive, human-centered policy to one that respects the systemic integrity of living communities, including wildlife as integral members.²⁹ From this perspective, the protection of animals requires legal systems that go beyond welfare or individual rights and instead protect the integrity of the ecosystems to which they belong. The rights are therefore seen as arising from ecological relationships rather than as properties of single, rational individuals. This shift challenges human-centered categories of rights and opens up the possibility of protecting species, habitats, and ecological functions as legal rights. In contrast to the individualistic orientation of the liberal legal tradition, the rights of nature approach emphasises collective rights — the rights of species, populations, or ecosystems as a whole. Animals are therefore not only protected because of their individual sentience or moral value, but because of their integral ecological role. The legal recognition of the rights of wolves, jaguars, or river dwellers, for example, is based on their contribution to biodiversity, trophic balance, and the resilience of ecosystems.³⁰ This paradigm shift sees animals not as isolated beings with interests, but as participants in complex, interdependent systems whose collective flourishing is legally significant. Uruguayan biologist Eduardo Gudynas argues that this

27. Aldo Leopold, *A Sand County Almanac and Sketches Here and There* (Oxford University Press, USA 1972).

28. Arne Naess, *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy* (David Rothenberg tr, 1st edn, Cambridge University Press 1989).

29. George Monbiot, *Regenesi: Feeding the World without Devouring the Planet* (Penguin Books 2022). See also George Monbiot, *Feral: Rewilding the Land, the Sea, and Human Life* (Penguin Books 2014).

30. See César Rodríguez Garavito (ed), *Law and Society in Latin America: A New Map* (1st issued in paperback, Routledge 2016); David R Boyd, *The Rights of Nature: A Legal Revolution That Could Save the World* (No edition, ECW Press 2017).

ecocentric and relational framework reflects a post-anthropocentric ontology, where both humans and non-human animals belong to a shared biotic community³¹, and the law must move beyond anthropocentric assumptions to reflect this embeddedness. Such a model draws on Latin American constitutional innovations (e.g., in Ecuador and Bolivia), indigenous jurisprudence, and ecological justice. Importantly, rights of nature frameworks often challenge prevailing legal constructs such as private property and the developmental logic of extractivist economics.³² Rather than providing reactive, individualised protection, these legal models aim to prevent ecological degradation at its root by preserving the systemic conditions necessary for animal life and ecological harmony. The paradigm of the rights of nature has moved from theory to practice, particularly in Ecuador and Bolivia, where the rights of nature are enshrined in the constitution and in law. In Ecuador, the 2008 constitution recognises the *Pachamama* (*Mother Earth*) as the bearer of rights. Ch. 7, art. 71 states: “Nature, or Pacha Mama, where life is reproduced and occurs, has the right to integral respect for its existence and for the maintenance and regeneration of its life cycles, structure, functions, and evolutionary processes.”³³ This legal innovation has enabled citizens — and in some cases state actors — to sue on behalf of rivers, forests, and animal populations that have been damaged by development, pollution, or deforestation.³⁴ In the

31. Eduardo Gudynas, ‘The Biocentric Path: Intrinsic Values, Nature Rights and Ecological Justice = La Senda Biocéntrica: Valores Intrínsecos, Derechos de La Naturaleza y Justicia Ecológica’ [2010] *Tabula rasa: Revista de Humanidades* 45.

32. See Eduardo Gudynas, *Extractivisms: Politics, Economy and Ecology* (Fernwood Publishing 2020); Monbiot, *Regenesis* (n 29).

33. ‘Ecuador: 2008 Constitution in English’. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html>, accessed 10 May 2025.

34. An example of this is the case of Los Cedros, a cloud forest in north-western Ecuador, where a mining project was meant to be implemented. In the court proceedings, the Constitutional Court examined and described the cloud forest in question in detail, including animals and plants, water cycles and climatic conditions, thus concluding that it was a fragile ecosystem and under threat by the repercussions of the mining project. See <https://www.boell.de/en/2025/01/27/rights-nature-ecuador>, accessed 16 May 2025.

case of the Vilcabamba River, for example, the river was recognised as a legal entity and received compensation when its natural course was disturbed by road construction work.³⁵ Although the Ecuadorian legal framework does not focus exclusively on animals, it does provide a basis for the protection of animal populations as part of nature's life systems. In 2022, the Ecuadorian Constitutional Court went one step further in the Estrellita case and recognised a right of a woolly monkey kept as a pet.³⁶ The court ruled that wild animals have rights that arise from their natural role within ecosystems. This linked the doctrine of the rights of nature with the protection of individual animals and blurred the boundaries between collective and individualistic approaches.³⁷ In Bolivia, the *Law of the Rights of Mother Earth* (2010)³⁸ and the *Framework Law of Mother Earth and Integral Development for Living Well* (2012)³⁹ similarly define nature, including animals, as a collective subject of rights. These laws articulate a vision of Buen Vivir (Living Well), drawn from Indigenous Andean cosmologies, where humans, animals, and nature coexist in reciprocal relations. Rights are attributed to "Mother Earth," encompassing the right to life, biodiversity, water, clean air, equilibrium, and restoration. Animals are seen as "beings

35. Vilcabamba River Case (Ecuador) [2011] Inter-Am Ct HR (ser C) No 236, Judgment (11 November 2011). India followed a similar path when, in 2017, the Ganga and Yamuna Rivers were declared legal persons by the Uttarakhand High Court (*Mohd Salim v State of Uttarakhand* (2017) AIR 2017 SC 1429). See also: Erin L O'Donnell and Julia Talbot-Jones, 'Creating Legal Rights for Rivers: Lessons from Australia, New Zealand, and India' (2018) 23 *Ecology and Society* art7.

36. Fasel and Butler (n 2). 138–141.

37. As the judges note, the Constitution recognises not only human beings as subjects of law and rights: nature, too is seen as 'a subject of rights with an intrinsic value, which implies that it is an end in itself and not only a means to achieve the ends of others', *ibid.*, 139.

38. *Law of the Rights of Mother Earth* (2010), Law No. 071 of 21 December 2010 (Bolivia). An English translation is available from the United Nations Harmony with Nature Programme: <https://tinyurl.com/2b8drpor>.

39. *Framework Law of Mother Earth and Integral Development for Living Well* (2012), Law No. 300 of 15 October 2012 (Bolivia). English summary and analysis available via the UN Environment Programme: <https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/9248>.

with intrinsic value,” contributing to the harmony of nature. Although enforcement remains uneven, the Bolivian case signals an important decolonial alternative to Western anthropocentric law. The rights of nature approach offers a complementary yet different model to individual animal rights. Rather than focusing on autonomy, sentience, or moral personhood, it anchors animal welfare in the ecological interdependence and moral status of nature as a whole. This provides a more solid legal basis for the protection of animals in the wild — especially those whose role is essential to the stability of the ecosystem but which may not fulfill the criteria for personhood. However, critics warn that the focus on ecosystems can subordinate the interests of individual animals to abstract ecological goals.⁴⁰ For example, some conservation measures based on ecosystem health may justify the killing of invasive species or the reintroduction of predators in a way that harms individual animals. A key challenge is therefore to reconcile the rights of nature with the protection of individual animals, avoiding the pitfalls of both individualism and ecological utilitarianism.

Emerging hybrid frameworks attempt to bridge the traditional divide between individualistic animal rights and ecocentric environmental ethics. Sue Donaldson and Will Kymlicka have developed a political theory of animal rights in which wild animals are seen as members of sovereign communities. While their work is not ecological in the biocentric sense, it converges with ecological insights by insisting that wild animal communities should be respected as self-determining political entities with a right to territorial integrity and freedom from human domination. Their *zoopolis* model articulates differentiated forms of justice: citizenship for domesticated animals, denizenship for frontier animals, and sovereignty for wild animals, with legal status grounded in the relational and political roles that animals occupy in human

40. Tom Regan, *The Case for Animal Rights* (University of California Press 1983); Mark Sagoff, ‘Animal Liberation and Environmental Ethics: Bad Marriage, Quick Divorce’ (1984) 22(2) *Osgoode Hall Law Journal* 297; Gary E Varner, *In Nature’s Interests? Interests, Animal Rights, and Environmental Ethics* (Oxford University Press 1998).

and non-human societies.⁴¹ They offer a more nuanced and sophisticated legal framework that addresses species-specific needs and ecological contexts without turning animals into abstract rights holders or passive elements of nature. The rights of nature paradigm offers a profound shift in legal reasoning that goes beyond anthropocentric, property-based, or individualistic models of animal welfare. It places animals in a broader ecological and cosmological framework and emphasises their intrinsic value and systemic importance. The constitutional and legal recognition of the rights of nature in countries such as Ecuador and Bolivia is a pioneering step toward this new legal ontology. For animal law, this approach does not negate the value of individual rights or legal personhood but rather complements them with a deeper understanding of animals as members of living ecosystems. In view of the worsening climate crisis and the loss of biodiversity, the integration of the principles of the rights of nature into legal systems may not only be ethically desirable but also ecologically imperative.

4. Which rights for wild animals?

The question of which rights should be granted to wild animals lies at the interface of moral philosophy, ecological science, and legal theory. While the approaches of animal welfare and legal personhood focus on preventing harm and recognising the intrinsic value of animals, they often fail to do justice to the complex heterogeneity of wild animal life. Wild animals live in different habitats and have a wide range of cognitive, emotional, and social abilities. Consequently, their protection requires a more differentiated legal framework that is tailored not only to their species-specific characteristics but also to the ecological contexts in which they live. This chapter explores how legal systems might differentiate the rights of wild animals — by combining legal personhood (or fundamental rights) for cognitively advanced species with ecological or collective protection for less complex species, and how the protection of individual animals can be reconciled with the requirements of ecological integrity. In contrast to domesticated or captive animals, wild animals live autonomously, outside of direct human care, but

41. Donaldson and Kymlicka (n 12).

increasingly within ecosystems that are influenced by humans. Therefore, legal protection for wild animals must take into account their independent lives and the ecological functions they fulfill. A blanket approach — whether based on sentience, autonomy, or species membership — is insufficient. What is needed is a differentiated model of animal jurisprudence that respects both the moral relevance of individual capacities and the broader ecological dynamics in which animals are implicated. While sovereignty may be appropriate for many wild species, certain animals — such as apes, elephants, whales, and some birds — exhibit highly developed cognitive and emotional capacities that make them candidates for legal personhood or at least some rights, according to Visa Kurki's bundle theory.⁴² These animals have self-awareness, complex social structures, memory, and even forms of moral behaviour.⁴³ Personhood rights for such animals would not only protect them from captivity and exploitation but also recognise them as 'subjects of a life' deserving of freedom and respect. However, the concept of personhood remains a narrow and selective tool that is exclusively applicable to human species and does not meet the needs of most wild animals but does meet the needs of some. For the vast majority of wild animals — those that do not meet the cognitive or emotional thresholds for the status of a person⁴⁴ — alternative legal frame-

42. Kurki (n 19).

43. See Lori Marino et al, 'The Declaration of Rights for Cetaceans: Ethical and Policy Implications of Extending Moral and Legal Rights to Nonhuman Animals' (2011) 1 *Animals* 33; Steven M Wise, *Rattling the Cage: Toward Legal Rights for Animals* (Perseus Books 2000); Paola Cavalieri and Peter Singer (eds), *The Great Ape Project: Equality Beyond Humanity* (St Martin's Press 1993); Christine M Korsgaard, *Fellow Creatures: Our Obligations to the Other Animals* (Oxford University Press 2018) ch 4. See also Frans de Waal, *Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?* (WW Norton 2016); Marc Bekoff, *The Emotional Lives of Animals: A Leading Scientist Explores Animal Joy, Sorrow, and Empathy — and Why They Matter* (New World Library 2007).

44. Our understanding of the inner lives of most animals remains extremely limited, especially for wild species. Given this epistemic uncertainty, scholars have argued for applying the precautionary principle when designing legal protections for animals. The Finnish Animal Rights Law Society has proposed incorporating the precautionary principle into

works are needed. A promising approach to animal welfare is the formulation of species-specific rights that are based on ethological and ecological knowledge and take into account the natural behavior, habitats, and needs of different species. These rights aim to tailor legal protection to the biological and ecological circumstances of animals rather than applying blanket standards. For example, legal frameworks could safeguard migration corridors for Alpine ibex, wetlands for storks, or landscape connectivity for lynx populations in the Carpathians — all of which are essential for the long-term survival and ecological functioning of these species.⁴⁵ Such initiatives are consistent with the ecological rights developed in the Rights of Nature movement, which view animals not just as sentient individuals but as integral ecological actors. These rights are relational and collective, recognising that animals play a key role in maintaining biodiversity, seed dispersal, nutrient cycling, and shaping landscapes.⁴⁶ A notable European example is Slovenia's legal protection of corridors for large carnivores, which reflects an understanding of animals as regulators of ecosystem processes. By preserving the functional connectivity of habitats, Slovenia promotes not only the survival of species but also the resilience of the

Finland's Constitution as part of a broader initiative to recognize fundamental animal rights. This principle posits that, in the face of scientific uncertainty regarding animal sentience, animals should be presumed sentient unless there is compelling evidence to the contrary. For more see: Birgitta Wahlberg, 'Animal Law in General and Animal Rights in Particular' (2021) 67 *Scandinavian Studies in Law* 25–26; see also Emnée Van Den Brandeler, 'Towards an Epistemology of "Speciesist Ignorance"' (2024) 30 *Res Publica* 783.

45. JDC Linnell and others, 'Guidelines for Population Level Management Plans for Large Carnivores in Europe.' URL: <https://tinyurl.com/234bz59l>. Although legal instruments such as the Natura 2000 network, the Bern Convention, and national habitat protection laws already exist, they often lack the integrative and dynamic capacity to safeguard the broader ecological processes — such as migration and landscape connectivity — essential to species survival. Hence, the call for further legal developments is not redundant but necessary to address these limitations.

46. Susana Borràs, 'New Transitions from Human Rights to the Environment to the Rights of Nature' (2016) 5 *Transnational Environmental Law* 113.

ecosystems they help to maintain. This approach shifts the focus of legislation from the welfare of the individual to the integrity of the ecosystem and promotes a more preventative, systemic, and ecologically sound model of animal welfare. However, this ecologically based approach is not without its contradictions. In Slovenia, while corridors for large carnivores are protected to maintain habitat connectivity, the state also authorises the annual culling of brown bears, citing population control and human safety. In 2022, for example, the Slovenian Ministry of Environment approved the killing of 222 brown bears, a decision that was upheld by the Administrative Court despite appeals from environmental organisations.⁴⁷ This highlights an ongoing tension in the management of wildlife: Even within progressive legal frameworks, animals are often managed according to a utilitarian logic that prioritises human interests over ecological integrity. The challenge, then, is to reconcile species-specific and ecological rights with management practices that may undermine the very systems these rights are intended to protect. Future legal systems may need to adopt hybrid models in which legal personality, sovereignty, species-specific protection, and ecological rights interact rather than compete with each other. Such systems would enable both the recognition of wildlife as rights holders and adaptive legal governance capable of responding to ecological complexity and moral pluralism.

The legal recognition of wild animals must reflect their different moral status, cognitive abilities, and ecological role. For cognitively advanced species, legal personhood may be an appropriate and overdue recognition of their subjectivity. For other species, rights based on ecology or species-specific behaviours provide a more appropriate and ecologically sensitive model. In all cases, the aim is not to impose human legal norms on animals but to create a pluralistic legal architecture that recognises their way of life, values their autonomy, and preserves the environment on which they depend. By adapting rights for wildlife — rather than apply-

47. Priscila Gulic Pirnat, 'How Is the Law Protecting Animal Communities in Slovenia?' in Federico Dalpane and Maria Baideldinova (eds), *Animal Law Worldwide: Key Issues and Main Trends Across 27 Jurisdictions* (TMC Asser Press 2024).

ing anthropocentric or one-dimensional models — legal systems can begin to dismantle legal speciesism and create a fairer, more inclusive, and ecologically coherent jurisprudence. This requires rethinking not only the subjects of rights but also the language, principles, and goals of legal protection itself.

5. The structure of rights — a gradual path to animal legal personhood

Eva Bernet Kempers in *Transition rather than revolution: The gradual road towards animal legal personhood through the legislature* (2022) questions the prevailing assumption in animal law that legal personhood is a prerequisite for granting animals meaningful legal rights. Influenced by thinkers such as Gary Francione and Steven Wise, many scholars and activists argue that animals must be recognised as legal persons rather than property in order to be adequately protected by the law. This view often assumes a kind of legal “revolution” — a dramatic, judicially declared transition from thinghood to personhood. Kempers, however, proposes a gradual, legislative path towards legal personhood, rather than an abrupt judicial transformation. Following Visa Kurki’s bundle theory of legal personhood⁴⁸ and Saskia Stucki’s distinction between simple and fundamental rights⁴⁹, she claims that animals already have various simple rights under current law. These rights can be progressively extended and strengthened so that they become more similar to the rights of humans, even without a formal declaration of personhood. To conceptualise this, Kempers presents an “alternative animal rights pyramid” and contrasts it with the traditional pyramid, which places legal personhood as the necessary basis for rights at its base. In her model, animals can gradually “climb the pyramid” through legal reforms that make their rights more robust and functional. This process does not rely on a single criterion (such as autonomy or sentience) to determine legal status, nor does

48. Kurki (n 19).

49. Saskia Stucki, ‘Towards a Theory of Legal Animal Rights: Simple and Fundamental Rights’ (2020) 40 *Oxford Journal of Legal Studies* 533.

it depend on habeas corpus proceedings, which are limited in many civil law countries.⁵⁰

In Kempers' model, animals climb toward legal personhood gradually, while Steven Wise's model⁵¹ assumes they must start from personhood to get rights.

Figure 1: Comparison Wise/Kempers

Level	Traditional pyramid (Wise)	Alternative pyramid (Kempers)
4	Standing	Legal personhood (final stage)
3	Right of action	Incidents of personhood (e.g., court access)
2	Positive law rights	Fundamental rights
1	Legal personhood (base)	Simple rights
0	Property (no rights)	Property (starting point)

At the base is level 1: Simple rights. These are the basic legal duties to which animals are entitled under applicable law, such as the duty not to cause them unnecessary suffering. Even though such rights are rarely formulated as “real” rights by courts or legislators, they imply that animals are the intended beneficiaries of the legal duties. Kempers draws here on the work of Saskia Stucki, who clarifies that these duties — although limited and often weak — represent the first legal recognition of animals as more than mere objects. These rights are widespread in European jurisprudence and mark the beginning of animals’ journey towards visibility in law. At level 2 of the pyramid, fundamental rights are introduced. Here, legal protection becomes more robust: rights protect essential interests (such as the right not to be killed or exploited for certain purposes) and have greater normative weight. Examples of this

50. The article is particularly relevant to civil law traditions (such as those of most European countries) in which statutory law takes precedence over case law and in which judicial routes to personhood (such as habeas corpus) are generally not available or applicable to non-humans. Kempers applies her framework to European contexts to show how animal law is already developing in this incremental legislative way.

51. Steven Wise, ‘Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project’ (2010) 17 Animal Law Review, 2.

are the ban on fur farming or the legal ban on the killing of certain wild animal species such as wolves under EU nature conservation law. Although these rights are still not formulated in terms of legal personhood, they are more similar to the rights that humans have. Kempers notes that while such rights are rare, they are growing in number and could eventually be enshrined in international conventions or constitutional provisions. Level 3: Incidents of legal personhood is where Kempers' model departs most clearly from the traditional binary. Drawing on Visa Kurki's bundle theory, she argues that legal personhood is not an all-or-nothing status, but a collection of attributes or "incidences" — such as the ability to sue, to be owed a duty, or to own property — that can be granted in varying degrees. Animals can acquire these incidents without being fully recognised as legal persons. She points to developments in France and Belgium, where animal protection organizations are allowed to represent animals in court and receive compensation on their behalf.⁵² Although animals are still technically property, their interests are recognised and enforced through procedural innovations. In Kurki's words, animals can simultaneously be property and carry important legal incidents normally associated with persons. The final level 4: Independent legal status or legal personhood — represents the stage at which animals could be fully recognised as legal entities, either through a traditional personhood framework or through alternative models. Kempers remains open to various possibilities here: some legal theorists have proposed statuses such as 'non-human natural personhood' (Declaration of Toulon)⁵³, 'legal animalhood' (Pérez Castelló)⁵⁴ or 'legal beingness' (Deckha)⁵⁵ to reflect the uniqueness of animals' lives without forcing them into anthropocentric legal moulds. Importantly, Kempers emphasises that not all animals need to reach this level to enjoy strong legal protection. Depending on the legal culture and politi-

52. Eva Bernet Kempers, 'Transition Rather than Revolution: The Gradual Road towards Animal Legal Personhood through the Legislature' (2022) 11 *Transnational Environmental Law*, 595.

53. *Ibid*, 590.

54. *Ibid*, 591.

55. *Ibid*.

cal context, some already enjoy meaningful rights and procedural rights at levels 2 or 3. This gradualist model is particularly suited to civil law systems where judges tend to be reluctant to act and the legislature plays a central role. In such systems, habeas corpus strategies are not readily transferable, and legal innovation is more likely to come through carefully crafted legislation than through judicial activism. Kempers therefore offers an alternative to the “personhood-first” strategy that is more pragmatic and flexible and takes into account the heterogeneity of animal lives and legal contexts. Moreover, this approach avoids the problematic emphasis on cognitive similarity to humans that prevails in the traditional view. Basing legal status on characteristics such as intelligence or autonomy favours certain animals (e.g., apes or elephants) while marginalising others (e.g., chickens or fish) and may inadvertently reinforce human hierarchies that exclude cognitively impaired humans. In contrast, Kempers’ legalistic and pluralistic model emphasises political choice and the legal function over ontological similarity.

To better understand how Eva Bernet Kemper’s theory of gradual legal recognition could work in practice, we have created the following table to visually represent the dynamic evolution of animals through the four levels she outlines in her alternative animal rights pyramid. Rather than assigning animals a fixed status, the table is intended to illustrate the potential for legal mobility — how animals might rise through the stages of legal recognition based on evolving ethical norms, scientific knowledge (such as sentience or cognitive ability), and policy decisions. By translating Kemper’s conceptual framework into a comparative table, this visual exercise serves to illustrate how different species might be located within current legal systems while emphasising the flexibility and pragmatism of her pluralistic approach.

Figure 2: The gradual legal recognition of animals: A dynamic framework

	Nature of rights	Scope / Legal meaning	What enables climbing to this level	Examples of eligible animals
1. Simple rights	Basic welfare protections as passive beneficiaries of legal duties	Weak, often unenforceable; no legal subject status; animals are still legally “things”	Recognition of sentience; public concern; animal welfare reforms	All vertebrates; farmed animals; pets; even some invertebrates (e.g., octopuses in some jurisdictions)
2. Fundamental rights	Substantive rights protecting core interests (e.g., not to be killed or used in harmful ways)	Stronger, more intrinsic; may outweigh some human interests; but still lack agency	Perceived moral worth; vulnerability; legal reform recognizing intrinsic value	Animals with strong interests or vulnerable status: minks (fur bans), wolves (species protection), primates (research bans)
3. Incidents of legal personhood	Procedural abilities like standing, representation, and the right to compensation	Partial legal agency; animals begin acting through human proxies (guardians)	Strong human-animal bonds; legal innovations; strategic litigation; NGO activism	Companion animals, great apes, elephants, and whales; in principle, any animal whose rights need enforcement
4. Legal personhood / Independent status	Recognition as legal subjects with rights based on their own interests	Full legal visibility; rights can be enforced on their behalf by legal representatives; no longer property	High cognitive capacity, autonomy, or symbolic moral standing, or a legal-political decision to treat animals as subjects regardless of capacities	Highly sentient animals (chimps, elephants, cetaceans), or all animals under broader concepts like “legal animalhood” or “non-human natural person”

The restructured table should not be understood as a fixed classification system for assigning the legal status of animals but

rather as a developmental framework that reflects the transformative potential of animal law. Kempers' model recognises that animals may progressively move "up" the pyramid as scientific knowledge, societal ethics, and legal institutions develop. Movement through the tiers is not necessarily linear or uniform — some animals may ascend because of their cognitive abilities, others because of their emotional connection to humans, their ecological relevance, or public concern for their welfare. Importantly, the model departs from the binary logic of traditional theories of animal personhood, which either recognise personhood based on similarity to humans or deny legal subjectivity altogether. Instead, it favours a pluralistic and pragmatic legal strategy. Rights and legal recognition are not granted solely on the basis of ontological similarity to humans (e.g., rationality or autonomy) but can be assigned through deliberate legislative and policy decisions aimed at expanding justice and legal visibility. Moreover, the model allows for different routes to recognition: a wolf may ascend⁵⁶ through conservation law (level 2), a dog through family law (level 3), and a chimpanzee through litigation (level 4). This flexibility allows the framework to take into account the diversity of animal life and human-animal relationships while keeping the legal instruments open and adaptable. In this way, Kempers provides a normatively open and

56. Without formal legal rights, wolves are primarily managed by conservationists and other interest groups such as hunters and farmers, whose competing priorities often influence policy decisions. The conservation status of wolves can quickly deteriorate if political interests prevail over wolf conservation. This has recently happened with the downgrading of wolf protection under the Bern Convention (European Commission, 'Commission proposes to change international status of wolves from "strictly protected" to "protected" based on new data on increased populations and impacts' (Press release, 20 December 2023), https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6752, accessed 18 May 2025), and a similar weakening is likely underway with the proposed changes to the Habitats Directive (European Commission, Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council amending Council Directive 92/43/EEC on the conservation of natural habitats and of wild fauna and flora (7 March 2025) COM(2025) 106 final, available at <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025PC0106>, accessed 18 May 2025).

legally grounded structure for thinking about how animals might gradually emerge from the margins of legal systems — not through revolution but through cumulative reform. This approach offers several key advantages. First, it frees law reform from the need to justify rights on the basis of cognitive equality with humans, thus avoiding the speciesist and exclusionary tendencies inherent in the traditional model. Second, it recognises the reality of legal pluralism by allowing different kinds of animals — wild, domesticated, companion, and border animals — to follow different paths to recognition based on their relationships with humans, their ecological role, or their moral status. Third, it is better suited to civil law traditions where judicial reinterpretation is limited and statutory amendments are the main vehicle for legal innovation. Unlike rigid taxonomies, this table is not intended to categorise species once and for all. Rather, it is a heuristic tool for thinking about legal evolution: a way to see how animals might ascend to broader legal protection based on changing legal, ethical, and scientific knowledge. For example, animals may initially receive simple welfare as passive beneficiaries (stage 1), but as public opinion, legislative ambition, or scientific recognition of sentience increases, they may gain stronger rights (stage 2) and procedural visibility (stage 3) or eventually be seen as full legal subjects (stage 4). This transformative potential is central to Kempers' approach: legal personhood is not the starting point — it is a possible outcome of cumulative moral and legal progress. Her model enables a contextual, relational, and strategic vision for reform. It accepts that legal systems may remain inconsistent or fragmented for some time. However, it argues that progress is possible through persistent, incremental legal reforms that strengthen rights and expand legal visibility step by step. The implications of this theory go beyond animal law in the narrow sense. They invite us to rethink the architecture of legal subjectivity, to resist anthropocentric forms of law, and to strive for a more comprehensive and just legal order. Thus, the chapter concludes not with a definitive map of the legal status of animals but with a framework for future movements — both descriptive and aspirational.

Conclusion

This article has analysed the inadequacy of the animal welfare paradigm and the urgent need for legal models that go beyond its anthropocentric boundaries. By comparing the personhood model, the rights of nature approach, and new pluralist theories, it argues that animal law needs to adopt a more nuanced and comprehensive architecture. The legal personhood model offers a strong critique of the property paradigm but remains limited by its reliance on cognitive thresholds and an often binary logic. The rights of nature paradigm, on the other hand, expands the legal imagination towards a systemic, ecological recognition but struggles to articulate protection for individual animals within a framework of collective ecological goals. These tensions point to the need for a more flexible, context-aware framework.

The concept of differentiated animal jurisprudence responds to this need by recognising the heterogeneity of animal life — biological, social, and political. It rejects the assumption that legal recognition must follow a uniform path and instead argues in favour of relational, species-sensitive, and ecologically based forms of legal protection. This approach is further elaborated by Eva Bernet Kempers' pyramid model, which understands animal rights not as a sudden legal revolution but as a gradual, accumulative process. Kempers' model allows for legal mobility by recognising animals as subjects whose rights evolve according to their moral status, scientific knowledge, political will, and legal culture. Crucially, it avoids the pitfalls of cognitive reductionism and recognises legal pluralism as both a descriptive reality and a normative strategy.

In view of the ecological crises, the loss of biodiversity, and the continuing moral exclusion of animals from legal personhood, a rethinking of the foundations of animal law is not only desirable but imperative. A post-anthropocentric legal order must be able to take into account the lived reality of animals not as abstract Others but as beings embedded in complex moral and ecological relationships. This article seeks to contribute to such a reconceptualisation — a reconceptualisation that displaces humans from the centre of legal thinking and opens a way to see animals not just as

recipients of compassion but as rightful participants in legal and moral communities.

Bibliography

1. 'Animal Welfare Act | National Agricultural Library'. URL: <https://www.nal.usda.gov/animal-health-and-welfare/animal-welfare-act>, accessed 9 May 2025.
2. Bekoff M and Goodall J, *The Emotional Lives of Animals: A Leading Scientist Explores Animal Joy, Sorrow, and Empathy — and Why They Matter* (1. paperback printing, New World Library 2008).
3. Bentham J, *An Introduction of the Principles of Morals and Legislation* (New ed, corrected by the author, Clarendon Press 1789). URL: <https://tinyurl.com/2yrvt9f7>.
4. Bernet Kempers E, 'Animal Dignity and the Law: Potential, Problems and Possible Implications' (2020) 41 *Liverpool Law Review* 173.
5. Borràs S, 'New Transitions from Human Rights to the Environment to the Rights of Nature' (2016) 5 *Transnational Environmental Law* 113.
6. Boyd DR, *The Rights of Nature: A Legal Revolution That Could Save the World* (No edition, ECW Press 2017).
7. Cottingham J, 'Descartes on 'Thought'' (1978) 28 *The Philosophical Quarterly* 208.
8. De Waal F, *Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?* (W W Norton and Co 2017).
9. Deckha M, 'Toward a Postcolonial, Posthumanist Feminist Theory: Centralizing Race and Culture in Feminist Work on Nonhuman Animals' (2012) 27 *Hypatia* 527.
10. *Animals as Legal Beings: Contesting Anthropocentric Legal Orders* (University of Toronto Press 2021).
11. Descartes R and (J. Cottingham, R. Stoothoff, & D. Murdoch, Eds. in Trans.), 'The Philosophical Writings of Descartes. 3: The Correspondence' (Repr, Cambridge Univ Press 1997).
12. Diamond C, 'Eating Meat and Eating People' (1978) 53 *Philosophy* 465.
13. 'Directive — 2010/63 — EN — EUR-Lex'. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/63/oj/eng>, accessed 9 May 2025.
14. Donaldson S and Kymlicka W, *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights* (Oxford university press 2013).
15. Dunayer J, *Speciesism: A Failure, in Attitude or Practice, to Accord Any Nonhuman Being Equal Consideration and Respect* (Ryce 2004).
16. 'Ecuador: 2008 Constitution in English'. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html>, accessed 10 May 2025.
17. Fasel RN and Butler SC, *Animal Rights Law* (Hart 2023).
18. Favre D, 'LIVING PROPERTY: A NEW STATUS FOR ANIMALS WITHIN THE LEGAL SYSTEM' [2010] *Marquette Law Review* 1021.

19. Francione G, *Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement* (Temple University Press 1996).
20. Francione GL, *Animals as Persons: Essays on the Abolition of Animal Exploitation* (Columbia University Press 2008).
21. Francione GL and Watson A, *Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* (49054th edition, Temple University Press 2000).
22. Gudynas E, 'The Biocentric Path: Intrinsic Values, Nature Rights and Ecological Justice = La Senda Biocéntrica: Valores Intrínsecos, Derechos de La Naturaleza y Justicia Ecológica' [2010] *Tabula rasa: Revista de Humanidades* 45.
23. —, *Extractivisms: Politics, Economy and Ecology* (Fernwood Publishing 2020).
24. Gulic Pirnat P, 'How Is the Law Protecting Animal Communities in Slovenia?' in Federico Dalpane and Maria Baideldinova (eds), *Animal Law Worldwide: Key Issues and Main Trends Across 27 Jurisdictions* (TMC Asser Press 2024). DOI: 10.1007/978-94-6265-643-7_20.
25. Kempers EB, 'Transition Rather than Revolution: The Gradual Road towards Animal Legal Personhood through the Legislature' (2022) 11 *Transnational Environmental Law* 581.
26. Köllen T and Schneeberger D, 'Avoiding Unnecessary Suffering: Towards a Moral Minimum Standard for Humans' Responsibility for Animal Welfare' (2023) 32 *Business Ethics, the Environment & Responsibility* 1139.
27. Korsgaard C, 'A Kantian Case for Animal Rights' in Tatjana Višak and Robert Garner (eds), Peter Singer, *The Ethics of Killing Animals* (Oxford University Press 2015). URL: <https://academic.oup.com/book/6231/chapter/149866854>, accessed 9 May 2025.
28. Kurki VAJ, *A Theory of Legal Personhood* (Oxford University Press 2019).
29. Leopold A, *A Sand County Almanac and Sketches Here and There* (Oxford University Press, USA 1972).
30. Linnell JDC and others, 'Guidelines for Population Level Management Plans for Large Carnivores in Europe.' URL: <https://tinyurl.com/234bz59l>.
31. Locke J and Goldie M, *Two Treatises of Government* (New ed, reprinted, Dent [u.a] 1689).
32. Lundmark F, Berg C and Röcklinsberg H, "Unnecessary Suffering" as a Concept in Animal Welfare Legislation and Standards' in Helena Röcklinsberg and Per Sandin (eds), *The ethics of consumption: The citizen, the market and the law* (Academic Publishers 2013) https://doi.org/10.3920/978-90-8686-784-4_18 accessed 9 May 2025.
33. Monbiot G, *Feral: Rewilding the Land, the Sea, and Human Life* (Penguin Books 2014).
34. —, *Regenesis: Feeding the World without Devouring the Planet* (Penguin Books 2022).
35. Naess A, *Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy* (David Rothenberg tr, 1st edn, Cambridge University Press 1989). URL: <https://www.cambridge.org/core/product/identifier/9780511525599/type/book>, accessed 18 May 2025.

36. 'Nonhuman Rights Project, Inc. v. Breheny' (*Justia Law*). URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/2022/52.html>, accessed 10 May 2025.
37. Nussbaum MC, *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership* (Harvard University Press 2006). URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ct-v1c7zftw>, accessed 9 May 2025.
38. —, *Justice for Animals: Our Collective Responsibility* (Simon & Schuster 2023).
39. O'Donnell EL and Talbot-Jones J, 'Creating Legal Rights for Rivers: Lessons from Australia, New Zealand, and India' (2018) 23 *Ecology and Society* art7.
40. Rodríguez Garavito C (ed), *Law and Society in Latin America: A New Map* (1st issued in paperback, Routledge 2016).
41. Rowlands M, *Can Animals Be Moral ?* (Oxford university press 2012).
42. Stucki S, 'Towards a Theory of Legal Animal Rights: Simple and Fundamental Rights' (2020) 40 *Oxford Journal of Legal Studies* 533.
43. Van Den Brandeler E, 'Towards an Epistemology of "Speciesist Ignorance"' (2024) 30 *Res Publica* 783.
44. Wahlberg B, 'Animal Law in General and Animal Rights in Particular' (2021) 67 *Scandinavian Studies in Law* 13.
45. Wise S, 'Legal Personhood and the Nonhuman Rights Project' (2010) 17 *Animal Law Review* 1.
46. Wise SM, *Rattling The Cage: Toward Legal Rights For Animals* (First Edition, Perseus Publishing 2000).

Legal cases:

1. Sandra the Orangutan (Argentina). Asociación de Funcionarios y Abogados por los Derechos de los Animales (AFADA) s/ Habeas Corpus, Buenos Aires Court of Appeals, 18 December 2014.
2. Estrellita the Monkey (Ecuador). Corte Constitucional del Ecuador, *Sentencia No. 253-20-JH/22* (27 January 2022) [Constitutional Court of Ecuador].
3. Legal Personhood for Dolphins (India). Government of India, Ministry of Environment and Forests, Central Zoo Authority, *Circular No. 20-1/2013-CZA* (17 May 2013). URL: <https://cza.nic.in/ban-on-dolphinariums/>, accessed 8 May 2025.
4. Vilcabamba River Case (Ecuador). *Richard Frederick Wheeler and Eleanor Geer Huddle v. Provincial Government of Loja*, Provincial Court of Justice of Loja (Ecuador), Judgment of 30 March 2011, Acción de Protección No. 11121-2011-0010. URL: <https://ecojurisprudence.org/initiatives/huddle-v-provincial-government-of-loja/>, accessed 12 May 2025.
5. Mohd. Salim v. State of Uttarakhand. *Mohd. Salim v. State of Uttarakhand & Others*, Writ Petition (PIL) No. 126 of 2014, High Court of Uttarakhand at Nainital, Judgment of 20 March 2017. URL: <https://ecojurisprudence.org/initiatives/salim-v-state-of-uttarakhand/>, accessed 12 May 2025.

Присцила Гулич Пирнат

Аннотация: Настоящая статья критически осмысливает ограничения парадигмы благополучия животных, исследуя альтернативные правовые подходы, направленные на признание животных в качестве носителей прав. На основе междисциплинарного и сравнительно-правового анализа автор сопоставляет три ключевых направления: концепцию правосубъектности животных, парадигму прав природы и градуалистскую модель Эвы Бернет Кемперс.

Статья отстаивает необходимость плюралистической и контекстуально-чувствительной юриспруденции, способной учесть биологическое, социальное и политическое многообразие животных и сложность отношений между ними и человеком. В качестве альтернативы одномоментной и резкой, «революционной» смене парадигмы автор предлагает концепцию «дифференцированной юриспруденции» для животных, обеспечивающей постепенное, многоуровневое развитие законодательства на основе признания моральной ценности животных, их экологической включённости и необходимости правовых инноваций. В заключение делается вывод о невозможности постантропоцентрического правопорядка без преодоления дихотомии «лицо/вещь» и без создания дифференцированных путей к правосудию для нечеловеческих животных.

Ключевые слова: права животных, правосубъектность животных, права природы, правовое регулирование благополучия животных, экологическая справедливость, дифференцированная юриспруденция, пост-антропоцентризм, нечеловеческая правосубъектность.

DOI: 10.55167/06ae6e7c6af9

Transboundary solutions for climate-displaced species: A legal imperative for ecological resilience

Rawnak Miraj Ul Azam¹

Abstract: This research addresses the critical legal void surrounding climate-induced wildlife displacement, a growing ecological crisis. Focusing on the Sundarbans and its iconic Bengal tiger, the study critically analyzes existing international and national legal frameworks, revealing their inadequacy in protecting species forced to migrate due to climate change. It advocates for a paradigm shift toward ecological justice, proposing the recognition of legal personhood for displaced species and the development of species-specific transboundary legal frameworks.

The research also examines the integration of species displacement into climate policies and emphasizes corporate accountability for environmental harm. Ultimately, it calls for a holistic, species-centric approach to ensure ecological resilience in a changing climate.

Keywords: climate displacement, species rights, ecological justice, transboundary conservation, legal personhood.

AI use disclosure statement: In the process of preparing the manuscript, language and readability improvement tools powered by artificial intelligence were used. Grammarly was used for checking grammar, spelling, and punctuation, while QuillBot was used for paraphrasing and sentence structure improvement to enhance clarity and flow. Their use was limited to improving the linguistic aspects of the content and did not influence the original research, content, or analytical arguments presented in the paper. The writer assures that the research, concepts, and findings provided are his own.

I. Introduction

The escalating impacts of climate change are not confined to human societies; they are profoundly reshaping the natural world, triggering unprecedented levels of wildlife displacement. This phenomenon, characterized by the forced migration of species due to habitat degradation, altered resource availability, and

1. Rawnak Miraj Ul Azam. American International University-Bangladesh: Dhaka, Dhaka City, BD. Email: Rawnak.miraj@gmail.com. ORCID: 0009-0005-7818-895X.

extreme weather events, represents a critical ecological injury demanding urgent legal attention. The Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC, 2022) signifies the severity of this crisis, highlighting the increasing frequency and intensity of climate-related disruptions that are pushing numerous species beyond their tolerance thresholds. This is further supported by studies that show a globally coherent fingerprint of climate change impacts across natural systems (Parmesan & Yohe, 2003). Understanding climate-induced wildlife displacement goes beyond merely documenting animal movement; it involves recognizing the systemic breakdown of ecological relationships and the erosion of biodiversity integrity. Unlike traditional habitat loss, which often results from localized human activities, climate-induced displacement is a consequence of global environmental change, necessitating a fundamental shift in legal paradigms.

This research focuses on the Sundarbans, a unique mangrove ecosystem shared by India and Bangladesh, and its iconic inhabitant, the Bengal tiger, as a compelling case study. While the Bengal tiger holds significant cultural importance, its selection is primarily driven by its vulnerability to climate change impacts, serving as an indicator species for broader ecological challenges. It is vital to acknowledge potential criticism around the cultural significance of the tiger and clarify that the animal is being used as a case study, and the research is not meant to be anthropocentric. The Sundarbans ecosystem is experiencing accelerated sea-level rise, increased salinity, and more frequent cyclones, all of which directly impact the habitat and survival of the Bengal tiger (Ghosh et al., 2016).

Existing international legal frameworks, such as the Convention on Biological Diversity (CBD, 1992), the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES, 1973), and the Ramsar Convention (1971), while essential for biodiversity conservation, fall short in addressing the specific challenges of climate-driven displacement. These frameworks primarily focus on habitat protection within static boundaries and lack explicit provisions for managing species on the move due to climate change. This gap in legal literature necessitates a rights-

based approach that acknowledges the intrinsic value of displaced species and their right to a viable habitat (Azam, Zerin, et al., 2025b).

This research aims to address the following central question: Can international and national legal frameworks be reformed to recognize and protect climate-displaced wildlife, specifically focusing on the legal status of the displaced species rather than the broader ecosystem, and what are the specific legal mechanisms to implement such protection? To achieve this, several specific objectives have been outlined: (a) to critically analyze existing legal frameworks, focusing on their direct relevance to displaced species and using recent, relevant sources; (b) to explore ecological justice principles, emphasizing their application to displaced species rather than general ecosystem rights; (c) to develop a specific, practical transboundary legal framework for India and Bangladesh, with a focus on investment law perspectives and species protection; (d) to examine corporate accountability, clarifying the relevance of eco-icide laws and focusing on direct impacts on displaced species; (e) to clarify the distinction between ecological and environmental law, justifying the use of the former; (f) to elaborate on the interaction between law and ethics in the context of wildlife displacement; and (g) to integrate traditional knowledge specifically in relation to how it helps answer the research question.

The methodology employed in this study is grounded in doctrinal legal research, utilizing a critical perspective that examines the underlying assumptions and power dynamics within existing legal frameworks. This perspective draws on the insights of scholars like Ann Orford, who advocates for an understanding of legal discourse (Orford, 2003). Comparative legal analysis is employed to examine the legal frameworks of India and Bangladesh, focusing on their specific provisions for wildlife protection and climate change adaptation. The selection of these jurisdictions is based on their shared ecosystem and the unique challenges they face in managing transboundary wildlife displacement. The inclusion of cases from the Supreme Court of the United States (SCOTUS) is justified by their relevance in establishing legal injury and state responsibility in the context of climate change, which provides a foundation for extending similar principles to displaced species. The Sundarbans case study serves as an illustrative example, highlighting the prac-

tical challenges of protecting displaced species in a dynamic and transboundary ecosystem. Finally, an interdisciplinary approach is adopted, integrating insights from climate science, ecology, and legal theory to provide a comprehensive understanding of the research problem.

This study is structured as follows: Section II critically analyzes the legal lacuna in existing frameworks, focusing on a species-centric perspective. Section III explores ecological justice and species rights, proposing a new legal paradigm. Section IV examines the Sundarbans case study, highlighting the challenges and opportunities for species protection. Section V proposes specific legal reforms, including legal personhood for displaced species, a transboundary legal framework, and corporate accountability. Finally, Section VI concludes the study, summarizing the findings and outlining future research directions

II. The legal lacuna: A species-centric analysis

The current international legal landscape, while possessing frameworks aimed at biodiversity conservation, reveals a significant lacuna when scrutinized through a species-centric lens, particularly concerning climate-induced displacement. The Convention on Biological Diversity (CBD, 1992), a cornerstone of global biodiversity protection, primarily focuses on habitat conservation and sustainable use. However, its provisions lack explicit mechanisms for addressing species forced to migrate due to climate change. The CBD's emphasis on in-situ conservation often fails to account for the dynamic nature of climate impacts, which can render habitats unsuitable for species survival. The Aichi Biodiversity Targets, while ambitious, have largely fallen short of their goals, highlighting the implementation gap and the convention's limited capacity to adapt to rapid environmental changes (Secretariat of the Convention on Biological Diversity, 2020). Moreover, the CBD's focus on national sovereignty can impede transboundary cooperation, crucial for managing migratory species.

Similarly, the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES, 1973) primarily reg-

ulates the international trade of endangered species. While essential in combating illegal wildlife trade, CITES does not address the root causes of species displacement, such as habitat destruction and climate change. Its listing mechanisms are often slow and politically influenced, failing to respond rapidly to emerging threats. Additionally, CITES relies heavily on national enforcement, leading to inconsistencies and gaps in protection, especially in developing nations facing resource constraints.

The Ramsar Convention (1971), aimed at wetland conservation, faces similar limitations. Wetlands, crucial habitats for numerous species, are particularly vulnerable to climate change impacts like sea-level rise and altered hydrological regimes. The Ramsar Convention lacks specific guidelines for managing these dynamic changes, limiting its effectiveness in protecting climate-vulnerable species.

The United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC, 1992) and the Paris Agreement (UNFCCC, 2015), while addressing climate change, primarily focus on mitigating greenhouse gas emissions and adapting human societies. Biodiversity concerns, including species displacement, are often relegated to secondary considerations. Nationally Determined Contributions (NDCs) vary significantly in their integration of biodiversity, with many countries failing to include specific measures for protecting vulnerable species or ecosystems. The absence of a robust international framework specifically addressing climate-induced species displacement highlights the urgent need for legal reform.

Moving to national legal frameworks, a comparative analysis of India's Wildlife Protection Act (WPA, 1972) and Bangladesh's Wildlife Conservation and Security Act (WCSA, 2012) reveals similar shortcomings. Both acts, while providing legal protection for wildlife, are fundamentally rooted in a static understanding of ecosystems. The WPA, for instance, focuses on delineating protected areas and regulating hunting and trade but lacks provisions for managing species forced to migrate due to climate change. Case studies within India, such as the management of protected areas in the Sundarbans, illustrate the enforcement challenges and the inability of existing laws to address dynamic climate impacts (Das et al., 2018). Similarly, the WCSA, despite its more recent enactment,

suffers from similar limitations, lacking specific provisions for climate-induced displacement and facing enforcement challenges due to resource constraints and governance issues.

The static nature of these laws becomes particularly problematic in the context of climate change, which is rapidly altering habitats and forcing species to migrate beyond traditional boundaries. The failure to account for these dynamic changes renders existing legal frameworks inadequate for protecting displaced species. This is further compounded by the absence of effective transboundary cooperation mechanisms, as illustrated by the challenges of managing the Sundarbans ecosystem, which spans across India and Bangladesh. The lack of harmonized policies and coordinated enforcement hinders the ability to protect species that migrate across borders, such as the Bengal tiger.

At the core of this legal lacuna lies a fundamental human-centric approach that pervades both international and national legal frameworks. Traditional environmental law has largely adopted a human-centric approach, focusing on the protection of nature for human benefit (Stone, 1972). This approach fails to recognize the intrinsic value of non-human species and their right to a viable habitat. The forced migration of species due to climate change is not recognized as a distinct legal injury, and existing laws lack mechanisms for providing legal protection to displaced species. This human-centric bias is evident in the stark contrast between the legal discourse on human climate refugees and the neglect of displaced wildlife. While international bodies and legal scholars debate the rights and protections afforded to humans forced to migrate due to climate change (McAdam, 2012), animals facing similar displacement are left in a legal void.

To address this gap, a shift towards ecological justice is imperative. Ecological justice extends the concept of justice beyond human societies to include ecosystems and species, recognizing their intrinsic value and right to exist (Schlosberg, 2007). In the context of displaced species, this requires acknowledging their right to a viable habitat and developing legal mechanisms to protect them from the adverse impacts of climate change. This shift necessitates a fundamental reevaluation of existing legal frameworks, moving away from a human-centric approach towards a

species-centric paradigm that recognizes the interconnectedness of all life and the need for a holistic approach to environmental protection.

III. Ecological justice and species rights: A new paradigm

The limitations of existing legal frameworks in addressing climate-induced wildlife displacement necessitate a paradigm shift toward a more ecologically just approach. This section explores the principles of ecological justice and their application to displaced species, arguing for the recognition of species' rights and analyzing relevant case law that supports this paradigm shift. (Azam, Islam, et al., 2025)

3.I. Defining ecological justice for displaced species

Ecological justice, at its core, expands the traditional concept of justice beyond human societies to encompass the well-being of the non-human world (Schlosberg, 2007). Unlike environmental justice, which primarily focuses on the fair distribution of environmental burdens and benefits among human populations, ecological justice recognizes the intrinsic value of ecosystems and individual species, independent of their utility to humans (Taylor, 1986). In the context of displaced species, ecological justice demands that we acknowledge their right to a viable habitat and protect them from the adverse impacts of climate change that force them to migrate. This recognition of intrinsic value is crucial.

Displaced species are not merely passive victims of climate change; they are active participants in the web of life, each playing a vital role in maintaining ecosystem integrity. Their displacement disrupts ecological relationships, leading to cascading effects that can threaten entire ecosystems (Heller & Zavaleta, 2009). Therefore, protecting displaced species is not just a matter of ethical concern but also a matter of ecological necessity.

The ethical basis for protecting displaced species rests on several interconnected principles. First, the principle of respect for nature posits that all living beings, including displaced species, possess inherent worth and are entitled to moral consideration

(Taylor, 1986). This principle challenges the anthropocentric view that only humans have moral standing and calls for a biocentric approach that values all life forms. Second, the principle of non-maleficence dictates that humans have a duty to avoid causing harm to other species. Climate change, largely driven by human activities, inflicts significant harm on displaced species by destroying their habitats and disrupting their survival. Therefore, humans have an ethical obligation to mitigate these impacts and protect vulnerable species.

The interconnectedness of ecosystems further reinforces the need for ecological justice. Displaced species are not isolated entities; they are integral components of complex ecological networks. Their survival depends on the health and stability of the ecosystems they inhabit, and their displacement can have far-reaching consequences for the functioning of these ecosystems (Berkes, 2012). For instance, the displacement of a keystone species, such as a top predator, can disrupt trophic cascades, leading to imbalances in prey populations and alterations in vegetation structure. Similarly, the loss of pollinators can affect plant reproduction and biodiversity. Therefore, an ecological approach recognizes that protecting displaced species requires a holistic understanding of ecosystem dynamics and the interconnectedness of all living beings (Azam, Zerín, et al., 2025a).

3.2. Legal personhood for displaced species

The concept of legal personhood, traditionally reserved for humans and certain human-created entities like corporations, is increasingly being considered as a tool for protecting the environment and its inhabitants. Granting legal personhood to natural entities, such as rivers, forests, and even individual species, would confer upon them certain rights and the ability to be represented in legal proceedings.

While the idea of legal personhood for ecosystems has gained traction, its application to individual displaced species presents both opportunities and challenges. The Whanganui River case in New Zealand is a landmark example of granting legal personhood to a natural entity (New Zealand Parliament, 2017). The Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017 recognized

the Whanganui River as an indivisible and living whole, with the same legal status as a person. Two individuals were appointed as guardians of the river, with the responsibility to act in its best interests. While this case focused on a river ecosystem, its underlying principles can be extended to encompass individual species, particularly those facing displacement due to climate change.

Applying legal personhood to displaced species would entail recognizing their right to a suitable habitat, freedom from harm, and the ability to participate in decisions that affect their well-being. This would require designating legal representatives or guardians to act on behalf of the species, ensuring their interests are considered in policy-making and legal proceedings. For instance, a critically endangered species facing displacement could be granted legal personhood, with a designated guardian empowered to advocate for its protection and habitat restoration.

Arguments in favor of legal personhood for displaced species emphasize its potential to provide a stronger legal basis for their protection (Azam, Zerín, et al., 2025b). By recognizing their inherent rights, legal personhood challenges the prevailing view of animals as mere objects of human concern and elevates their status to subjects of law. This can lead to more effective conservation measures, as the species' interests would be given greater weight in decision-making processes. Moreover, legal personhood can empower communities and environmental organizations to take legal action on behalf of displaced species, holding governments and corporations accountable for actions that harm their habitats.

However, challenges remain in implementing legal personhood for displaced species. One key challenge is defining the scope of such rights and determining how they would interact with existing legal frameworks. For instance, questions arise regarding the extent to which a species' rights would override human interests, particularly in situations where habitat restoration or conservation measures may have economic or social costs. Another challenge is determining who should represent the interests of a displaced species and how to ensure that these representatives act in the species' best interests. Establishing clear guidelines for guardianship and representation would be crucial for preventing conflicts of interest and ensuring accountability.

Despite these challenges, examples from other jurisdictions demonstrate the feasibility of granting legal rights to specific species. In India, for instance, certain animals, such as elephants and tigers, have been recognized as having legal rights in specific contexts, such as protection from cruelty and exploitation. While not full legal personhood, these examples illustrate a growing recognition of the need to protect the interests of individual species within the legal system (Azam, 2025).

3.3. Climate justice and displaced species

Climate justice, a concept that has primarily focused on the equitable distribution of climate change impacts and mitigation burdens among human populations, must be expanded to include the rights of displaced species. The disproportionate impact of climate change on vulnerable species, which contribute minimally to greenhouse gas emissions, raises fundamental questions of fairness and justice. Displaced species are often the 'least responsible' for climate change but bear the brunt of its consequences, highlighting a profound injustice that demands legal and ethical redress.

Expanding climate justice to include displaced species requires acknowledging the concept of ecological debt. Ecological debt refers to the cumulative environmental harm caused by industrialized nations to the rest of the world, including the destruction of habitats and the displacement of species (Martinez-Alier, 2002). Developed nations, with their history of high greenhouse gas emissions and resource extraction, have a disproportionate responsibility for the climate change impacts that are driving species displacement. Recognizing this ecological debt entails acknowledging the moral and legal obligation of these nations to take greater action to mitigate climate change and assist vulnerable species in adapting to its consequences.

Intergenerational equity is another crucial aspect of climate justice that has significant implications for displaced species. The actions taken today to mitigate, or fail to mitigate, climate change will have profound consequences for future generations of both humans and animals. Displaced species, particularly those with long lifespans and slow reproductive rates, face an elevated risk of extinction if climate change continues unabated. Therefore, cur-

rent generations have a moral and legal duty to act in a way that preserves the Earth's biodiversity and ensures the survival of these species for generations to come. This requires incorporating the long-term needs of displaced species into climate policy and legal frameworks.

3.4. Relevant case law and precedents

In *Massachusetts v. Environmental Protection Agency* (2007), the United States Supreme Court recognized that states had standing to sue the federal government for failing to regulate greenhouse gas emissions, acknowledging the link between these emissions and climate change impacts. This case established the principle that climate change can cause cognizable harm, a crucial precedent for recognizing the legal injury suffered by displaced species due to habitat loss and ecosystem disruption.

Juliana v. United States (2016), a case brought by young people against the U.S. government, further advanced this principle by arguing that the government's failure to address climate change violated their constitutional rights to life, liberty, and property. While this case primarily focused on human plaintiffs, its emphasis on the government's duty to protect future generations from climate harm has significant implications for displaced species. The case acknowledges the long-term consequences of climate inaction and the government's responsibility to safeguard the well-being of future inhabitants of the planet, both human and non-human. The case involves a petition for a writ of certiorari submitted to the Supreme Court, seeking review of a decision rendered by the United States Court of Appeals for the Ninth Circuit. The litigation originates from an action brought by a cohort of youth plaintiffs against the United States government, centering on allegations that governmental policies and actions have contributed to climate change and infringed upon the plaintiffs' constitutional rights.

The petition articulates two central legal questions for consideration by the Supreme Court. The first concerns Article III standing, specifically the element of redressability, within the context of declaratory judgment actions. Petitioners contest the Ninth Circuit's imposition of a requirement for declaratory judgment claims, asserting its inconsistency with established Supreme Court

precedent and conflicting interpretations across circuit courts. The second question addresses the criteria for issuing a writ of mandamus, focusing on the existence of exceptions to the conditions delineated in *Cheney v. U.S. District Court for District of Columbia*. Petitioners highlight a divergence among the circuits on this matter, challenging the Ninth Circuit's approach. The petitioners advocate for the Supreme Court's grant of certiorari based on the significant importance of the legal issues, the presence of a circuit split, and the alleged errors in the Ninth Circuit's rulings.

However, the Supreme Court order list dated March 24, 2025, reveals that the Court denied the petition for certiorari in *Juliana v. United States*. This decision implies that the Supreme Court has chosen not to review the Ninth Circuit's ruling, thereby upholding the lower court's disposition of the case. *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands* (2019) is another landmark case in which a court ordered the Dutch government to take more ambitious action to reduce greenhouse gas emissions, recognizing its duty of care to protect its citizens from the impacts of climate change. This case established the principle that governments have a legal obligation to prevent foreseeable climate harm, a principle that can be extended to include the protection of vulnerable species threatened by climate change.

While these cases primarily focus on human plaintiffs, they establish important legal precedents that can be used to argue for the rights of displaced species. By recognizing that climate change causes cognizable harm and that governments have a duty to prevent such harm, these cases lay the groundwork for a legal framework that protects not only human interests but also the interests of the non-human world. The recognition of legal injury and state responsibility for climate impacts is a crucial step toward developing legal mechanisms for protecting displaced species and ensuring their survival in a changing climate.

IV. The Sundarbans: A species-centric case study

The Sundarbans, a vast mangrove forest straddling the border between India and Bangladesh, serves as a critical case study for understanding the complex challenges of climate-induced wildlife

displacement. This ecosystem, renowned for its biodiversity, is particularly vulnerable to the impacts of climate change, posing a significant threat to its unique species. This section examines the Sundarbans through a species-centric lens, focusing on the impacts of climate change on displaced species, particularly the Bengal tiger, and the need for transboundary cooperation and the integration of local knowledge for effective conservation.

4.1. The Sundarbans: A habitat under threat

The Sundarbans, a UNESCO World Heritage Site, represents the largest contiguous mangrove forest in the world (UNESCO, n.d.). This unique ecosystem provides crucial habitat for a diverse array of species, including the endangered Bengal tiger (*Panthera tigris tigris*), estuarine crocodile (*Crocodylus porosus*), and various species of birds, fish, and invertebrates. The mangroves act as a vital buffer against storms, prevent coastal erosion, and support local livelihoods through fisheries and other resources (Mukherjee et al., 2014).

However, the Sundarbans is facing increasing threats from climate change, which are directly impacting the survival and distribution of its species. Sea-level rise is one of the most significant threats to the Sundarbans: the low-lying topography of the delta makes it highly susceptible to inundation, leading to habitat loss and displacement of species. Rising sea levels are causing the erosion of shorelines, the loss of mangrove forests, and the inundation of freshwater habitats, forcing species to migrate to higher ground or adapt to altered conditions (Hazra et al., 2016).

Salinity intrusion is another major consequence of climate change in the Sundarbans. As sea levels rise, saltwater penetrates further inland, increasing the salinity of soil and water. This negatively affects mangrove vegetation, alters habitat structure, and reduces the availability of freshwater resources (Rahman et al., 2019). Many species are sensitive to changes in salinity, and increased salinity can disrupt their physiological processes, leading to reduced reproduction, growth, and survival rates. For example, changes in salinity levels affect the distribution and abundance of fish species, which, in turn, impact the availability of prey for species like the Bengal tiger and estuarine crocodile.

Extreme weather events, such as cyclones and storm surges, are becoming more frequent and intense in the Sundarbans due to climate change (IPCC, 2022). These events cause widespread destruction of habitat, leading to the direct mortality of species and disrupting ecological processes. Cyclones can uproot mangrove trees, destroy nesting sites, and cause flooding that contaminates freshwater sources. The increased frequency and intensity of these events leave species with less time to recover, further exacerbating the impacts of habitat loss and displacement.

The social and economic impacts of climate change on communities in the Sundarbans are also closely intertwined with the survival of displaced species. Local communities depend on the Sundarbans for resources like fish, honey, and timber (Islam et al., 2018). As climate change degrades the ecosystem, these resources become scarcer, increasing competition between humans and wildlife. This can lead to increased human-wildlife conflict, such as attacks on livestock by tigers or conflicts over dwindling fish stocks, further endangering both humans and displaced species.

4.2. The Bengal tiger: A species in crisis

The Bengal tiger, an apex predator and a flagship species of the Sundarbans, faces a multitude of threats, exacerbated by climate change. Habitat loss is a primary threat, driven by both human activities like deforestation and aquaculture and climate change impacts like sea-level rise and erosion. The loss of mangrove forests reduces the availability of prey and forces tigers to venture closer to human settlements, increasing the risk of human-wildlife conflict (Khan et al., 2011).

Poaching is another significant threat to Bengal tigers. The illegal trade in tiger parts, driven by demand for traditional medicine and other products, continues to be a major concern (Nowell, 2015). Even within protected areas, tigers are vulnerable to poaching, and habitat fragmentation due to climate change can make them even more accessible to poachers.

Human-wildlife conflict is a growing problem in the Sundarbans. As climate change reduces prey availability and degrades tiger habitat, tigers are forced to hunt closer to human settlements, increasing the likelihood of attacks on livestock and humans. This

conflict not only poses a threat to human lives and livelihoods but also leads to retaliatory killings of tigers by local communities, further endangering their population.

The combined effects of climate-driven habitat degradation, prey depletion, poaching, and escalating human-wildlife conflict place the Bengal tiger in a precarious situation. Sea-level rise and salinity intrusion reduce the availability of freshwater and alter the composition of prey species, making it harder for tigers to find food (Chowdhury et al., 2018). Extreme weather events like cyclones can directly kill tigers and destroy their habitat, further reducing their population. Together, these pressures highlight the urgent need for effective, species-specific conservation strategies.

4.3. Transboundary challenges and species-focused cooperation

The Sundarbans' transboundary nature presents unique challenges for species conservation. The ecosystem spans across India and Bangladesh, and the movement of species, particularly the Bengal tiger, is not confined by national borders. Effective conservation, therefore, requires close cooperation between the two countries.

However, differing national policies, priorities, and resource constraints can hinder collaborative efforts (Roy et al., 2017). Existing conservation efforts, while valuable, often fall short in addressing the specific needs of displaced species. Protected areas, for instance, are often designated based on static boundaries, failing to account for the dynamic shifts in species distribution caused by climate change.

Transboundary species like the Bengal tiger require coordinated management strategies that consider their movement patterns and habitat requirements across the border. To address these challenges, a species-focused approach to transboundary cooperation is essential. This involves the establishment of joint monitoring programs to track species movement and habitat changes, the creation of transboundary wildlife corridors to facilitate migration, and the harmonization of conservation policies and enforcement measures (Saha et al., 2021).

Furthermore, the integration of investment law perspectives can enhance species protection. Development projects in

and around the Sundarbans, such as infrastructure development and aquaculture, can have significant impacts on species and their habitats. Therefore, investment policies should incorporate environmental safeguards and promote sustainable practices that minimize harm to species.

4.4. Local communities and species-related indigenous knowledge

Local communities play a crucial role in the conservation of displaced species in the Sundarbans. These communities have a long history of interaction with the ecosystem and possess valuable traditional knowledge about species' behavior, habitat requirements, and ecological processes (Agrawal, 2005). This knowledge can be invaluable for informing conservation strategies and promoting sustainable resource management. For example, traditional fishing practices, adapted to the tidal flows and seasonal fish migrations, can contribute to sustainable fisheries management and ensure the availability of prey for species like the estuarine crocodile and fish-eating birds. Similarly, traditional honey collection techniques, which minimize disturbance to bee colonies, promote the health of the mangrove forests and the biodiversity they support (Gadgil et al., 2000).

However, the erosion of traditional practices due to modernization and economic pressures poses a threat to both local livelihoods and species conservation. Therefore, it is crucial to integrate local perspectives and traditional knowledge into legal frameworks and management plans. This involves creating participatory mechanisms for resource management, empowering local communities to participate in decision-making, and recognizing their rights to access and manage natural resources in a sustainable manner. By valuing and incorporating local knowledge, conservation efforts can become more effective, equitable, and sustainable, ensuring the long-term survival of both displaced species and the communities that depend on the Sundarbans.

V. Proposed legal reforms: A species-focused framework

The existing legal frameworks, as discussed earlier, exhibit significant limitations in addressing the unprecedented challenge of climate-induced wildlife displacement. A fundamental overhaul is required, moving beyond piecemeal adjustments to a comprehensive, species-focused legal framework. This section proposes such a framework, encompassing legal personhood for specific displaced species, species-specific transboundary agreements, the integration of species displacement into climate policies, and corporate accountability for species harm.

5.I. Legal personhood and species protection:

Elevating species to subjects of law

The dominant legal paradigm, which treats animals as objects of property or resources to be exploited, is a major impediment to their effective protection. Granting legal personhood to specific displaced species offers a radical departure from this paradigm, acknowledging their intrinsic value and enabling them to possess legal rights (Taylor, 1986). This shift is not merely a symbolic gesture; it has profound implications for how we understand our relationship with the non-human world and how we structure our legal systems.

The ethical underpinnings of legal personhood for displaced species lie in the recognition that these species, like humans, are sentient beings capable of experiencing pain, suffering, and joy. They possess inherent worth and have a right to exist, flourish, and fulfill their ecological roles, irrespective of their utility to humans. Climate change inflicts severe harm upon these species, disrupting their habitats, forcing them to undertake perilous migrations, and threatening their very survival. By granting them legal personhood, we acknowledge their right to be free from such harm and to have their interests considered in decisions that affect their well-being.

This argument draws upon the biocentric ethic, which extends moral consideration to all living beings, challenging the anthropocentric view that only humans have moral standing. It also aligns with the principles of ecological justice, which seek to

redress the injustices inflicted upon the non-human world by human activities. In the context of climate change, ecological justice demands that we recognize the disproportionate impact of climate change on displaced species, who are often the least responsible for its causes but bear the brunt of its consequences.

Implementing legal personhood for displaced species requires the development of innovative legal mechanisms that can effectively represent and protect their interests. Several potential mechanisms can be considered:

One of the most crucial mechanisms is the designation of legal guardians or representatives to act on behalf of the species. These guardians would be individuals or organizations with expertise in the species' ecology, behavior, and conservation needs. Their role would be analogous to that of guardians for children or incapacitated adults, with the responsibility to make decisions in the species' best interests. Guardians could be appointed by the courts, by specialized tribunals, or by independent commissions established for this purpose. They would have legal standing to initiate lawsuits to prevent harm to the species, participate in environmental impact assessments, and advocate for the species' rights in policy-making processes.

Another important mechanism is the creation of dedicated trusts or funds to manage resources for the protection and restoration of the species' habitat. These trusts could be funded by government allocations, private donations, or compensation from entities responsible for causing harm to the species. The funds could be used for various purposes, such as habitat acquisition and management, research and monitoring, anti-poaching efforts, and public awareness campaigns.

Granting legal standing to individuals, organizations, and the designated guardians to bring legal action on behalf of the species is essential for ensuring accountability. This would allow them to challenge decisions or actions that threaten the species' survival or violate their rights. The legal standing should be broad enough to encompass a range of stakeholders, including environmental organizations, indigenous communities, and scientists, who have a legitimate interest in the species' well-being.

It is crucial to define the specific rights of the species in clear and unambiguous terms in legislation. These rights could include the right to a suitable and sufficient habitat, the right to freedom from pollution and other forms of environmental degradation, the right to access resources necessary for survival, and the right to protection from activities that disrupt their natural behaviors and social structures. The legislation should also establish mechanisms for enforcing these rights and providing remedies for their violation.

The adoption of legal personhood for displaced species offers several potential benefits: It provides a stronger legal framework for protecting species, as their rights would be legally recognized and enforceable. This would move beyond the current situation where species are often treated as mere objects or resources, subject to human exploitation. It enhances the accountability of corporations and governments for actions that harm species and their habitats. This would create a powerful incentive for more environmentally responsible behavior and discourage activities that contribute to species displacement. It empowers individuals and organizations to advocate for species' rights and take legal action on their behalf. This would amplify the voices of those who are concerned about the well-being of displaced species and create a more level playing field in legal and political arenas. It promotes a fundamental shift in ethical and cultural attitudes towards the non-human world, recognizing the intrinsic value of all life forms and developing a greater sense of responsibility for their protection.

However, the implementation of legal personhood for displaced species also presents significant challenges:

Determining the precise scope of a species' rights and how they interact with human interests can be complex. For example, balancing the need to protect a species' habitat with the economic needs of local communities may require careful consideration and negotiation.

Ensuring that guardians act in the best interests of the species and avoiding conflicts of interest requires careful design of the legal framework and robust oversight mechanisms. The selection, training, and accountability of guardians are crucial aspects that need to be addressed.

Effectively enforcing species' rights and monitoring compliance with relevant laws and regulations can be challenging, particularly in situations where resources are limited or where there is a lack of political will. International cooperation and the development of robust monitoring technologies may be necessary.

Overcoming societal resistance to the idea of granting legal rights to non-human entities requires a significant shift in cultural norms and values. Public education and awareness campaigns are essential to promote greater understanding and acceptance of this concept.

5.2. Species-specific transboundary legal frameworks: Collaboration for conservation

Climate-induced wildlife displacement often transcends national borders, necessitating the development of species-specific transboundary legal frameworks and enhanced international cooperation. The Sundarbans, with its shared ecosystem and the transboundary movements of species like the Bengal tiger, provides a compelling illustration of this need.

For the Sundarbans, a binding bilateral agreement between India and Bangladesh is essential for the effective conservation of displaced species. While existing agreements may address general environmental concerns, a dedicated treaty focused on the unique challenges of climate-induced displacement is crucial. This agreement should include the following key elements:

Establishing joint scientific monitoring programs to track species populations, movement patterns, and habitat changes across the border. These programs should utilize standardized methodologies and data sharing protocols to ensure consistency and comparability of information. Remote sensing technologies, GPS tracking, and citizen science initiatives can be valuable tools in these efforts. The agreement should also establish mechanisms for sharing resources and expertise.

Creating and managing transboundary wildlife corridors to facilitate the safe and unimpeded movement of species between protected areas in both countries. These corridors should be designed to maintain genetic connectivity, allow species to adapt to

changing environmental conditions, and provide access to essential resources.

Implementing coordinated conservation efforts, including joint anti-poaching operations, habitat restoration projects, and community engagement initiatives. This ensures that conservation actions are consistent, effective, and mutually reinforcing across the entire ecosystem.

Harmonizing national laws and policies related to species protection, environmental impact assessment, and resource management. This creates a level playing field for conservation efforts and prevents activities in one country from undermining conservation efforts in the other. The agreement should also address issues such as illegal wildlife trade, pollution, and unsustainable resource extraction.

Defining clear and enforceable mechanisms to ensure that both countries comply with the terms of the agreement. This could include provisions for monitoring compliance, imposing sanctions for non-compliance, and establishing a joint commission to oversee the implementation of the agreement.

Establishing clear and effective dispute resolution mechanisms to address any conflicts that may arise between the two countries regarding species conservation. This is crucial for ensuring the long-term sustainability and effectiveness of the agreement. The agreement should also establish formal processes for regular consultation and negotiation to resolve disputes amicably. This should include mechanisms for stakeholder participation and public input. Utilizing third-party mediation or arbitration to facilitate the resolution of more complex or intractable disputes would also provide a neutral and impartial forum for finding solutions.

Incorporating specific climate change adaptation measures into the agreement, recognizing the dynamic nature of the challenges. This includes provisions for monitoring climate change impacts, assessing species vulnerability, and implementing adaptive management strategies.

5.3. Integrating species displacement into climate policies: A holistic approach

Current climate policies, both at the national and international levels, often focus primarily on mitigating greenhouse gas emissions and adapting human societies to climate change impacts. However, the needs of displaced species are frequently overlooked or relegated to secondary considerations. A more holistic and integrated approach is needed, one that explicitly recognizes and addresses the challenges of climate-induced wildlife displacement.

Climate policies must recognize displaced species as a distinct category of concern, acknowledging their unique vulnerabilities and the specific challenges they face in adapting to climate change. This recognition should be reflected in the goals, targets, strategies, and resource allocation of climate policies. Climate adaptation measures should be designed and implemented to address the specific needs of vulnerable species. This requires a comprehensive understanding of their ecological requirements, their sensitivity to climate change impacts, and their capacity to adapt. The restoration and protection of habitats that are resilient to climate change impacts, such as mangroves, wetlands, coral reefs, and forests, should be prioritized. These habitats provide essential refugia for species and can help buffer the effects of climate change. Implementing assisted migration programs to relocate species to more suitable habitats, where necessary, should be considered.

However, this strategy should be approached with caution, as it can pose risks to recipient ecosystems. Careful planning, risk assessments, and monitoring are essential. It is also necessary to reduce other stressors on species, such as pollution, habitat fragmentation, invasive species, and unsustainable resource extraction, to increase their resilience to climate change. Addressing these stressors can enhance the ability of species to cope with the challenges of a changing climate. Investing in long-term monitoring and research programs to track species responses to climate change, assess the effectiveness of adaptation measures, and inform adaptive management strategies requires a sustained commitment to scientific inquiry and data collection.

Parties to the Paris Agreement should integrate biodiversity concerns, with a specific focus on the protection of displaced species, into their Nationally Determined Contributions (NDCs). This is crucial for ensuring that climate action is aligned with biodiversity conservation goals. They should set specific, measurable, achievable, relevant, and time-bound (SMART) targets for the conservation and protection of vulnerable species in their NDCs. These targets should be aligned with national biodiversity strategies and action plans, including detailed adaptation measures for species in their climate adaptation plans, with clear indicators and timelines. These measures should be integrated into broader adaptation strategies for sectors such as agriculture, water management, and coastal zone management.

It is also important to ensure regular and transparent reporting on the impacts of climate change on biodiversity, as well as on the effectiveness of conservation measures, within the Parties' progress reports to the UNFCCC. Such reporting promotes accountability and facilitates learning from the best practices.

5.4. Corporate accountability for species displacement: Aligning business with biodiversity

Corporate activities, such as deforestation for agriculture, mining operations, and large-scale infrastructure development, can have devastating consequences for biodiversity, leading to habitat destruction and widespread species displacement. Legal mechanisms are needed to hold corporations accountable for these impacts and to incentivize them to adopt sustainable practices.

The concept of ecocide, defined as the unlawful or wanton acts committed with knowledge that there is a substantial likelihood of severe and either widespread or long-term damage to the environment, is increasingly relevant in the context of corporate activities that contribute to species displacement (Higgins et al., 2010). While not yet universally recognized as an international crime, the concept of ecocide can be used to frame the legal and ethical responsibility of corporations for large-scale environmental destruction.

Several legal mechanisms can be employed to enhance corporate accountability:

Strengthening EIA requirements to ensure that corporate projects adequately assess and mitigate their potential impacts on species and habitats. EIAs should be comprehensive, participatory, and scientifically rigorous, and they should consider the cumulative impacts of multiple projects.

Establishing clear legal liability for corporations that cause significant species displacement and requiring them to provide adequate compensation for habitat restoration, species relocation, and other conservation measures. The “polluter pays” principle should be rigorously enforced.

Imposing due diligence obligations on corporations to ensure that their supply chains and operations do not contribute to deforestation, illegal wildlife trade, or other activities that harm species. This includes requiring companies to conduct risk assessments, implement traceability systems, and adhere to environmental standards.

Requiring corporations to disclose their environmental impacts and risks in their financial reports to increase transparency and accountability to investors and the public.

Developing and implementing international treaties and standards that establish legal norms for corporate behavior in relation to biodiversity and species protection. These could include binding agreements or voluntary certification schemes.

Challenges in enforcement include establishing a clear and direct causal link between specific corporate activities and specific instances of species displacement can be complex, particularly when dealing with cumulative impacts or long-term effects, enforcing environmental laws across national borders and holding multinational corporations accountable for their global operations poses significant jurisdictional challenges. International cooperation and coordination are essential, and overcoming the political and economic influence of powerful corporations to ensure that environmental regulations are effectively enforced can be a major hurdle. Strong regulatory agencies, independent judiciaries, and public pressure are crucial.

VI. Conclusion

This study exposes the growing crisis of climate-induced wildlife displacement and the failure of current anthropocentric legal frameworks to adequately address it. As climate change disrupts ecosystems, many species are forced to migrate across borders, yet existing laws remain rooted in human-centered priorities, failing to recognize the intrinsic value of non-human life. The research underscores the urgent need for legal reforms that embrace ecosystem interconnectedness and promote international cooperation to respond effectively to the transboundary nature of species displacement.

A key recommendation is a paradigm shift toward ecological justice, an approach that redefines legal and ethical obligations to include the rights and well-being of all living beings. Ecological justice moves beyond traditional environmental protection by recognizing the inherent value of biodiversity and affirming the right of species to exist and thrive. This requires laws that not only prevent harm but actively restore ecosystems and promote resilience.

To operationalize this vision, the study advocates for significant reforms, including granting legal personhood to displaced species. This would involve creating mechanisms for species representation, such as guardians and species trusts. Transboundary cooperation must also be strengthened through joint wildlife monitoring, the creation of cross-border corridors, legal harmonization, and effective dispute resolution. International treaties like the Paris Agreement should be revised to explicitly address wildlife displacement and mandate biodiversity protections. Corporate accountability is another critical element.

The study calls for rigorous environmental impact assessments, stronger due diligence obligations, and legal liabilities for harm caused to ecosystems and species. Civil society and NGOs are also recognized as essential actors in advocating for wildlife rights, promoting public awareness, monitoring policy implementation, and holding governments and corporations accountable.

Future research should explore legal responses to species displacement in underexamined ecosystems such as marine and polar regions. Comparative legal analysis could highlight best

practices from different jurisdictions, while innovative tools like artificial intelligence for tracking species movement or ecological economic models could enhance conservation strategies. Ethical and philosophical dimensions of ecological justice, including the cultural and moral foundations of wildlife rights, also require further exploration.

The study concludes that addressing climate-induced wildlife displacement is an urgent global priority. Without immediate, coordinated, and justice-based legal action, biodiversity loss will accelerate, threatening ecosystems and human well-being alike. The path forward lies in fostering transboundary cooperation, embracing ecological justice, and enacting transformative legal reforms. By shifting from domination to coexistence and recognizing nature's intrinsic worth, a legal framework can be built where both humans and wildlife flourish in a climate-challenged world.

References

1. Agrawal, A. (2005). *Environmentality: Technologies of government and the making of subjects*. Duke University Press.
2. Azam, R. M. U. (2025). Acknowledging nature's intrinsic rights through biophilic constitutionalism. *Journal of Law and Politics*, 6(1), 123–140. URL: <https://doi.org/10.69648/dewo1699>.
3. Azam, R. M. U., Islam, M., & Rahman, A. (2025). The Legal Ecology of Pandemic Prevention: An Examination of Eco-Centric Zoning and Wildlife Preservation Strategies for reducing Zoonotic Spillover risk. *Journal of Environmental Law & Policy*, 05(01), 167–200. URL: <https://doi.org/10.33002/jelpo50107>.
4. Azam, R. M. U., Zerín, S. A., & Alabi, F. F. K. (2025). ISDS Reform and Environmental Governance: Addressing climate change disputes through UNCITRAL's framework. In *International Investment Law Journal*, *International Investment Law Journal* (Issue 1, pp. 51–73). URL: <https://doi.org/10.62768/IILJ/2025/5/1/04>.
5. Azam, R. M. U., Zerín, S. A., & Alabi, F. F. K. (2025). The Rights of Nature Movement: legal, cultural, and policy Challenges in Implementing Eco-Centric Laws. *Journal of Environmental Law & Policy*, 05(01), 87–116. URL: <https://doi.org/10.33002/jelpo50104>.
6. Chowdhury, S. R., Rahman, M. M., & Islam, M. A. (2018). Impact of climate change on prey availability and its consequences on Bengal tiger in the Sundarbans. *Journal of Environmental Science and Management*, 21(1), 1–10.
7. Convention on Biological Diversity. (1992). *Text of the Convention on Biological Diversity*. URL: <https://www.cbd.int/convention/text/>.

8. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. (1973). *Text of the Convention*. URL: <https://cites.org/eng/disc/text.php>.
9. Gadgil, M., Berkes, F., & Folke, C. (2000). Linking ecological and social capital for resilience and sustainability. In *Institutions and environmental change* (pp. 87–101). Edward Elgar Publishing.
10. Ghosh, S., Mukhopadhyay, A., & Hazra, S. (2016). Impact of climate change on the Sundarban ecosystem. In *Climate change impacts and adaptation strategies for coastal communities* (pp. 105–122).
11. Hazra, S., Ghosh, T., DasGupta, R., & Sen, G. (2016). Sea level rise and associated storm surge impacts in the Sunderbans: Some projections. *Current Science*, 91(12), 1653–1663.
12. Heller, N. E., & Zavaleta, E. S. (2009). Biodiversity management in the face of climate change: A review of 22 years of recommendations. *Biological Conservation*, 142(1), 14–32. URL: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2008.10.006>.
13. Higgins, P., Short, D., South, N., & Westerhuis, D. (2010). Defining and contextualizing ecocide. *International Journal of Human Rights*, 14(6), 1073–1090. URL: <https://doi.org/10.1080/13642987.2010.511614>.
14. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2022). *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability*. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press.
15. Islam, M. S., Rahman, M. M., & Chowdhury, A. H. (2018). Socio-economic impacts of climate change on local communities in the Sundarbans. *Journal of Rural Development*, 43(1), 25–40.
16. Juliana v. United States, 947 F.3d 1159 (9th Cir. 2020), cert. denied, 2025.
17. Khan, M. A. R., Islam, M. Z., & Rahman, M. M. (2011). Human-tiger conflict in the Sundarbans: A review. *Journal of Wildlife and Environmental Management*, 5(1), 1–8.
18. Martinez-Alier, J. (2002). *The environmentalism of the poor: A study of ecological conflicts and valuation*. Edward Elgar Publishing.
19. Massachusetts v. Environmental Protection Agency, 549 U.S. 497 (2007).
20. McAdam, J. (2012). *Climate change, forced migration, and international law*. Oxford University Press.
21. Mukherjee, N., Sutherland, W. J., Dicks, L. V., Hugues, Z. A., & Pretty, J. (2014). Ecosystem service valuations of mangrove ecosystems to inform decision making and future valuation exercises. *PLOS ONE*, 9(9), e107792. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107792>.
22. New Zealand Parliament. (2017). *Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017*. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/DLM6830851.html>.
23. Nowell, K. (2015). *Bones, horns & teeth: The trade in big cat parts from Asia*. TRAFFIC International.

24. Orford, A. (2003). *Reading humanitarian intervention: Human rights and the use of force in international law*. Cambridge University Press.
25. Parmesan, C., & Yohe, G. (2003). A globally coherent fingerprint of climate change impacts across natural systems. *Nature*, 421(6918), 37–42. URL: <https://doi.org/10.1038/nature01286>.
26. Rahman, M. M., Chowdhury, S. R., & Islam, M. A. (2019). Salinity intrusion in the Sundarbans: Impacts on ecosystem health and local livelihoods. *Journal of Environmental Science and Management*, 22(2), 1–12.
27. Roy, S., Mondal, P., & Debnath, R. (2017). Transboundary governance of the Sundarbans: Legal and Policy Challenges. *International Journal of Environmental Policy and Law*, 2(1), 10–18.
28. Saha, S., Rahman, M. M., & Islam, M. A. (2021). Transboundary cooperation for conservation in the Sundarbans: A framework for joint management. *Journal of Sustainable Development*, 14(3), 1–10.
29. Schlosberg, D. (2007). *Defining environmental justice: Theories, movements, and nature*. Oxford University Press.
30. Secretariat of the Convention on Biological Diversity. (2020). *Global Biodiversity Outlook 5*. URL: <https://www.cbd.int/gbo/gbo5/publication/gbo-5-en.pdf>.
31. Stone, C. D. (1972). Should trees have standing? — Toward legal rights for natural objects. *Southern California Law Review*, 45, 450–501.
32. Taylor, P. W. (1986). *Respect for nature: A theory of environmental ethics*. Princeton University Press.
33. UNESCO. (n.d.). Sundarbans. Retrieved April 10, 2025, from <https://whc.unesco.org/en/list/798/>.
34. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). (1992). *UNFCCC Convention Text*. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf>.
35. UNFCCC. (2015). *Paris Agreement*. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement>.
36. Urgenda Foundation v. State of the Netherlands, Supreme Court of the Netherlands, ECLI:NL:HR:2019:2007 (2019).

Трансграничные решения для видов, перемещенных из-за изменения климата: юридический императив экологической устойчивости**

Равнак Мирай Ал Азем

Аннотация: Данное исследование посвящено критически важному правовому пробелу, связанному с вытеснением диких животных вследствие изменения климата, представляющем собой разрастающийся экологический кризис. В центре внимания автора — регион Сундарбан (Бангладеш и Индия) и его культовый вид — бенгальский тигр. На основе анализа международных и национальных правовых норм делается вывод об их недостаточности для эффективной защиты видов, вынужденных мигрировать из-за

изменения климата. Предлагается смещение парадигмы регулирования в сторону экологической справедливости через признание правосубъектности перемещенных видов и разработку трансграничных видоспецифичных правовых комплексов.

Автор также исследует встроенность проблемы перемещенных видов животных в климатическую политику, подчеркивая корпоративную ответственность за ущерб, наносимый окружающей среде. Исследование призывает к целостному, видоориентированному подходу для обеспечения экологической устойчивости в условиях меняющегося климата.

Ключевые слова: перемещение из-за изменения климата, права видов, экологическая справедливость, трансграничное сохранение, правосубъектность.

DOI: 10.55167/378ac4814d46

The 3Rs in the treatment of laboratory animals

Varvara Pel

Abstract. This paper revisits the original meaning and contemporary transformation of the Three Rs (Replacement, Reduction, and Refinement) as formulated by Russell and Burch in *The Principles of Humane Experimental Technique* (1959). While today the 3Rs are widely interpreted as ethical norms central to animal research policy and regulation, this paper argues that they were originally conceived as methodological tools for achieving ‘good science’ through the mitigation of inhumanity.

The analysis distinguishes between the ethical and scientific readings of the 3Rs, revealing a conceptual shift that has distanced current interpretations from their anthropocentric roots. The paper critically explores how each principle has evolved in the context of modern scientific practices and ethical discourse, particularly in relation to animal welfare, moral status, and the limits of utilitarian justification. The author contends that the 3Rs alone are insufficient to provide an ethical basis for animal research and must be preceded by case-specific evaluations that consider both the interests of animals and the interests of science, where the 3Rs lay the groundwork for further advances in animal welfare.

By tracing the conceptual history and contemporary use of the 3Rs, the paper contributes to the broader debate on the ethical boundaries of animal experimentation and the conditions determining the ethical acceptability of the means of generating scientific knowledge.

Keywords: 3Rs; animal experimentation; animal welfare; scientific ethics; bioethics; humane science; moral status of animals; laboratory animals; research methodology.

Introduction

The Three Rs (3Rs) were outlined in *The Principles of Humane Experimental Technique*¹ in 1959. The creation of ‘The Principles’ was preceded by a project of the Universities Federation for Animal Welfare (UFAW) to promote animal welfare as an integral component of reliable research involving animals. The idea behind the UFAW’s project was that science, rather than political rhetoric,

1. Russel WMS, Rex Leonard Burch RL. *The principles of humane experimental technique*. Methuen; 1959.

should be the way to achieve animal welfare objectives². In other words, the idea arose of shaping ‘good science’ to influence animal welfare.

The authors of ‘The Principles’ are W. Russell and R. Burch. Russell was a biologist, educated as a zoologist at Oxford University, and had various interests including biological, psychoanalytic, behavioural, historical, and sociological sciences. He was a researcher at the UFAW and a project manager. Burch, on the other hand, acted as a ‘field assistant,’ carrying out quantitative and qualitative mapping of animal studies³.

As the abbreviation indicates, the 3Rs include three basic principles: Replacement, Reduction, and Refinement. Their aim is to avoid animal research wherever possible, to reduce the amount of research, and to limit the harm done to animals in experiments⁴. The Replacement aims to replace animal research with alternative methods as much as possible or to avoid it altogether. Reducing the number of laboratory animals is possible through statistical and methodological evaluations of the number of animals actually needed. The Refinement aims to minimise the negative effects of research procedures on laboratory animals.

The Three Rs are now widely known around the world. They are mentioned in various national and regional acts, policies, journals⁵; they are also common among research organisations and animal advocates⁶. It can be said that the 3Rs are the most authoritative rules for the treatment of laboratory animals, which the world looks up to. The problem, however, is that there is no consensus

2. Kirk R. Recovering the principles of humane experimental technique: The 3Rs and the human essence of animal research. *Science, technology & human values*. 2018; 43(4): 622–648.

3. *Ibid*.

4. The Senate Commission on Animal Protection and Experimentation, *Animal experimentation in research*. Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG, German Research Foundation); 2016.

5. Blattner CE. Rethinking the 3Rs: From Whitewashing to Rights. In: Herrmann K, Jayne K, eds. *Animal Experimentation: Working Towards a Paradigm Change*. Brill; 2019: 168–193.

6. Olsson IAS, Franco NH, Weary DM, Sandøe P. The 3Rs principle — mind the ethical gap!. *ALTEX Proceedings* 1; 2012: 333–336.

among biologists, philosophers, legislators, and other actors as to how each of the 3Rs principles applies⁷. Thus, following the concept becomes more challenging.

To date, there are several perspectives on what the concept of the 3Rs is. In particular, principles can act as both a methodological and ethical framework for conducting modern research involving animals⁸. Thus, the principles of the 3Rs can be seen in two ways: as an ethical category and as a scientific category.

The 3Rs as an ethical category

Equating the 3Rs with ethical rules is particularly popular in today's scientific community. The use of the 3Rs in research provides some evidence that researchers are committed to maintaining high ethical standards when working with laboratory animals⁹. Empirical research also shows that scientists see the 3Rs in their practice as a way of meeting their 'moral obligations' to animals¹⁰. Indeed, at first glance, it can be said that using a smaller number of animals or replacing them with alternative models is clearly in their interests, not to suffer as a result of the research. The 3Rs can thus present themselves as principles of ethical behaviour in relation to laboratory animals.

However, the ethical characterisation of the 3Rs is subject to active criticism. Although there is much debate as to the meaning of each principle, there are very few scientific articles linking the 3Rs and ethics¹¹. In my opinion, the main reason is the confusion of the concepts of 'ethics' and 'animal welfare'.

7. Tannenbaum J, Bennett BT. Russell and Burch's 3Rs then and now: the need for clarity in definition and purpose. *American Association for Laboratory Animal Science*. 2015; 54(2): 120–132.

8. Vitale A, Ricceri L. The principle of the 3Rs between aspiration and reality. *Frontiers in Physiology*. 2022. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphys.2022.914939/full> (last accessed: 10.03.2023).

9. Olsson IAS et al, *supra* n. 24.

10. Hobson-West P. What kind of animal is the "Three Rs"? *Alternatives to Laboratory Animals*. 2009; 37(2): 95–99.

11. *Ibid*.

In 'The Principles', Russell and Burch did not focus on the ethics of laboratory research but did address the 'welfare of animals'. If we look at each of the principles, we can see that they are aimed specifically at minimising harm to the animal. The Replacement requires the use of non-animal models in research; the Reduction aims to reduce the number of laboratory animals in general.

Refinement aims to improve the conditions in which animals are kept and treated. Neither of the principles involves considering and focusing on the interests of animals as a separate category.

It is an undeniable fact that the 3Rs principles have enabled a major breakthrough in animal welfare and the development of Animal Law¹². However, they do not include general moral principles that reflect the values underlying the ethics of research involving animals. According to Tom L. Beauchamp and David DeGrazia, at the heart of this should be the recognition of an animal's moral status¹³. This status distinguishes an animal from an inanimate thing, thereby requiring specific rules for its treatment.

The 3Rs principles aim to regulate 'good science' and animal welfare, but they do not address the question of when harm to an animal would be justified. Tom L. Beauchamp and David DeGrazia propose assessing the justifiability of harming animals through an analysis of the 'social benefit' of the experiment¹⁴. This concept is very similar to utilitarianism, which argues for harming the smallest number of animals in order to achieve the greatest positive effect for the largest number. The main challenge for researchers is to properly assess the 'benefit' of potential future outcomes while also considering the welfare of the animals used to achieve those outcomes.

Thus, it can be said that shifting the emphasis of the 3Rs principles towards animal welfare, rather than towards a moral assessment of research, does not allow them to be called 'ethical'. It is therefore necessary to analyse what original meaning Russell and Burch put into each of the principles.

12. Blattner ChE, supra n. 23.

13. Beauchamp TL, DeGrazia D. *Principles of Animal Research Ethics*. Oxford: Oxford University Press; 2020.

14. *Ibid.*

The 3Rs as a scientific category

As mentioned earlier, science and ethics have been in constant conflict. On the one hand, there is the need to satisfy the human need for reliable scientific knowledge. On the other hand, there is a need to consider the welfare of animals as creatures capable of experiencing pain and suffering. In other words, there is a conflict between the natural sciences and the humanities, which is due to their characteristics as well. Natural sciences are accurate and factual, whereas the humanities are evaluative.

‘The Principles’ were developed by Russell and Burch as an attempt to end this conflict¹⁵. Moreover, they were based on a certain moral vision, which would unite the values of science and the humanities. The natural sciences and humanities together should reinforce each other and develop in the future¹⁶. Thus, ‘The Principles’ introduce the concept of ‘scientific humanism’: this is the term through which the original meaning of the 3Rs can be understood.

It is important to note that Russell and Burch’s proposal was, in fact, the idea of a new applied science. The idea was, in other words, to create a ‘good science,’ the aim of which was to improve the treatment of laboratory animals while improving the quality of scientific experiments¹⁷. Animal welfare would be achieved precisely through good laboratory practice.

In order to link ‘science’ and ‘animal welfare,’ ‘The Principles’ introduce two key terms: humanity and inhumanity. Humanity is the final goal of the 3Rs principles, achieved by reducing inhumanity. Inhumanity encompasses the range of unpleasant psychological conditions that experimental animals may experience¹⁸. If an animal experiences pain, distress, or other discomfort during the research process, this is a manifestation of inhumanity.

The new science, according to Russell and Burch, must be humane. It is humanity that leads to the humane treatment of animals, based on kindness and benevolence. This ‘humanity’ consists

15. Snow CP. *The two cultures*. Cambridge (MA): Cambridge University Press; 1963.

16. Kirk R, *supra* n. 20.

17. Tannenbaum J, Bennett BT, *supra* n. 25.

18. *Ibid*.

of reducing the suffering of laboratory animals during the experiment.

‘The Principles’ was not originally conceived as a work of moral philosophy. On the contrary, Russell and Burch developed a practical strategy of replacement, reduction, and refinement¹⁹. The 3Rs principles are not a catalogue of methods or clear rules. They are general fundamental ideas that lead to a humane science²⁰. In the following, it is necessary to examine each principle in more detail and see how it relates to its contemporary interpretation.

REPLACEMENT

According to ‘The Principles’, the Replacement is the substitution of animals for non-sentient, non-intelligent material. Such material may include plants, micro-organisms, and other objects whose nervous system is almost atrophied. Russell and Burch distinguish between relative replacement, where living organisms are used, and absolute replacement. Absolute replacement stands as the absolute ideal, where the possibility of a laboratory animal being stressed is completely excluded²¹.

Thus, it is important to understand that Russell and Burch look at good science precisely in terms of reducing inhumanity, i.e., reducing the stress caused to animals. In the Replacement, similarly, the aim is to remove stress from laboratory animals, not to remove their use altogether. It can be said that the principle of Replacement is a highly technical way of reducing stress in animals by simply not using them.

Russell and Burch also do not use the term ‘alternatives’ in their description of the Replacement. Indeed, the “replacement by alternative methods” began to take shape in the scientific community and became associated with the 3Rs already after the publication of ‘The Principles’²². Replacing animal models with alternative methods is a more complex process. On the one hand, there

19. National Research Council. *Guide for the care and use of laboratory animals: Eighth edition*. Washington, DC: The National Academies Press; 2011.

20. Kirk R, supra n. 20.

21. Russell WMS, Burch RL, supra n. 4.

22. Tannenbaum J, Bennett BT, supra n. 25.

is a clear ethical and scientific need to develop new non-animal research methods. On the other hand, the same ethics do not allow unknown responses, such as cell cultures, to be investigated directly in humans²³. Therefore, gaining confidence in the reliability of a new method and its use in humans may be possible by initially testing it on animals. Often, the number of animals needed for this may exceed that which would be used in the in vivo method²⁴. In other words, it is a vicious circle: developing new methods is necessary to reduce the number of animals, but developing those methods requires the use of animals. This conflict is an example of the modernisation of the original 3Rs to current realities and ethical standards.

Another example of the difference between the modern interpretation of the 3Rs principles and the original meaning of Russell and Burch is that they do not intend a total Replacement²⁵. As already mentioned, the aim of the 3Rs is to achieve humane science without compromising the quality of research outputs and the needs of society. In particular, by replacing animals with non-sentient models, it is possible to reduce the cost of research (a benefit to science), and it also contributes to the idea of humanity, as the public would prefer not to use laboratory animals²⁶.

Therefore, the Russell and Burch Replacement principle is not aimed at completely replacing animal models with alternative models. The main aim of the Replacement is to strive for good, humane science that, on the one hand, minimises stress on laboratory animals and, on the other hand, produces equally valid and accurate research results. This differs from the modern view of the

23. Ibrahim DM. Reduce, Refine, Replace: The failure of the Three R's and the future of animal experimentation. *University of Chicago Legal Forum*; 2006. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol2006/iss1/7> (last accessed: 10.03.2023).

24. Clark JMA. The 3Rs in research: A contemporary approach to replacement, reduction and refinement. *British Journal of Nutrition*. 2018; 120(1): S1–S7.

25. Vitale A, Ricceri L, supra n. 26.

26. Tannenbaum J, Bennett BT, supra n. 25.

Replacement, which aims for a complete switch to alternative research methods.

REDUCTION

The Reduction in ‘The Principles’ refers to the reduction in the number of animals used to obtain information of a certain volume and accuracy²⁷. It is important to note that Russell and Burch do not specifically put a ‘minimisation’ of the number of laboratory animals within the meaning of this concept, as is used in the modern interpretation. Firstly, determining a ‘minimum’ number of laboratory animals is a very complex task. At the design stage of an experiment, it is often impossible to guess what number of animals should be used to obtain a particular result. Following the principle of the Reduction, as in the desire to use a small number of animals, can lead to experimental results that are difficult or impossible to interpret²⁸. Therefore, following the Reduction principle in today’s reality requires a balance with the Replacement principle.

Secondly, Russell and Burch point out that it is the desire to minimise, rather than reduce, the number of laboratory animals that may deter researchers from conducting more comprehensive and extensive experiments²⁹. As already mentioned, the results of a study are not always predictable and cannot always be obtained immediately after the procedure has been completed. Large scientific research requires smaller-scale, step-by-step experiments. Reducing the number of laboratory animals should not lead to an inadequate number of them for a future experiment.

Therefore, according to ‘The Principles’, the Reduction is also aimed at conducting humane, good science. On the one hand, the number of animals should indeed be reduced, becoming smaller, as this will reduce the stress caused to them. On the other hand, such a reduction should also result in the acquisition of information of a certain quality and accuracy. In other words, while taking ani-

27. *Ibid.*

28. Clark JMA, *supra* n. 42.

29. Tannenbaum J, Bennett BT, *supra* n. 25.

mal welfare into account, the needs of science to provide the most comprehensive data must also be considered.

REFINEMENT

The Refinement includes any decrease in the frequency or severity of inhumane procedures applied to those animals that are still to be used in research³⁰. This principle appears in Russell and Burch's concept as a separate method of eliminating inhumanity, as it explicitly focuses on how sentient laboratory animals should be treated.

The concept of the Refinement is a broad one, and nowadays includes the housing of laboratory animals in conditions that allow their basic needs (biological, psychological, and others) to be met and in conditions that cause the least amount of stress³¹. Russell and Burch do not list specific examples of how inhumanity can be reduced through the Refinement. However, in contemporary research science, we can find methods such as reduction, removal of pain/stress through the use of analgesic drugs, and the development of new *in vivo* techniques. It can also include the development of methods that improve the care, housing, handling, and procedures for animals³².

Important to note is that the mere development of technologies that do not allow an animal to be killed for a procedure is not enough. In particular, new methods of handling laboratory animals may require constant manipulation (e.g., injections). Researchers must also consider the stresses that animals experience during such 'routine' procedures³³. One option for solving this problem could be to train laboratory animals to come in for non-invasive procedures on their own. A good example is the Superstar Rats project, carried out by an American laboratory. Over a period of several months, researchers trained laboratory rats, using positive reinforcement, to voluntarily walk up to the researcher's hands and

30. *Ibid.*

31. Rusche B. The 3Rs and animal welfare — conflict or the way forward?. *ALTEX*. 2003; 20(1): 63–76.

32. Clark JMA, *supra* n. 42.

33. *Ibid.*

follow a marker (to stand on a scale, for example)³⁴. This project is a good illustration of how the Refinement can be followed through a method of training.

In addition, the results of the project showed how such training affected the human-animal relationship. In particular, the researcher developed an emotional bond with the animal, and the line between 'pet' and 'laboratory animal' became blurred³⁵. In my view, such practices in research laboratories have the potential to develop a more humane attitude towards animals and, as a consequence, a greater consideration of their interests.

The Refinement, therefore, within the meaning of 'The Principles' and in current scientific practice, is a very broad concept and includes all actions to reduce the inhumane treatment of laboratory animals. Researchers may use a variety of methods to reduce pain and stress, but the possible negative effects of new technologies must always be taken into account.

Conclusion

Hence, the 3Rs in the meaning of Russell and Burch are not an ethical concept, aiming to consider the moral interests of animals. Rather, on the contrary, the 3Rs are anthropocentric in that they represent the idea of 'good science,' which requires the researcher to have a clear conscience. 'The Principles,' although aimed at achieving humanity, are also the basis for future development and the design of new technologies. They should not jeopardise the progress of science.

The question arises as to why the 3Rs principles, although so popular nowadays, are not used in accordance with their original meaning. In my view, there are two reasons. The first is the complexity of the text of 'The Principles.' Even Hume pointed out that the work of Russell and Burch is very difficult to read for the

34. Office of Laboratory Animal Welfare. *Superstar rats teach empathy to researchers*. URL: <https://olaw.nih.gov/education/educational-resources/webinar-2019-03-21.htm> (last accessed: 10.03.2023).

35. *Ibid.*

common person³⁶. M. Balls noted that among those who apply and follow the 3Rs principles, most have not even read the book³⁷. Moreover, the principles are not presented in the text in a sufficiently informative way to be applicable as a practical guide³⁸. Thus, researchers have to rely on the interpretation set out by others in other documents. This is linked to the second cause of misinterpretation of the original meaning of the 3Rs.

It lies in the progress and development of the scientific community since 1959. Indeed, science does not stand still; new technologies and methods of scientific assessment are developing, and certain statements in 'The Principles' are losing their significance. In addition, as mentioned earlier, the 3Rs were quite general and fundamental in nature. The evolving society thus has the opportunity to give additional or new meanings to each of the 3Rs, adapting them to meet contemporary needs.

The question arises: what role should the 3Rs principles play in today's world? In my opinion, the 'proper application of the 3Rs principles' should be understood as following the concepts of replacement, reduction, and improvement, taking into account developing ethical norms and standards. As previously stated, the 3Rs aim to prevent unnecessary suffering inflicted on laboratory animals. However, Russell and Burch's concept does not seek to challenge the purposes of experiments in which animals will be used³⁹. The 3Rs focus on doing 'good science,' direct practice, and accepting the fundamental purpose of research, whatever it may be. In my view, it is this aspect of the 3Rs that goes against contemporary ethical standards.

Animals can nowadays be useful models for the study of biology and medicine, but every research involving animals should be preceded by a substantive evaluation on a case-by-case basis⁴⁰.

36. Balls M. The origins and early days of the Three Rs concept. *Alternatives to Laboratory Animals*. 2009; 37(3): 255–265.

37. Balls M. The principles of humane experimental technique: timeless insights and unheeded warnings. *ALTEX*. 2010; 27: 19–23.

38. Kirk R, supra n. 20.

39. Ibrahim DM, supra n. 41.

40. Perry P, supra n. 12.

As Tom L. Beauchamp and David DeGrazia have mentioned⁴¹, it is necessary to analyse the research design in terms of its justification and by balancing the interests of science with the interests of animals. In other words, before applying the principles of the 3Rs to practical science, there should be justification for the use of specific animals in a particular experiment.

Using too many animals or causing unnecessary suffering to animals (i.e., not following the 3Rs) often means that researchers do not conduct sufficiently in-depth systematic reviews. This review allows us to see how previous animal research has affected science and what discoveries have already been made. A systematic review ensures that new experiments do not answer questions that have already been answered⁴². This is especially important in the case of a grant application, where the researcher needs to show the funding agency that the research is really important. If a systematic review is not carried out, many research studies may be repeated or fail to produce the expected results. Thus, systematic review and following the 3Rs principles are inextricably linked. If the research is not preceded by a systematic review to justify its aims and objectives, following the principles of the 3Rs will be an example of 'good science' without being animal-centered.

In this regard, I believe that the principles of the 3Rs are and should be interpreted according to the needs of contemporary society. Russell and Burch's concept made a significant contribution to the development of the recognition of the moral value of animals, although this was not enough to enshrine it as 'ethical'⁴³. For research involving animals to be 'ethical,' it should be preceded by an appropriate assessment. Such an assessment should focus on the interests of animals and the interests of science, while the 3Rs principles allow further advances to protect animal welfare. These two paradigms should be linked throughout the research.

41. Beauchamp TL, DeGrazia D, supra n. 31.

42. Pound P, Ebrahim S, Sandercock P, Bracken MB, Roberts I. Where is the evidence that animal research benefits humans? *BMJ*. 2004; 328: 514–517.

43. Beauchamp TL, DeGrazia D, supra n. 31.

Bibliography

1. Balls M. The origins and early days of the Three Rs concept. *Alternatives to laboratory animals*. 2009; 37(3): 255–265.
2. Balls M. The principles of humane experimental technique: timeless insights and unheeded warnings. *ALTEX*. 2010; 27: 19–23.
3. Beauchamp TL, DeGrazia D. *Principles of animal research ethics*. Oxford: Oxford University Press; 2020.
4. Blattner CE. Rethinking the 3Rs: From witewashing to rights. In: Herrmann K, Jayne K, eds. *Animal experimentation: Working towards a paradigm change*. Brill; 2019: 168–193.
5. Clark JMA. The 3Rs in research: A contemporary approach to replacement, reduction and refinement. *British journal of nutrition*. 2018; 120(1): S1–S7.
6. Hobson-West P. What kind of animal is the “Three Rs”? *Alternatives to laboratory animals*. 2009; 37(2): 95–99.
7. Ibrahim DM. Reduce, Refine, Replace: The failure of the Three R's and the future of animal experimentation. *University of Chicago Legal Forum*; 2006. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol2006/iss1/7>.
8. Kirk R. Recovering the principles of humane experimental technique: The 3Rs and the human essence of animal research. *Science, technology & human values*. 2018; 43(4): 622–648.
9. National Research Council. *Guide for the care and use of laboratory animals: Eighth edition*. Washington, DC: The National Academies Press; 2011.
10. Office of Laboratory Animal Welfare. *Superstar rats teach empathy to researchers*. URL: <https://olaw.nih.gov/education/educational-resources/webinar-2019-03-21.htm>.
11. Olsson IAS, Franco NH, Weary DM, Sandøe P. The 3Rs principle — mind the ethical gap! *ALTEX Proceedings* 1; 2012: 333–336.
12. Pound P, Ebrahim S, Sandercock P, Bracken MB, Roberts I. Where is the evidence that animal research benefits humans? *BMJ*. 2004; 328: 514–517.
13. Rusche B. The 3Rs and animal welfare — conflict or the way forward? *ALTEX*. 2003; 20(1): 63–76.
14. Snow CP. *The two cultures*. Cambridge (MA): Cambridge University Press; 1963.
15. Tannenbaum J, Bennett BT. Russell and Burch's 3Rs then and now: the need for clarity in definition and purpose. *American Association for Laboratory Animal Science*. 2015; 54(2): 120–132.
16. The Senate Commission on Animal Protection and Experimentation, *Animal experimentation in research*. Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG, German Research Foundation); 2016.
17. Vitale A, Ricceri L. The principle of the 3Rs between aspiration and reality. *Frontiers in physiology*. 2022. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fphys.2022.914939/full>.

Варвара Пель

Аннотация. Настоящая статья посвящена переосмыслению первоначального значения и современного восприятия концепции Трёх Р (Replacement, Reduction, Refinement), впервые изложенной У. Расселом и Р. Берчем в работе *The principles of humane experimental technique* (1959). Несмотря на широкое распространение интерпретации 3R как этических принципов, регулирующих научные исследования с участием животных, автор показывает, что изначально они были задуманы как методологическая основа «гуманной науки», основанной на снижении уровня страданий, а не на признании морального статуса животных.

В статье проводится разграничение между этической и научной трактовками 3R и анализируются причины и последствия их концептуальной трансформации. Особое внимание уделяется различиям между первоначальной и современной трактовкой каждого из принципов, роли гуманитарных и естественных наук в формировании научного гуманизма, а также ограниченности 3R как универсального инструмента этической оценки экспериментов. Автор утверждает, что принципы 3R недостаточны для этического обоснования исследований на животных и должны предваряться соответствующей моральной экспертизой в каждом конкретном случае.

Таким образом, работа вносит вклад в более широкую дискуссию о границах этически допустимых форм использования животных и условиях, определяющих этическую приемлемость способов получения научного знания.

Ключевые слова: принципы 3R; эксперименты на животных; благополучие животных; научная этика; гуманная наука; биоэтика; моральный статус животных; лабораторные животные.

DOI: 10.55167/994284ba2a40

The duty of care for animals in environmental disasters: Lessons from the Kerch Strait oil spill

Dmitrii Kuznetsov¹, Vladka Koi²

Abstract. This manuscript explores the legal and ethical concepts of duty of care in the context of an environmental disaster at sea, using the example of the fuel oil spill from the Volgoneft series tankers in the Kerch Strait on 15 December 2024. In the first days after the disaster, it was volunteers who took on the task of rescuing animals and cleaning the coast, acting without coordination or support from the state. The authors ask three main questions: (1) does national or international law protect animals as such, or does it care about their safety solely based on their usefulness as a 'resource' in purely human interests? (2) are there any basic legal or ethically based responsibilities that could motivate thousands of citizens to voluntarily help affected animals and ecosystems? (3) is any shift currently taking place in the paradigm of the relationship between humans, nature, and animals, marking a move away from anthropocentrism towards the harmonisation of humans' relations with other species?

Having analysed the rich normative material, including judicial practice, the authors conclude that despite the noticeable eco-centricity of the modern legal framework, its main focus is the responsibilities of public entities. Thus, the tendency to perceive animals as sentient subjects cannot yet be called dominant either at the international or national level.

The authors suggest that the actions of volunteers are determined primarily by less specific ethical motives and feelings, not directly related to such a shift. The grassroots, collective character and spontaneity of such manifestations of empathy towards affected living beings can be considered evidence of a gradual paradigm shift. It is noted that additional interdisciplinary and empirical research is needed for a more detailed answer to the question of this shift.

The article demonstrates an eco-legal approach focused on the protection of 'animals in general,' which does not always coincide with the welfare of a particular animal. The authors point out that environmental regulations applicable to the case under consideration still fail to adequately address the consequences of pollution for individual animals, thereby not taking into account their sentience.

1. Dmitry Kuznetsov, researcher, University of Gothenburg, Vasagatan 1, 405 30 Gothenburg, Sweden; professor, Free University, Riga, Latvia. E-mail: dmitrii.kuznetsov@law.gu.se. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7103-6436>.

2. Vladka Koi, PhD, professor, Free University, Riga, Latvia.

Keywords: Kerch Strait; oil spill; duty of care; animals; international law; volunteers; environmental disaster, anthropocentrism.

AI use disclosure statement. The authors declare that DeepL Translate was used for the preliminary translation of certain sources in Spanish, as indicated in the corresponding footnote. The grammar of the full manuscript was additionally checked using Grammarly.

A week later only a large skull and two shoulder-blades lay behind the barn; the rest had all been taken away. In summer a peasant, collecting bones, carried away these shoulder-blades and skull and put them to use.

*Leo Tolstoy, Kholstomer*³

Introduction

On 15 December 2024, two Russian oil tankers of the ‘Vologoneft’ series sustained hull cracks during a severe storm in the Kerch Strait (Black Sea). The disaster resulted in significant oil spills of approximately 1,500 m³, making it one of the largest fuel oil spills in the Kerch Strait under the jurisdiction of the Russian Federation.⁴ For nearly two weeks, there was little coordinated response from the governmental authorities despite the efforts of the locals to save the situation, clean the affected coastal area and call for governmental/official intervention.

It was only in the last days of December 2024 that the authorities publicly acknowledged the spill and its environmental impact.⁵ Official sources initially labelled the spill as an ‘extraor-

3. Tolstoy L. Strider: The story of a horse. In: Gustafson RF, ed. *The Devil and other stories*. Oxford: Oxford University Press; 2003: 125–160.

4. For the account of the events see, A drop in the ocean. *Novaya Gazeta Europe*. December 28, 2024. URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2024/12/28/a-drop-in-the-ocean-en>.

5. See Decree of the Head of the Republic of Crimea No. 433-U of December 28, 2024 ‘On a man-made emergency of a regional nature associated with an oil spill’ (with amendments and additions). Computer reference legal system ‘Garant’. URL: <https://base.garant.ru/411233977/>; Protocol of the Government Commission for the Prevention and Elimination of Emergencies and Ensuring Fire Safety No. 17 of December 26, 2024. Computer reference legal system ‘Garant’. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41172827/>; Order of the Governor of Krasnodar

dinary incident⁶ while international environmental organisations, as well as locals volunteering on the spot, described it as an ecological disaster.⁷

Later, the Russian Emergency Ministry sent over 50 personnel, along with helicopters and tugboats. Despite these efforts, the spill resulted in extensive environmental damage, affecting beaches in Russia's Krasnodar region as well as the occupied territories, including Crimea and the Berdiansk Spit.⁸ Over 173,000 tons of contaminated sand and soil were collected during cleanup operations.

Apart from polluting the seashores and exposing local people and tourists to a risk of poisoning by oil products, the biggest

Krai No. 325-r of December 15, 2024 "On the introduction of a state of emergency in the territory of Krasnodar Krai." Computer reference legal system "Garant." URL: <https://base.garant.ru/411200225/>; Rosrybolovstvo, together with the Russian State Scientific Centre VNIRO, is working on calculating the damage to aquatic biological resources from the fuel oil spill in the Kerch Strait. TASS. December 20, 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22734557>.

6. See Order of the Government of the Russian Federation No. 3722-r of December 15, 2024 'On the creation of a working group to eliminate the consequences of the extraordinary incident caused by the sinking of tankers in the Kerch Strait.' URL: <http://static.government.ru/media/files/c9miYWFHl3uvbxhZuFqWPPrdHSMwmU9W.pdf>.

7. Schedrova U. Consequences of ecological disaster in Kerch Strait will be eliminated only in ten years: experts. *Resonance*. December 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/299p476b>; Kondratiev V. Fuel oil spill in the Kerch Strait: What are the risks?. *BBC News Russian*. December 17, 2024. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cpdnj4yl5vno>; Kozin N. Honoured ecologist of Russia called the sinking of tankers in the Kerch Strait an ecological disaster. *Parlamentskaya Gazeta*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/286wsu7o>; Minelle B. 'A new environmental catastrophe is on its way,' charity warns after damaged Russian tankers cause oil spill. *Sky News*. December 15, 2024. URL: <https://tinyurl.com/26w6pt5x>; Russian tankers in the Kerch Strait: A new environmental disaster. *Greenpeace Ukraine*. December 15, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2dda7jkl>.

8. The problem needs to be discussed from the perspective of international law of the responsibility of states, since it also involves significant damage to Ukraine in its internationally recognised borders. Due to the different focus of the paper and space limitations, this problem will not be considered in this text.

damage is done and is still being done to wildlife and the ecosystem of the region.⁹ According to media reports, the consequences of the disaster are yet to be assessed (should it be possible at all);¹⁰ however, several weeks after the spill, there were numerous messages and evidence of the deaths of dozens of dolphins and other small cetaceans, thousands of birds, and other organisms.¹¹ Even after being rescued by the volunteers, up to 95% of the birds died

9. See among many other sources Vakhrusheva K. Oil spills in the Kerch Strait an omen for Russia's Arctic. *Bellona Environmental Foundation*. December 20, 2024. URL: <https://bellona.org/news/arctic/2024-12-oil-spills-in-the-kerch-strait-an-omen-for-russias-arctic>; Robinson R, Murphy M, Cheetham J. Russia suffering 'environmental catastrophe' after oil spill in Kerch Strait. *BBC Verify*. January 24, 2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c23ngk5vgmpo>; Paramonova N. It can't be washed away: The environmental consequences of the fuel oil leak in the Kerch Strait. *Forbes*. December 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2blfuqgg>.

10. In their statements, the sources cite the incompleteness of the experts' work (Russian officials); the complications of the assessment due to wartime conditions (Ukrainian and foreign environmentalists); the lack of resources (foreign environmentalists); and the long-term nature and inherent difficulty of predicting the consequences of such events (environmentalists in general). In their statements, the sources also cite the incompleteness of the experts' work (Russian officials). See Babanina I. The ongoing environmental impact of the Kerch Strait oil spill. *Conflict & Environment Observatory (CEOBS)*. July 3, 2025. Available from: URL: <https://ceobs.org/the-ongoing-environmental-impact-of-the-kerch-strait-oil-spill/>; International reaction to the Kerch Strait oil spill. *Ukraine War Environmental Consequences Working Group*. June 18, 2025. URL: <https://uwecworkgroup.info/ru/international-reaction-to-the-kerch-strait-oil-spill/>; Briefing by Foreign Ministry Spokesperson Maria Zakharova, Moscow, March 16, 2017. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. March 16, 2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1543905/; Two Volgoneft tankers wrecked in the Kerch Strait. *Environmental project "The Earth Touches Everyone"*. *Environmental Protection Association "Nature Conservation"*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/298jwux5>; Fundamental changes may occur in the Kerch Strait ecosystem. *Moskovskaya Gazeta*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/27yn5xdm>.

11. Such as, for example, benthic invertebrates, jellyfish, plankton, coastal or nearshore fish, etc. — See: Shemetova DV, Savitsky MA, Rozhdestvenskaya IA, Bragina AA, Kuznetsov AV, et al. Changes in plankton composition and abundance at the Albatros and Foros stations in Crimea following the 2024 fuel oil spill near the Kerch Strait. *Russian*

because of the fuel oil poisoning.¹² Ecologists predict irreparable harm to the ecosystem and the region's biodiversity.¹³

In view of the reported condition of the tankers and similar incidents registered in earlier years, including in the area,¹⁴ it should not have been a surprise to the authorities that cracks like this, or

Journal of Marine Biology. 2025; 51:152–157. URL: <https://doi.org/10.1134/S1063074025700129>; Babanina I. *op. cit.*

12. Robinson R et al. *op. cit.*; Rusev I. One month on, Russian authorities fail to stop oil leak from sunken tanker in Black Sea. Greenpeace Österreich. January 16, 2025. URL: <https://tinyurl.com/25gyohau>.

13. Babanina I. *op. cit.*; Russian oil spill threatens with environmental catastrophe in the Kerch Strait [press release]. Greenpeace CEE. December 15, 2024. URL: <https://greenpeace.at/cee-press-hub/oil-spill-causes-environmental-catastrophe-in-kerch-strait/>; Shemetova DV et al. *op. cit.*; Copernicus Marine Service. The Black Sea — Kerch Strait maritime accident: oil-spill simulations (use case / modelling). *Copernicus Marine*. 2024–2025. URL: <https://tinyurl.com/28dtd5>; Migachyova A. Constant monitoring of resort shores will be required. Interview with V. Danilov-Danilyan, the scientific director of the Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences. *Kommersant*. January 17, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7433630>; Top scientist calls Black Sea oil spill Russia's worst environmental disaster of the 21st century. *The Insider*. January 17, 2025. URL: <https://theins.ru/en/news/278003>. There are also earlier publications on comparable disasters, with similar conclusions, for example, Heavy fuel oil spills (NOAA technical factsheet). *National Oceanic and Atmospheric Administration*; August 2019. URL: <https://response.restoration.noaa.gov/sites/default/files/Heavy-Fuel-Oil.pdf>; Barron MG, Vivian DN, Heintz RA, Yim UH. Long-term ecological impacts from oil spills: Comparison of Exxon Valdez, Hebei Spirit, and Deepwater Horizon. *Environmental Science & Technology*. 2020; 54(11): 6456–6467. URL: <https://doi.org/10.1021/acs.est.9b05020>; Peterson CH, et al. Long-term ecosystem response to the Exxon Valdez oil spill. *Science*. 2003; 302(5653): 2082–2086. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7397809>.

14. We will discuss several examples below. However, it is worth mentioning here that a similar incident with a similar ship Volganef 139, happened in roughly the same place in 2007, causing a spill of about 4,000 tonnes of mazut. The proceedings in the cases lasted until November 2014, resulting in the awarding of RUB 453.7 million in compensation to various parties. See for details the report of the International Oil Pollution Compensation Funds (IOPC Funds) presented at the October 2018 session of the 1992 Fund Executive Committee. URL: <https://iopcfunds.org/incidents/incident-map/#6675-11-November-2007>.

similar catastrophes, might occur.¹⁵ It is also well-established in both domestic and international regulation that ships like this normally go through a long bureaucratic process of obtaining permission to transfer mazut and fuel products before they will be able to sail.¹⁶ Lastly, the Russian Federation accepts the internationally recognised rules regarding environmental harm, such as those relevant to the incident in question, under the International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage (the CLC)¹⁷ and its additional Protocol, establishing the International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage,¹⁸ International Convention on Oil Pollution Preparedness, Response and Co-operation (the OPRC),¹⁹ World Heritage Convention,²⁰ etc.

15. *Ibid.*

16. The process is regulated by the International Convention for the Prevention of Pollution from Ships (the MARPOL), articles 25, 33, 39 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation, Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation No. 72 of 18.03. 2014 'On approval of the Procedure for developing a plan of emergency measures in relation to a vessel to prevent pollution from ships with oil and eliminate the consequences of such pollution and the procedure for implementing this plan', and other relevant subordinate regulations and orders of the Ministry of Transport of the Russian Federation, regions and ports.

17. International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage (CLC), 1996. URL: [https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-on-Civil-Liability-for-Oil-Pollution-Damage-\(CLC\).aspx](https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-on-Civil-Liability-for-Oil-Pollution-Damage-(CLC).aspx). Russia is a party to this Convention, as amended by the 1992 Protocol, pursuant to Federal Law No. 27-FZ of 02.01.2000 'On the accession of the Russian Federation to the 1992 Protocol to amend the International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage of 1969 and the denunciation by the Russian Federation of the International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage of 1969'.

18. Protocol of 1992 to amend the International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage, 1969 1956. 255 UNTS. URL: <http://www.ecolex.org/server2neu.php/libcat/docs/TRE/Full/En/TRE-001177.doc>.

19. International Convention on Oil Pollution Preparedness, Response and Co-operation, No. 32194. 30.II.1990. *Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations*. 1995; 1891: 78-91. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201891/v1891.pdf>.

20. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, 16 November 1972.1037 UNTS. URL: <https://whc.unesco.org/>

In short, the Government bears clearly defined and binding obligations under both domestic and international law, requiring it not only to be prepared for such incidents but also to act proactively to prevent environmental harm and protect wildlife and ecosystems. We discuss these obligations in more detail in the first section below.

With that, during the first days and weeks after the mazut spill, thousands of volunteers came to the polluted region and began cleaning the beaches and rescuing suffering animals and birds.²¹ In this text, we attempt to reconstruct or at least to try to understand the legal arguments (if any) underlying the volunteers' actions.

Addressing the example of oil fuel pollution in the Kerch Strait from a legal perspective, we posit several questions. First, what is the status of ecosystems, wildlife, species and similar phenomena under the current domestic and international law regimes? What is the attitude of the regulatory mechanisms towards these phenomena? Are they regarded as entities deserving protection in and of themselves, independently of any utility to human beings, or only as a resource — whether economic, ecological, or otherwise —

sco.org/en/convention/text/.

21. Davydova A. The power of Russia's Black Sea cleanup volunteers. *The Moscow Times*. January 29, 2025. URL: <https://www.themoscow-times.com/2025/01/29/the-power-of-russias-black-sea-clean-up-volunteers-a87733>; Ilyushina M, Abbakumova N. As Russian oil spill fouls beaches, locals fume over official response. *The Washington Post*. January 27, 2025. URL: <https://tinyurl.com/2y8ln8fr>; Lomakina S. The Black Sea: Portraits of Autonomous Disaster Relief in Russia. *Antidote Zine*. January 21, 2025. URL: <https://antidotezine.com/2025/01/21/the-black-black-sea>; Sorochinskaia S. In a striking act of civic activism, ordinary Russians tackle environmental crisis as government stands by. *Russia.Post — an expert journalism platform of The Russia Program at the George Washington University*. January 08, 2025. URL: https://russiapost.info/digest/environmental_crisis; Realities. Russian volunteers grapple with oil from stricken tankers. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. December 20, 2024. URL: <https://www.rferl.org/a/oil-spill-russia-kerch-cleanup-december-24/33247529.html>; Pivovarov S. Volunteers battle to clear spilled oil on Russia's Black Sea coast. *Reuters*. December 20, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2bakdypn>.

whose protection is justified solely because and insofar as it serves human interests?

The second question is whether there are any core legal (i.e. international and constitutional) or ethical duties, which would force or inspire thousands of citizens, often living as far as thousands of kilometres away from the disaster, to act and save wild birds and animals from oil fuel poisoning. We wonder whether they were guided by a conscious understanding of the state's international obligations and/or constitutional provisions on environmental protection, a subconscious alignment with fundamental values enshrined at the international or constitutional level, or by an increasingly expansive interpretation of citizenship duties, such as a duty of care.²²

Finally, the third, and the most complicated question for legal practitioners, is whether the reaction to the disaster in the Kerch Strait illustrates a shift in societal attitude toward wildlife and whether the duty of care for nature is changing the paradigm of the Anthropocene existed for hundreds of years towards another, possibly more equal relations between humans and other species?

Our research is primarily doctrinal and qualitative since we will be discussing selected legal sources, including constitutional and international law provisions, and analysing selected court cases. To a great extent, it is also based on the application of comparative methodology as understood by Tushnet,²³ Dixon and Landau,²⁴ and Hirschl,²⁵ among others.

22. In view of the lack of access to the empirical data and the impossibility of organising interviews with the volunteers, unfortunately, we are unable to elaborate on their motivation in a detail. Thus, in the last part of the paper, we rather summarise the existing trends in the understanding of the citizens' duties vis-à-vis nature.

23. Tushnet M. *Advanced introduction to comparative constitutional law*. Cheltenham: Edward Elgar; 2018.

24. Dixon R, Landau D. *Introduction: A dark side of comparative constitutional law*. Oxford: Oxford University Press; 2021.

25. Hirschl R. *Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press; 2014.

In this text, we will be using such terms as ‘wildlife’, ‘ecosystem’, ‘biodiversity’ and a number of others.²⁶ Should there exist one, the said notions are used in their legal meaning as provided for by legal provisions or customary norms. References and explanations to and from legal sources are provided in the corresponding sections of the manuscript. We do not have special expertise or training as biologists or oceanologists; thus, we will not be referring to terminology or debates (there are many), specific to the natural science fields. We aim to proceed with the legal debate and invoke legal arguments which potentially could have implications for environmental litigations both domestically and internationally, and for further empirical research, as we discuss by the end of this paper.

In view of the above, the article consists of three sections. The first section analyses the existing international and domestic obligations of states, with a focus on the Russian Federation’s obligations with regard to nature, environment, wildlife, and individual animal welfare. The second section analyses the selected case law from Russia and elsewhere, where citizens were acting for nature’s cause, often contrary to their own or other governments’ interests. We are particularly interested in their legal argumentation and the latter’s reception by courts. The final section presents our theoretical reflections on the purported shift in legal approaches to their respective roles in human life and in the relationships among humans, animals, and nature.

I. The existing international and constitutional framework

In this section, we will summarise the existing international (1) and domestic constitutional (2) obligations that the Russian Federation bears with respect to wildlife, ecosystems, and individual animals. We will not discuss more general environmental obligations;

26. For example, the most common definition of the notion of ‘ecosystem’ is given by the Convention of Biological Diversity, which defines the latter as ‘a dynamic complex of plant, animal and micro-organism communities and their non-living environment interacting as a functional unit’. The CBD. Article 2.

however, where appropriate or where *lex specialis* does not exist or where it is being developed, we will address more general sources.

1.1. International obligations

There are several international treaties establishing common regimes for (1) liability in cases of oil spills, including that related to environmental damage, which could be qualified as a liability for failing to fulfill the negative duty of care; and (2) wildlife and ecosystems protection in cases of oil spills, which could be seen as measures to fulfill the positive duty of care. Below, we name key documents and the relevant states' obligations.

1.1.1. The liability in cases of an oil spill

Following a series of major oil spills caused by tanker accidents between 1967 and 2002, a comprehensive legal 'safety net' was established, encompassing international (maritime and environmental) norms, national (maritime and environmental) law, and private law instruments. At the international level, frameworks such as the CLC and the International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage (the FUND)²⁷ set out procedures for imposing liability and claiming compensation in cases of oil pollution. The substantive scope of applicability of such treaties²⁸ extends to a

27. International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage (FUND), of November 27, 1996. Centre for International Law. National University of Singapore. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1992-Oil-Pollution-Fund-Convention.pdf>. Russia is a part to this Convention according to the Federal Law No. 26-FZ of January 02, 2000 'On the accession of the Russian Federation to the 1992 Protocol to amend the International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage of 1971 and the denunciation by the Russian Federation of the International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage of 1971'.

28. There are several other international instruments apart from the mentioned CLC and FUND on sea pollution with subjects lying beyond the scope of this paper. For example, International Convention on Civil Liability for Bunker Oil Pollution Damage (BUNKER), 2001 deals with oil sea pollution from bunkers but not ships (tankers), while International Convention on Liability and Compensation for Damage in Connection

broad range of vessels and facilities, encompassing FPSOs,²⁹ FSUs,³⁰ MODUs,³¹ oil barges, hybrid vessels, etc., i.e., neither solely oil tankers nor exclusively vessels ‘...actually carrying oil in bulk as cargo and during any voyage following such carriage.’

In cases of oil spills from tankers, the parties responsible are generally held liable:

- in two main forms: (1) financial payments, and (2) practical remedial actions;
- across four principal areas: (1) *administrative*, meaning monetary penalties (fines) typically established on the national level by the flag state or coastal state authorities; (2) *civil*, embracing compensations for tangible losses, such as damage to ships, cargo, port infrastructure, and other property, as well as loss of income, and provided for in the CLC and the FUND; (3) *environmental*, also mentioned in the CLC and the FUND and comprising both (a) financial compensation for environmental damage (e.g., payments to the affected states and/or communities) and (b) actions for actual environmental restoration and cleanup; (4) *reputational*, managed through national legislation and private law instruments and involving (a) financial compensations for the losses due to reputational harm (e.g., loss of contracts, shareholder claims, adverse PR campaigns) and (b) actions aimed at rebuilding public trust and restoring the company’s standing.

Expenses arising from liability for oil pollution are covered by mandatory insurance that shipowners are required to maintain under international frameworks such as the CLC, as well as national regulations.

In this paper, when discussing liability, we focus on the area of environmental liability in the form of practical remedial actions,

with the Carriage of Hazardous and Noxious Substances by Sea (HNS), 2010 (partly: FPSOs, FSUs and MODUs generally excluded).

29. Floating Production, Storage and Offloading units.

30. Floating Storage Units.

31. Mobile Offshore Drilling Units.

as provided for in the OPRC³² and the MARPOL³³ conventions, and not in the CLC and the FUND conventions, which are limited to solely financial compensation for environmental damage. With that, Russia has also transposed the requirements of the latter into national legislation,³⁴ yet in 1999–2001.

1.1.2. Wildlife/ecosystems/environment protection in cases of oil spills

This regime is mainly established by the two groups of international treaties: (a) specialised conventions (such as the OPRC and the MARPOL) and norms (such as arts. 192–237 of the UN Convention on the Law of the Sea — the UNCLOS³⁵) on marine pollution; (b)

32. E.g. articles 3 and 6 (Oil pollution emergency plans and national and regional systems for preparedness and response) of the OPRC convention.

33. E.g. Regulation 16 (Oil discharge monitoring and control system and oil filtering equipment) and Regulation 26 (Shipboard Oil Pollution Emergency Plans) of the Annex I to the International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973 (the MARPOL). International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973, with the Protocol of 1978 relating to the International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973. *Arctic Portal.org*. URL: <https://library.arcticportal.org/1699/1/marpol.pdf>. Russia is a part to these treaties according to the Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 947 of September 30, 1983 'On the accession of the USSR to the 1978 Protocol to the International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973'.

34. Articles 316–325 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation, No. 81-FZ of April 30, 1999, establish: liability for oil pollution from ships (art. 316–321), requirement to the shipowner to establish the fund (art. 322) and insurance or other relevant measures (arts. 323–324.1), as well as claim for compensation for damage caused by pollution (art. 325); Government Decree No. 362 of May 10, 2001 'On the procedure for implementing the provisions of the 1992 Protocol ... to the 1971 Fund Convention'. The Decree designates competent bodies (the Ministry of Transport and the Ministry of Energy), contributions of the organizations receiving oil and oil products transported by sea to the International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage, and the procedure for reporting between these organizations, the ministries and the Fund.

35. The United Nations Convention on the Law of the Sea of December 10, 1982. *United Nations*. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf. Russia ratified this Convention in

general ‘environmental’ treaties with no particular specialisation on oil spills, such as the Convention on Biological Diversity (the CBD),³⁶ the World Heritage Convention, the UNFCCC³⁷ and the Paris Agreement.³⁸

1.1.2.1. Specific treaties on oil spill pollution

Both the OPRC and the MARPOL aim at the prevention of and response to marine pollution, but their focuses and addressees differ.

The OPRC addresses States, requiring them to prepare, respond, and cooperate effectively through national emergency plans and contingency systems for various oil pollution incidents, with the aim of *protecting the marine environment*. It focuses on oil as a polluting agent, regardless of the source of pollution (not limiting it to tankers or even ships, but also including coastal oil facilities, offshore drilling units, etc.).

The MARPOL divides its requirements between States (law-making, institutions, procedures) and shipowners, ship operators, and other related actors (day-to-day compliance, record-keeping, technical maintenance) and establishes *preventive measures against various types of ship-related pollution at sea*. It focuses on ships as a source of pollution, rather than on the specific polluting agent (not limiting it to crude oil, but also including other petroleum substances, garbage, sewage, noxious liquid substances (NLS), and even air pollution).

While the OPRC is more concerned with national frameworks, the MARPOL is more operational, with its requirement for ships to obtain 5-year certificates confirming their compliance

1997 with the Federal Law No. 30-FZ of February 26, 1997 ‘On Ratification of the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Agreement on the Implementation of Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea’.

36. Convention on Biological Diversity: text and annexes. Secretariat for the Convention on Biological Diversity. UN Environment Programme; 2011. URL: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf>.

37. United Nations Framework Convention on Climate Change: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/48/189. January 20, 1994. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/180257?ln=en>.

38. Paris Agreement is a legally binding international treaty on climate change. *Treaty Series*. 2016; 3156: 79. URL: <https://tinyurl.com/y75g5pqb>.

with marine pollution prevention standards and regular surveys. It is also the MARPOL (apart from some other IMO resolutions³⁹ designating various seas as a 'particularly sensitive sea area'⁴⁰ which do not extend to the seas under Russian jurisdiction) that goes beyond general notions like 'marine environment', 'environmental impact / environmental consequences', 'sensitive ecological conditions', etc., to slightly more particular and life-centred (though hardly less anthropocentric) concepts such as 'living resources' and 'marine life' or 'aquatic life'.

In contrast to these two conventions, the UNCLOS is a framework convention with a source- and pollutant-neutral scope that sets *what* must be done but not *how*. Its provisions regarding marine environment pollution establish general duties for states to protect and preserve this environment, regardless of both sources of pollution (land-based, vessel-based, dumping, seabed activities, atmospheric sources, etc.) and polluting agents (oil, chemicals, waste, heat, noise, etc.).

The UNCLOS is also much broader in terminology related to the preservation of the welfare of the marine environment and its components. It refers not only to 'living resources'⁴¹ and 'marine

39. Such as Resolution MEPC.380(80) of July 07, 2023 'Designation of the north-western mediterranean sea as a particularly sensitive sea area'. URL: <https://tinyurl.com/2azhoqfp>. These resolutions use a much richer language, including 'species', 'habitat', 'biodiversity', 'subpopulations' and even 'individual animal' — though in a generalised sense — in the provisions concerning the threat to cetaceans from ship collisions, and the interrelation of vessel's speed and 'severity of injury to the animal'. However, their coverage excludes waters under the Russian jurisdiction.

40. 'A PSSA is an area that needs special protection through action by IMO because of its significance for recognized ecological, socio-economic, or scientific attributes where such attributes may be vulnerable to damage by international shipping activities'. — Par. 1.2 of the Annex to the Resolution A.982(24) of December 01, 2005 'Revised guidelines for the identification and designation of particularly sensitive sea areas'. A 24/Res.982. IMO. February 06, 2006. URL: <https://tinyurl.com/2au5g48u>.

41. Preamble and arts. 1, 21, 61, 62, 69, 70-73, 77, 117-119, 123, 277, 297 of the UNCLOS.

life⁴² but also to 'habitat'⁴³, 'ecosystem(s)'⁴⁴, 'ecological conditions'⁴⁵, 'ecological balance'⁴⁶, 'living organisms'⁴⁷, 'fauna'⁴⁸, 'populations' (of species)⁴⁹ or 'stocks'⁵⁰, 'species'⁵¹, and even specific types of animal classes ('marine mammals'), groups ('fish'), or infraorders ('cetaceans'). However, according to the parlance of the Convention, all measures to protect this rich variety of 'objects' are guided exclusively by human interest in their use.⁵² This logically corresponds to the Convention's undeniably anthropocentric approach to the

42. Arts. 1 and 194 of the UNCLOS.

43. Art. 194 of the UNCLOS.

44. *Ibid.*

45. Art. 211 of the UNCLOS.

46. Arts. 145 and 234 of the UNCLOS.

47. Art. 77 of the UNCLOS.

48. Art. 145 of the UNCLOS.

49. Arts. 61, 119 of the UNCLOS.

50. 'Stocks' in art. 61-63, 'fish stocks' in art. 61, and 'anadromous stocks' in art. 66 of the UNCLOS.

51. Arts. 61-64, 67 ('catadromous species'), 68 ('sedentary species'), 194, 196 and Annex I of the UNCLOS.

52. It can be identified yet with the terminology used — such as '[living] resources', where 'resources' is a marker, that most popular dictionaries (Mirriam-Webster, Cambridge, etc.) directly connect with 'usage', 'utilisation' by and/or 'benefit' of humans — but is also explicitly written in the UNCLOS text — 'exploitation of marine mammals' (art. 65), 'harvested species' (art. 61), 'harvest the living resources' (art. 62), 'exploit identical living resources' (art. 188), 'uses of the seas and oceans, the equitable and efficient utilisation of their resources', etc. Even when speaking about 'conservation', the UNCLOS often adds 'utilisation' right after it in sentences or article and section titles (arts. 61-62,), places 'environmental' factors (still pretty anthropocentric in approach, as caring for animals being maintained as 'resources' more than for their welfare as living beings) next to 'economic' factors (absolutely anthropocentric), and interprets 'conservation', 'management', 'maintenance' and 'restoration' of the 'living resources' or 'marine environment' through their availability for its actual or future usage by humans (Preamble, Section 2, arts. 21, 61-66, 117-118, 123, etc.) — as in 'maintain or restore populations of harvested species at levels which can produce the maximum sustainable yield' (arts 60-61 of the UNCLOS, etc.). Compare also approaches to animal and human lives in the wording of articles regarding protection of the 'marine

marine environment and to the sea as a whole, — ‘area of the seabed, ocean floor and the subsoil thereof, ... as well as its resources’⁵³ — which the Convention treats as ‘the common heritage of mankind, the exploration and exploitation of which shall be carried out for the benefit of mankind’⁵⁴ and not as something valuable in and of itself, which has allegedly been guiding the volunteers in the Krasnodar region.

Russia has implemented the OPRC, the MARPOL, and the UNCLOS requirements regarding the national system for preparedness/response (including national contingency and oil pollution emergency plans),⁵⁵ incident reporting, cooperation, mutual assistance, and other measures to ‘prevent, reduce, and control pollution of the marine environment’.⁵⁶ With that, there are concerns⁵⁷

life’ (arts. 1, 194), marine environment (Preamble, arts. 145, 192–237) and human life (arts. 1, 94, 146, 155).

53. Preamble to the UNCLOS

54. *Ibid.*

55. See Government Resolution No. 2366 of December 30, 2020 ‘On the organisation of prevention and elimination of oil and oil product spills on the continental shelf of the Russian Federation, in internal sea waters, in the territorial sea and contiguous zone of the Russian Federation’ which provides for authorities, forces and means, coordination in case of spills. This document has a limited period of validity from January 01, 2021 till January 01, 2027; Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation No. 157 of May 30, 2019 ‘On approval of the Regulation on the functional subsystem for organising work to prevent and eliminate oil and oil product spills at sea from vessels and facilities, regardless of their departmental and national affiliation’; Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation No. 72 of March 18, 2014 ‘On approval of the Procedure for the development of an action plan for the prevention of oil pollution from ships and the elimination of the consequences of such pollution and the procedure for implementing this plan’.

56. Arts. 194–196, 207–215 and 222 of the UNCLOS.

57. These concerns were expressed both before and after the Kerch Strait incident in December 2024. See, for example, Loh M. A Black Sea resort town is suing Russian ship companies after 10,000 people had to shovel spilled oil off its beaches. *Business Insider*. March 11, 2025. URL: <https://www.businessinsider.com/russia-anapa-resort-town-cleanup-bill-black-sea-oil-spill-2025-3>; Johnson A. Russia’s shadow fleet: a growing threat. *International Bar Association*. February 03, 2025. URL: <https://www>

about the lack of control over aging vessels (including tankers) still in service despite being 2-3 times older than the maximum vessels' operational age common among major world oil companies. Such vessels are hard to track and poorly maintained, posing the risks of major oil spills and other disasters, and threatening not only the safety of navigation but also the global efforts to protect the marine environment.

1.1.2.2. General 'environmental' treaties

The CBD, of which Russia has been a part since 1995⁵⁸, lists the following obligations. First of all, the states have to ensure that the "activities within their jurisdiction or control do not cause damage to the environment of other States or of areas beyond the limits of national jurisdiction."⁵⁹ The state parties are obliged to develop and implement domestic programmes aimed at the conservation of biodiversity,⁶⁰ monitor the components of biodiversity "requiring urgent conservation measures,"⁶¹ and "rehabilitate and restore

ibanet.org/Russia-shadow-fleet-a-growing-threat; Simonov E. Oil of war spill: How the Kerch Strait tanker disaster is linked to the export of Russian oil products by the "shadow fleet". *Ukraine War Environmental Consequences Working Group*. January 18, 2025. URL: <https://tinyurl.com/22umlos8>; Braw E. The threats posed by the global shadow fleet — and how to stop it. *Atlantic Council*. December 06, 2024. URL: <https://tinyurl.com/28et57v9>; Caprile A, Leclerc G. Russia's 'shadow fleet': Bringing the threat to light. *Briefing. European Parliament*. November 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI\(2024\)766242_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI(2024)766242_EN.pdf); Jack V, Gambarini C, Mathiesen K, Guillot L, Cokelaere H. Revealed: Putin's sanctions-busting shadow fleet is spilling oil all over the world. *POLITICO Europe*. October 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2de6bv27>; Denkena W, Worm O. Analysis of Russian shadow fleet data reveals: Risk of oil disaster off German coast. *Greenpeace Deutschland*. September 24, 2024. URL: https://www.greenpeace.de/publikationen/2409_Greenpeace_Investigation_Shadow_Fleet.pdf; Braw E. Russia's growing dark fleet: Risks for the global maritime order. *Atlantic Council*. January 11, 2024. URL: <https://tinyurl.com/yocffdp9>.

58. Federal Law No. 16-FZ of 17.02.1995 'On Ratification of the Convention on Biological Diversity'.

59. The CBD, Art. 3.

60. The CBD, Art. 6.

61. *Ibid.* Art. 7.

degraded ecosystems and promote the recovery of threatened species” (both in-situ and ex-situ).⁶² The said obligations are also complemented by the obligation to cooperate.⁶³

Per the World Heritage Convention, Russia, insofar as possible, is obliged to protect, conserve, and present its natural heritage, accompanied by the duty to cooperate with other states.⁶⁴

As of 2025, there are 11 properties situated in Russia and inscribed on the World Heritage List.⁶⁵ Among those objects, UNESCO mentions the Western Caucasus (included in the list in 1999), with “a great diversity of ecosystems with important endemic plants and wildlife.”⁶⁶ This object does not include any parts of the Black Sea shores.⁶⁷ With that, the objects of protection under the 1972 Convention are defined by such criteria as “outstanding universal value from the aesthetic or scientific point of view,”⁶⁸ which is problem-

62. *Ibid.* Arts. 8 (f), 9 (c).

63. The CBD, Art. 5.

64. *Ibid.* Arts. 5 and 6.

65. See for details Russian Federation. *UNESCO Country page*. URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/ru>.

66. *Ibid.*

67. We will not discuss the reasons why, for such a huge country as the Russian Federation, there are so few UNESCO natural heritage objects. For the discussion on political reasons for that, see: Huettmann F. Marine conservation and sustainability of the Sea of Okhotsk in the Russian far east: An overview of Cumulative impacts, compiled public data, and a proposal for a UNESCO World Heritage Site. *Ocean Yearbook*. 2008; 22(1): 353–374. URL: <https://doi.org/10.1163/221160008X00145>. As early as 2008, while advocating for the inclusion of the Sea of Okhotsk ecosystem in the World’s Heritage List, the author was sceptical towards the willingness of the cooperation of the Russian authorities in the field of protection of ecosystems or wildlife, stating that ‘[f]rom the above, it is obvious that the management of the Sea of Okhotsk is not following a consistent and responsible adaptive management approach’. Another debate with respect to the UNESCO’s role in protecting ecosystems and species per the Great Barrier Reef can be followed in Liburd JJ, Becken S. Values in nature conservation, tourism and UNESCO World Heritage Site stewardship. *Journal of sustainable tourism*. 2017; 25(12): 1719–1735. URL: <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1293067>.

68. The World Heritage Convention, Art. 2.

atic by itself since it implements the idea that only those natural objects (in a broader sense) are worth protecting, which have value not as parts of nature *per se*, but as valuable objects for humankind.

Finally, among the treaties with more general application, one could not help but mention the UNFCCC and the Paris Agreement. Relevant obligations therefrom include, for example, an obligation to mitigate states' CO₂ emissions and combat anthropogenic pollution.⁶⁹ These obligations, even though not directly applicable to the protection of ecosystems or endangered non-human species and individual animals, create a general regulatory framework and shared goals to be developed in specialised international provisions.

At the same time, existing international legal frameworks exhibit a marked asymmetry: they impose obligations to protect ecosystems, biodiversity, or heritage as collective entities, yet they do not recognise the interests, welfare, or potential rights of individual animals. This drastically differs from the approach toward the interests and rights of humans. While international human rights law (e.g., the ICCPR, the ECHR) enshrines individual autonomy, dignity, and entitlements, consistently prioritising the dignity and welfare of each human being, thus making them the primary subjects of legal protection, no equivalent status is granted to non-human animals. International environmental law continues to treat animals collectively, primarily in terms of species value or ecosystem functions. This anthropocentric and utilitarian bias effectively renders individual animals legally invisible.

The CBD and the World Heritage Convention are emblematic of this gap. Grounded in a species- or ecosystem-level conception of protection, they subordinate the well-being of individual animals to that of broader aggregates, addressing it only insofar as it aligns with the interests of the species or ecosystem as a whole. Nor does the issue end there. As we will also see in the following sections on national legislation and case law, the interests of such broader aggregates are often legally framed as self-evidently linked to human interests and are interpreted in light of those interests or even as their derivatives. Even provisions ostensibly aimed at protecting

69. UNFCCC, Art. 4.

animals' interests — such as those concerning the prevention of cruelty to animals or animal welfare — construe animals as having neither independent interests nor intrinsic moral value.

Thus, while international treaties may establish certain environmental obligations that encompass animals, they impose no duty to protect or rescue individual animals, or even to consider their interests, unless the survival of a species, population, or ecosystem is at risk. It is, hence, not a source for alleged duties of individuals or volunteers towards the environment and animals *per se*.

1.2. Domestic obligations

The 1993 Constitution of the Russian Federation was significantly amended in 2020.⁷⁰ As stated during the promotional campaign for the amendments, one of the declared goals was to 'protect the environment and animals',⁷¹ while in the Presidential address introducing the idea of amending the Basic Law, one cannot find a word about nature or animals.⁷² Be that as it may, Article 114, listing the powers of the Federal Government, was expanded and, among other things, the power to 'undertake measures aimed at creating favourable conditions for the life of the population, reduction of the negative impact of business and other activities on the environment, preservation of unique natural and biological diversity of the country, and forming a responsible attitude in society towards animals' was added.⁷³ The Government is also responsible for 'creating conditions for developing the system of ecological education for citizens and upbringing ecological culture'.⁷⁴ The above wording is bold, terminologically unclear, and *de facto* adds nothing to the understanding of the real relationships

70. The Constitution of the Russian Federation, December 12, 1993, as amended on 1 July 2020. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/fundamental_documents/1750525/.

71. For example, there were such publications on the official webpage of the State Duma [in Russian]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48735/>.

72. See Presidential address to the Federal Assembly of January 15, 2020. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/62582>.

73. The Constitution of the Russian Federation, Art. 114 (f.5).

74. *Ibid.* f.6.

between the Government and nature and animals.⁷⁵ Similarly, the Constitution is silent about the status of animals, their subjectivity, or guarantees (if any) of their constitutional protection.

In 2018, the State Duma adopted a law ‘On Responsible Treatment of Animals’.⁷⁶ The law defines the notion of treatment as ‘keeping, using (application) of animals, carrying out activities related to handling animals without owners, and carrying out other activities provided for by this Federal Law, as well as performing other actions concerning animals that affect their life and health’.⁷⁷ The Law is grounded in the principles of ‘humanism’ and ‘virtues’ treatment of animals.⁷⁸ With that, while dividing the competence between the Federation and the Subjects of the Federation, it says nothing about who is responsible for the well-being of animals, nor which competent authority is responsible for the compensation of harm caused by different actors. Article 20 of the Law contains a provision allowing certain forms of ‘public control in the field of treatment of animals’, allegedly recognising that it is not solely for the Government to be responsible for the well-being of animals and that both non-governmental organisations and citizens have the right to exercise such control.

Ironically, the provision has two major flaws, making it hardly implementable. First, although the Law endows public inspectors with certain rights — such as recording violations and notifying the authorities — it establishes no reciprocal duties on the part of those being inspected or on the authorities to act upon such reports. Notably, there are no mechanisms in place to ensure that inspectors can effectively exercise these powers, particularly in situations where the alleged violator opposes entry, examination, or documentation

75. For a detailed analyses of the constitutional provisions see Koi V. Of unicorns and trembling beasts. *Palladium*. 2025; 13(1): 177–210 [in Russian]. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.55167/dd03090c9512>.

76. Federal Law No. 498-FZ of December 27, 2018 ‘On responsible treatment of animals and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation’. Computer reference legal system ‘Garant’. URL: <https://base.garant.ru/72139416/>.

77. *Ibid.* Art. 3 (9).

78. *Ibid.* Art. 4.

activities. Moreover, the law fails to establish any formal procedure requiring state authorities to act upon or even seriously consider the information submitted by public inspectors. This lack of procedural safeguards and institutional responsibility renders the implementation of public oversight both precarious and largely ineffective. Second, given the Russian legislation on foreign agents⁷⁹ and the Ministry of Justice's practice of labeling environmental initiatives as such, granting these powers to NGOs is solely a performative gesture.⁸⁰

The Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter — the CC RF) has not said much about animals or ecosystems. The only explicit reference to state obligations with respect to biodiversity and protection of ecosystems, referred to the CBD, was made by the CC RF in 2018, while it said nothing about animals, their rights, or well-being.⁸¹ In one of the most recent cases, in 2024, the CC RF limited the power of the authorities of the territorial entities (*subjects*) of the Federation to kill animals without owners by accepting it only in exceptional cases, where all other measures have been tried and when an animal in question is the only way to protect human life.⁸²

Finally, in view of the cause of this paper, a review of the practice on environmental crimes, prepared by the RF Supreme Court, is of some interest.⁸³ The Supreme Court stated that a general jurisdiction court, when assessing the damage that occurred

79. See, among many other authorities, European Commission for Democracy through Law. Opinion on the Compatibility with international human rights standards of a series of Bills introduced to the Russian State Duma between 10 and 23 November 2020, to amend laws affecting 'foreign agents', adopted by the Venice Commission at its 127th Plenary session (Venice and online, 2-3 July 2021). CDL-AD(2021)027. Strasbourg, July 06, 2021. URL: [https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-AD\(2021\)027-e](https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-AD(2021)027-e).

80. For example, this practice was condemned by the European Court of Human Rights in its leading judgment, where among other applicants were environmental NGOs, ECtHR. *Ecodefence and Others v Russia* nos. 9988/13 and 60 others. June 12, 2022.

81. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 14-P of March 30, 2018.

82. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 38-P of July 18, 2024.

83. Review of the practice of application by courts of the provisions of chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation on environ-

as a result of environmental crimes, should be guided by the rates and methods approved by the Government of the Russian Federation, in effect at the time the crime was committed,⁸⁴ thus assessing this group of cases rather formally. The Court also did not mention animals or any methods of assessing alleged damage.

In short, domestic legislation on the matter is rather scarce and formalistic in its approaches. It regards animals and nature in a conservative way as objects, having value for economic activities and for-profit businesses, mentioning their importance within the context of human lives and well-being. The authorities' reactions to the 2024 Kerch oil spill, as well as other similar incidents, which we mentioned in the introduction, are yet another illustration of such an approach.

2. Domestic obligations in other jurisdictions

2.1. Constitutional regulation

In terms of the protection of the environment, animals, wildlife, and similar categories, constitutions vary significantly both in their approach to protection (whether these entities are regarded as objects of protection or as subjects of rights) and in the underlying reasoning for such protection (whether it is grounded in their intrinsic value or in human interest in their existence and/or well-being). Some categorisations might include in the first group constitutional acts protecting the environment, often within the context of protecting the rights of future generations (i.e., in the interest of humans), for example, Article 20(a) of the German Basic Law,⁸⁵ or Section 24 of the

mental crimes, adopted by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 24, 2022.

84. *Ibid*, para. 7.

85. 'Mindful also of its responsibility toward future generations, the state shall protect the natural foundations of life and animals by legislation and, in accordance with law and justice, by executive and judicial action, all within the framework of the constitutional order', Basic Law for the Federal Republic of Germany, as last amended on March 22, 2025. *Bundesgesetzblatt. Teil I*. 2025; 94. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html.

Constitution of South Africa⁸⁶. A similar approach can be found in the Constitution of Bolivia.⁸⁷

The second group of constitutional acts focuses more explicitly on the general rights of nature, with the 2008 Ecuadorian Constitution serving as a prominent and perhaps the only clear example⁸⁸, notably through its use of the specific legal category

86. “Everyone has the right —

(a) to an environment that is not harmful to their health or wellbeing; And
(b) to have the environment protected, for the benefit of present and future generations, through reasonable legislative and other measures that —

(i) prevent pollution and ecological degradation;

(ii) promote conservation; and

(iii) secure ecologically sustainable development and use of natural resources while promoting justifiable economic and social development”. Constitution of the Republic of South Africa. December 16, 1996. *RefWorld*. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1996/en/18862>.

87. ‘The following are essential purposes and functions of the State, in addition to those established in the Constitution and the law: ...as well as to preserve the environment for the welfare of present and future generations’. Art. 9(6) of the Constitution of Bolivia, 2009. English version: *Constitute Project*. Oxford University Press. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009. Spanish original: — Constitución Política del Estado (CPE), 2009. *Infoleyes. Plataforma para trabajar con la legislación de Bolivia*. URL: <https://tinyurl.com/27vs7lho>. However, in the case of Bolivia the legislator seeks to present a less anthropocentric stance by invoking the concept of the ‘sacred Mother Earth’ (*sagrada Madre Tierra*) in the Preamble to the Constitution, extending ‘the exercise of the right to a healthy, protected and balanced environment’ not only to ‘individuals and collectives of present and future generations’ but also to ‘other living things’ in Article 33 of the Constitution, and by recognising Mother Earth as ‘a collective subject of public interest’ ‘for the purpose of protecting and safeguarding her rights’ in Article 5 of Law No. 071 on the Rights of Mother Earth (2010). — Ley 071 de Derechos de la Madre Tierra, December 21, 2010. *Ministerio de Planificación del Desarrollo, Estado Plurinacional de Bolivia*. URL: <https://tinyurl.com/28tuo4p4>. The Constitution of Ecuador might be another example of the incorporation of a similar concept in the text of the highest legal force, but there the concept is articulated in much more detail. See below.

88. Other rare examples of the constitutions that mention ‘nature’ in provisions about its protection (e.g. Arts. 52(1) and 122(2) of the Constitution of the Republic of Kosovo, 2008) do not reach this level, considering it an

of Nature (*Pachamama*) in Articles 10⁸⁹, 71⁹⁰, 72⁹¹, and throughout

object of protection and not a rightsholder. The Constitution of Kosovo even implicitly includes 'other parts of nature' within the concept of 'natural resources' — a potentially problematic approach, as many constitutions frame 'natural resources' primarily as objects of 'use,' exploitation,' or 'industrialisation,' thus distancing them from the concept of nature as something to be protected. Even the Constitution of Kosovo itself places one of these provisions under the title 'Use of property and natural resources' (Art. 122), thereby, to some extent, equating the latter with the former and implying that both are conceived primarily as objects of use. Similar approach can be found in Art. 6(1) of the Constitution of Mongolia 1992, naming most natural elements ('...land, its subsoil, forests, water, fauna, flora...') along with '...other natural wealth' that '...shall be subject to people's power only and be under the State protection' — See: English version (unofficial translation): The Constitution of Mongolia, January 01, 1992. LI — *Unified Legal Information System*. URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16532180497951>. Mongolian original: Монгол улсын үндсэн хууль (1992). LI — *Unified Legal Information System*. URL: <https://legalinfo.mn/api/front/cons-detail-1992.html>. To compare, the approach that differentiates 'elements of nature' from 'natural resources' can be found in article 52 of the Constitution of Croatia, in which '[t]he sea, seashore and islands, waters, air space, mineral wealth...' are mentioned along the '...other natural resources', while 'land, forests, fauna and flora...' are allied with '...other parts of nature'. — See: English version: Constitution of Croatia, 1990. *Constitute Project*. Oxford University Press. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Croatia_2001. Croatian original: Ustav Republike Hrvatske. *Ured za ljudska prava i prava nacionalnih manjina*. URL: <https://tinyurl.com/25gj8vm2>.

89. '*Las personas, comunidades, pueblos, nacionalidades y colectivos son titulares y gozarán de los derechos garantizados en la Constitución y en los instrumentos internacionales. La naturaleza será sujeto de aquellos derechos que le reconozca la Constitución*'. Constitution of the Republic of Ecuador, 2008. *Constitute Project*. Oxford University Press. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021. Spanish original: Constitución de la República del Ecuador, 2008. *Ministerio de Defensa Nacional*. URL: <https://tinyurl.com/yyp8tbee>.

90. 'Nature, or *Pacha Mama*, where life is reproduced and occurs, has the right to integral respect for its existence and for the maintenance and regeneration of its life cycles, structure, functions and evolutionary processes. All persons, communities, peoples and nations can call upon public authorities to enforce the rights of nature...'. *Ibid*.

91. 'Nature has the right to be restored. This restoration shall be apart from the obligation of the State and natural persons or legal entities to

Chapter 7, to which the article belongs.

The third group of constitutional acts explicitly mentions and protects animals, with varying parlance and depth of obligations vis-à-vis animals. Terminology here is particularly important because, inter alia, it predetermines the object of constitutional protection — whether it is an individual animal (as in provisions mentioning ‘cruelty to animals’ or other concepts grounded in the recognition of an individual animal’s physical and psychological experiences, even when addressed within collectives), or aggregates of animals (where constitutions employ terms such as ‘species’, ‘wildlife’, ‘fauna’, etc.), or goes unspecified (e.g., in provisions containing non-specific language such as ‘the protection of animals’). For constitutions in this group, it is quite common not to tie or subordinate animal protection to human interests, at least not explicitly, despite still maintaining an anthropocentric and objectifying approach. For instance, the Constitution of Slovenia states that ‘[t]he protection of animals from torture is regulated by law’,⁹² thereby extending constitutional protection to both individual animals and their aggregates (collectives) and providing a constitutional basis for the subsequent enactment of the Law on the Protection of Animals.⁹³

Another example from the third group is the Constitution of India, which, in the section on citizens’ fundamental duties, obliges

compensate individuals and communities that depend on affected natural systems...’. *Ibid.*

92. Člen 72. Ustava Republike Slovenije, December 23, 1991. PISRS — *Pravno-informacijski sistem Republike Slovenije*. URL: <https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=USTAI>. The law was enacted back in 1999 and has since been amended five times to incorporate a number of contemporary approaches to animal welfare – including recognition of animal sentience, the definition of animal torture, and deeper NGO involvement (2020); the introduction of species lists specifying animals prohibited or permitted for keeping, and the powers of qualified reporters (2023) — as well as to transpose EU norms (during the 2010-s) — see: Zakon o zaščiti živali (ZZZiv), November 18, 1999. PISRS — *Pravno-informacijski sistem Republike Slovenije*. URL: <https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=ZAKOI353>.

93. Zakon o zaščiti živali, 1999. *Ibid.*

them ‘to have compassion for living creatures’⁹⁴ — a formulation that not only implicitly embraces both animals and humans, but can also be — and indeed has been — interpreted as applicable to individual animals.⁹⁵ One of the most elaborate constitutional provisions in this group is Article 80 of the Swiss Constitution.⁹⁶

94. ‘It shall be the duty of every citizen of India — ...(g) to protect and improve the natural environment including forests, lakes, rivers and wildlife, and to have compassion for living creatures’. Article 51A(g). The Constitution of India. English version: The Constitution of India, 26.II.1949. *Legislative Department, Ministry of Law and Justice*. URL: <https://legislative.gov.in/document-category/constitution-of-india/> (originals in official languages are under the same link). The article mentions environment (natural environment) as well, and establishes a duty not only to *protect* wildlife, but also to *improve* it.

95. See: *Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja & Ors.* (2014), that recognised ‘considerable pain and suffering’ of performing animals to ‘clearly violates’ respective provisions of the Prevention of Cruelty to Animals Act 1960 ‘read with Article 51A(g) and Article 21 of the Constitution of India’ and *State of Gujarat v. Mirzapur Moti Kureshi Kassab Jamat & Ors.* (2005), that states that ‘...The concept of compassion for living creatures enshrined in Article 51A (g) is based on the background of the rich cultural heritage of India’, ‘...cruelty to any living creature must be curbed and ceased’ and ‘cattle which has served human beings is entitled to compassion in its old age when it has ceased to be milch or draught and becomes so-called “useless”’. Both cases are available at governmental database of judicial decisions eSCR (<https://judgments.ecourts.gov.in>) and also at more efficient unofficial database *IndianKanoon* bringing together laws and court decisions: <https://indiankanoon.org>.

96. ‘1. The Confederation shall legislate on the protection of animals. 2. It shall in particular regulate: a. the keeping and care of animals; b. experiments on animals and procedures carried out on living animals; c. the use of animals; d. the import of animals and animal products; e. the trade in animals and the transport of animals; f. the killing of animals.’ – Article 80. Federal Constitution of the Swiss Confederation, April 18, 1999. *Fedlex — Die Publikationsplattform des Bundesrechts*. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en>. Original in German: Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. *Fedlex — Die Publikationsplattform des Bundesrechts*. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de>.

There are currently several pending constitutional bills or proposed amendments to the constitution seeking to recognise and/or protect animal rights, for example, in Finland.⁹⁷

For a comparative experiment, we decided to look at the case law of the apex courts from the third group of countries. A remark that needs to be made is that such short comparative research does not meet the pure criteria of comparative methods, since in reality, the Russian constitutional system, even after the 2020 constitutional amendment, does not have a comparable level of protection of animals or biocenosis as other analysed countries; there have not been relevant constitutional cases from Russia either.

Another aspect that we have to be mindful of while comparing constitutional provisions on animal well-being is that in different regions of the world, relations with animals might significantly depend on the religious or cultural particularities of the society in question. It is not surprising, then, that the Indian Constitution has the provision of Article 52. However, what is instructive in this comparison is an attempt to develop the concept of responsible treatment of nature, with the corresponding obligation being both on the part of the state and on the part of citizens. Moreover, in these cases, we are particularly interested in the motivations and reasoning of animal advocates, which could, *mutatis mutandis*, serve as inspiration in similar cases, were such complaints to be admissible within the Russian legal system.

2.2. Case law

Arguably, the most extensive in relation to the protection of biocenosis is the jurisprudence of the Supreme Court of India. Although Indian courts often interpret nature and its components through the lens of statutory language that relies on broadly anthropocentric concepts — such as ‘natural resource’, ‘gift of nature [presumably to humans]’, or ‘[human] environment’ — they nonetheless tend to articulate their rulings in a relatively neutral manner, largely free from overt anthropocentrism, even in the early stages of the relevant jurisprudence. As early as 1996, the

97. The bill was submitted in 2023, see for details The Constitution of Finland (731/1999) (proposal), May 2020. URL: <https://tinyurl.com/2y8cul4r>.

latter adjudicated on a case involving a construction company as a respondent, which, by expanding a site for its recreation project, had threatened the ecosystem of the river Beas. The Court referred to the doctrine of public trust, which implied, inter alia, that the ‘natural resources being a gift of nature, [...] should be made freely available to everyone’ and that the ‘State as a trustee is under a legal duty to protect the natural resources’, obliging private companies making use of such resources to respect ecosystems and prevent harm to them. The doctrine was proclaimed to be legally binding.⁹⁸

The court even added a quotation from one of the materials before them to the reasoning part: ‘[t]here is a commonly-recognised link between laws and social values, but to ecologists a balance between laws and values is not alone sufficient to ensure a stable relationship between humans and their environment.’⁹⁹

These formulations may be contrasted, for example, with the reasoning in the U.S. case *Scenic Hudson Preservation Conference v Federal Power Commission*,¹⁰⁰ where the language was markedly more blunt and explicitly anthropocentric. In that case, the court disagreed with the federal regulatory agency, which had denied the environmental group standing to bring the case, recognising instead the plaintiffs’ ‘special interest in the aesthetic, conservational, and recreational aspects’ of the mountain in question.

These cases may be seen as representing two different guises — one implicit and subdued, the other unapologetically explicit — in which anthropocentrism manifests in judicial decisions, reflecting a long-standing tendency (still prevalent in many jurisdictions) to assess the need for the protection of animals, natural objects such as rivers and mountains, and nature as a whole, exclusively through the lens of human interests, including its ‘availability’ for use and aesthetic enjoyment. Legal recognition and protection are thus granted not because of the intrinsic value of these

98. Supreme Court of India. *Mehta v Kamal Nath & Ors*. 1996 SC 711. December 13, 1996. URL: <https://indiankanoon.org/doc/1514672/>.

99. *Ibid.*

100. U.S. Supreme Court. *Scenic Hudson Preservation Conference v Federal Power*, 407 U.S. 926 (1972). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/407/926/>.

beings or entities, but because of the subjective significance they hold for human observers or users.

The cases mentioned above are not directly related to the rights or protection of animals. Rather, they concern the protection of ecosystems or biodiversity. Similar cases have emerged in later years elsewhere, for example, in Ecuador,¹⁰¹ Colombia,¹⁰² and Brazil,¹⁰³ making Latin America a forefront of the movement, which at this point can hardly be named global.

Even though we have classified the Ecuadorian Constitution as the one oriented to the rights of nature instead of the well-being of animals,¹⁰⁴ the case lodged with the Ecuadorian Constitutional Court on behalf of, inter alia, two frog species is illustrative from a perspective of shifting the *locus standi* paradigm. The activists who appealed first to the provincial court were trying to stop mining activities in the habitat of two endangered frog species. They initially referred to the rights of nature, enshrined in the Ecuadorian Constitution (Arts. 71 and 73), interpreting it as that ‘ecosystems must be respected in each of their elements, because each animal, each plant, each source of water depends on the other, and they live thanks to synergy, articulation and interdependence.’¹⁰⁵ From the latter, they derived the necessity to protect the species in question

101. Constitutional Court of Ecuador. Sentencia No. 2167-21-EP/22, URL: <https://ecojurisprudence.org/wp-content/uploads/2023/02/upload1165.pdf>; See also Gutmann, Andreas. Rights of Nature in Ecuador. January 27, 2025. URL: <https://www.boell.de/en/2025/01/27/rights-nature-ecuador>.

102. Constitutional Court of Colombia. Judgment T-622/16 (*The Atrato River Case*). See also Vargas-Chaves I, et al. Recognizing the rights of nature in Colombia: The atrato river case. *Jurídicas*. 2020; 17 (1): 13–41. URL: <https://doi.org/10.17151/jurid.2020.17.1.2>.

103. SC Santa Catarina. *Costa Legal and others v Municipality of Florianópolis and others*. ACP n 5012843-56.2021.4.04.7200 (pending). URL: <https://tinyurl.com/2523dwc4>; See also similar petition aiming at protecting the Cerrado biome, lodged with the Supreme Court in August 2023. DI 7438 (proteção ambiental do Cerrado), pending& URL: <https://tinyurl.com/22j-fa2tq>.

104. See above para. 3.1.

105. Proceso n° 10332-2020-00418. Amicus Curiae “en defensa de los derechos del la zona intag y de la rana cohete y el arlequín hocicudo”. *Center for Biological Diversity*. April 2021. URL: <https://tinyurl.com/2yao8ryx>.

and act on their behalf. The case was a success for animal and nature rights activists.¹⁰⁶

Another group of more traditional animal protection cases comprises those that deal with individual situations of individual animals, such as the case of protection of a caged elephant in Pakistan,¹⁰⁷ or numerous cases of more ‘remarkable’ species, such as tigers and turtles. On the one hand, the very emergence of such cases signals the paradigm shift referenced above. On the other hand, most of these cases still reflect a ‘traditional’ anthropocentric approach — granting protection based on human interests (including aesthetic appreciation) and needs, rather than in recognition of animals’ intrinsic value as sentient beings.¹⁰⁸ In some instances, courts have even refused to grant the requested protection — despite the plaintiffs’ submission of scientific evidence regarding animals’ consciousness and needs — because the animals lacked legal standing.¹⁰⁹

Para. 4.16. The translation from Spanish here and after is made with the DeepL application.

106. For the account of the case in English see von Peter TE. How the frog in lawsuits in Ecuador. July 17, 2023. URL: <https://tinyurl.com/27w4esa8>.

107. Islamabad High Court. W.P. No.1155/2019. *Islamabad Wildlife Management Board through its Chairman v Metropolitan Corporation Islamabad through its Mayor & 4 others*. April 20, 2020. URL: <https://tinyurl.com/22khw82m>; See also Stucki S, Sparks T. The elephant in the (court)room: Interdependence of human and animal rights in the Anthropocene. EJIL:Talk!. June 09, 2020. URL: <https://tinyurl.com/24bezlv4>.

108. For example, in the case *Animal Legal Defense Fund v Glickman*, a U.S. appellate court recognised legal standing not on the basis of any rights held by the nonhuman primates in question, but rather due to the plaintiffs’ aesthetic interest in observing the animals under humane conditions. The court explicitly held that a plaintiff’s aesthetic sensitivity could serve as a sufficient basis for legal standing. See *Animal Legal Defense Fund, Inc. v Glickman*, 943 F. Supp. 44 (D.D.C. 1996). JUSTIA. U.S. Law. URL: <https://tinyurl.com/2bgmskv7>.

109. Just to name several, for example, (1) USA: *Nonhuman Rights Project Inc v Cheyenne Mountain Zoological Society and Bob Chastain*. No 24 SA 21, Sup Ct Colo, en banc, January 21, 2025. FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/co-supreme-court/116864553.html>; *In re Nonhuman Rights Project Inc v Breheny*. No 52, NY Court of Appeals, June 14, 2022. FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/ny-court-of-appeals/2175612>.

Another significant development occurred in the French overseas territory of New Caledonia, where the province's government of the Islands of Loyalty (*îles Loyauté*), having extensive environmental competence, decided that activists and rights of nature campaigners would be given *locus standi* in the cases involving the rights of the sea ecosystem, including sharks and turtles.¹¹⁰ The idea behind the decision was that animals (species) should have the same rights, including procedural rights in courts, as humans.¹¹¹

Even though it has never been adopted as a law or argued before a court, given the relevance of the region and the species in question, we cannot but mention an initiative from one of the members of parliament in Romania, who, as early as in 2014, proposed to recognise an 'indigenous personhood' of the Black Sea dolphins.¹¹² The bill has never passed through the Romanian par-

html; *Justice v Vercher* (2022) 321 Or App 439. JUSTIA. U.S. Law. URL: <https://law.justia.com/cases/oregon/court-of-appeals/2022/a169933.html>; *The Cetacean Community v Bush*. 386 F 3d 1169 (9th Cir 2004). JUSTIA. U.S. Law. URL: <https://tinyurl.com/2xvb3keo>; *Citizens to End Animal Suffering & Exploitation v New England Aquarium*. 836 F Supp 45 (D Mass 1993). JUSTIA. U.S. Law. URL: <https://tinyurl.com/26jem6t7>; (2) Canada: *Zoocheck Canada Inc v Alberta* (Minister of Agriculture and Forestry). 2019 ABCA 208, Alberta Court of Appeal, May 24, 2019. *Canadian Bar Association*. URL: <https://tinyurl.com/27euxc7y>; (3) Germany: *PETA Deutschland eV v Federal Republic of Germany*. No 1 BvR 2612/19, German Federal Constitutional Court, nonacceptance order, May 14, 2021. *Verfassungsblog.de*. URL: <https://verfassungsblog.de/standing-for-piglets/>; (4) Switzerland: *Dachverband Berner Tierschutzorganisationen v Canton of Bern*. Cited by: Blattner ShE. *Victimization of Animals in Criminal Procedure: Lessons from Switzerland*. *Journal of Animal Ethics*. 2020; 10(1):1–32. URL: <https://doi.org/10.5406/janimalethics.10.1.0001>.

110. Laffont J. Les droits des requins et des tortues pourront être défendus par des avocats dans la province calédonienne des îles Loyauté. *Le Monde*. 07 juillet 2023. URL: <https://tinyurl.com/2y2ewjob>.

111. 'The province decided to give legal personality to sea turtles and sharks' (*la région a décidé d'octroyer une personnalité juridique aux tortues marines et aux requins*). Des droits pour les requins et les tortues marines. WWF. 15 september 2023. URL: <https://tinyurl.com/25fg8sdz>.

112. See the project from 2014 Lege pentru recunoaşterea delfinilor drept persoane non-umane. Proiect de lege. *Eco Jurisprudence Monitor*. February 2022. URL: <https://tinyurl.com/25f2cpvd>.

liament. A similar initiative failed at the Cantonal level in Basel, Switzerland, where the matter voted on in the referendum was whether primates should be guaranteed constitutional rights.¹¹³

The analysis presented in this section demonstrates that neither the rights of nature nor the rights of animals have yet gained broad constitutional recognition. Although case law in this area is gradually expanding — particularly in South American jurisdictions where constitutional protections of nature already exist — such examples remain relatively limited in scope. The idea of legal standing for animals, wildlife populations, species, or ecosystems is yet to be seen as rather unconventional at the very least. NGOs and activists do attempt to act on behalf of them, but often embark upon such endeavours in the absence of an established procedural status, as demonstrated by the above case from the French overseas territory or the failed 2014 Romanian bill.

This analysis also reveals a tendency of a growing interest in these issues among animal advocates, legal professionals, and even courts, although it has not yet translated into a common or at least widespread legislative change or into a sense of moral obligation that would lead individuals to align their behaviours with the values underlying these emerging concepts. Where shifts in public perception or behaviour have occurred, they are likely driven less by these legal or institutional trends and more by deeper, implicit cultural and moral shifts — subsurface influences that operate quietly but effectively, shaping attitudes, expectations, and reactions long before they take legislative form.

Consequently, this section suggests that while traditional ‘black-letter’ law and constitutional adjudication are not yet ready to embed such concepts, we can already witness the emergence and early manifestations of other, less formal yet equally significant undercurrents — shaping the reasoning behind decisions, influencing perceptions, and inspiring subsequent actions, which may soon prove instrumental in transforming both legal practice

113. Basel (Switzerland) referendum to recognise rights of primates in the canton’s Constitution. *Eco Jurisprudence Monitor*. URL: <https://tinyurl.com/24ngubb8>.

and societal norms. Our understanding of this shift is given in the concluding part of this paper.

3. Individuals and an alleged theoretical and judicial shift

In the departure point of this manuscript, we have posed a question about the motivation and the reasons why individuals went to the Black Sea shore to volunteer for the sake of saving the wildlife there. In the above section, we have also shown that the individuals in question, similarly to their peers in other countries or regions in the world, could hardly find external legitimations or obligations to act in such a way. International law, obviously, obliges the states to act and cannot, with rare exceptions, oblige individuals to do anything. Domestic law in many jurisdictions, on the other hand, contains certain provisions applicable to citizens of respective countries, but such provisions are either declaratory or not properly entrenched, or, as the case of the Russian Federation demonstrates, were included in the constitutional text without proper assessment or elaboration, aiming at some populist goals.¹¹⁴

In this section, we want to try to find another legal motivation (if any) that is used or might have been used by the activists or volunteers to explain their urge to act. Since this article positions itself as legal research, we are interested in finding legal arguments behind their motivation, while we are staying aware that in the field we are discussing now, the separation of legal from moral is not an easy task. A possible and simple answer to this research question might be that there is no such legal remedy, and the activists are guided solely by moral or other non-legal obligations, but our hypothesis, based on the comparative material discussed above, is that there might also be a legal dimension of such obligations or responsibilities.

In the 1970s and 1980s, environmental law used to focus on the duties of institutional actors (such as states and corporations) rather than individual citizens and was sometimes criticised¹¹⁵ for

114. Koi V. *Ibid.*

115. Stone ChD. *Should Trees Have Standing?: Law, Morality and the Environment*. Oxford: Oxford University Press; 1972; Nash RF. *The Rights of Nature*:

not addressing the respective obligations of an individual. However, such disproportion was quite logical for environmental law in those decades of the explosive development of transnational business, which sparked active discussions of its impact at the local level, including the environmental consequences, and of the obligations of both states and corporations in this regard.

It was not until the 2010s,¹¹⁶ when environmental law turned to the idea of individuals' duties towards the environment, paving the way for the emergence of such concepts as 'ecological citizenship' and related notions¹¹⁷ and promoting the idea of deriving the grounds for individuals' environmental obligations from existing legal frameworks despite the absence of binding legal duties. This broadening and shifting of the scope of a more traditional understanding of individual citizenship became likely possible thanks to the success in altering its subject to create the concept of 'corporate citizenship', and with similar aims.

These developments coincided with findings in the fields of behavioural law and moral psychology,¹¹⁸ which suggested that individuals' actions often follow perceived norms and personal moral frameworks before, or even despite, formal legal imperatives. Likewise, empirical studies in environmental volunteerism¹¹⁹ depicted the participants' tendency to cite moral duty, emotional attachment

A History of Environmental Ethics. Revised edition. Madison: University of Wisconsin Press; 1989.

116. Bosselmann K. *The Principle of Sustainability: Transforming Law and Governance*. Farnham: Ashgate; 2010; Kidd M. *Environmental Law*. Cape Town: Juta; 2016; Borràs S. New Transitions from Human Rights to the Environment to the Rights of Nature. *Transnational Environmental Law*. 2016; 5(1): 113–143.

117. Such as 'Earth jurisprudence', 'rights of nature', etc.

118. Sunstein CR. Social Norms and Social Roles. *Columbia Law Review*. 1996; 96(4): 903–968; Kysar DA. *Regulating from Nowhere: Environmental Law and the Search for Objectivity*. New Haven: Yale University Press; 2010.

119. Measham ThG, Barnett GB. Environmental Volunteering: Motivations, Modes and Outcomes. *Australian Geographer*. 2008; 39(4): 537–552; Ryan RL, Kaplan R, Grese RE. Predicting Volunteer Commitment in Environmental Stewardship Programmes. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2001; 44(5): 629–648.

to place, or solidarity with affected communities as primary motivators, with reasoning that can be traced back to legal norms being secondary or even absent.

Hence, to date, several doctrines or doctrine-like conceptual frameworks have been identified, with the most relevant to this paper being the following:¹²⁰

Public trust doctrine — a well-established legal doctrine, seeing the state as a trustee of the people, protecting and managing natural resources in the public interest and securing public access to them.

Duty of care doctrine — both an ethical/philosophical and a legal doctrine, having two modalities: the negative one means a duty to refrain from causing foreseeable harm, while the positive one establishes an obligation to take preventive and proactive measures to minimise the risk of such harm and is applied mostly to specific situations (especially as a legal doctrine).¹²¹

Ecological citizenship — a doctrine-like framework or a political and ethical doctrine that considers environmental responsibility to be an integral part of civic responsibility and places it within the broader concept of citizenship, in this interpretation transcending geographical and intergenerational borders to secure a safer and just future.¹²²

Rights of Nature, or Legal personhood for natural entities — a relatively novel doctrine grounded in the biocentric perception of the world that aspires to move beyond traditional anthropocentrism in both law and philosophy by recognising non-human species and

120. For further debate see also Kuznetsov D. Adjudicating climate protest as a tool of modern republicanism. *Jus Cogens*. 2025; 7(2): 197–218. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-024-00097-0>.

121. See Leth-Espensen M. Animals and the politics of suffering: Essays on law, care and interspecies relations. Diss. (sammanfattning). Lund: Lunds Universitet, 2023; Nedelsky J, Malleson T. Part-time for all: A care manifesto. New York: Oxford University Press, 2023.

122. See Dobson A. *Citizenship and the Environment*. Oxford: Oxford University Press; 2003; Cannavo PF. Ecological citizenship, time, and corruption: Aldo Leopold's green republicanism. *Environmental Politics*. 2012; 21(6): 864–881. URL: <https://doi.org/10.1080/09644016.2012.683148>.

various 'elements of nature' as rights-bearing subjects to attain some ultimate, possibly ideal equality.¹²³

Thus, relevant doctrines of both legal and interdisciplinary legal-philosophical nature do exist. There is also evidence¹²⁴ that environmental and animal rights advocates are guided by them, even when they are not lawyers and before a case reaches court.

It remains, however, unclear whether this situation is a result of a doctrine's influence as such or some undercurrent processes of a more general nature. Moreover, it is unclear in what capacity individuals invoke these doctrines: as binding mandates, rhetorical devices, or legitimising narratives to align personal ethical convictions with recognised legal principles. Locating the clear boundary between legal and moral motivation in such cases may be quite challenging. And we cannot exclude an instrumental combination of capacities where law provides language and symbols, and ethics fuels the impulse to act. This suggests that understanding the

123. See Alley KD. River goddesses, personhood and rights of nature: Implications for spiritual ecology. *Religions*. 2019; 10(9): 502. URL: <https://doi.org/10.3390/rel10090502>, and most recently Mührel J. Rights of nature in liberal legal systems and international law beyond legal anthropocentrism. Cham: Springer International; 2024.

124. Sextus CP, Hytten KF, Perry P. A Systematic Review of Environmental Volunteer Motivations. *Society & Natural Resources*. 2024; 37(11): 1591–1608. URL: <https://doi.org/10.1080/08941920.2024.2381202>; Measham TG, Barnett GB. Environmental Volunteering: Motivations, Modes and Outcomes. *Australian Geographer*. 2008; 39(4): 537–552. URL: <https://doi.org/10.1080/00049180802419237>; Kahui V, Armstrong CW, Aanesen M. Comparative analysis of Rights of Nature (RoN) case studies worldwide: Features of emergence and design Author links open overlay panel. *Ecological Economics*. 2024; 221: 108193. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108193>; Talbot-Jones J, Bennett J. Implementing bottom-up governance through granting legal rights to rivers: a case study of the Whanganui River, Aotearoa New Zealand. *Australasian Journal of Environmental Management*. 2022; 29(1): 64–80. URL: <https://doi.org/10.1080/14486563.2022.2029775>; Blumm MC, Wood MCh. *The Public Trust Doctrine in Environmental and Natural Resources Law*. Durham: Carolina Academic Press; 2021; Quirke D. *The Public Trust Doctrine: A Primer*. Eugen: Environmental and Natural Resources Law Center of the Oregon School of Law; 2016; Sax JL. The Public Trust Doctrine in Natural Resource Law: Effective Judicial Intervention. *Michigan Law Review*. 1970; 86: 471–566, etc.

behaviour in question requires a holistic approach that considers the interplay between legal doctrine, moral conviction, rhetorical strategy, and the broader socio-cultural processes shaping their engagement.

A prospective way of thinking and applying such a holistic approach, among others, might be the concept developed by Jennifer Nedelsky, writing in her well-acclaimed book, that the duty of care is an inherent duty of human beings.¹²⁵ This duty is derived from the application of the relations theory,¹²⁶ stating that all human beings are a part of the chain of myriad relations, including either other individuals and their groups or other communities, even beyond humans. She suggests that it is not enough to look at the legal relations from the perspectives of legal realism or, for instance, from the traditional Marxist approaches. In the end, what unites us, she claims, is that we are all a part of a complex organism including nature, other human beings, and we have both a moral and legal duty to care for each other.

In our analyses of the available data and sources, we did not find a specific articulation of the duty of care that would have guided the volunteers arriving to clean the Black Sea's shore after the 15 December 2024 oil spill, but paradoxically, the Russian Government, by including in the amended 2020 Constitution words about social solidarity (Art. 75.1), 'support of volunteer activities' (Art. 114. e.2) and the functions of the Government, such as to 'implement[...] measures aimed at [...] reducing the negative impact of economic and other activities on the environment, preserving the country's unique natural and biological diversity, and fostering a responsible attitude towards animals in society; [...] create[...] conditions for the development of a system of environmental education for citizens and the cultivation of an environmental culture' (Art. 114. e.5 and e.6) — have provided a constitutional framework for the people to feel such an alleged constitutional responsibility for their land, for

125. Nedelsky J. *Law's relations: a relational theory of self, autonomy, and law*. Oxford: Oxford University Press; 2011.

126. *Ibid.* See also Sözman B. Relations and Moral Obligations towards Other Animals. *Relations* (Online). 2015; 3(2): 179–193. URL: <https://doi.org/10.7358/rela-2015-002-sozm>.

the environment, and for the species, being an inalienable part of the latter, which might be a form of the duty of care in the Russian context.

It goes without saying that the whole complexity of social relations and reality is also blurred by the reference to pure rationality, ignoring relational and emotional parts of human life and behaviour. Applying Cartesian methodology, it would become irrational to claim that individuals have some obligations of a moral nature before the environment, originating from their experience.¹²⁷ But in the example of the volunteers' activities in 2024-2025, and despite the restrictive and even negative approach of the authorities towards grassroots activism, thousands of people decided to act and to exercise their responsibility — their duty of care in view of the grave environmental disaster.

Conclusion

This text is our first attempt to analyse, on the grounds of the Russian (Russia-related) and comparative legal material, whether there is indeed some sort of shift in relations between human beings and nature and animals. We have set an overambitious goal of proving that such a shift is happening and finding a motivation therefor. We decided to consider the specific example of Russian society's reaction to the massive oil spill in the Black Sea, which caused unprecedented pollution of the shore and damage to the wild nature and non-human species.

To do that, we asked ourselves three questions about the status of ecosystems, wildlife, species, and individual animals under the current domestic and international law regimes. Secondly, we wondered whether these sources of law provide for any sort of individual obligations vis-à-vis nature and animals that would be somehow enforceable. And lastly, we wanted to find any legal evidence proving a possible shift in the understanding of individual obligations towards nature and animals within the people themselves, which we might call 'a duty of care shift'.

127. Damasio AR. *Descartes' error: emotion, reason and the human brain*. London: Vintage; 2006: 170–173, 180–183, 248.

After analysing international and selected domestic sources, we concluded that, even though the more recent legal sources can be described as more ‘pro-nature’ and open to looking at animals not solely as objects, this tendency is only emerging, and it still cannot be called mainstream. There is even less evidence in the legal sources to support the existence of any individual obligations, or rather responsibilities, towards nature and species. The law is obviously far behind the activist trends or philosophical developments that emphasise the connections between human beings and wildlife. Thus, approaching the third question, we discussed several sources on the side of legal philosophy, which allege, or rather advocate, for the shift of the paradigm in the understanding of the rights of nature or relations between human beings and other species. Being sympathetic to the latter writings, we cannot but admit the fact that *en masse*, they illustrate positions of individual authors, being doctrinal or normative, but not grounded in real empirical data.

Thus, for the time being, an honest answer to our third research question must be that ‘we do not know exactly,’ but we have a hypothesis that has not been disproved by our analyses of the black-letter law. The second conclusion therefrom would be that for further research, we would need to collect more empirical data, applying, perhaps, the sociology of law methods, organising interviews and, practicing what we preach, to go beyond a dogmatic approach to law.

Bibliography

1. A drop in the ocean. *Novaya Gazeta Europe*. December 28, 2024. URL: <https://novyagazeta.eu/articles/2024/12/28/a-drop-in-the-ocean-en>.
2. Alley KD. River goddesses, personhood and rights of nature: Implications for spiritual ecology. *Religions*. 2019; 10(9): 502. URL: <https://doi.org/10.3390/rel10090502>.
3. Babanina I. The ongoing environmental impact of the Kerch Strait oil spill. *Conflict & Environment Observatory (CEOBS)*. July 3, 2025. Available from: <https://ceobs.org/the-ongoing-environmental-impact-of-the-kerch-strait-oil-spill/>.
4. Barron MG, Vivian DN, Heintz RA, Yim UH. Long-term ecological Impacts from oil spills: Comparison of Exxon Valdez, Hebei Spirit, and Deep-

- water Horizon. *Environmental Science & Technology*. 2020; 54(11): 6456–6467. URL: <https://doi.org/10.1021/acs.est.9b05020>.
5. Basel (Switzerland) referendum to recognize rights of primates in the canton's Constitution. *Eco Jurisprudence Monitor*. URL: <https://tinyurl.com/24ngubb8>.
  6. Blattner ShE. Victimization of Animals in Criminal Procedure: Lessons from Switzerland. *Journal of Animal Ethics*. 2020; 10(1):1–32. URL: <https://doi.org/10.5406/janimalethics.10.1.0001>.
  7. Blumm MC, Wood MCh. *The Public Trust Doctrine in Environmental and Natural Resources Law*. Durham: Carolina Academic Press; 2021.
  8. Borrás S. New Transitions from Human Rights to the Environment to the Rights of Nature. *Transnational Environmental Law*. 2016; 5(1): 113–143.
  9. Bosselmann K. *The Principle of Sustainability: Transforming Law and Governance*. Farnham: Ashgate; 2010.
  10. Braw E. Russia's growing dark fleet: Risks for the global maritime order. *Atlantic Council*. January 11, 2024. URL: <https://tinyurl.com/yocffdp9>.
  11. Braw E. The threats posed by the global shadow fleet — and how to stop it. *Atlantic Council*. December 06, 2024. URL: <https://tinyurl.com/28et57v9>.
  12. Briefing by Foreign Ministry Spokesperson Maria Zakharova, Moscow, March 16, 2017. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. March 16, 2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1543905/.
  13. Cannavo PF. Ecological citizenship, time, and corruption: Aldo Leopold's green republicanism. *Environmental Politics*. 2012; 21(6): 864–881. URL: <https://doi.org/10.1080/09644016.2012.683148>.
  14. Caprile A, Leclerc G. Russia's 'shadow fleet': Bringing the threat to light. *Briefing. European Parliament*. November 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI\(2024\)766242_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2024/766242/EPRS_BRI(2024)766242_EN.pdf).
  15. Copernicus Marine Service. The Black Sea — Kerch Strait maritime accident: oil-spill simulations (use case/modelling). *Copernicus Marine*. 2024–2025. URL: <https://tinyurl.com/28dteld5>.
  16. Damasio AR. *Descartes' error: emotion, reason and the human brain*. London: Vintage; 2006.
  17. Davydova A. The power of Russia's Black Sea cleanup volunteers. *The Moscow Times*. January 29, 2025. URL: <https://tinyurl.com/2bxhlyxl>.
  18. Denkena W, Worm O. Analysis of Russian shadow fleet data reveals: Risk of oil disaster off German coast. *Greenpeace Deutschland*. September 24, 2024. URL: https://www.greenpeace.de/publikationen/2409_Greenpeace_Investigation_Shadow_Fleet.pdf.
  19. Des droits pour les requins et les tortues marines. WWF. 15 september 2023. URL: <https://www.wwf.fr/vous-informer/effet-panda/des-droits-pour-les-requins-et-les-tortues-marines>.
  20. Dixon R, Landau D. *Introduction: A dark side of comparative constitutional law*. Oxford: Oxford University Press; 2021.

21. Dobson A. *Citizenship and the Environment*. Oxford: Oxford University Press; 2003.
22. Fundamental changes may occur in the Kerch Strait ecosystem. *Moskovskaya Gazeta*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/27yn5xdm>.
23. Hirschl R. *Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law*. Oxford: Oxford University Press; 2014.
24. Huettmann F. Marine conservation and sustainability of the Sea of Okhotsk in the Russian far east: An overview of Cumulative impacts, compiled public data, and a proposal for a UNESCO World Heritage Site. *Ocean Yearbook*. 2008; 22(1): 353–374. URL: <https://doi.org/10.1163/221160008X00145>.
25. Ilyushina M, Abbakumova N. As Russian oil spill fouls beaches, locals fume over official response. *The Washington Post*. January 27, 2025. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/01/27/russia-crimea-oil-spill-birds-rescue>.
26. International reaction to the Kerch Strait oil spill. *Ukraine War Environmental Consequences Working Group*. June 18, 2025. URL: <https://uwecworkgroup.info/ru/international-reaction-to-the-kerch-strait-oil-spill/>.
27. Jack V, Gambarini C, Mathiesen K, Guillot L, Cokelaere H. Revealed: Putin's sanctions-busting shadow fleet is spilling oil all over the world. *POLITICO Europe*. October 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2de6bv27>.
28. Johnson A. Russia's shadow fleet: a growing threat. *International Bar Association*. February 03, 2025. URL: <https://www.ibanet.org/Russia-shadow-fleet-a-growing-threat>.
29. Kahui V, Armstrong CW, Aanesen M. Comparative analysis of Rights of Nature (RoN) case studies worldwide: Features of emergence and design Author links open overlay panel. *Ecological Economics*. 2024; 221: 108193. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108193>.
30. Kidd M. *Environmental Law*. Cape Town: Juta; 2016.
31. Koi V. Of unicorns and trembling beasts. *Palladium*. 2025; 13(1):177–210 [in Russian]. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.55167/ddo309oc9512>.
32. Kondratiev V. Fuel oil spill in the Kerch Strait: What are the risks?. *BBC News Russian*. December 17, 2024. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cpdnj4yl5vno>.
33. Kozin N. Honoured ecologist of Russia called the sinking of tankers in the Kerch Strait an ecological disaster. *Parlamentskaya Gazeta*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/286wsu70>.
34. Kuznetsov D. Adjudicating climate protest as a tool of modern republicanism. *Jus Cogens*. 2025; 7(2): 197–218. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-024-00097-0>.
35. Kysar DA. *Regulating from Nowhere: Environmental Law and the Search for Objectivity*. New Haven: Yale University Press; 2010.
36. Laffont J. Les droits des requins et des tortues pourront être défendus par des avocats dans la province calédonienne des îles Loyauté. *Le Monde*. 07 juillet 2023. URL: <https://tinyurl.com/2y2ewjob>.

37. Lege pentru recunoaşterea delfinilor drept persoane non-umane. Proiect de lege. *Eco Jurisprudence Monitor*. February 2022. URL: <https://tinyurl.com/25f2cpvd>.
38. Leth-Espensen M. Animals and the politics of suffering: Essays on law, care and interspecies relations. Diss. (sammanfattning). Lund: Lunds Universitet, 2023.
39. Liburd JJ, Becken S. Values in nature conservation, tourism and UNESCO World Heritage Site stewardship. *Journal of sustainable tourism*. 2017; 25(12): 1719-1735. URL: <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1293067>.
40. Loh M. A Black Sea resort town is suing Russian ship companies after 10,000 people had to shovel spilt oil off its beaches. *Business Insider*. March 11, 2025. URL: <https://tinyurl.com/2yh7zgeu>.
41. Lomakina S. The Black Sea: Portraits of Autonomous Disaster Relief in Russia. *Antidote Zine*. January 21, 2025. URL: <https://antidotezine.com/2025/01/21/the-black-black-sea>.
42. Measham TG, Barnett GB. Environmental Volunteering: Motivations, Modes and Outcomes. *Australian Geographer*. 2008; 39(4): 537-552. URL: <https://doi.org/10.1080/00049180802419237>.
43. Measham ThG, Barnett GB. Environmental Volunteering: Motivations, Modes and Outcomes. *Australian Geographer*. 2008; 39(4): 537-552.
44. Migachyova A. Constant monitoring of resort shores will be required. Interview with V. Danilov-Danilyan, the scientific director of the Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences. *Kommersant*. January 17, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7433630>.
45. Minelle B. 'A new environmental catastrophe is on its way,' charity warns after damaged Russian tankers cause oil spill. *Sky News*. December 15, 2024. URL: <https://tinyurl.com/26w6pt5x>.
46. Mührel J. *Rights of nature in liberal legal systems and international law beyond legal anthropocentrism*. Cham: Springer International; 2024.
47. Nash RF. *The Rights of Nature: A History of Environmental Ethics*. Revised edition. Madison: University of Wisconsin Press; 1989.
48. Nedelsky J, Malleson T. Part-time for all: A care manifesto. New York: Oxford University Press, 2023.
49. Nedelsky J. *Law's relations: a relational theory of self, autonomy, and law*. Oxford : Oxford University Press; 2011.
50. Paramonova N. It can't be washed away: The environmental consequences of the fuel oil leak in the Kerch Strait. *Forbes*. December 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2blfuqgg>.
51. Peter TE. How the frog in lawsuits in Ecuador. July 17, 2023. URL: <https://tinyurl.com/27w4esa8>.
52. Peterson CH, et al. Long-term ecosystem response to the Exxon Valdez oil spill. *Science*. 2003; 302(5653): 2082-2086. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7397809/>.
53. Pivovarov S. Volunteers battle to clear spilt oil on Russia's Black Sea coast. *Reuters*. December 20, 2024. URL: <https://tinyurl.com/2bakdypn>.

54. Quirke D. *The Public Trust Doctrine: A Primer*. Eugen: Environmental and Natural Resources Law Centre of the Oregon School of Law; 2016.
55. Realities. Russian volunteers grapple with oil from stricken tankers. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. December 20, 2024. URL: <https://www.rferl.org/a/oil-spill-russia-kerch-cleanup-december-24/33247529.html>.
56. Robinson R, Murphy M, Cheetham J. Russia suffering 'environmental catastrophe' after oil spill in Kerch Strait. *BBC Verify*. January 24, 2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c23ngk5vgmpo>.
57. Rosrybolovstvo, together with the Russian State Scientific Centre VNIRO, is working on calculating the damage to aquatic biological resources from the fuel oil spill in the Kerch Strait. *TASS*. December 20, 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22734557>.
58. Rusev I. One month on, Russian authorities fail to stop oil leak from sunken tanker in Black Sea. *Greenpeace Österreich*. January 16, 2025. URL: <https://tinyurl.com/25gyohau>.
59. Russian oil spill threatens with environmental catastrophe in the Kerch Strait [press release]. *Greenpeace CEE*. December 15, 2024. URL: <https://greenpeace.at/cee-press-hub/oil-spill-causes-environmental-catastrophe-in-kerch-strait/>.
60. Russian tankers in the Kerch Strait: A new environmental disaster. *Greenpeace Ukraine*. December 15, 2024. URL: <https://tinyurl.com/zdda7jkl>.
61. Ryan RL, Kaplan R, Grese RE. Predicting Volunteer Commitment in Environmental Stewardship Programmes. *Journal of Environmental Planning and Management*. 2001; 44(5): 629–648.
62. Sax JL. The Public Trust Doctrine in Natural Resource Law: Effective Judicial Intervention. *Michigan Law Review*. 1970; 86: 471–566.
63. Schedrova U. Consequences of ecological disaster in the Kerch Strait will be eliminated only in ten years: experts. *Resonance*. December 17, 2024. URL: <https://tinyurl.com/299p476b>.
64. Sextus CP, Hytten KF, Perry P. A Systematic Review of Environmental Volunteer Motivations. *Society & Natural Resources*. 2024; 37(11): 1591–1608. URL: <https://doi.org/10.1080/08941920.2024.2381202>.
65. Shemetova DV, Savitsky MA, Rozhdestvenskaya IA, Bragina AA, Kuznetsov AV, et al. Changes in plankton composition and abundance at the Albatros and Foros stations in Crimea following the 2024 fuel oil spill near the Kerch Strait. *Russian Journal of Marine Biology*. 2025; 51:152–157. URL: <https://doi.org/10.1134/S1063074025700129>.
66. Simonov E. Oil of war spill: How the Kerch Strait tanker disaster is linked to the export of Russian oil products by the “shadow fleet”. *Ukraine War Environmental Consequences Working Group*. January 18, 2025. URL: <https://tinyurl.com/22umlos8>.
67. Sorochinskaia S. In a striking act of civic activism, ordinary Russians tackle environmental crisis as government stands by. *Russia.Post — an expert journalism platform of The Russia Program at the George Washington Uni-*

- versity. January 08, 2025. URL: https://russiapost.info/digest/environmental_crisis.
68. Sözman B. Relations and Moral Obligations towards Other Animals. Relations (Online). 2015; 3(2): 179–193. URL: <https://doi.org/10.7358/rela-2015-002-sozm>.
69. Stone ChD. *Should Trees Have Standing?: Law, Morality and the Environment*. Oxford: Oxford University Press; 1972.
70. Stucki S, Sparks T. The elephant in the (court)room: Interdependence of human and animal rights in the Anthropocene. EJIL:Talk!. June 09, 2020. URL: <https://tinyurl.com/24bezlv4>.
71. Sunstein CR. Social Norms and Social Roles. *Columbia Law Review*. 1996; 96(4): 903–968.
72. Talbot-Jones J, Bennett J. Implementing bottom-up governance through granting legal rights to rivers: a case study of the Whanganui River, Aotearoa New Zealand. *Australasian Journal of Environmental Management*. 2022; 29(1): 64–80. URL: <https://doi.org/10.1080/14486563.2022.2029775>.
73. Tolstoy L. Strider: The story of a horse. In: Gustafson RF, ed. *The Devil and other stories*. Oxford: Oxford University Press; 2003: 125–160.
74. Top scientist calls Black Sea oil spill Russia's worst environmental disaster of the 21st century. *The Insider*. January 17, 2025. URL: <https://theins.ru/en/news/278003>. Heavy fuel oil spills (NOAA technical factsheet). *National Oceanic and Atmospheric Administration*; August 2019. URL: <https://response.restoration.noaa.gov/sites/default/files/Heavy-Fuel-Oil.pdf>.
75. Tushnet M. *Advanced introduction to comparative constitutional law*. Cheltenham: Edward Elgar; 2018.
76. Two Volgoneft tankers wrecked in the Kerch Strait. *Environmental project "The Earth Touches Everyone"*. *Environmental Protection Association "Nature Conservation"*. December 16, 2024. URL: <https://tinyurl.com/298jwux5>.
77. Vakhrusheva K. Oil spills in the Kerch Strait an omen for Russia's Arctic. *Bellona Environmental Foundation*. December 20, 2024. URL: <https://tinyurl.com/22glmawx>.

Обязанность заботиться о животных во время экологических бедствий:
уроки разлива нефти в Керченском проливе

Дмитрий Кузнецов, Владка Кой

Аннотация. Настоящая статья посвящена правовым и этическим понятиям *duty of care* (обязанность заботиться) в условиях экологической катастрофы на море на примере разлива мазута из танкеров серии «Волгонефть» в Керченском проливе 15 декабря 2024 года. В первые дни после катастрофы именно добровольцы взяли на себя задачу спасения животных и очистки побережья, действуя без координации и поддержки со стороны государства.

Авторы статьи задаются тремя основными вопросами: (1) охраняет ли национальное или международное право животных как таковых или же

заботится об их сохранности исключительно исходя из их полезности как «ресурса» сугубо в человеческих интересах; (2) существуют ли какие-либо базовые правовые или этически обусловленные обязанности, которые могли бы сподвигнуть тысячи граждан на добровольную помощь пострадавшим животным и экосистемам; (3) происходит ли в настоящее время какой-либо сдвиг в отношениях между человеком, природой и животными, обозначающий отход от антропоцентризма в сторону гармонизации отношений человека с другими видами живых существ.

Проанализировав богатый нормативный материал, включая судебную практику, авторы приходят к выводу, что, несмотря на заметную экоцентричность современной правовой базы, её основной фокус сосредоточен на обязанностях публичных субъектов. Таким образом, тенденция восприятия животных как чувствующих субъектов пока не может быть названа господствующей ни на международном, ни на национальном уровне регулирования.

Авторы высказывают предположение, что действия волонтеров обусловлены преимущественно этическими мотивами, не связанными непосредственно с таким сдвигом. Вместе с тем массовость и спонтанность такого проявления эмпатии к пострадавшим живым существам можно рассматривать как свидетельство в пользу постепенной смены парадигмы. Отмечается, что для более детального ответа на вопрос о её смене необходимы дополнительные междисциплинарные и эмпирические исследования.

Статья демонстрирует экоправовой подход, ориентированный на защиту «животных вообще», что не всегда совпадает с благополучием конкретного животного. Авторы отмечают отсутствие в нормативных актах экологической направленности, распространяющихся на рассматриваемый пример, внимания к последствиям экологического загрязнения для индивидуально выделенных животных.

Ключевые слова: Керченский пролив, разлив нефти, *duty of care*, животные, международное право, добровольцы, экологическая катастрофа, антропоцентризм.

DOI: 10.55167/f6a7704ee2b0

Правовой статус и защита бездомных животных в Узбекистане: проблемы и перспективы

Наргис Косимова¹

Аннотация. Статья предлагает всесторонний анализ правового статуса и защиты бездомных животных в Узбекистане. Несмотря на рост общественного интереса и отдельные законодательные инициативы, в стране по-прежнему отсутствует целостная и гуманная система правового регулирования, охватывающая все аспекты обращения с бездомными животными. Действующие нормы носят фрагментарный характер и не предусматривают чёткой правовой субъектности таких животных.

На основе сравнительно-правового анализа, статистических данных и медийного мониторинга автор выявляет основные системные проблемы — от отсутствия государственной сети приютов и стерилизационной политики до правовой безнаказанности случаев жестокого обращения с животными. Подчёркивается несоответствие между существующими практиками и соответствующими международными стандартами. В заключение приводится ряд конкретных предложений по реформированию законодательства, развитию системы мониторинга, повышению правовой культуры населения и поддержке деятельности неправительственных организаций.

Ключевые слова: права бездомных животных, законодательство, защита животных, Узбекистан, гуманное обращение, правоприменение, контроль, приюты для бездомных животных, волонтерские организации, административная ответственность.

Введение

Проблема защиты прав бездомных животных становится все более актуальной во всем мире, включая Узбекистан. В последние годы в стране наблюдается растущий интерес к вопросам гуманного обращения с животными, что отражается в законодательных инициативах и общественной деятельности. Правовое регулирование защиты бездомных животных в Узбекиста-

1. Наргис Косимова, профессор, доктор филологических наук Университет журналистики и массовой коммуникации Узбекистана.

не носит фрагментарный и недостаточно системный характер. Отсутствие четко сформулированного правового статуса бездомных животных и специализированного законодательства ограничивает возможности государства и общества в решении данной проблемы.

Основные нормы, касающиеся защиты животных, содержатся в ряде нормативно-правовых актов, включая Закон Республики Узбекистан «Об охране и использовании животного мира»², Закон «Об охране природы»³, статья 111 в Кодексе Республики Узбекистан об административной ответственности, статья 202-1 в Уголовном Кодексе. Однако данные акты в основном касаются диких и сельскохозяйственных животных и не охватывают в полной мере проблемы домашних и бродячих животных.

В Узбекистане до сих пор не принят комплексный закон, регулирующий права животных, как, например, в ряде стран ЕС, в странах СНГ. Это затрудняет правоприменение, не позволяет формализовать обязанности органов власти по отношению к бездомным животным. Узбекистан не является участником ряда международных соглашений, касающихся защиты животных, таких как Европейская конвенция о защите домашних животных, которая была подписана 13 ноября 1987 года. Это ограничивает внедрение международных стандартов в национальное законодательство.

2. Закон Республики Узбекистан от 19.09.2016 г. № ЗРУ-408 «Об охране и использовании животного мира». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3029504>.

3. Закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 г. № 754-XII «Об охране природы». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/acts/7065>.

Сравнительная таблица законодательства по защите бездомных животных стран мира

Критерии	Узбекистан	Россия	Германия	Казахстан
Наличие специального закона	Нет	Закон «Об ответственном обращении с животными» (2018)	Закон о защите животных (Tierschutzgesetz)	Закон «Об ответственном отношении к животным» (2021)
Правовой статус бездомных животных	Нет четкого определения правового статуса	Признаны живыми существами, имеющими право на защиту	Признаны существами, способными страдать	Имеют правовой статус, охраняются государством
Методы регулирования численности	Преимущественно отлов и усыпление	Отлов, стерилизация, возврат	Стерилизация, передержка, передача новым владельцам	Стерилизация, создание приютов
Гуманные стандарты	Отсутствуют как обязательные нормы	Закреплены в законе, наказывается жестокое обращение	Регулируются законом и подзаконными актами	Прописаны, с административной и уголовной ответственностью
Наличие приютов	В основном волонтерские, без господдержки	Государственные и частные	Развитая сеть муниципальных и частных приютов	Приюты создаются при поддержке государства
Общественный контроль и участие ННО	Ограничено, без юридических механизмов	Закреплены в законе	Широкое участие, поддержка на законодательном уровне	Поддержка государством предусмотрена
Международные обязательства	Не участвует в зоозащитных конвенциях	Участие в международных зоозащитных инициативах	Участие в международных зоозащитных инициативах	Частичное участие в региональных соглашениях

В стране создана и постоянно совершенствуется правовая база, регулирующая отношения в данной сфере. Одним из них

является Закон «Об охране и использовании животного мира»⁴, направленный на регулирование отношений в области охраны и использования животного мира. Однако в обществе наблюдаются случаи жестокого обращения с животными, в том числе с домашними и бездомными животными. Не создана современная система их чипирования, идентификации, вакцинации и стерилизации. В последнее время СМИ и социальные сети демонстрируют случаи жестокого обращения с живыми существами и их зверских истязаний. Это вызывает широкий резонанс среди общественности. Только на бот @ekolog.uz с 2021 года поступило более 450 сообщений о жестоком обращении с бездомными и дикими животными⁵. Сегодня в стране насчитывается более 4 млн собак и свыше 50 тыс. кошек. Число бездомных животных увеличивается из года в год в результате отказа владельцев от домашних животных местами, бесконтрольного разведения кошек и собак.

В 2021 году были внесены изменения в законодательство, направленные на ужесточение ответственности за жестокое обращение с животными. Согласно данным, количество административных правонарушений, связанных с нарушением правил содержания собак и кошек в населенных пунктах, в 2021 году составило 10,5 тысячи, а в 2022 году данный показатель резко увеличился до 142,6 тысячи. Также количество административных правонарушений, связанных с жестоким обращением с животными, в 2020 году составило 105, в 2021 году — 190, в 2022 году — свыше 325, в 2023 году — свыше 400, а в 2024 году — свыше 450. Вместе с тем статья 111 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности предусматривает меры ответственности лиц за жестокое обращение с животными⁶. Статья гласит: «Жестокое обра-»

4. Закон Республики Узбекистан от 19.09.2016 г. № ЗРУ-408 «Об охране и использовании животного мира». Там же.

5. Данные ОО «Эколог» от 03.01.2025 года.

6. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22.09.1994. LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/97661>.

ние с животными, то есть их истязание или причинение им страданий из корыстных или иных низменных побуждений, влечет наложение штрафа от трех до пяти базовых расчетных величин. То же правонарушение, совершенное повторно в течение года после применения административного взыскания, либо совершение правонарушения, предусмотренного частью первой настоящей статьи, в присутствии несовершеннолетнего или повлекшее гибель либо увечье животных, влечет наложение штрафа от пяти до десяти базовых расчетных величин или административный арест до пятнадцати суток. Согласно статье 202-1 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, жестокое обращение с животным, повлекшее его увечье или гибель, после применения административного взыскания за такие же действия, карается штрафом от 25 до 50 БРВ (от \$533 до \$1.067), общественными работами до 240 часов или исправительными работами до одного года, а также ограничением или лишением свободы на срок до 6 месяцев⁷. Но, несмотря на то что законопроект «О защите животных от жестокого обращения» был разработан депутатами Законодательной палаты Олий Мажлиса еще в 2023 году, он до сих пор не принят. Он предусматривает регулирование правоотношений в сфере, конкретное определение ответственности владельцев в отношении домашних животных, формирование принципов гуманного отношения к живым существам. Однако правоприменительная практика и уровень информированности населения о правах животных остаются проблемными аспектами.

Методы исследования. В процессе написания статьи были использованы как общенаучные, так и частно-юридические методы исследования, что позволило всесторонне рассмотреть состояние прав животных в Узбекистане и перспективы их развития. Аналитический метод — применялся для изучения и обобщения нормативно-правовой базы, регулирующей защиту животных в Узбекистане, включая Конституцию,

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994. LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/acts/111457>.

Кодексы и специальные законы, такие как Закон «Об охране и использовании животного мира». Сравнительно-правовой метод — использовался для анализа законодательства Узбекистана в сравнении с международными стандартами и правовыми системами других государств, в том числе стран СНГ и ЕС, в целях выявления пробелов и перспектив гармонизации.

Результаты. Что сегодня волнует зоозащитников Узбекистана? В стране существует крайне мало специализированных учреждений, где животные могли бы получить помощь, а стерилизация как метод контроля численности используется недостаточно широко. Бездомные животные часто подвергаются жестокому обращению со стороны людей, а действующее законодательство не всегда обеспечивает их защиту. В Узбекистане используется практика массового жестокого отлова, расстрел, убийство, отравление бездомных животных вместо внедрения программ стерилизации и адаптации. Население зачастую не знает о возможностях ответственного обращения с животными, что приводит к увеличению количества выброшенных на улицу питомцев.

Официально за состоянием бездомных животных ответственны коммунальные службы по благоустройству городов и районов страны. Их подразделения в народе называют службами отлова. Ежедневно в службы отлова доставляется несколько сотен собак и кошек. Обычно сотрудники службы приезжают по вызову. Отловив собаку, они увозят животное в специально отведенное место, где в течение 5 дней ожидают хозяев. Согласно постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан №202⁸ от 08.07.2011 года «О мерах по совершенствованию деятельности служб, связанных с отловом и содержанием безнадзорных животных», по истечении этого срока «Выловленные собаки независимо от породы содержатся при собаколовных дворах в течение 5 дней и могут быть воз-

8. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 08.07.2011 г. № 202 «О мерах по совершенствованию деятельности служб, связанных с отловом и содержанием безнадзорных животных». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/1833370>.

вращены владельцу в случае обращения последнего и при подтверждении им своих прав на него (ветеринарный паспорт) и оплате расходов за содержание. По истечении указанного срока выловленные породистые собаки, не имеющие признаков болезни, могут передаваться заинтересованным лицам после оплаты расходов за содержание».

Несмотря на то, что в постановлении кабинета министров Узбекистана «О мерах по совершенствованию деятельности служб, связанных с отловом и содержанием безнадзорных животных» в пункте 6 сказано о выделении земельных участков под строительство крематориев для уничтожения трупов павших животных, таких крематориев нет, отмечают зоозащитники. В Узбекистане повышены штрафы за нарушение правил содержания животных. 2025 году 17 января президент Шавкат Мирзиёев подписал поправки в Кодекс об административной ответственности. Статья 110 кодекса, которая называлась «Нарушение правил содержания собак и кошек», теперь называется «Нарушение правил содержания животных»⁹. Согласно обновлённой статье, нарушение правил содержания животных в городах и других населённых пунктах, а равно непринятие должностными лицами мер по отлову и содержанию бесхозяйных животных влечёт наложение штрафа на граждан от 3 до 5 базовых расчётных величин (до этого — от 0,1 до 0,5 БРВ), а на должностных лиц — от 5 до 10 БРВ (ранее — от 0,5 до 1 БРВ). Это же правонарушение, повлёкшее причинение ущерба здоровью людей, имуществу юридических и физических лиц, при отсутствии признаков преступления, теперь влечёт наложение штрафа на граждан от 10 до 15 БРВ (ранее — от 0,5 до 1 БРВ), а на должностных лиц — от 15 до 30 БРВ (ранее — от 1 до 2 БРВ)¹⁰.

9. Закон Республики Узбекистан, от 16.01.2025 г. № ЗРУ-1019 «О внесении дополнения и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7324123>.

10. Штрафы за нарушение правил содержания животных в городах повышены. Электронное СМИ «Gazeta». 22.01.2025. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/22/animals/>.

Активисты и зоозащитники жалуются и на то, что сталкиваются с массовым отловом бездомных животных с применением жестких методов со стороны государственных служб. Самый громкий случай за последнее время — массовый отлов и умерщвление собак в Ахангаранском, Алмалыкском, Пскентском районах Ташкентской области¹¹, в Пахтакорском районе Джизакской области. Между тем, согласно постановлениям Кабинета Министров и Президента Узбекистана, сотрудники отдела ветеринарии и развития животноводства должны проверять безнадзорных животных и помещать их на карантин. После карантина их должны отправлять в специальные приемники. В постановлениях сказано, что безнадзорных животных можно отстреливать только в том случае, если они страдают бешенством и представляют угрозу для людей.

В Узбекистане растет недовольствие населения действиями бригад по отлову бездомных животных. В апреле 2025 года в суде рассмотрено дело жестокого убийства собаки. В Мирзочулукском районном суде г. Ташкента по административным делам состоялся суд по делу избиения собаки в отловочной машине. Заявление в милицию было подано от ННО «Эколог» и от ННО «Хаёт». Как было установлено 6.03.25, отловщик Симакин С. приехал по вызову отловить собак на место происшествия. Симакин С. в дороге дубинкой избил и убил собаку. Суд выписал Симакину С. штраф в размере 5 БРВ по статье 111 Административного кодекса РУз., предусматривающий ответственность за жестокое обращение с животными. Так как трупа собаки зооволонтеры не смогли предоставить на суде, наказуемый отделался лишь штрафом¹².

В местах содержания животных их не кормят. Животным не предоставляют ветеринарные услуги, и часто собак оставляют под палящим солнцем без воды, их сажают в тесные клетки, где они, мучаясь от жажды и голода, нередко грызут друг

11. Нужен ли Узбекистану такой отлов? Telegram-канал EKOLOG.UZ. 16.03.2025. URL: <https://t.me/ekologuzru/12995>.

12. Вынесен приговор за жестокое обращение. Telegram-канал EKOLOG.UZ. 27.03.2025. URL: <https://t.me/ekologuzru/13140>.

друга¹³. Зооволонтеры стараются всеми силами помочь таким животным. Но работники отлова каждый раз препятствуют им, находят причины, вымогая деньги у зооволонтеров, чтобы пустить их покормить.

На страницах социальных сетей появляются гневные посты об отстреле животных. Зачастую все жестокие сцены происходят на глазах у детей. Проблема жёсткого обращения с бездомными животными работниками службы отлова не раз поднималась активистами и зоозащитниками. Многократные обращения к депутатам и хакимам районов зачастую остаются без ответов.

В отличие от ряда европейских стран, где существует подробное регулирование защиты прав животных, в Узбекистане многие вопросы остаются недостаточно урегулированными. Несмотря на существующие нормы, случаи жестокого обращения с животными нередко остаются безнаказанными. Уровень осведомленности населения о правах животных и необходимости их защиты остаётся низким.

Кроме этого, в стране нет государственных приютов. Президентом Республики Узбекистан 2025 год был объявлен годом «Зеленой экономики» и защиты окружающей среды, и в Государственную программу был внесен пункт о строительстве приютов для бездомных животных¹⁴. Сегодня все существующие приюты, которые базируются в основном в Ташкентской области и г. Ташкенте, частные. Из-за отсутствия в законодательной базе норм об открытии приюта они зарегистрированы как индивидуальные предприниматели и вынуждены платить налоги. Все они до отказа забиты, так как в стране нет практики массовой стерилизации бездомных животных.

Ветеринарный комитет Республики Узбекистан, в ведомство которого не входит контроль за численностью бездомных

13. (без заголовка). Пост Алисы Тихомировой, зооволонтера, руководителя мини-приюта «Доброе сердце». Telegram-канал EKOLOG.UZ. 11.02.2024. URL: <https://t.me/ekologuzru/7975>.

14. Во всех регионах Узбекистана до начала осени построят приюты для бездомных животных. Агентство новостей «Podrobno.uz». 19.02.2024. <https://tinyurl.com/24uwomsb>.

животных, занимается только контролем и прививкой только домашних питомцев. Бездомными животными занимается Управление по благоустройству при хокимиятах (мэриях) области, города, района. К сожалению, на бездомных животных они смотрят как на мусор. Поэтому жестокое обращение во всех уголках Узбекистана по отношению к бездомным животным процветает. Защитой прав бездомных животных в Узбекистане занимаются волонтеры, профильные неправительственные организации, такие как ННО «Меҳр ва оқибат», Общественное объединение «Эколог», Общество по защите животных, ННО «Хаёт».

В заключение следует отметить, что законодательство Узбекистана не содержит отдельного определения или специального правового статуса для бездомных животных. Это создает правовую неопределённость и препятствует эффективной реализации мер по их защите и контролю. Действующие нормы, касающиеся животных, разбросаны по различным правовым актам (экологическое, административное, ветеринарное законодательство) и не охватывают комплексно вопросы обращения с бездомными животными, включая их отлов, содержание и стерилизацию.

На практике нередко применяются негуманные методы борьбы с популяцией бездомных животных, включая уничтожение, что противоречит международным стандартам и принципам биоэтики. Анализ правовой базы, общественного мнения и медийного пространства показал, что проблема часто воспринимается как санитарная или эстетическая, а не как правовая или этическая. В большинстве регионов страны отсутствуют государственные или поддерживаемые хокимиятами приюты для бездомных животных. Действующие ННО и волонтерские организации работают с ограниченными ресурсами. В последние годы наблюдается растущий интерес к проблеме со стороны общественных организаций и СМИ, а также первые инициативы по разработке проектов нормативных актов, направленных на регулирование обращения с животными, включая бездомных.

Заключение

Для улучшения ситуации с защитой прав животных в Узбекистане необходим комплексный подход, включающий:

- **Разработку и принятие нового закона о защите животных**, учитывающего международный опыт и современные вызовы;
- **Ужесточение наказаний за жестокое обращение с животными**, включая введение более строгих санкций;
- **Развитие системы контроля и мониторинга**, в том числе создание специализированных инспекционных органов;
- **Повышение уровня правовой грамотности населения** через образовательные программы и информационные кампании;
- **Поддержку государством общественных инициатив и волонтерских организаций**, занимающихся защитой животных.

Права животных в Узбекистане остаются важной, но недостаточно проработанной сферой законодательства. Развитие системы правовой защиты животных требует совместных усилий государства, общественных организаций и гражданского общества. Внедрение современных норм и стандартов, а также формирование культуры гуманного обращения с животными являются ключевыми факторами для создания эффективной системы защиты животных в стране.

Библиография

1. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22.09.1994. LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/97661>.
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994. LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/acts/111457>.
3. Закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 г. № 754-XII «Об охране природы». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информа-

- ции «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/acts/7065>.
4. Закон Республики Узбекистан от 19.09.2016 г. № ЗРУ-408 «Об охране и использовании животного мира». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3029504>.
  5. Закон Республики Узбекистан, от 16.01.2025 г. № ЗРУ-1019 «О внесении дополнения и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7324123>.
  6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 08.07.2011 г. № 202 «О мерах по совершенствованию деятельности служб, связанных с отловом и содержанием безнадзорных животных». LexUZ on-line. Национальный центр правовой информации «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/1833370>.
  7. Штрафы за нарушение правил содержания животных в городах повышены. Электронное СМИ «Gazeta». 22.01.2025. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/22/animals/>.
  8. Вынесен приговор за жестокое обращение. Telegram-канал EKOLOG.UZ. 27.03.2025. URL: <https://t.me/ekologuzru/13140>.
  9. Во всех регионах Узбекистана до начала осени построят приюты для бездомных животных. Агентство новостей «Podrobno.uz». 19.02.2024. <https://tinyurl.com/24uwomsb>.
  10. Нужен ли Узбекистану такой отлов? Telegram-канал EKOLOG.UZ. 16.03.2025. URL: <https://t.me/ekologuzru/12995>.

Stray animals in Uzbekistan: Legal status, protection, and prospects for reform

Nargis Qosimova

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of the legal status and protection of stray animals in Uzbekistan. Despite growing public concern and isolated legislative initiatives, the country still lacks a coherent and humane legal framework for managing stray animal populations. The existing legal norms are fragmented across administrative, environmental, and veterinary regulations and fail to provide a clear status or enforceable protections for stray animals. Drawing on comparative legal analysis and statistical data, the article outlines the systemic challenges, including widespread abuse, inadequate shelter infrastructure, and the absence of a national sterilization policy. The author highlights discrepancies between current practices — often involving inhumane methods of population control — and international standards in animal welfare and bioethics. The paper concludes with concrete recommendations for legal

reform, improved enforcement, public education, and the institutional support of non-governmental actors working in animal protection.

Keywords: rights of stray animals, legislation, animal protection, Uzbekistan, humane treatment, law enforcement, control, animal shelters, volunteer organizations, NGOs, administrative penalties.

DOI: 10.55167/80a30d5cf322

Urban companion animal welfare: A comprehensive analysis of global and Indian legal frameworks

Subhash Rawat¹, Rajesh Baboo²

Abstract. Urbanization has redefined human-animal relationships, particularly in densely populated cities where companion animals increasingly hold the status of family members rather than being treated as mere property. This study examines the underpinnings of urban companion animal welfare law, focusing on the Indian legal framework compared to progressive models from Scandinavia and the United Kingdom.

The research addresses three core questions: (1) How do existing statutory definitions and legal doctrines fail to reflect contemporary understandings of animal sentience? (2) What deficiencies are evident in the enforcement mechanisms of animal welfare laws, particularly in urban contexts? (3) Which international legal models offer viable frameworks that India might adopt to modernize its approach to companion animal welfare? The objectives of this research are to critically assess the historical evolution and current status of India's Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960; to analyze comparative statutory reforms and judicial interpretations from selected jurisdictions; and to propose doctrinal and legislative reforms aligned with modern scientific insights and ethical imperatives. The methodology employs a mixed doctrinal approach, combining textual analysis of statutory language, historical contextualization, comparative legal analysis, and a critical review of judicial decisions and scholarly commentaries.

This paper argues for a reformed legal framework that redefines companion animals from property to sentient beings, advocates for centralized enforcement mechanisms, and promotes integrated urban policy approaches. By synthesizing doctrinal analysis with comparative insights, the study provides a blueprint for aligning India's legal regime with international best practices while addressing urbanization's unique challenges.

1. Subhash Rawat, Ph.D. Research Scholar, Department of Law, Swami Ramteerath Campus, Hemvati Nandan Bahuguna Garhwal University, Uttarakhand, India. Email: subhashrawat1994@outlook.com. ORCID: 0009-0002-4351-8283.

2. Rajesh Baboo, Ph.D. Research Scholar, Department of Law, Swami Ramteerath Campus, Hemvati Nandan Bahuguna Garhwal University, Uttarakhand, India. Email: rajmeerganj@gmail.com. ORCID: 0009-0000-6957-1774.

Keyword: urban companion animal welfare, judicial interpretation, legislative reform, animal sentience, comparative law.

AI use disclosure statement. In the preparation of the manuscript “*Urban Companion Animal Welfare: A Comprehensive Analysis of Global and Indian Legal Frameworks*,” I utilized Grammarly’s AI-powered features exclusively for language refinement. This included grammar correction, paraphrasing for improved readability, and ensuring academic writing consistency.

The AI tool was employed solely as a linguistic enhancement aid and did not contribute to the development of research content, legal analysis, methodology, data interpretation, or scholarly conclusions. All substantive elements — including the research framework, comparative legal assessments, case law analysis, and conclusions — represent my original intellectual work.

Any high AI-detection scores reflect Grammarly’s language optimization suggestions and do not compromise the authenticity, originality, or integrity of the research.

I. Introduction

I.I. The evolving status of companion animals in urban contexts

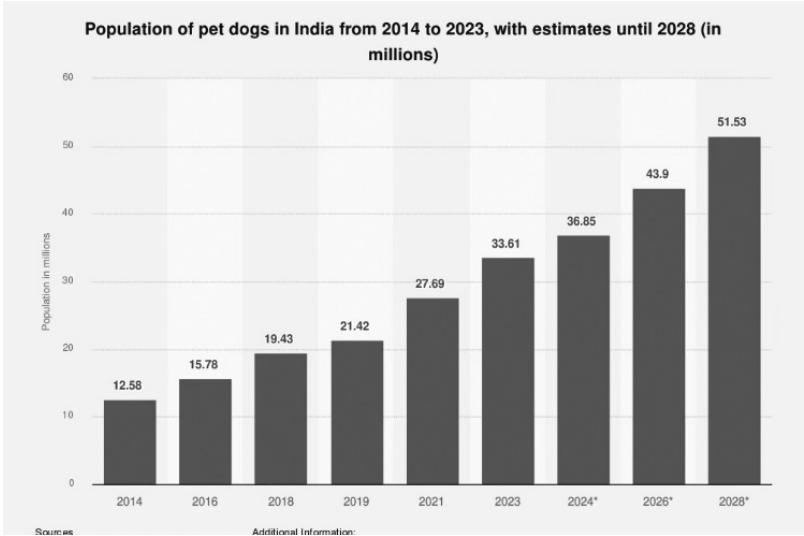
Urban centers worldwide have become complex ecosystems where diverse human, economic, and environmental interests intersect and often compete. Within this dynamic milieu, the role and status of companion animals have evolved dramatically over recent decades. Once viewed strictly as property or utilitarian assets, companion animals today are increasingly recognized as sentient beings whose welfare is essential to a humane and compassionate society (Francione, 2008). This paradigm shift reflects broader societal changes, including the nuclearization of families, delayed parenthood, and the growing recognition of the psychological and emotional benefits that companion animals provide to urban dwellers (Herzog, 2011).

In India, where rapid urbanization reshapes social structures and relationships, companion animal ownership has surged significantly. According to a 2023 survey by Euromonitor International, the pet population in Indian urban centers has grown by approximately 12% annually over the past five years, with an estimated 32 million pets now residing in Indian cities (Euromonitor International, 2023). In 2023, India had a pet dog population

exceeding 33 million, which is projected to surpass 51 million by 2028. This rise in pet dog ownership has contributed to a significant boost in pet food sales nationwide.

Table 1. Population of pet dogs in India from 2014 to 2023, with estimates until 2028 (India: Population of Pet Dogs 2028 | Statista, 2025)

This growth has occurred even though India’s predominant legal instrument governing animal welfare — the PCA Act 1960 — remains anchored in a colonial-era perspective that does not fully capture modern scientific insights or ethical expectations regarding animal sentience and welfare.

I.2. Research Questions and Objectives

This chapter undertakes a doctrinal analysis of urban companion animal welfare law by critically examining India’s statutory language, judicial interpretations, and regulatory mechanisms and by comparing them with international models from several jurisdictions. The central questions guiding this research include:

- I. How do current legal doctrines fail to accommodate the evolving status of companion animals from property to family members?

2. What doctrinal deficiencies exist in enforcing animal welfare laws, especially within urban contexts?
3. Which international legal frameworks offer robust doctrinal models that India can emulate to protect companion animals better?

This chapter aims to provide a comprehensive blueprint for doctrinal and legislative reform by exploring these issues. The specific objectives are:

- to critically assess the historical evolution and current status of India's PCA Act 1960;
- to analyze comparative statutory reforms and judicial interpretations from selected jurisdictions;
- to propose doctrinal and legislative reforms that better align with modern scientific insights and ethical imperatives;
- to examine the intersection of animal welfare law with urban planning, housing policies, and emergency management.

1.3. Methodological approach

This chapter employs a mixed doctrinal approach that includes:

1. *Textual analysis of statutory language*: A close reading of relevant legislative texts to identify conceptual limitations, definitional gaps, and enforcement challenges.
2. *Historical contextualization*: An examination of the social, political, and legal contexts that have shaped animal welfare legislation in India and comparative jurisdictions.
3. *Comparative legal analysis*: A systematic comparison of legal frameworks across multiple jurisdictions, with particular attention to Scandinavia, the United Kingdom, Germany, and New Zealand.
4. *Critical review of judicial decisions*: An analysis of landmark cases and judicial interpretations that have shaped the practical application of animal welfare laws.

This methodological approach allows for a comprehensive examination of both the theoretical underpinnings and practical implications of companion animal welfare legislation within urban contexts.

2. Background

2.1. Evolution of human-animal relationships in urban contexts

The relationship between humans and companion animals has undergone a significant transformation throughout history, particularly with accelerated changes occurring in urban settings over the past century. Historically, animals in human settlements served primarily utilitarian functions — as guards, vermin controllers, or status symbols (DeMello, 2012). However, urbanization has catalyzed a fundamental shift in how companion animals are perceived and integrated into human society.

This evolution can be understood through several distinct phases:

1. *Pre-industrial era (before the 1800s)*: Animals primarily served utilitarian purposes in urban settings, with few legal protections and minimal consideration of welfare concerns.
2. *Early industrialization (1800s-1900s)*: The early animal protection movements emerging in the 1800s were part of wider ‘humanitarian’ reforms — understood historically as efforts to alleviate suffering in all sentient beings (both human and animal). (The Animal Cause and Its Greater Traditions — History & Policy, n.d.)
3. *Early 20th century (1900s-1950s)*: Initial animal welfare legislation development during social reform movements, though still primarily focused on working animals.
4. *Post-war period (1950s-1980s)*: The growth of companion animal ownership among middle-class urban dwellers and the development of more comprehensive animal welfare laws.
5. *Consumer society phase (1980s-2000s)*: Increased commercialization of pet ownership, growth of the pet industry, and gradual recognition of animals as sentient beings.
6. *Contemporary era (2000s-Present)*: The rise of the “pet parenting” phenomenon, with companion animals increasingly viewed

as family members and the development of more rights-based legal approaches.

Contemporary research illuminates the increasingly significant emotional relationship between humans and companion animals. As evidenced in Barker et al. (2018), canine guardians demonstrate emotional attachment to their dogs comparable to that of their closest familial relationships. This finding is further substantiated by national data from military households wherein 68% of respondents classified their companion animals as integral family members. When this investigative framework was extended to the university student population, the results corroborated earlier findings by Barker: students reported equivalent emotional proximity to their companion animals as to their nearest family relations, with a notable 43% indicating stronger emotional bonds with their animals than with any human family member (Barker et al., 2018). Given that tertiary education frequently necessitates geographical separation between students and their companion animals, there remains a critical research gap regarding the potential correlation between such separation and elevated anxiety and depression indicators among this demographic.

The urbanization process itself has profoundly influenced human-animal relationships in several ways:

1. *Spatial constraints*: Limited living spaces in urban environments have necessitated new approaches to companion animal keeping, raising unique welfare challenges.
2. *Social atomization*: As traditional extended family structures fragment in urban settings, companion animals increasingly fill emotional and social needs.
3. *Regulatory density*: Urban governance systems impose multiple, sometimes conflicting, regulatory frameworks that affect companion animal welfare.

These changing dynamics necessitate a corresponding evolution in legal doctrines and policies governing companion animal welfare in urban contexts.

2.2. Analysis in animal law

The analysis of animal welfare law draws upon several theoretical frameworks that help contextualize the legal status of animals and inform potential reforms. Four primary theoretical perspectives are particularly relevant:

1. *Property-based paradigm*: Traditionally, legal systems used to categorize animals as property, subject to the ownership rights of humans. Despite growing recognition of its limitations, this paradigm still dominates many legal systems, including India's (Francione, 2008).
2. *Welfare-based approach*: This perspective maintains the property status of animals but imposes duties on humans to ensure minimum standards of care and humane treatment (Sunstein & Nussbaum, 2005). Most contemporary animal welfare legislation, including India's PCA Act, broadly reflects this approach.
3. *Rights-based theory*: Emerging from the work of philosophers like Tom Regan and legal scholars like Steven Wise, this approach argues for recognizing fundamental rights for animals based on their intrinsic value and interests. While not fully incorporated into any significant legal system, elements of rights-based thinking have influenced recent legislative and judicial developments in jurisdictions like New Zealand and Germany (Wise, 2000).
4. *Capabilities approach*: Developed by Martha Nussbaum as an extension of Amartya Sen's work, this framework ensures that animals can exercise species-specific natural behaviors and capabilities. This approach has influenced recent welfare legislation in Scandinavia and parts of the European Union (Nussbaum, 2006).

These theoretical frameworks help illuminate the limitations of existing legal approaches and point toward potential doctrinal reforms. In particular, they highlight the growing tension between the traditional property paradigm and the emerging scientific understanding of animal cognition, emotional capacity, and welfare needs. In the context of animal law, this approach clarifies how

legal texts have historically constructed the status of animals and reveals the need for contemporary reinterpretation based on advances in science and ethics.

3. Comprehensive analysis of the Indian statutory framework

3.1. The Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960

3.1.1. Historical context and legislative intent

The PCA Act 1960 (PCA Act) represented India's first comprehensive national legislation focused explicitly on animal welfare following independence. The Act emerged in a post-colonial context, replacing the colonial-era Prevention of Cruelty to Animals Act of 1890, which had been enacted primarily to protect working animals valuable to the colonial economy (Radhakrishna, 2007).

While the PCA Act marked a significant advancement over its colonial predecessor, its drafting and legislative history reveal limitations characteristic of its era. Parliamentary debates from 1959 to 1960 indicate that the legislation was conceptualized primarily as a humanitarian measure rather than a recognition of animals' intrinsic rights or interests (Lok Sabha Debates, 1960). According to data from the Parliamentary Research Service, during the debates, animals were still characterized as property. At the same time, only a minority position advocated for the recognition of animals as beings with inherent value (Parliamentary Research Service, 2018).

Notably, the Act was groundbreaking but was conceived under a property-based paradigm. Its language reflects mid-20th-century notions, categorizing animals as objects rather than recognizing them as sentient beings. The Act's statement of objects and reasons emphasizes the prevention of "unnecessary pain or suffering" to animals, implicitly accepting that some degree of pain or suffering might be necessary or justified for human purposes (PCA Act 1960).

3.1.2. Outdated definitions and conceptual limitations

The PCA Act contains several definitional and conceptual limitations that reflect its historical context but increasingly fails to accommodate contemporary understandings of animal sentience and welfare.

3.1.2.1. Property versus sentience

The Act does not explicitly acknowledge animal sentience, thereby limiting legal protections against physical cruelty. Section 2 of the Act defines an “animal” as “any living creature other than a human being.” However, it does not attribute to animals any qualities beyond mere existence, such as the capacity for suffering, emotional experience, or cognitive function (PCA Act 1960, Sec. 2).

This definition stands in stark contrast to modern scientific understanding. Research in comparative neurobiology has established that mammals, birds, and many invertebrates possess neurological structures and neurochemical systems associated with conscious experience and suffering (Broom, 2014). The Act’s failure to acknowledge this scientific reality creates a fundamental disconnect between legal doctrine and biological fact.

3.1.2.2. Static terminology

Key terms such as “cruelty” are defined in narrow terms that exclude modern scientific understandings of animal behavior, cognition, and emotional capacity. Section 11 of the Act defines cruelty primarily in terms of physical abuse, beatings, and overwork, with minimal recognition of psychological welfare or species-specific behavioral needs (PCA Act 1960, Sec. 11).

For instance, the Act does not explicitly recognize that conditions preventing the expression of natural behaviors, such as extreme confinement or social isolation for social species, constitute cruelty despite substantial scientific evidence that such conditions cause significant suffering (Broom, 2014).

Furthermore, the penalties prescribed by the Act have remained unchanged since its enactment. The maximum fine for an act of cruelty is set at ₹50 (approximately USD 0.60), rendering the deterrent effect of the legislation virtually meaningless in contemporary economic terms (PCA Act 1960, Sec. 11).

The Animal Welfare Act of 2011 is proposed legislation in India aimed at replacing the outdated Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960. It seeks to provide stronger protections for animals, enhance penalties for cruelty, and promote animal welfare in accordance with modern standards and societal values. The draft law proposes stricter punishments, including imprisonment and higher fines, for various forms of animal abuse. Despite its progressive approach and support from animal rights advocates, the Act has not yet been passed by the Indian Parliament. It remains a draft, pending legislative approval for enactment into law.

The Prevention of Cruelty to Animals (Amendment) Bill, 2022, introduced in the Indian Parliament (not passed yet) seeks to contemporize the 1960 Act by substantially increasing fines to enhance deterrence, modernizing enforcement, and enhancing animal welfare in line with evolving societal values. It raises first-offense penalties from Rs. 10-50 to Rs. 1,000-5,000 and second-offense fines from Rs. 25-100 to Rs. 3,000-10,000 (with imprisonment options retained) under Section 11 (as introduced in Lok Sabha, 2022, n.d.).

In India, pet owners bear legal responsibility for preventing public harm from their animals. The Noida Authority exemplifies this principle through comprehensive regulations implemented in 2023. This framework requires all dog and cat owners to register their pets by January 31, 2023, facing a ₹2,000 fine plus ₹10 daily thereafter for non-compliance. Pets must be sterilized and vaccinated against rabies by the same deadline, with monthly penalties of ₹2,000 beginning March 2023 for violations. Public safety measures include mandatory leashing in communal areas, use of service elevators when available, and immediate waste removal, with graduated fines (₹100-₹500) for repeated infractions. Notably, owners bear full financial responsibility for injuries caused by their pets, including victims' medical expenses, plus a ₹10,000 penalty following investigation. The regulations also prohibit abandonment and require reporting pet deaths.

This balanced approach establishes clear owner obligations while protecting both animal welfare and public health interests. (Noida Pet Owner Fine: Pet Owners to Be Fined Rs 10,000 in Case

of Mishap or Injury by Dog or Cat in Noida — The Economic Times, n.d.).

3.1.3. Enforcement and implementation challenges

The PCA Act faces significant challenges in its practical implementation, particularly in urban contexts:

3.1.3.1. Fragmented jurisdiction

Enforcement responsibility is divided among state, municipal, and local bodies, resulting in inconsistent application and interpretation. Section 38 of the Act empowers state governments to appoint infirmaries and veterinary officers, while the Animal Welfare Board of India (established under Section 4) has overarching advisory and supervisory functions (PCA Act 1960, Sec. 4, Sec. 38).

Between 2010 and 2020, India recorded nearly 493,910 cases of animal cruelty, as reported by the Federation of Indian Animal Protection Organisations (FIAPO) and All Creatures Great and Small (ACGS). These incidents encompassed crimes against various animals: 720 cases involving street animals, 741 against working animals, 588 concerning companion animals, 88 related to farm animals, and 258 involving wild animals and birds. The documented abuses included severe acts such as rape, murder, and physical assaults. Notably, 20 of these cases involved children as perpetrators. The report emphasizes that the number of unreported cases could be significantly higher (In Past 10 Yrs India, 2021).

3.1.3.2. Resource limitations

Inadequate funding and training further impair the Act's enforcement, contributing to a patchwork of local practices. The Animal Welfare Board of India's annual budget for 2022-2023 was approximately ₹10 crore (USD 1.2 million), representing just 0.002% of the total union budget (Ministry of Fisheries, Animal Husbandry and Dairying, 2023). This limited funding translates to approximately ₹0.31 (less than USD 0.01) per companion animal in India, compared to £2.4 (USD 3.20) per companion animal allocated to the UK's Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals (RSPCA, 2023).

The consequences of these resource limitations are reflected in enforcement data. A 2023 survey of 18 major Indian cities found that only 23% of municipal animal welfare officers had received

specialized training in animal welfare law, and only 8% of municipal corporations had dedicated animal welfare departments (Urban Affairs Institute, 2023).

3.2. Judicial interpretations in India

3.2.1. Progressive judicial language and activism

Indian courts have occasionally demonstrated a more progressive approach to animal welfare than the legislative framework would suggest, hinting at a broader understanding of animal welfare by recognizing animal sentience in certain cases. In the landmark case of *Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja & Ors.* (2014), the Supreme Court of India explicitly recognized that animals have an inherent right to dignity and fair treatment. Justice K.S. Radhakrishnan stated that “every species has an inherent right to live and shall be protected by law, subject to the exception provided out of necessity. The animal also has honor and dignity which cannot be arbitrarily deprived of and can be conferred upon them” (*Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja & Ors.*, 2014, para. 51).

Similarly, in *People for Animals v. Md. Mohazzim & Anr.* (2015), the Delhi High Court held that birds have a fundamental right to “live with dignity and fly in the sky” and that they cannot be subjected to cruelty by being caged for human pleasure. The court explicitly rejected the property paradigm, stating that “birds have fundamental rights including the right to live with dignity and they cannot be subjected to cruelty by anyone including claim made by the respondent as owner” (*People for Animals v. Md. Mohazzim & Anr.*, 2015, para. 7). These judicial pronouncements illustrate a growing recognition of animal sentience and rights that extends beyond the narrow confines of the PCA Act.

3.2.2. Constraints imposed by statutory language

Despite these progressive interpretations, the narrow language of the PCA Act restricts judicial activism. Judges are often bound by the limited definitions provided by the legislature, resulting in piecemeal and inconsistent applications across jurisdictions. For instance, in *Gauri Maulekhi v. Union of India* (2016), while acknowledging the suffering of animals during transport, the Supreme Court was constrained to work within the framework of

the existing Transport of Animals Rules rather than establishing more fundamental protections based on animal sentience (*Gauri Maulekhi v. Union of India*, 2016). Similarly, in municipal disputes regarding urban animal control, courts have frequently defaulted to the property paradigm due to the limitations of statutory language. This tension between judicial inclination and statutory limitation highlights the need for legislative reform that would enable courts to apply more progressive principles in animal welfare cases consistently.

4. International comparative statutory models

4.I. European legal frameworks

4.I.I. Scandinavian legal frameworks

Scandinavian countries have long been at the forefront of animal welfare legislation, developing frameworks that explicitly recognize animal sentience and establish positive welfare obligations rather than merely prohibiting cruelty.

4.I.I.I. The Swedish Animal Welfare Act (1988, amended 2018)

i. Modern definitions and recognition of sentience

Sweden's Animal Welfare Act represents one of the most progressive legislative approaches to animal welfare globally. The Act explicitly recognizes animals as sentient beings, establishing a doctrinal shift that prioritizes both their physical and psychological needs. Section 1 of the Act states that its purpose is to "ensure good animal welfare and promote good animal health," reflecting a positive welfare obligation rather than merely preventing cruelty (Swedish Animal Welfare Act, 2018, Sec. 1). The Act further specifies that animals should be "allowed to perform natural behaviors," a provision that significantly extends welfare considerations beyond basic physical needs (Swedish Animal Welfare Act, 2018, Sec. 4). This recognition of behavioral needs represents a significant advancement over the property-based paradigm. Statistical evidence suggests the effectiveness of this approach. According to the World Animal Protection Index, Sweden consistently ranks among the top five countries globally for animal welfare standards, with compliance

rates in urban areas exceeding 92% (World Animal Protection, 2023).

ii. Holistic welfare standards

Beyond preventing cruelty, the Swedish Act mandates conditions that allow animals to express natural behaviors, setting a standard for positive welfare. For companion animals specifically, the Act requires that:

- animals must have adequate space, shelter, and environmental enrichment appropriate to their species;
- social animals must have the opportunity for social interaction with conspecifics or, in appropriate cases, with humans;
- animals must receive preventive healthcare and prompt treatment for illness or injury;
- caretakers must possess sufficient knowledge of animal needs and welfare.

These holistic standards are reinforced by specific regulations for different species. The Swedish regulations for dog keeping (SJVFS 2020:8), for example, specify minimum space requirements, exercise needs, and social interaction requirements that far exceed the minimal anti-cruelty provisions of the Indian PCA Act.

4.1.1.2. The Norwegian Animal Welfare Act (2010)

i. Duty of care and integrated policies

Norway's Animal Welfare Act of 2010 establishes an explicit duty of care that extends beyond the prevention of suffering to include the promotion of positive welfare. Section 3 of the Act states that “animals have an intrinsic value independent of their usable value for humans” and that “animals shall be treated well and be protected from danger of unnecessary stress and strains” (Norwegian Animal Welfare Act, 2010, Sec. 3). This legal recognition of animals' intrinsic value represents a fundamental shift away from the property paradigm, acknowledging that animals have worth beyond their utility to humans. The Act further integrates animal welfare with broader social policies, including urban planning and public health. For instance, Section 23 requires that construction projects and urban development consider their impact on animal

welfare, while Section 4 establishes that humans have an obligation to help animals in distress regardless of how they came to be in that condition (Norwegian Animal Welfare Act, 2010, Sec. 4, Sec. 23).

ii. Centralized enforcement mechanisms

Norway's approach to enforcement stands in stark contrast to the fragmented system in India. The Norwegian Food Safety Authority serves as the central enforcement body for animal welfare legislation, ensuring the consistent application of the law across municipalities and regions. The centralized nature of this enforcement mechanism has yielded impressive results.

4.1.2. United Kingdom animal welfare framework

4.1.2.1. Rights-based statutory language

i. Positive welfare approach

The UK Animal Welfare Act of 2006 marked a significant evolution in British animal welfare law, shifting from the mere prevention of cruelty (as in the previous Protection of Animals Act 1911) to the promotion of positive welfare. Section 9 of the Act establishes a duty on persons responsible for animals to ensure their welfare, specifying that animals must be provided with:

5. a suitable environment;
6. a suitable diet;
7. the ability to exhibit standard behavior patterns;
8. housing with or apart from other animals as appropriate;
9. protection from pain, suffering, injury, and disease.

ii. Clarity and uniformity

The UK Act is characterized by clear, precise language that facilitates consistent judicial interpretation and effective enforcement. The Act defines key terms such as “animal” (Section 1), “protected animal” (Section 2), and “suffering” (Section 62) in ways that reflect modern scientific understanding of animal sentience and welfare needs (UK Animal Welfare Act, 2006, Sec. 1, Sec. 2, Sec. 62). This clarity has translated into effective enforcement.

4.1.2.2. Judicial precedents and consistency

i. Expansive judicial interpretations

UK courts have often interpreted the Animal Welfare Act in a manner that reflects both its literal and purposive dimensions. In the landmark case of *RSPCA v. Gray* (2012), the court held that psychological suffering, including fear and distress, constitutes “suffering” within the meaning of the Act, even in the absence of physical harm (*RSPCA v. Gray*, 2012). Similarly, in *R (on the application of Compassion in World Farming) v. Secretary of State for Environment, Food and Rural Affairs* (2019), the court emphasized that the requirement for animals to be able to “exhibit normal behavior patterns” should be interpreted broadly to include all behaviors that are important to the species’ natural repertoire (*R (on the application of Compassion in World Farming) v. Secretary of State for Environment, Food and Rural Affairs*, 2019). These interpretations have established a robust body of case law that reinforces the progressive intent of the legislation.

4.1.3. German animal welfare law

4.1.3.1. Constitutional recognition of animal protection

Germany’s approach to animal welfare is distinguished by its constitutional recognition of animal protection. In 2002, Article 20a of the German Basic Law (*Grundgesetz*) was amended to include the protection of animals as a state objective: “The state shall also, in responsibility for future generations, protect the natural foundations of life and animals within the framework of the constitutional order through legislation” (German Basic Law, 2002, Art. 20a). This constitutional amendment elevated animal protection to a fundamental principle of state policy, creating a legal basis for balancing animal interests against other constitutional rights and interests. The impact of this constitutional provision has been substantial.

4.1.3.2. The German Animal Welfare Act (*Tierschutzgesetz*)

The German Animal Welfare Act explicitly recognizes animals as fellow creatures (*Mitgeschöpfe*) and establishes that humans bear responsibility for their protection. Section 1 of the Act states: “The purpose of this Act is to protect the lives and well-being of animals, based on the responsibility of humans for animals as

fellow creatures. No person may cause pain, suffering, or harm to an animal without reasonable cause” (German Animal Welfare Act, 2006, Sec. 1). This recognition of animals as “fellow creatures” represents a significant departure from the property paradigm that characterizes the Indian PCA Act. The Act further requires that animals be kept in a manner appropriate to their species and needs, establishing positive welfare requirements rather than merely prohibiting cruelty. For companion animals specifically, the German Animal Welfare Act and its accompanying regulations establish detailed requirements for housing, care, and treatment. For instance, the Dog Keeping Ordinance (Hundehaltungsverordnung) specifies minimum space requirements, exercise needs, and socialization requirements for dogs kept in urban environments.

4.2. Asia-Pacific approaches

4.2.1. New Zealand’s Animal Welfare Act 1999

4.2.1.1. Recognition of animal sentience

In 2015, New Zealand amended its Animal Welfare Act 1999 to recognize animal sentience explicitly. The amended Act now states in its long title that it is “an Act to reform the law relating to the welfare of animals and the prevention of their ill-treatment; and, in particular, to recognize that animals are sentient” (New Zealand Animal Welfare Act, 1999, Long Title). This explicit recognition of sentience represents a significant doctrinal shift, acknowledging that animals have the capacity for subjective perception and experience.

4.1.2.2. Comprehensive codes of welfare

New Zealand’s Animal Welfare Act establishes a system of detailed Codes of Welfare for different species and contexts, developed through a consultative process that includes scientific input. For companion animals, these include the Code of Welfare for Dogs (2018) and the Code of Welfare for Cats (2018), which establish specific standards for housing, nutrition, healthcare, and behavioral needs. While these codes are not directly enforceable in themselves, compliance with a relevant code provides a defense against prosecution under the Act. This approach combines legal flexibility with clear guidance, enabling effective enforcement

while accommodating an evolving scientific understanding of animal welfare.

5. Critique and identified gaps in the Indian framework

5.1. Conceptual inertia in the Indian framework

5.1.1. Failure to incorporate modern scientific insights

The PCA Act does not reflect current understandings of animal cognition and emotional capacity, resulting in a doctrinal model that treats animals solely as property. This conceptual inertia is particularly problematic in light of substantial scientific advances in the understanding of animal cognition, emotions, and welfare over the past six decades. Contemporary scientific research has established that many animals, including common companion species like dogs and cats, possess complex cognitive abilities, including:

- self-awareness and mirror recognition (in some species);
- emotional experiences, including fear, anxiety, joy, and grief;
- long-term memory and anticipatory thinking;
- social cognition and recognition of conspecifics and humans;
- the ability to feel pain and suffering, including psychological distress.

However, the PCA Act's definition of "animal" and its conceptualization of "cruelty" fail to acknowledge these capacities, focusing instead on narrow physical aspects of welfare. This disconnect between scientific understanding and legal doctrine undermines the Act's effectiveness in promoting comprehensive animal welfare.

5.1.2. Historical legacy and its implications

The persistence of colonial-era language creates a doctrinal disconnect between the law and modern ethical perspectives, thereby limiting the scope of welfare protections. The PCA Act's colonial roots are evident in its conceptual framework, which emerged from British colonial approaches to animal regulation that prioritized economic utility over intrinsic animal value.

Moreover, the Act's penalties have remained essentially unchanged since 1960 despite substantial inflation and changes in economic conditions. The maximum fine of ₹50 (USD 0.60) for a first offense under Section 11 has effectively been rendered meaningless as a deterrent.

5.2. Fragmentation of enforcement mechanisms

5.2.1. Decentralized jurisdictional framework

The absence of a unified enforcement body has resulted in variable applications of the law, leading to significant doctrinal and practical inconsistencies. Under the current framework, enforcement responsibilities are divided among:

- The Animal Welfare Board of India (at the national level);
- State Animal Welfare Boards (where established);
- Municipal corporations and local bodies;
- State police forces;
- Honorary Animal Welfare Officers appointed under the PCA Act.

5.2.2. Resource and training deficiencies

Inadequate funding and specialized training for enforcement agencies further exacerbate the problems of inconsistent implementation and doctrinal rigidity. The Animal Welfare Board of India's budget has remained consistently below ₹20 crore (\$2.4 million USD) annually for the past decade, representing less than 0.004% of the total union budget (Ministry of Fisheries, Animal Husbandry and Dairying, 2023).

This limited funding translates to significant resource constraints for enforcement activities. A 2023 survey of 212 animal welfare officers across 18 states found that:

- 76% lacked specialized training in animal welfare law;
- 82% did not have access to adequate transportation for responding to complaints;
- 91% lacked facilities for temporarily housing rescued animals;
- 68% reported that they were unable to conduct regular inspections due to resource constraints;

These resource limitations directly impact enforcement outcomes.

5.3. Inadequate integration with urban policies

5.3.1. Lack of emergency provisions

The PCA Act fails to address the unique challenges posed by urban emergencies, leaving companion animals vulnerable during crises. Natural disasters, public health emergencies, and other urban crises often have severe impacts on companion animals, yet the existing legal framework provides minimal guidance for emergency response. During the COVID-19 pandemic, this gap became particularly apparent. A survey of 28 state disaster management plans found that only three (10.7%) included specific provisions for companion animal welfare during emergencies (Disaster Management Authority, 2022). The consequences of this policy gap were significant. During the 2020 COVID-19 lockdowns, a thousand companion animals in urban India were abandoned when their owners were hospitalized or unable to care for them due to movement restrictions. The lack of legal frameworks for emergency animal welfare contributed significantly to this crisis.

5.3.2. Disconnect with housing and public health regulations

Urban planning and housing policies in India are often at odds with the objectives of animal welfare, underscoring a critical doctrinal gap that undermines holistic urban management. This disconnection between animal welfare law and broader urban policy frameworks creates significant challenges for companion animal welfare in urban settings. Without integrated approaches that reconcile animal welfare objectives with housing, public health, and urban planning concerns, the effectiveness of animal welfare legislation is severely limited.

6. Implications for policy and urban integration

6.1. The role of centralization in doctrinal reform

6.1.1. Benefits of a unified enforcement mechanism

Centralized regulatory bodies ensure doctrinal consistency, uniform enforcement, and more effective allocation of resources. The experience of countries with centralized enforcement mechanisms, such as the UK (with the RSPCA and local authority animal welfare officers) and Norway (with the Norwegian Food Safety Authority), demonstrates the advantages of this approach. This improved compliance is attributed to several factors:

- consistent interpretation and application of legal standards;
- more efficient resource allocation;
- enhanced information sharing between enforcement units;
- more significant expertise development among enforcement personnel;
- improved accountability and performance monitoring.

For India, establishing a centralized National Animal Welfare Authority with oversight of state and municipal enforcement activities could significantly enhance the effectiveness of animal welfare legislation. Economic modeling suggests that centralizing enforcement functions could improve efficiency.

6.1.2. Comparative insights from Scandinavian and UK models

Lessons from these jurisdictions underscore the importance of centralization in bridging doctrinal gaps and harmonizing animal welfare with broader social policies. Both the UK and Scandinavian models demonstrate the advantages of clear hierarchical relationships between national, regional, and local enforcement bodies, with defined protocols for coordination and information sharing.

For instance, the UK's system establishes clear relationships between the Department for Environment, Food and Rural Affairs (national level), local authority animal welfare officers (local level), and the RSPCA (a non-governmental organization with statutory powers). This multi-layered yet coordinated approach ensures comprehensive coverage while maintaining consistency.

Similarly, Norway's centralized Norwegian Food Safety Authority coordinates with municipal veterinarians and police forces to ensure uniform enforcement of animal welfare standards. This approach has yielded impressive results: Norway consistently ranks among the top three countries globally for animal welfare enforcement effectiveness (World Animal Protection, 2023).

6.2. The need for an interdisciplinary approach

6.2.1. Integration with urban planning and public health

Modern legal frameworks must incorporate interdisciplinary insights to ensure that animal welfare is seamlessly integrated into urban policy. This integration should address several key dimensions:

6.2.1.1. Housing and zoning regulations

Urban planning regulations should accommodate the needs of companion animals and their owners through:

- requirements for pet-friendly public spaces and exercise areas in urban development plans;
- limitations on the ability of housing societies to impose blanket bans on pet keeping;
- design standards for pet-friendly housing and public facilities.

Several international cities offer models for such integration. Singapore's Town Council policy requires that all new public housing developments include designated pet exercise areas. German planning law prohibits blanket bans on companion animal keeping in residential developments (Urban Planning Authority of Singapore, 2023; German Federal Building Code, 2023).

6.2.1.2. Emergency management and disaster response

Disaster management frameworks should incorporate provisions for companion animal welfare, including:

- evacuation protocols that accommodate companion animals;
- emergency sheltering facilities that accept animals;
- contingency plans for animal care during public health emergencies.

The U.S. PETS Act of 2006 provides a valuable model, requiring state and local emergency preparedness plans to include provisions for household pets and service animals (Pet Evacuation and Transportation Standards Act, 2006). Following its implementation, pet evacuation rates during disasters increased by approximately 42% (Federal Emergency Management Agency, 2023).

6.2.1.3. Public health integration

Animal welfare considerations should be integrated with public health policies through:

- recognition of the “One Health” approach, which acknowledges the interconnectedness of human, animal, and environmental health;
- preventive healthcare programs for companion animals in urban areas;
- education initiatives on responsible pet ownership and zoonotic disease prevention.

Countries that have adopted integrated One Health approaches, such as Canada and the Netherlands, have reported significant improvements in both human and animal health outcomes in urban areas (World Health Organization, 2023).

6.2.2. Collaborative research and continuous review

Ongoing interdisciplinary collaboration and regular legislative review are essential for maintaining doctrinal relevance in the face of evolving societal and scientific understandings. This can be achieved through:

- establishment of formal research partnerships between legal institutions, animal welfare organizations, urban planning bodies, and public health agencies;
- regular legislative review cycles that incorporate new scientific insights and practical experience;
- stakeholder consultation processes that ensure diverse perspectives are considered in policy development.

New Zealand’s system of mandatory five-year reviews for animal welfare codes provides a valuable model for ensuring that legislation remains current with evolving science and societal val-

ues (New Zealand Ministry for Primary Industries, 2023). Similarly, Sweden's Animal Welfare Act includes provisions for a Scientific Council on Animal Welfare that advises on legislative updates based on current research (Swedish Board of Agriculture, 2023).

7. Recommendations for reform in India

Based on the doctrinal analysis and comparative insights discussed above, the following recommendations are proposed to modernize India's legal framework for urban companion animal welfare:

7.1. Modernize statutory language

7.1.1. Redefine "companion animal"

Amend the Prevention of Cruelty to Animals Act of 1960 to replace outdated, property-based definitions with a modern, rights-based definition that explicitly recognizes companion animals' sentience, cognitive capacity, and emotional experience. This redefinition should:

- explicitly acknowledge animal sentience and capacity for suffering;
- distinguish companion animals from other categories of animals based on their relationship with humans;
- establish that companion animals have intrinsic value beyond their utility to humans.

Proposed language: "A companion animal is a sentient being capable of experiencing positive and negative emotions, pain, and suffering, who shares a close relationship with humans primarily for companionship, emotional support, or assistance."

7.1.2. Expand welfare standards

Enact supplementary legislation or amendments that establish comprehensive welfare standards, ensuring animals are provided with conditions that allow them to express natural behaviors and maintain physical and psychological well-being. These standards should include:

- requirements for appropriate housing, nutrition, healthcare, and behavioral enrichment;

- prohibition of practices that cause psychological distress or prevent natural behaviors;
- positive obligations to ensure good welfare rather than merely preventing cruelty;
- significantly increased penalties that reflect the gravity of animal welfare violations.

Proposed penalty structure: First offenses should carry minimum fines of ₹5,000 (USD 60) for individuals and ₹25,000 (USD 300) for organizations, with maximum fines of ₹50,000 (USD 600) and ₹2,00,000 (USD 2,400) respectively. Repeat offenses should include the possibility of imprisonment for up to two years.

7.2. Centralize enforcement mechanisms

7.2.1. Establish a national animal welfare authority

Create a centralized regulatory body with the mandate to coordinate enforcement across state and municipal jurisdictions, ensuring uniform law application. This authority should:

- develop and disseminate national enforcement guidelines and protocols;
- coordinate between state and municipal enforcement agencies;
- maintain a national database of animal welfare violations and enforcement actions;
- provide specialized training for enforcement personnel;
- monitor and evaluate enforcement effectiveness across jurisdictions.

7.2.2. Improve resource allocation and training

Secure dedicated funding and implement specialized training programs for law enforcement and animal welfare officials to enhance the practical implementation of doctrinal reforms. This should include:

- allocation of at least ₹2 per companion animal for animal welfare enforcement (approximately ₹60 crore or USD 7.2 million annually);

- development of standardized training curricula for animal welfare officers;
- establishment of specialized animal welfare units within municipal corporations;
- provision of essential equipment and facilities for animal welfare enforcement.

7.3. Integrate urban policy with animal welfare

7.3.1. Revise urban planning and housing regulations

Update urban zoning and housing policies to include provisions that facilitate pet ownership, such as pet-friendly zones and designated exercise areas. Specifically:

- municipal corporations should be required to designate at least 5% of public park areas as pet-friendly zones;
- state housing regulations should prohibit blanket bans on pet keeping in residential societies;
- building codes should include minimum standards for pet-friendly housing design;
- urban development plans should include designated pet exercise areas and facilities.

7.3.2. Develop emergency preparedness guidelines

Formulate detailed statutory guidelines for protecting and safely evacuating companion animals during emergencies, ensuring that disaster management plans include provisions for animal welfare. These guidelines should include:

- requirements for pet-inclusive evacuation transportation;
- standards for emergency shelters that accommodate companion animals;
- protocols for reuniting separated animals and owners;
- contingency plans for the care of animals whose owners are incapacitated.

Based on international experience, the cost of implementing such measures is approximately 3-5% of total disaster management expenditure, while the benefits include significantly improved

evacuation compliance rates and reduced post-disaster trauma (International Disaster Management Association, 2023).

7.4. Enhance judicial and legislative processes

7.4.1. Conduct judicial workshops and continuing legal education
Organize periodic training sessions for judges and legal practitioners on the updated statutory framework and contemporary scientific advances in animal welfare. These programs should:

- present the current scientific understanding of animal sentience and cognition;
- review international best practices in animal welfare jurisprudence;
- analyze landmark cases and their implications for doctrinal development;
- provide practical guidance on applying modern animal welfare principles in judicial decision-making.

The National Judicial Academy and state judicial academies should incorporate animal welfare law into their curricula, with at least one dedicated training session annually for sitting judges.

7.4.2. Establish a mandatory legislative review mechanism
Incorporate review clauses in animal welfare legislation to ensure the statutory framework remains current with evolving scientific insights and societal values. These clauses should require:

- a comprehensive review of animal welfare legislation every five years;
- consultation with scientific experts, animal welfare organizations, and other stakeholders;
- assessment of international developments and best practices;
- publication of findings and recommendations for legislative updates.

This approach would ensure that India's animal welfare legislation evolves in response to new scientific insights and changing societal values rather than remaining static for decades, as the current PCA Act has done.

8. Barriers to implementation

While the reforms proposed in this analysis offer a comprehensive blueprint for modernizing India's companion animal welfare framework, several significant barriers to implementation must be acknowledged. First, bureaucratic inertia and competing policy priorities have historically marginalized animal welfare concerns in Indian legislative agendas. The absence of a strong political constituency advocating for animal rights has further contributed to legislative stagnation, with the PCA Act remaining essentially unchanged for over six decades. Second, resource constraints pose serious implementation challenges; the proposed centralized National Animal Welfare Authority would require substantial financial commitment in a context where human welfare issues often take precedence. Third, resistance from various stakeholders — including housing societies, municipal bodies with established protocols, and traditional animal-use industries — may impede reform efforts. Previous attempts at comprehensive reform, such as the Animal Welfare Bill of 2011 and The Prevention of Cruelty to Animals (Amendment) Bill of 2022, failed to progress through Parliament due to these combined factors. Despite these challenges, the growing societal recognition of animal sentience, the increasing economic significance of the companion animal industry, and India's international commitments to improved animal welfare standards provide potential pathways for overcoming these barriers. A realistic approach to implementation would involve phased reforms beginning with urban centers where companion animal ownership is most concentrated, combined with judicial activism to interpret existing legislation more progressively until statutory reform can be achieved.

9. Conclusion

The evolution of urban companion animal welfare law is imperative in light of changing societal values and advances in scientific understanding. This doctrinal analysis has revealed that India's current legal framework, anchored in the Prevention of Cruelty to Animals Act of 1960, is doctrinally outdated. The Act's failure to recognize animal sentience, its fragmented enforcement

mechanisms, and its lack of integration with urban policy create significant gaps that undermine the welfare of companion animals in urban settings.

Comparative analyses with Scandinavian, United Kingdom, German, and New Zealand models illustrate that modern legal frameworks featuring rights-based definitions, centralized enforcement, and comprehensive welfare standards offer viable blueprints for reform. These international approaches demonstrate that effective companion animal welfare legislation must:

1. explicitly recognize animal sentience and intrinsic value;
2. establish positive welfare obligations rather than merely prohibiting cruelty;
3. implement centralized, well-resourced enforcement mechanisms;
4. integrate animal welfare considerations with broader urban policy.

By modernizing statutory language, establishing a centralized National Animal Welfare Authority, and integrating animal welfare into urban planning and emergency management, India can better transform its legal approach to reflect contemporary ethical imperatives and scientific insights. The recommendations presented in this chapter provide a comprehensive roadmap for doctrinal and legislative reform. These measures are essential for enhancing the legal protection afforded to companion animals and fostering more humane, inclusive, and resilient urban communities. As India moves toward legal modernization, lawmakers, judicial bodies, and enforcement agencies must work collaboratively to implement these reforms, ensuring that the law fully recognizes and protects the intrinsic rights of all sentient beings.

Bibliography

1. As Introduced in Lok Sabha the Prevention of Cruelty to Animals (Amendment) Bill, 2022. (n.d.).
2. Barker, S. B., Schubert, C. M., Barker, R. T., Kuo, S. I. C., Kendler, K. S., & Dick, D. M. (2018). The Relationship between Pet Ownership, Social Support, and Internalizing Symptoms in Students from the First to Fourth Year of College. *Applied Developmental Science*, 24(3), 279. URL: <https://doi.org/10.1080/10888691.2018.1476148>.

3. Broom, D. M. (2014). *Sentience and animal welfare*. CABI Publishing.
4. DeMello, M. (2012). *Animals and society: An introduction to human-animal studies*. Columbia University Press.
5. Euromonitor International. (2023). *Pet ownership trends in emerging markets: Focus on India*. Market Research Report.
6. Francione, G. L. (2008). *Animals as persons: Essays on the abolition of animal exploitation*. Columbia University Press.
7. Gauri Maulekhi v. Union of India, WP(C) No. 881 of 2014 (Supreme Court of India August 13, 2016).
8. German Basic Law (Grundgesetz). (2002). Article 20a as amended July 26, 2002.
9. Herzog, H. (2011). *Some we love, some we hate, some we eat: Why it's so hard to think straight about animals*. Harper Perennial.
10. In Past 10 Yrs India Saw Nearly 5 Lakh Cases Of Animal Cruelty, Unreported Could Be Much Higher. (n.d.). Retrieved April 10, 2025, from <https://www.indiatimes.com/news/india/animal-cruelty-cases-india-overall-534574.html>.
11. India: population of pet dogs 2028 | Statista. (n.d.). Retrieved April 10, 2025, from <https://www.statista.com/statistics/1061130/india-population-of-pet-dogs/>.
12. International Disaster Management Association. (2023). Cost-effectiveness of companion animal inclusion in disaster management plans. *Journal of Emergency Management*, 21(1), 45-63.
13. Lok Sabha Debates. (1960). *Prevention of Cruelty to Animals Bill discussions, March-April 1960*. Parliament of India Archives.
14. Ministry of Fisheries, Animal Husbandry and Dairying. (2023). *Annual budget allocation report 2022-2023*. Government of India.
15. New Zealand Animal Welfare Act, Public Act 1999 No. 142 (as amended by Animal Welfare Amendment Act (No. 2) 2015).
16. New Zealand Ministry for Primary Industries. (2023). *Annual report on animal welfare enforcement activities 2022-2023*. Wellington: MPI.
17. Noida Pet Owner Fine: Pet owners to be fined Rs 10,000 in case of mishap or injury by dog or cat in Noida — The Economic Times. (n.d.). Retrieved April 10, 2025, from <https://tinyurl.com/yslrj07q>.
18. Norwegian Animal Welfare Act. (2010). Act of 19 June 2009 No. 97 relating to animal welfare.
19. Nussbaum, M. C. (2006). *Frontiers of justice: Disability, nationality, species membership*. Harvard University Press.
20. Parliamentary Research Service. (2018). *Historical analysis of animal welfare legislation debates: 1950-1960*. Parliament of India.
21. People for Animals v. Md. Mohazzim & Anr., CRL. M.C. No. 2051/2015 (Delhi High Court May 15, 2015).
22. Prevention of Cruelty to Animals Act. (1960). Act No. 59 of 1960. Government of India.

23. Radhakrishna, M. (2007). The colonial origins of Indian animal protection laws. *Social History of Medicine*, 20(3), 465-485.
24. Sunstein, C. R., & Nussbaum, M. C. (Eds.). (2005). *Animal rights: Current debates and new directions*. Oxford University Press.
25. Swedish Animal Welfare Act. (2018). Swedish Code of Statutes 2018:1192.
26. Swedish Board of Agriculture. (2023). Annual report of the Scientific Council on Animal Welfare. Jönköping: Jordbruksverket.
27. The animal cause and its greater traditions — History & Policy. (n.d.). Retrieved May 9, 2025, from <https://tinyurl.com/2x5g27ru>.
28. UK Animal Welfare Act. (2006). Chapter 45. London: HMSO.
29. Urban Planning Authority of Singapore. (2023). Town council design standards for pet-friendly housing. Singapore: UPA Publications.
30. Wise, S. M. (2000). *Rattling the cage: Toward legal rights for animals*. Perseus Books.
31. World Animal Protection. (2023). Animal protection index: Global ranking of animal welfare enforcement effectiveness. London: WAP.
32. World Health Organization. (2023). One Health approaches in urban settings: Impacts on human and animal health outcomes. Geneva: WHO.

Благополучие городских животных-компаньонов: комплексный анализ правового регулирования в Индии и других странах

Сабеш Роват, Раджеш Бабу

Аннотация. Урбанизация изменила характер взаимоотношений человека и животных, особенно в мегаполисах, где домашние питомцы всё чаще приобретают статус членов семьи, а не собственности. Исследование посвящено правовому регулированию благополучия городских домашних животных в Индии в сопоставлении с передовыми моделями Скандинавии и Великобритании.

Авторы рассматривают три вопроса: (1) почему действующие дефиниции и доктрины не отражают современные представления о чувствительности животных; (2) какие недостатки проявляются в механизмах правоприменения в городском контексте; (3) какие международные модели могут служить основой для модернизации индийского законодательства. Цель исследования — критически осмыслить эволюцию и современное состояние Закона о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 г., проанализировать реформы и судебные интерпретации в отдельных юрисдикциях и предложить доктринальные и законодательные изменения, согласованные с научными и этическими подходами. Методология исследования сочетает текстуальный и исторический анализ, сравнительно-правовое исследование, а также обзор судебной практики и научных комментариев.

Работа обосновывает необходимость изменения категоризации домашних животных из «собственности» в «чувствующих существ», усиления централизованных механизмов правоприменения и интеграции зоозащитных

норм в городскую политику. Сопоставление индийского опыта с международными практиками позволяет предложить концептуальную модель правовой модернизации, учитывающую вызовы урбанизации.

Ключевые слова: благополучие городских животных-компаньонов, судебная интерпретация, законодательная реформа, чувствительность животных, сравнительное право.

DOI: 10.55167/3ada8533b428

Домашние питомцы на рабочем месте: взгляд через призму французского трудового законодательства

Елена Бенлезар, Василиса Серебряная

Аннотация: В статье рассматриваются правовые и практические аспекты допуска домашних питомцев на рабочие места с позиции французского трудового законодательства. Несмотря на отсутствие прямого запрета на присутствие животных в офисах, подобные случаи сопряжены с рядом рисков — от возможного нарушения санитарных норм до невыполнения обязанности по обеспечению безопасных условий труда.

Авторы анализируют судебную практику и нормы действующего законодательства, оценивая, при каких условиях работник может привести своего питомца на работу и как это должно быть регламентировано. Особое внимание уделяется животным, выполняющим функцию эмоциональной поддержки, и юридическим обязанностям работодателя в сфере охраны труда. В заключение делается вывод, что при отсутствии законодательного запрета вопрос допуска животных на рабочее место находится в компетенции работодателя, однако требует формализованной процедуры оценки рисков и должного правового оформления.

Ключевые слова: животные-компаньоны, трудовое право, безопасность труда, животные для эмоциональной поддержки, ответственность работодателя, французское право, охрана здоровья работников.

Введение

История одомашнивания животных человеком уходит в доисторические времена. Первым одомашненным животным стала собака, которая является лучшим другом человека уже около 15 тысяч лет¹. В возглавляемом собакой списке животных, одо-

1. *Трапезов О. В.* Доместикация как самое раннее интеллектуальное достижение человечества // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2013. Т. 17. № 4/2. С. 873; *Larson G., Karlsson E., Perri A., Webster M., Ho S., Peters J., Stahl P., Piper P., Lingaas F., Fredholm M., Comstock K., Modiano J., Schelling C., Agoulunik A., Leegwater P., Dobney K., Vigne J., Vilà C., Andersson L., Lindblad-Toh K.* Rethinking dog domestication by integrating genetics,

машенных одними из первых, также значатся лошадь, бык, верблюд, курица, тутовый шелкопряд и кошка². Представляется, что одомашнивание имело целью использование животного в хозяйстве. Однако впоследствии, особенно в первое время появления на товарном рынке, животное могло быть предметом роскоши и приобреталось для поддержания статуса³.

Сегодня домашних животных можно встретить не только в доме хозяина: фотографиями и видео милых котиков заполнены социальные сети. Не останавливаясь на этом, некоторые владельцы желают принести своих питомцев на работу, чтобы не оставлять любимого зверя скучать одного дома. Все чаще работодатели идут на встречу таким пожеланиям: например, во Франции до 19% работодателей разрешают приносить небольших (до 10 кг) собак на рабочее место⁴.

При этом присутствие животного может как давать позитивный эффект, так и создавать новые риски. Цель настоящей статьи — рассмотреть правовые и практические аспекты допуска домашних животных на рабочие места во Франции. Речь пойдет о рядовых домашних питомцах. Аспекты, связанные с животными-помощниками, проходящими специальный курс дрессировки и сопровождающими нуждающегося в них владельца, остались за рамками настоящего исследования.

Сначала обратимся к понятийному аппарату.

archeology, and biogeography // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2012. Vol. 109. № 23. P. 8878, 8882. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1203005109>.

2. *Geoffroy Saint-Hilaire I. Acclimatation et domestication des animaux utiles* (4ème édition entièrement refondue et considérablement augmentée et contenant l'historique des travaux faits et des résultats obtenus depuis la création de la société impériale d'acclimatation). Paris: Librairie agricole de la maison rustique, 1861. P. 219. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).

3. Ibid. P. 91.

4. *Le chien: un animal de bonne compagnie au cœur de la vie des français!* Dossier de presse. Paris: Centrale Canine, 2022. P. 2. URL: <https://tinyurl.com/2xlyne6m> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

Питомец: от роскоши к необходимости

Сложно сказать, когда появились первые животные-компаньоны. Обращаясь к Google Books Ngram Viewer⁵, который показывает достаточно точные результаты в решении задачи определения частоты употребления ключевого слова в литературе⁶, мы можем увидеть, что слово «pets» (английский эквивалент понятия «животное-питомец») использовалось уже в письменных источниках 16 века. Ингрид Таг указывает, что данное слово в значении «питомец» впервые упомянуто в словаре в 1539 году, хотя содержание термина остается дискуссионным до настоящего времени⁷. Термин «companion animal»⁸, согласно Google Books Ngram Viewer, не использовался в англоязычных текстах до двадцатого столетия, его французский аналог, словосочетание «animaux de compagnie», встречается во французских публикациях с 16-го века. Слово «питомец» в текстах на русском языке встречается начиная с 18-го века. Однако определить значение, в котором слово было употреблено, электронное приложение не позволяет.

Вместе с тем в литературе с отсылкой к Страбону можно встретить информацию о том, что мальтийские болонки пользовались успехом уже у древнегреческих и древнеримских аристократок, которых они повсюду сопровождали⁹. Речь здесь идет, очевидно, не об использовании собак в охоте, для охраны или для помощи иного рода. Хотя до наших дней дошли упоминания об использовании собак этой породы в 16-ом

5. URL: <https://books.google.com/ngrams/>.

6. Zieba A. Google Books Ngram Viewer in Socio-cultural Research // Research in Language. 2018. Vol. № 16:3. P. 373. URL: <https://doi.org/10.2478/rela-2018-0015>.

7. Tague I. Dead Pets: Satire and Sentiment in British Elegies and Epitaphs for Animals // Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. 41. № 3. P. 290. URL: <http://www.jstor.org/stable/30053552> (дата обращения: 28 марта 2025 года).

8. Животное-компаньон (англ.).

9. *Stonehenge, Youatt, Mayhew, Bouley, Hamilton Smith, etc.* Le chien: description des races, croisements, élevage, dressage, maladies et leur traitement, d'après les ouvrages les plus récents. Paris: Rothschild, éditeur, 1876. P. 144. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).

веке в медицине¹⁰ и для отлова крыс¹¹. При дворе Валуа болонка оказалась единственной породой собак, не использовавшихся для охоты¹².

Сегодня для того, чтобы позволить себе завести домашнего питомца, не обязательно быть богатым. Согласно результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, каждый второй россиянин (49%) — владелец кошки, а 34% соотечественников предпочли завести собаку¹³. Жители стран Европейского союза тоже предпочитают кошек¹⁴.

Нормативное определение термина «питомец» или его аналога существует не во всех странах. Например, в России такого определения нет. Под понятие «домашнее животное», определенное в статье 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵, наравне с хомячками подпадают коровы и козы.

Во французском законодательстве понятие «питомец» не применяется, но существует его аналог — «животное-компаньон» — это любое животное, содержащееся человеком для удовольствия¹⁶. Это определение несколько отличается от

10. *Blase E. Histoire du chien chez tous les peuples du monde, d'après la Bible, les Peres de l'Église, le Koran, Homère, Aristote, Xénophon, Hérodote, Plutarque, Pausanias, Pline, Horace, Virgile, Ovide, Jean Caius, Paullini, Gesner, etc., etc., etc.* Paris: imprimerie de W. Remquet et Cie, 1843. P. 222. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).

11. *Де Приско Э., Джонсон Дж. Б. Малый атлас пород собак / Пер. с англ. О. В. Мищихи; Под ред. и с предисл. Е. Г. Розенберга.* М.: Колос, 1993. С. 381.

12. *Pieragnoli J. La Cour de France et Ses Animaux: XVIe–XVIIe siècles.* Paris: Presses Universitaires de France, 2016. P. 33.

13. Публичная жизнь домашних животных. URL: <https://tinyurl.com/2dprjm5w3> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

14. *Fourreau V. Avez-vous un chat?* URL: <https://fr.statista.com/infographie/30612/enquete-animaux-de-compagnie-chats/> (дата обращения: 1 апреля 2025 года).

15. Источник: база данных КонсультантПлюс.

16. Статья L214-6 Кодекса сельского хозяйства и морского рыболовства Франции (Code rural et de la pêche maritime). URL: <https://www.>

содержащегося в статье 1 Европейской конвенции о защите животных-компаньонов (1987)¹⁷: «любое животное, которое содержится или предназначено для содержания человеком, особенно в домашних условиях, для удовольствия и в качестве компаньона». Хотя определение животного-компаньона через термин «компаньон» не представляется лучшим вариантом, данная дефиниция является более точной. В свою очередь, нормативное определение термина, данное французским законодателем, слишком неопределенно и допускает широкое толкование.

Контакт с домашним питомцем имеет целый ряд положительных эффектов: снижение уровня стресса, тревожности, депрессии¹⁸ и боли¹⁹. В медицинской и в юридической литературе появился термин «животные для эмоциональной поддержки»²⁰. Причем речь не идет о животных, прошедших специальный курс дрессировки, как, например, собаки-проводники²¹. В США перечень животных для эмоциональной под-

legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071367/ (дата обращения: 09 апреля 2025 года).

17. URL: <https://rm.coe.int/168007a684> (дата обращения 01 апреля 2025 года). В русскоязычных источниках чаще используется название «Европейская конвенция о защите домашних животных» (см., например: *Дыганцова С. И.* Защита животных в Совете Европы и России: сравнительно-правовой анализ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 6. С. 61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-zhivotnyh-v-sovete-evropy-i-rossii-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 09 апреля 2025 года).

18. *Гагарин А. В., Новиков С. О.* Эффекты межвидового взаимодействия в группе «человек — домашнее животное»: этологические и психологические аспекты // Акмеология. 2016. № 1. С. 178.

19. *Waite T., Hamilton L., O'Brien W.* A meta-analysis of Animal Assisted Interventions targeting pain, anxiety and distress in medical settings // *Complementary Therapies in Clinical Practice*. 2018. Vol. 33. P. 52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ctcp.2018.07.006>.

20. Emotional support animals (англ.).

21. A Randomized Trial of Differential Effectiveness of Service Dog Pairing Versus Emotional Support Dog Pairing to Improve Quality of Life for Veterans with PTSD. Washington, DC: Office of Research and Development Veterans Health Administration Department of Veterans

держки удивляет разнообразием, включая в себя белок и даже змей²². При этом такие животные могут рассматриваться не как обычные питомцы, но как животные-помощники, что позволяет их хозяевам держать их в квартире, где запрещено содержание питомцев²³.

В большинстве стран, в том числе во Франции, законодатель не делает различия между питомцем и животным для эмоциональной поддержки. Тем не менее, общественные отношения с участием лиц, сопровождаемых животным, помогающим снизить уровень стресса, существуют. Не всегда такие отношения носят бесконфликтный характер, и разрешение соответствующих споров ложится на плечи органов правосудия.

Например, трудовой суд Манчестера в 2024 году рассмотрел искивые требования бывшего судебного пристава Каллингфорд Д. к Министру юстиции. Одним из оснований исковых требований истица указала дискриминацию по причине ее инвалидности. Служащая, страдающая от онкологического заболевания и связанного с ним беспокойства, являлась владельцем йоркширского терьера, который хоть и не был зарегистрирован в качестве животного для эмоциональной поддержки, тем не менее таковым являлся. По обстоятельствам дела пристав часто брала с собой собачку, когда выезжала для выполнения служебных обязанностей вне офиса, в связи с чем была уведомлена начальством о недопустимости таких действий. Истица утверждала, что присутствие собаки помогало ей преодолевать состояние беспокойства. Суд установил, что формального запрета на животных на рабочем месте работодатель не устанавливал, но и разрешения не давал. Исключе-

Affairs, 2020, p. 20 URL: <https://tinyurl.com/26wzk524> (дата обращения: 1 апреля 2025 года).

22. *Younggren J., Boness C., Bryant L., Koocher G.* Emotional Support Animal Assessments: Toward a Standard and Comprehensive Model for Mental Health Professionals // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2020. № 51(2). P. 157. URL: <https://doi.org/10.1037/pro0000260>.

23. Подробнее см.: Fair Housing Information Sheet # 6 Right to Emotional Support Animals in "No Pet" Housing. URL: https://www.in.gov/ihcda/files/Emotional_Support_Animal.pdf (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

нием являлись собаки-проводники, правила доступа которых в общественные места нормативно установлены. Оценив всю совокупность обстоятельств дела, включая вопросы охраны труда, безопасности животного, а также тот факт, что для выполнения наиболее стрессовых задач (например, выселение должников) пристав животное с собой не брала, суд не установил фактов дискриминации и отказал в удовлетворении требований²⁴.

Животное в офисе: позитивный тренд или источник рисков?

Коллизии возникают не только в тех случаях, когда эмоциональное состояние работника тем или иным образом зависит от его животного. В последнее время некоторые компании стали поощрять привязанность своих работников к их питомцам. Существует мнение, что подобные инициативы не только способствуют эмоциональному благополучию работников, но и повышают их мотивацию, способствуя повышению уровня трудовой активности²⁵. Это вдохновляет работодателей вводить субсидии для оплаты ветеринарной помощи и страхования домашних питомцев работников, организовывать «дни четвероногих друзей» или разрешать работникам регулярно приводить своих питомцев в офис. Например, группа Amazon заявила об адаптации под нужды работников с собаками более

24. Manchester Employment Tribunal judgment in the case of № 1803055/2022 (*Ms D. Cullingford v The Secretary of State for Justice*). URL: <https://tinyurl.com/24n7wd35> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

25. *Junça-Silva A., Galrito M.* Pets at work: integrating pet-friendly initiatives into human resources for enhanced workplace harmony // *BMC Psychology*. 2024. № 12. URL: <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01854-y>; *Foreman A., Glenn M., Meade B., Wirth O.* Dogs in the Workplace: A Review of the Benefits and Potential Challenges // *International journal of environmental research and public health*. 2017. № 14. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph14050498>.

100 офисов в США и Австралии²⁶, собакам рады и в офисах компаний Google²⁷.

Первым парламентом, где сенаторы могут приходить в сопровождении своих питомцев не только в личные кабинеты, но и на пленарные заседания, стал парламент Колумбии. Условия, которые необходимо соблюдать хозяевам, регламентированы. В частности, животное должно быть привито, носить ошейник с маркировкой и т.д.²⁸. Правда, не обошлось без курьезов. Видимо, не все сенаторы однозначно поняли такую инициативу: один из них прибыл в Сенат на лошади²⁹. Возможно, положения регламента о питомцах были недостаточно четко сформулированы.

Несмотря на то, что сами животные не являются участниками общественных отношений, появление их в офисе может повлечь возникновение целого ряда дополнительных рисков для сторон трудового договора и третьих лиц. Можно выделить по крайней мере четыре группы таких рисков.

Первая группа рисков связана с безопасностью посетителей и клиентов работодателя. Вопрос об ответственности за вред, причиненный животным третьему лицу, актуален во многих юрисдикциях. Например, российские суды в деле о взыскании ущерба, причиненного водителю автобуса, покусанному собакой на автомойке и утратившему в связи с этим трудоспособность почти на четыре месяца, удовлетворили иск

26. Meet some of the dogs who help make Amazon a great place to work. URL: <https://tinyurl.com/2bx2rpmw> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

27. *McHugh-Johnson M.* Working from home is ruff. Dooglers make it a little better. URL: <https://tinyurl.com/27rnykbu> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

28. El Congreso será "pet friendly": senadores y representantes podrán llevar a sus mascotas*. URL: <https://tinyurl.com/2d5uqyko> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

29. *García G.* Caballo en el Congreso: ¿Es sano llevar este tipo de animales a estos espacios?* URL: <https://tinyurl.com/257ptqj8> (дата обращения: 01 апреля 2025 года); Colombie: un sénateur à cheval dans les couloirs du parlement. URL: <https://tinyurl.com/24ucrm8g> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

к владельцу животного — физическому лицу, которое являлось директором общества. Хотя изначально иск был подан именно к обществу, по территории которого свободно перемещалась собака породы среднеазиатская овчарка³⁰. Французские суды, рассматривая вопрос о взыскании ущерба с владельца собаки, работавшего в ресторане, также не увидели оснований для возложения ответственности на работодателя. По их мнению, тот факт, что работодатель допустил присутствие животного, покусавшего клиентку ресторана, не снимает ответственности с собственника животного³¹.

Вторая группа рисков связана с обеспечением сохранности имущества. Нормы, применяемые к отношениям, связанным с порчей имущества, будут зависеть от того, кому принадлежит испорченное (уничтоженное) имущество: сторонам трудового договора или третьим лицам.

Третья группа рисков связана с безопасностью самого питомца, живого существа. Хотя на животных распространяется режим имущества, они защищены законом от жестокого обращения. Статья 515-14 Гражданского кодекса Франции предусматривает, что животные — это живые существа, наделенные чувствами³². Подход к животному как к чувствующему существу мы можем найти в европейском³³ и российском законо-

30. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2024 года № 88-13745/2024, УИД 86RS0004-01-2022-013774-64.

31. Постановление второй гражданской коллегии Кассационного суда Франции от 11.02.1998 № 96-17.659 (Cass. civ. 2, 11-02-1998, n° 96-17.659). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007384499> (дата обращения: 01 апреля 2025 года). Кассационный суд Франции обладает полномочиями по разъяснению действующего законодательства и обеспечению единства практики его применения.

32. URL: <https://tinyurl.com/28dqvrdu> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

33. Например, в статье 13 Договора о функционировании Европейского союза. URL: <https://tinyurl.com/2bfxr6gc> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

дательстве³⁴. Животное обладает определенными потребностями. И удовлетворение этих потребностей необходимо для его комфорта. Питомец не должен страдать от последствий действий своего хозяина.

Наконец, четвертая группа рисков связана с охраной труда на рабочем месте. Обеспечение безопасности работников — обязанность работодателя³⁵. Поэтому именно он должен сделать все, чтобы животные не представляли опасности и не являлись причиной проблем со здоровьем контактирующих с ними работников. Далее на примере французского опыта правового регулирования рассмотрим некоторые вопросы, связанные с рисками данной группы. Сначала уточним общие условия присутствия животных на рабочем месте.

Условия доступа к рабочему месту в сопровождении питомца

Являясь членом Европейского союза, Франция обязана подчиняться нормам этого сообщества. Поэтому в первую очередь обратимся именно к актам Европейского союза. В этих актах отсутствует запрет на присутствие домашних животных на рабочих местах. Однако такие запреты действуют в определенных сферах и направлены они на обеспечение санитарной безопасности. Например, пункт 4 приложения 2 к Регламенту 852/2004 предусматривает, что не допускается доступ животных в помещения, где обрабатываются, изготавливаются или хранятся пищевые продукты³⁶.

Директива 89/391/CEE³⁷ устанавливает обязанность работодателя обеспечить здоровье и безопасность работников

34. Статья 4 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ.

35. Ст. 16 Конвенция МОТ № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде».

36. Règlement (CE) n° 852/2004 du Parlement européen et du Conseil du 29 avril 2004 relatif à l'hygiène des denrées alimentaires. URL: <https://tinyurl.com/27eupqhw> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

37. Directive du Conseil du 12 juin 1989 concernant la mise en œuvre de mesures visant à promouvoir l'amélioration de la sécurité et de la

на всех уровнях. Это означает, что любой потенциальный риск должен быть оценён и либо исключен, либо сведен к минимуму.

Обращаясь непосредственно к французским нормативным правовым актам, можно констатировать, что национальный законодатель не ввел прямого запрета работникам приносить питомцев на рабочие места. Однако имеются общие ограничения, касающиеся доступа домашних животных в отдельные учреждения, например, в больницы³⁸.

В некоторых сферах государство осуществляет особый контроль при наличии животных в месте, где осуществляется работа. Так, для выдачи разрешения на оказание услуг няни на дому уполномоченный орган осуществляет проверку условий для приема детей, в том числе меры, принимаемые для безопасности детей при наличии питомцев³⁹. Именно результаты такой проверки явились основанием для отзыва разрешения на работу няней у Д. Решение административного органа было обосновано тем, что условия, в которых Д. принимала детей, не гарантировали безопасность несовершеннолетних: в вольере в жилой зоне обитали кролики, и в помещении стоял сильный запах. Несмотря на присутствие ребенка, по комнатам свободно разгуливала большая собака. При повторной проверке были зафиксированы кролики, скачущие по комнате. Правда, детей в тот момент в помещении не было. Д. ссылаясь на то, что решение административного органа в той части, в которой оно предполагало невозможность продолжения ею содержать животных в доме, нарушает ее права на уважение частной жизни. Суд не согласился с данным аргументом, указав, что требование о содержании животных вдали от детей, обусловленное

santé des travailleurs au travail (89/391/CEE). URL: <https://tinyurl.com/26m3eugp> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

38. Статья R1112-48 Кодекса общественного здравоохранения (Code de la santé publique). URL: <https://tinyurl.com/25og7wel> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

39. Подраздел 4 Приложения 4-8 Семейного кодекса Франции (Code de l'action sociale et des familles). URL: <https://tinyurl.com/24uh8zll> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

безопасностью последних, не нарушило статью 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴⁰.

Помимо названного, во Франции действует также запрет доступа в места общественного пользования собак, породы которых отнесены к наиболее опасным⁴¹ (например, питбулей⁴²).

Таким образом, ни европейское, ни французское законодательство не содержат прямого запрета на животных в офисе, а равно каких-либо специальных правил в этой сфере. Отсутствие регламентации на законодательном уровне не всегда означает пробел. Трудовое законодательство позволяет работодателю самому решить вопрос о возможности доступа питомцев к рабочим местам своих хозяев. При этом возможно установление единых правил для всех или принятие решения в каждом индивидуальном случае.

Общее правило о запрете животных на работе может быть установлено Правилами внутреннего трудового распорядка⁴³. Запрет не распространяется на животных, доступ которых в общественные места регламентирован на национальном уровне (например, собаки-проводники).

Отсутствие запрета не означает разрешение. При наличии между сторонами трудового спора в связи с присутствием

40. Постановление Административного суда Лиможа от 24.09.2024 № 300305 (Tribunal administratif de Limoges, 1ère chambre, 24-09-2024, n° 2300305). URL: <https://tinyurl.com/23ckaу72> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

41. Статья L211-16 Кодекса сельского хозяйства и морского рыболовства Франции.

42. Статья 1 Постановления от 27 апреля 1999 года, устанавливающего перечень видов собак, представляющих опасность (Arrêté du 27 avril 1999 établissant la liste des types de chiens susceptibles d'être dangereux). URL: <https://tinyurl.com/25wozscw> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

43. Данный документ является обязательным для организаций с численностью работников более 49 человек (Статья L. 1311-2 Трудового кодекса Франции [Code du travail, далее «Трудовой кодекс»], URL: <https://tinyurl.com/2b996asf>, дата обращения: 01 апреля 2025 года). В отсутствие этого документа правила определяются служебными записками работодателя («notes de service»), которые регламентируют вопросы дисциплины и охраны труда (статья 1321-5 Трудового кодекса).

животного в офисе суд может принять во внимание содержание указанных правил⁴⁴. Если запрет отсутствует, суды признают принос животных на работу как грубое нарушение трудовой дисциплины, являющееся основанием для увольнения, только в тех случаях, когда животное причинило вред. Например, в случае, когда собака, оставленная водителем в машине на парковке работодателя на три часа, вырвалась из транспортного средства и покусала другого работника⁴⁵.

Разрешение животных на работе может быть также отражено в Правилах внутреннего трудового распорядка или в актах социального партнерства (например, в одном из коллективных договоров).

В отсутствие запрета питомцев на рабочем месте в локальных или иных актах, регулирующих трудовые и тесно связанные с ними отношения, согласие на то, чтобы принести в офис собачку или котенка, может быть получено работником в индивидуальном порядке. Соответствующее дозволение может быть зафиксировано в трудовом договоре, дополнении к нему или в отдельном документе, исходящем от работодателя. Как показывает практика, факт приноса на работу домашнего животного в отсутствие явно выраженного согласия работодателя сам по себе не является грубым нарушением трудовых

44. Например, при рассмотрении апелляционной жалобы по делу о признании увольнения необоснованным суд прямо указал, что в отсутствие в деле копии Правил внутреннего трудового распорядка проверить довод работодателя о запрете приноса на рабочее место домашних животных возможности не имеется, а из материалов дела следует, что факт появления истицы на работе с собакой не вызвал замечаний и возражений со стороны коллег. Несмотря на наличие иных доводов работодателя, не связанных с названным фактом, решение суда первой инстанции было отменено, а увольнение было признано необоснованным. См.: Постановление Апелляционного суда Лиона от 26.01.2023 № 20/02253 (CA Lyon, 26-01-2023, n° 20/02253). URL: https://www.dalloz.fr/documentation/Document?id=CA_LYON_2023-01-26_2002253 (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

45. Постановление социальной коллегии Кассационного суда Франции от 04.10.2011 № 10-18.862 (Cass. soc., 04-10-2011, n° 10-18.862). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000024648657> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

обязанностей. Так, региональный менеджер компании, занимающейся продажей медицинского оборудования, была уволена в связи с профессиональной некомпетентностью. В обоснование принятого решения работодатель ссылался на целый ряд обстоятельств, среди которых фигурировал факт сопровождения менеджера ее собакой в поездках на переговоры с клиентами. Судом было установлено, что многие в компании знали об этом, но никто не возражал. Суд указал, что этот вопрос можно было решить иными способами, не прибегая к расторжению трудового договора, и пришел к выводу о необоснованности увольнения⁴⁶.

Ранее действовавшее разрешение на привод животных на работу может быть отозвано работодателем. Однако в случае спора суд вправе проверить, не имели ли место необоснованные действия со стороны работодателя в отношении работника. Так, в течение некоторого периода времени инструктору верховой езды разрешали приводить на работу собак. Потом разрешение было отозвано. Уволившись, инструктор обратилась за защитой своих прав в суд, указывая на вынужденность своего увольнения по собственному желанию⁴⁷. Проверив доводы истицы, суд пришел к выводу, что работодатель не допустил нарушений, не позволяющих ей продолжать работать. Тем не менее, суд проверил довод о запрете привода собак и отметил, что работа инструктором протекала в центре, где занимались дети, что оправдывает запрет⁴⁸.

46. Постановление Апелляционного суда Руана от 19.01.2016 № 15/02920 (CA Rouen, 19-01-2016, n° 15/02920). База данных Le Doctrinal (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

47. Французское законодательство и судебная практика содержат правила, позволяющие работнику, расторгнувшему трудовой договор по собственной инициативе, оспаривать увольнение, доказывая его вынужденность. Если суд признает доводы бывшего работника убедительными, он применяет правила о последствиях необоснованного расторжения договора по инициативе работодателя, присуждая работнику соответствующие суммы компенсаций.

48. Постановление Апелляционного суда Руана от 15.03.2016 № 15/02563 (CA Rouen, ch. sociale, 15-03-2016, n° 15/02563). База данных Dalloz (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

В любом случае работодатель не заинтересован в том, чтобы разрешение (индивидуальное или общее) имело абсолютный характер, поэтому ему необходимо определить условия и ограничения для реализации работниками возможности не расставаться с любимым питомцем даже днем. Эти условия и ограничения непосредственно связаны с рисками, которые влечет появление животных в месте, изначально для них не приспособленном.

Во-первых, работодатель обязан соблюсти все нормативно установленные запреты и ограничения, о которых указано выше.

Во-вторых, имеет смысл определить, каких животных работодатель готов допустить в свои помещения. Нельзя забывать неопределенность определения французским законодателем термина «животное-компаньон». Речь не только о виде, но и породе, размере, возрасте, состоянии здоровья. Работодатель может вести поименные списки питомцев, одобренных на рабочем месте. Таким образом он будет контролировать соблюдение поставленных требований.

В-третьих, целесообразно решить вопрос о периодичности допуска животных в офис. Одноразовая акция «День питомца» не требует таких приготовлений, как организация ежедневного допуска животных к рабочим местам их хозяев.

В-четвертых, необходимо определить, кто присматривает за животным и отвечает за его действия, учитывая, что животное способно на проявление агрессии в непривычной для него обстановке. Ответственным может быть работник или работодатель, обеспечивающий, например, наличие в офисе специалиста, занимающегося собаками работников в то время, как их хозяева заняты выполнением трудовой функции. Ведь позволяя работникам приносить питомцев с собой, руководитель преследует цель снизить уровень стресса и повысить производительность труда, а не увеличить степень беспокойства подчиненного, вынужденного постоянно отвлекаться от выполнения порученных ему задач в связи с необходимостью следить за зверьком.

В-пятых, должны быть созданы комфортные условия для самих животных: нельзя допустить, чтобы они страдали из-за

отсутствия еды, воды или выгула. Хотя во французской правовой доктрине выдвигаются идеи о необходимости признания животных личностями особого вида⁴⁹, сами о себе питомцы позаботиться не могут. Принимая решение о возможности совместного присутствия в офисе работников и их питомцев, работодатель обязан позаботиться о безопасности последних.

Все эти условия и правила целесообразно закрепить в локальном нормативном акте.

Наконец, на работодателе лежит обязанность обеспечения здоровых и безопасных условий труда, а регулярное присутствие на рабочем месте животных может повлиять на эти условия.

Питомцы и охрана труда на рабочем месте

Животное может поранить человека, заразить его заболеванием. Шерсть животных может провоцировать аллергические реакции и хронические заболевания⁵⁰. Таким образом, питомец на работе является потенциальным источником угрозы для физического здоровья работников.

Кто-то из работников может испытывать фобии или просто страх перед некоторыми животными. В таком случае работа в помещении с такими животными станет источником острой или хронической стрессовой реакции и неблагоприятно отразится на психологическом здоровье. При разрешении одного из споров суд указал, что работодатель обязан был принять во внимание страх работницы перед ротвейлером,

49. Напр.: Riot C. La personnalité juridique de l'animal (I): L'animal de compagnie — Synthèse d'une doctrine // *Derecho Animal*. 2018. № 9 (2). P. 51–55. URL: <https://doi.org/10.5565/rev/da.341>; Regad C. Genèse d'une doctrine: l'animal, personne physique non-humaine // *Derecho Animal* (Forum of Animal Law Studies). 2019. № 10/1. URL: <https://doi.org/10.5565/rev/da.410>.

50. Hsinet J., Dallagi A., Lâaroussi R., Ismail S., Khouja N., Baraketi E., Boussemi S., Chemingui S., Aïssa I., Benzarti Mezni A., Ben Jemâa A. L'asthme professionnel et l'asthme aggravé par le travail. Quelles différences en termes de facteurs de risque et d'aptitude au travail? // *Revue Française d'Allergologie*. 2022. Vol. 62. Issue 5. P. 466. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.reval.2021.09.003>.

имевшим доступ к ее рабочему месту⁵¹. В другом деле суд заслушал двух свидетелей-коллег истца, которые показали, что их очень напугала змея, оставленная истцом в его шкафчике в раздевалке. Правда, в ходе рассмотрения дела выяснилось, что змея истцу не принадлежала, а была ему передана покупателем магазина, где истец работал. Змею планировалось отпустить на волю. Принимая решение о необоснованности увольнения, суд отметил, что змея во время рабочего дня не покидала банки из-под варенья и шкафа раздевалки⁵².

Некоторые работники могут просто не любить животных и не желать делить с ними помещение. Именно с такой ситуацией столкнулся суд, рассматривая вопрос об обоснованности увольнения менеджера по работе с клиентами, который не мог сдерживать свое возмущение при виде собаки коллеги в офисе. Присутствие собаки было одобрено работодателем и согласовано трудовой инспекцией, однако явилось одной из причин напряженности в трудовом коллективе. Суд не счел обоснованными заявления бывшего менеджера о его дискриминации и моральном преследовании⁵³. Однако, возможно, неприятного эпизода агрессии между коллегами можно было избежать, предварительно выяснив отношение всех работников к животным и обеспечив желающим возможность работать в помещениях, куда собакам доступа нет. Ведь именно на работодателя французский законодатель возлагает обязанность обеспечить защитить не только физическое, но и психологическое здоровье работника⁵⁴.

51. Постановление Апелляционного суда Бордо от 14.09.2010 № 09/00129 (CA Bordeaux, 14-09-2010, n° 09/00129). База данных Dalloz (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

52. Постановление социальной коллегии Апелляционного суда Шамбери от 20.03.2018 № 17/00343 (CA Chambéry, ch. Sociale, 20-03-2018, n° 17/00343). База данных Dalloz (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

53. Постановление апелляционного суда Экс-ан-Прованс от 13.01.2022 № 19/04421 (CA Aix-en-Provence, 13-01-2022, № 19/04421). База данных Le Doctrinal (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

54. Статья L. 4121-1 Трудового кодекса.

Французское законодательство об охране труда предписывает четкое определение всех рисков, представляющих угрозу для здоровья работников, и принятие мер для их устранения или для оценки и минимизации рисков, которые нельзя устранить⁵⁵. Учитывая, что регулярное присутствие животных связано с дополнительными рисками для безопасности и здоровья работников, а работодатель в силу закона обязан устранить любые риски, за исключением неустраняемых, мы можем сделать вывод, что запрет на регулярное присутствие питомцев на работе косвенно вытекает из норм Трудового кодекса. Ведь рассматриваемые риски легко устраняемы путем наложения запрета или не выдачи согласия на такое присутствие.

Тем не менее, в 2022 году порядка 7% французских работодателей приветствовали присутствие на рабочих местах собак, не ограничивая их небольшими размерами (до 10 кг)⁵⁶, что должно было сопровождаться оценкой рисков, связанных с присутствием животных.

Результаты оценки рисков отражаются в так называемом едином документе оценки профессиональных рисков. В подготовке этого документа участвует комитет по социальным и экономическим вопросам, который является представительным органом работников на предприятии и не избирается, если количество работников менее одиннадцати⁵⁷. Оценка рисков сопровождается разработкой и реализацией мер по их минимизации.

Разрешение регулярного присутствия питомцев на рабочих местах потребует корректировки действующего единого документа для рабочих мест, куда будут допускаться животные⁵⁸. В документ необходимо внести дополнительные риски

55. Статья L. 4121-2 Трудового кодекса.

56. *Le chien: un animal de bonne compagnie au cœur de la vie des français!* P. 2.

57. Статья L. 4311-2 Трудового кодекса.

58. Единый документ оценки профессиональных рисков подлежит обновлению не реже раза в год, если на предприятии задействовано не менее 11 работников, а также в иных случаях, к которым относится изменение рисков для здоровья работников (статья R. 4121-2

и принять меры по их предупреждению. Например, предотвращение укусов поможет избежать требования держать собак на поводке установленной длины и надевать на них намордники и т.д.

Игнорирование работодателем рисков, приведшее к несчастному случаю, является серьезным нарушением (непростительная ошибка⁵⁹), приравниваемым к умышленному причинению вреда здоровью работника⁶⁰. В этом случае работодателю с высокой степенью вероятности будут увеличены тарифы взносов по социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний⁶¹, работодатель может быть привлечен к уголовной ответственности⁶². Кроме того, на него возлагается обязанность выплаты дополнительного возмещения пострадавшему работнику⁶³. Именно такие выплаты стали предметом судебного разбирательства в деле, рассмотренном апелляционным судом Дижона. По обстоятельствам дела в компании произошел несчастный случай: К., в свой первый рабочий день, была укушена собакой, принадлежащей Ж., менеджеру компании. В результате укуса К. потеряла равновесие, упала и получила перелом ноги. Это было не первое нападение животного. Суд установил, что работодатель, не принявший необходимых мер для предотвращения

Трудового кодекса). Невыполнение работодателем данной обязанности является основанием для его привлечения к уголовной ответственности (статья R. 474-1 Трудового кодекса).

59. «Faute inexcusable».

60. Постановление социальной коллегии Кассационного суда Франции от 08.10.2020 № 18-25.021 (Cass. soc., 08-10-2020, n° 18-25.021). URL: <https://tinyurl.com/2430zbha> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

61. Статья L. 452-4 Кодекса социального обеспечения Франции (Code de la sécurité sociale). URL: <https://tinyurl.com/2yp5rpx4> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

62. Юридические лица во Франции являются субъектами уголовной ответственности наравне с физическими лицами (ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции, Code penal). URL: <https://tinyurl.com/2xlqwpxf> (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

63. Статьи L. 452-1 — L. 452-5 Кодекса социального обеспечения Франции.

нападения животного, совершил непростительную ошибку. Выплаты пострадавшей были увеличены до максимума за счет работодателя⁶⁴.

Заключение

Ни европейское, ни французское законодательство не содержат прямого запрета на присутствие домашних питомцев на рабочем месте. Однако косвенно запрет на такое присутствие на регулярной основе вытекает из положений об обязанностях работодателя устранить любые устранимые риски для здоровья и безопасности работников. Несмотря на это, многие французские работодатели поощряют выход на работу в сопровождении животного, а судебные органы не видят в этом нарушений законодательства.

Установление запрета на домашних животных на работе во Франции относится к компетенции работодателя. В отсутствие запрета приносить питомца на рабочее место такие действия не признаются судами грубым нарушением трудовой дисциплины, если не повлекли за собой несчастный случай или причинение вреда третьим лицам.

Учитывая риски, с которыми связано присутствие домашних животных на рабочем месте, разрешение такого присутствия работодателем должно сопровождаться серьезной регламентацией, а также пересмотром документов в области охраны труда и принятием мер для предупреждения причинения вреда здоровью работников. В противном случае на работодателя может быть наложен целый ряд санкций, в том числе в рамках привлечения его к уголовной ответственности.

Библиография

Гагарин А. В., Новиков С. О. Эффекты межвидового взаимодействия в группе «человек — домашнее животное»: этологические и психологические аспекты // Акмеология. 2016. № 1. С. 176–185.

64. Постановление Апелляционного суда Дижона от 18.10.2012 № 11/00525 (CA Dijon, 18-10-2012, n° 11/00525). База данных Le Doctrinal (дата обращения: 01 апреля 2025 года).

- Де Приско Э., Джонсон Дж. Б. Малый атлас пород собак / Пер. с англ. О. В. Мишихи; Под ред. и с предисл. Е. Г. Розенберга. М.: Колос, 1993.
- Трапезов О. В. Доместикация как самое раннее интеллектуальное достижение человечества // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2013. Т. 17. № 4/2. С. 872–885.
- Цыганцова С. И. Защита животных в Совете Европы и России: сравнительно-правовой анализ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 6. С. 58–61. URL: <https://tinyurl.com/23q9wypn>.
- A Randomized Trial of Differential Effectiveness of Service Dog Pairing Versus Emotional Support Dog Pairing to Improve Quality of Life for Veterans with PTSD. Washington, DC: Office of Research and Development Veterans Health Administration Department of Veterans Affairs, 2020. URL: <https://tinyurl.com/26wzk524>.
- Blase E. Histoire du chien chez tous les peuples du monde, d'après la Bible, les Peres de l'Église, le Koran, Homère, Aristote, Xénophon, Hérodote, Plutarque, Pausanias, Pline, Horace, Virgile, Ovide, Jean Caius, Paullini, Gesner, etc., etc. Paris: imprimerie de W. Remquet et Cie, 1843. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).
- Foreman A., Glenn M., Meade B., Wirth O. Dogs in the Workplace: A Review of the Benefits and Potential Challenges // International journal of environmental research and public health. 2017. № 14. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph14050498>.
- Geoffroy Saint-Hilaire I. Acclimatation et domestication des animaux utiles (4ème édition entièrement refondue et considérablement augmentée et contenant l'historique des travaux faits et des résultats obtenus depuis la création de la société impériale d'acclimatation). Paris: Librairie agricole de la maison rustique, 1861. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).
- Hsinet J., Dallagi A., Lâaroussi R., Ismail S., Khouja N., Baraketi E., Bousselmi S., Chemingui S., Aissa I., Benzarti Mezni A., Ben Jemâa A. L'asthme professionnel et l'asthme aggravé par le travail. Quelles différences en termes de facteurs de risque et d'aptitude au travail? // Revue Française d'Allergologie*. 2022. Vol. 62. Issue 5. P. 462–469. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.reval.2021.09.003>.
- Junça-Silva A., Galrito M. Pets at work: integrating pet-friendly initiatives into human resources for enhanced workplace harmony // BMC Psychology. 2024. № 12. URL: <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01854-y>.
- Larson G., Karlsson E., Perri A., Webster M., Ho S., Peters J., Stahl P., Piper P., Lingaas F., Fredholm M., Comstock K., Modiano J., Schelling C., Agoulnik A., Leegwater P., Dobney K., Vigne J., Vilà C., Andersson L., Lindblad-Toh K. Rethinking dog domestication by integrating genetics, archeology, and biogeography // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2012. Vol. 109. № 23. P. 8878–8883. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1203005109>.

- Le chien: un animal de bonne compagnie au cœur de la vie des Français! Dossier de presse. Paris: Centrale Canine, 2022. URL: <https://tinyurl.com/2xlyne6m>.
- Pieragnoli J. *La Cour de France et Ses Animaux: XVIe–XVIIe siècles*. Paris: Presses Universitaires de France, 2016.
- Regad C. Genèse d'une doctrine : l'animal, personne physique non-humaine // *Derecho Animal* (Forum of Animal Law Studies). 2019. № 10/1. URL: <https://doi.org/10.5565/rev/da.410>.
- Riot C. La personnalité juridique de l'animal (I): L'animal de compagnie — Synthèse d'une doctrine // *Derecho Animal*. 2018. № 9(2). P. 51–55. URL: <https://doi.org/10.5565/rev/da.341>.
- Stonehenge, Youatt, Mayhew, Bouley, Hamilton Smith, etc. *Le chien : description des races, croisements, élevage, dressage, maladies et leur traitement, d'après les ouvrages les plus récents*. Paris: Rothschild, éditeur, 1876. Источник: gallica.bnf.fr (Bibliothèque nationale de France).
- Tague I. Dead Pets: Satire and Sentiment in British Elegies and Epitaphs for Animals // *Eighteenth-Century Studies*. 2008. Vol. 41. № 3. P. 289–306. URL: <http://www.jstor.org/stable/30053552>.
- Waite T., Hamilton L., O'Brien W. A meta-analysis of Animal Assisted Interventions targeting pain, anxiety and distress in medical settings // *Complementary Therapies in Clinical Practice*. 2018. Vol. 33. P. 49–55. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ctcp.2018.07.006>.
- Younggren J., Boness C., Bryant L., Koocher G. Emotional Support Animal Assessments: Toward a Standard and Comprehensive Model for Mental Health Professionals // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2020. № 51(2). P. 156–162. URL: <https://doi.org/10.1037/pro0000260>.
- Zieba A. Google Books Ngram Viewer in Socio-Cultural Research // *Research in Language*. 2018. Vol. 16:3. P. 357–376. URL: <https://doi.org/10.2478/rela-2018-0015>.

From home to office: Companion animals in the workplace through the lens of French labor law

Elena Benlesar, Vasilisa Serebrynaya

Abstract. The paper examines the legal and practical implications of allowing companion animals in the workplace under French labor law. While neither French nor EU legislation explicitly prohibits the presence of pets at work, a variety of risks — ranging from workplace safety and hygiene to labor discipline and employee health — arise from such practices.

Drawing on relevant case law and normative sources, the paper assesses the conditions under which an employee may bring a pet to work and how such situations should be regulated. Particular attention is given to emotional support animals and the employer's legal obligations in the area of occupational health and safety.

The authors conclude that in the absence of a clear legal prohibition, pet-friendly policies remain within the employer's discretion yet must be accompanied by thorough risk assessment and appropriate regulatory measures to mitigate potential legal liability.

Keywords: companion animals, labor law, workplace safety, emotional support animals, employer liability, French law, occupational health.

DOI: 10.55167/od237dcd3e29

Linking policy and practice: exploring professionals' knowledge, barriers, and experience reporting “The Link” between interpersonal violence and animal abuse

Aviva Vincent¹, Eunice Lee², Alana Van Gundy³, Lauren Caswell⁴, Linda Quinn⁵

Abstract. *Objective:* “The Link” is a recognized pattern of behavior indicating that pet abuse can signal interpersonal violence, child abuse, or elder abuse. Ohio’s House Bill 33 (HB33) of 2021 aimed to establish mandatory reporting of suspected animal abuse among professionals and serves as a case study for evaluating the effectiveness of such laws. *Hypothesis:* This exploratory study examines the policy’s intent and potential impact by analyzing demographic variables (age, gender, occupation), awareness of The Link, barriers to reporting, and professional training. *Methods:* A confidential survey was sent to over 1,500 professionals named as mandatory reporters in HB33, yielding 160 responses. Statistical tests including one-way ANOVA, chi-square, and independent samples t-test examined the associations between demographic variables and key constructs. Following the survey, respondents were also invited to follow-up focus groups (N = 14). *Results:* The survey respondents were predominantly female (78%) and aged 35 or older. Nearly half worked in human welfare, while 20% were in animal welfare. Awareness of The Link was lower among human

1. Aviva Vincent (corresponding author), PhD, LSW, Assistant Professor of Social Work, College of Health, Cleveland State University, Cleveland, Ohio 44115, USA. E-mail: a.l.vincent@csuohio.edu. ORCID: 0000-0003-2527-940X.

2. Eunice Lee, PhD, Assistant Professor of Social Work, College of Health, Cleveland State University, Cleveland, Ohio 44115, USA. E-mail: e.lee85@csuohio.edu. ORCID: 0000-0003-4285-7857.

3. Alana Van Gundy, PhD, JD., Lecturer, Department of Sociology, College of Arts & Sciences, The Ohio State University, 1885 Neil Ave, Columbus, Ohio 43210, USA. E-mail: vangundy.45@osu.edu. ORCID: N/A.

4. Lauren Caswell, Biology student, Cleveland State University, Cleveland, Ohio 44115, USA. ORCID: N/A.

5. Linda Quinn, PhD, Professor, Department of Mathematics and Statistics, Cleveland State University, Cleveland, Ohio 44115, USA. ORCID: 0000-0002-4314-6072.

welfare workers compared to those in animal-related fields ($p < .01$). Suspicion of abuse varied by sector, with human welfare workers more likely to suspect abuse based on people's behavior or appearance, while animal welfare professionals relied on animal behavior and condition ($p < .01$). *Conclusion:* Findings highlight the intrinsic connection between human and animal violence, emphasizing the need for a multi-systemic approach. Recommendations include clarifying HB33's mandatory reporter definition, funding required training, and creating a centralized reporting system. While improvements are needed, HB33 provides a model for replication in other states. *Public Significant Statement:* This novel study demonstrates the tension between the intention of policy and practice. Though HB33 is a necessary and well-intentioned policy, the professionals who are responsible for reporting suspected animal abuse cannot follow through on mandated reporting if they are unaware and untrained. Policies, such as HB33, will have a greater return on investment if the initial policy includes financial support for its implementation, ongoing training, and data tracking for continuous improvement. Moreover, the lives of humans and animals alike will be saved by community practitioners, as is the intent of the policy.

Keywords: animal law, animal ethics, policy practice, The Link, animal abuse, interpersonal violence, interspecies violence, mandated reporter, multisystemic collaboration, mixed methods.

Statements and Declarations: *Competing interests:* The authors declare no conflict of interest. There is no funding for this research or publication. *Funding:* The first author received an internal grant from the university to support this research. *Author contributions:* Conceptualization, AV; methodology, AV, AvG; formal analysis, AV, EL, AvG; data curation, AV, EL, AvG; writing — original draft preparation, AV, LC, AvG, EL; writing — review and editing, AV, LQ, AvG; project administration, AV. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript. *Institutional Review Board Statement:* The study was conducted according to the guidelines of the Declaration of Helsinki. IRB approval was given by Cleveland State University (IRB-FY2024-249). *Human Ethics and Consent to Participate declarations:* All participants completed an informed consent prior to survey and/or focus group engagement. *Clinical trial number:* not applicable. *Data Availability Statement:* Data are available within the manuscript. Questions and additional information are available on request from the corresponding author. *Materials & Correspondence:* All communications should be directed to Aviva Vincent, PhD, LSW at a.l.vincent@csuohio.edu. Requests for materials, mailing address, and phone number will be addressed via email. *Acknowledgments:* Gratitude to Cleveland State University for the Faculty Research and Development Program, Vicki Diesner, Esq., for your mentorship, and all community members who gave of their time to support this research and community work.

Introduction

The Link between interpersonal violence and animal abuse (The Link) constitutes an ongoing public health crisis. “The Link” is also the name of the national organization that seeks to impact and share efforts related to Legislation, Intervention, Networking, and Knowledge (Arkow, 2023). In April of 2021, Ohio HB33, “Establish animal abuse reporting requirements,” was enacted. This novel legislation is the first of its kind to recognize The Link. As with interpersonal violence, animal abuse includes physical, neglect/maltreatment, and sexual abuse. Historically, the first case of child abuse was reported to the American Society for the Prevention of Cruelty to Animals (ASPCA) in 1874, which led to the first child protection agency (ASPCA, 2022). Thus, there has always been a link between animal and child protection services. However, there has yet to be prevention research to understand how interprofessional reporting of interspecies abuse may help save lives.

With pets in more than 70% of U.S. homes, accounting for pets in the lives of people is vital to understanding their needs, decisions, and life choices. Often, people identify their pets as family members, and their choices about family safety involve their pets (Wood et al., 2015). Furthermore, how people choose to allocate financial resources is impacted by pet ownership. The pet economy exceeded \$123.6 billion in 2021. The average pet owner budgets and spends roughly \$1,500 per year, even in times of financial hardship (American Pet Product Survey, 2022). With this understanding, interprofessional teams are expected to respond to calls and reports of interpersonal and interspecies violence. It is because of this understanding that cross-reporting is identified as the most effective way to address The Link.

Though 95% of reports regarding animals are for neglect (Arkow, 2020), studies are conflicted about an individual's origin of violence but support The Link as a whole. “...16% of offenders started abusing animals and graduated to violent crimes against humans... [but also] offenders start by hurting other humans and then progress to harming animals” (Robinson & Clausen, 2021). Another challenge is that the understanding of criminal propensity and typology for those who engage in The Link is reliant on report-

ing, charging, and convicting an individual. If the underreporting of sexual abuse is an indication, the underreporting and conviction of animal abuse are not nearly representative. Thus, while there is a typology — male, 31–50, five times more likely to commit violent crime — this data is skewed and dated (Luke & Arluke, 1997; Agnew, 1998).

Recognizing and understanding The Link supports preventative efforts to eradicate violence in animal and human (adult and child) service professions. One-third of children who perpetrate animal abuse will go on to later abuse their own children. At least 25% of children whose mothers experience domestic violence have also seen their pets threatened or abused (McDonald et al., 2015). In McDonald's study (2015), children often reported that the motivation is to control their mothers, again indicating that The Link does have a gender bias. Since pets are often sources of social support for children, this can be traumatic. Alternatively, children may be forced to become complicit in the abuse of the animal.

HB33 clearly specified a cross-reporting mechanism for professionals throughout the state of Ohio. Cross-reporting is ongoing, consistent communication between human service professionals and animal-serving professionals to ensure the health and well-being of all. The legislation specifically references that cross-reporting entails licensed veterinarians, social service professionals, and any other persons licensed as a counselor, social worker, or marriage and family therapist, who *must* immediately report abuse of a companion animal to an office when that person has knowledge or reasonable cause to suspect such abuse has occurred or is occurring. Simultaneously, law enforcement officers, dog wardens or deputy dog wardens, or humane agents must immediately report abuse of a companion animal to appropriate licensed service professionals with knowledge or reasonable cause to suspect abuse has occurred or is occurring, or if they suspect that a child or older adult resides with the alleged abuser, or if they suspect abuse toward the companion animal may impact the child or older adult (Ohio Revised Code, 2021).

Though this legislation specifies interprofessional engagement, there is no specification of *who* to call nor a specific or central phone number (e.g., 9-1-1 for emergency services). As such, there

are anecdotal stories of calls being placed to a Humane Society but being told there is no space to take in animals who are victims of abuse. Or, calls are placed to child protective services after hours, when abuse tends to occur, but no follow-up is being done. In addition to there being no centralized number to call, there is also no centralized database to capture cases, charges, and convictions. If true, such shortcomings put human and animal lives at risk and impede the very intent of the legislation. In conversation with the advocates who championed this legislation, the intention was to develop a “system of reporting” but fell short of establishing a system to track outcomes about the success and challenges of this policy (V. Deisner, personal communication, September 2024).

Scoping Literature Review

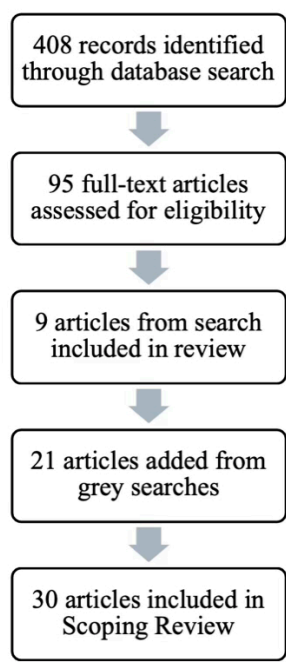
A scoping review of current literature was conducted to contextualize previous research completed on the intersection of interpersonal violence (IPV), child abuse, elder abuse, and animal abuse. Essentially, the search was intended to explore publications on the topic of The Link between forms of IPV and animal cruelty. This research situates the relevance of current legislation as it impacts community practice and the potential magnitude of human and animal abuse being faced in households. Taken together, these keywords assessed the alignment of past research to explore and/or measure The Link and the questions prior research may have raised regarding interpersonal and interspecies relationships.

A literature review was completed in January 2025, using the EbscoHost database. The terms used in this search were: “animal abuse” and “child abuse,” and “animal abuse” and “interpersonal violence.” Studies were considered relevant and included in the analysis if they directly referenced the keywords in the context of The Link.

The keywords “animal abuse” and “child abuse” yielded 168 results, of which 49 were full-text articles. Of the 49 articles, 10 were found to be directly relevant to the research. The keywords “animal abuse” and “interpersonal violence” yielded 240 results, of which 46 were full-text articles. Of the 46 articles, 20 were found to be relevant to the research. From this search, a total of 30 articles

were found and read in full. After reading all relevant articles, nine were aligned with the research question and included in the review.

Figure 1. Flow Chart of Articles Included in Scoping Review

A diagram of a research process AI-generated content may be incorrect.

By using the references in the articles as well as known researchers in the area, additional peer-reviewed papers were identified that were not indicated in the literature search ($n=21$). This was likely due to the keywords used in the search compared to the keywords identified by the authors. The discrepancy between the articles yielded in this search ($n=9$) and those found through creative means ($n=21$) indicates a need for consistency in publication keywords and expanded research in this area. Furthermore, given the extensive research of the individual keywords, the relevant articles ($N=30$) were minuscule compared to what the researchers aspired to find. The relatively small number of articles discovered throughout the literature

review process reflects that there is much to be desired regarding the academic understanding of The Link.

The majority of research was completed in the United States ($n=22$), with other contributing studies from the United Kingdom (Chan & Wong, 2023; Ireland, 2022; Piper, 2003; Williams, 2022), Canada (Giesbrecht, 2022; Wuerch, 2020), Norway (Muri, 2022), and Australia (Volant, 2008).

Eight articles recognized this relationship of human-animal violence as “The Link” (Flynn, 2011; Muri, 2022; Monsalve, 2017; Poe & Strand, 2022; Sheay, 2020; Jegatheesan, 2020; Tomlinson, 2022; Vincent, 2019). This is significant as it demonstrates how researchers take the connection between IPV and animal abuse as a crucial and serious issue. One paper specifically emphasized

the misrepresentation or undefined meaning of abuse, which leads to uncertainty in crucial situations (Piper, 2003). Factors brought up throughout articles, such as parents' social status, past mental issues, and history of incarceration, create a greater risk of families experiencing companion animal abuse (Flynn, 2011; Ireland, 2022; Muri, K., 2022). Children who grow up in an unstable, abusive, or violent household are more likely to commit violent acts or act out aggressively when they are older (Ascione, 1999; Browne, 2017; Campbell, 2022; Holoyda, 2016; Jegatheesan, 2020; Lockwood, 2016; Longobardi, 2019; McDonald, 2019; Miller, 2001; Mota-Rojas, 2022; Muri, 2022; Trentham, 2018).

The application of The Link framework connects subcategories of violence (i.e., child, adult, elder, and animal) into a cohesive group. Pets are no longer considered property as they once were, but rather are recognized as family members, which impacts the relationship between caregiver and pet. With U.S. homes predominantly relying on women to be caretakers of children, humans, and pets alike, and statistically more often victims of IPV, there is also a gender-based violence component to consider. Pets serve as a comfort in times of violence but also may be the reason a victimized person may choose to stay in a violent situation longer than if they only centered their needs (Giesbrecht, 2022; Jegatheesan, 2020; November, 2024; Vincent, 2019).

Research demonstrates that IPV survivors are concerned for the well-being of their companion animals, which contributes to their distress and can further delay victims from leaving (Fitzgerald, 2022; November, 2024; Giesbrecht, 2022; Volant, 2008). "Studies of women in domestic violence shelters in the United States (US) have documented rates of co-occurrence of IPV and animal abuse ranging from 25% to 86%" (Fitzgerald, 2022; Monsalve, 2017). Experiencing childhood abuse and witnessing other forms of abuse by family members has a direct impact on the timeline of when abuse may occur (Browne, 2017).

One prevalent issue was a significant lack of resources that communities, organizations, and other relevant partners desperately needed but could not obtain. The shortage of services ensuring protection, such as domestic violence shelters allowing companion animals, funds, research, and other unprovided resources, is rep-

resented as a common issue and appears in eight unique articles reviewed (McDonald, 2019; Miller, 2001; Newberry, 2017; Patterson-Kane, 2022; Sheay, 2020; Trentham & Williams, 2022; Wuerch, 2020). Recognizing the absence of available resources reinforces the significance of the current research to promote the predominant causes of The Link between animal abuse and IPV and how it can be addressed by community resources. Some communities are taking actionable steps to support survivors and future victims. The Animal Welfare Institute (AWI), for example, indicated that “as data continues to flow in and more law enforcement agencies begin to report, it is becoming ever more possible to determine trends and obtain an accurate assessment of the occurrence of animal cruelty, where it is happening, and the characteristics of the offender” (Beirne & Lynch, 2023).

Research Questions

The primary research question for this research was to explore the impact of Ohio HB33 on professionals who were named mandatory reporters since its enactment in 2021. This research question explored five areas of knowledge and experience: 1. awareness of legislation and reporting mandate; 2. to whom they report; 3. whether they have reported any instances of suspected Link cases; 4. whether they were notified of follow-up; and 5. identification of challenges in reporting.

Methods

This IRB-approved study (IRB-FY2024-249) consisted of two phases. The first phase of the research used a researcher-created, confidential digital survey to gather a broad swath of data. Then, the second phase used voluntary focus groups from self-identified respondents to explore the five areas of knowledge and experience questions in further detail. The reporting of the methods herein follows the CHERRIES reporting mechanism (Eysenbach, 2004).

The target population included those currently employed in professions within the state of Ohio who are named as mandatory reporters of suspected animal abuse in HB33. Inclusion criteria for respondents included: 1. Currently employed in a profession

identified in HB33; 2. Competent to read and write in English; and 3. Over 18 years of age. The research was conducted over one year, from May 2024 to May 2025, with the survey disseminated in summer 2024 and focus groups held between August and December 2024.

The informed consent for both phases included detailed information regarding the purpose of the study, the length of time to complete the survey, where data were stored and for how long, methods for ensuring confidentiality, and the researcher's contact information. All data were stored in a password-protected database and analyzed in SPSS.

Survey

Prior to dissemination, the usability and technical functionality of the survey were tested by the research team. Due to the length of the survey and complex skip patterns, the questions were not randomized, nor was adaptive questioning used. Respondents had the opportunity to review, edit, and skip questions throughout the survey prior to submitting. The survey was considered “open” as individuals could access the survey without login criteria, views were not recorded, and IP addresses were not tracked. Researchers ensured single use by monitoring the informed consent page (which required a name and signature) and the completion rate through regular checks in Qualtrics. The final section of the survey offered respondents the opportunity to provide their name and email if they wanted to be included in the opportunity to receive a gift card, which was randomly selected and emailed.

The survey was distributed via email to over 1,500 professionals in Ohio who were designated as mandatory reporters under HB33. The researcher created the survey, which was housed and distributed via Qualtrics. Distribution was via email to licensing boards and membership-based organizations to distribute to their constituents. The survey was shared on social media (i.e., Facebook, LinkedIn, etc.) and emailed directly to community partners. Of the 1,500 emails sent, 160 professionals completed the survey, resulting in a response rate of approximately 10%.

Frequency distributions were examined for study variables. One-way ANOVAs and chi-square tests were conducted to examine the associations between demographic variables and key aspects such as understanding of The Link, barriers to reporting, and experience with professional training.

Focus Groups

The second phase of the study was researcher-facilitated virtual focus groups via Zoom. The one-hour focus groups explored the nuances of the research question, allowing the participants to share their personal experiences in more explicit detail than offered in the survey. After completion of the survey, participants were provided the opportunity to leave their names and contact information if they were interested in participating in a focus group. In total, fourteen individuals participated in focus groups between August and October of 2024. Similar to the survey, participants completed an informed consent form before engaging in conversation. The entire conversation was confidential; groups were not recorded. Focus group participants were asked eight guiding questions about training, resources, obstacles to getting help for humans and animals in Ohio, and how to improve protection for humans and animals in Ohio.

Results

Survey

The majority of respondents (N=160) were female (78%), followed by males (19%) and non-binary individuals (3%). Approximately two-thirds of the respondents (67%) were aged 35 or older. Occupational distribution showed that nearly half (48%) were involved in human welfare-related professions such as social work and counseling, while 22% were engaged in law and policy, including roles related to domestic violence. Animal welfare and medical roles also constituted significant portions, accounting for 20% and 10%, respectively. The majority of respondents (82%) had at least three years of experience in their current primary occupation.

Additionally, a substantial majority (84%) of the participants were classified as mandatory reporters (*see* Table 1).

Table 1. Demographic Characteristics (N = 160)

	Frequency (n=)	%
Gender (n = 118)		
Female	92	78.00
Male	22	18.60
Non-binary	4	3.40
Age (n = 118)		
18-24 years	2	1.70
25-34 years	37	31.40
35-44 years	24	20.30
45-54 years	24	20.30
55-64 years	21	17.80
65+	10	8.50
Primary Occupation (n = 139)		
Human Welfare: APS, LPC, Psy, SW, CPS	67	48.20
Animal Medical: Vet, Vet Tech	14	10.01
Law & policy: Law (all categories), policy, domestic violence	30	21.60
Animal Welfare: Deputy Dog Warden, Dog Warden, Human Agent	28	20.01
Years in Primary Occupation (n = 145)		
0-2 years	26	17.90
3-5 years	20	13.80
6-10 years	30	20.70
11-15 years	16	11.00
16 or more years	53	36.60
Are you a mandatory reporter? (n = 131)		
Yes	110	84.00
No	21	16.00

Table 2 presents frequency distributions of the Link, barriers to reporting, and experience with professional training. For training on reporting suspected cruelty or neglect of companion animals or humans, approximately 89% of respondents reported having received training in either one or both types of cruelty or neglect. Conversely, 11% indicated that they had not received any training related to animal or human cruelty and neglect. Slightly more than half of the respondents (53%) reported that they have seen an increase in human and/or animal abuse over the last three years. Additionally, a significant number of respondents (84%) have

encountered situations where they suspected human or animal abuse. In terms of abuse types, animal cruelty and neglect were most frequently suspected (55%), followed by child cruelty and neglect (27%) and spousal cruelty and neglect (14%). The most prevalent reasons for suspecting human or animal abuse include the behavior of people (54%), people who reported cruelty and neglect (61%), and the physical appearance of animals (53%).

Table 2. Frequencies of the Link, Barriers to Reporting, and Experience with Professional Training

	Frequency (n =)	%
Received any training on how to report suspected cruelty or neglect of companion animals or humans? (n = 141)		
Yes, human cruelty & neglect	33	23.40
Yes, animal cruelty & neglect	21	14.90
Yes, both human and animal cruelty & neglect	71	50.40
No training	16	11.30
In the last three years, I have seen an increase in human and/or animal abuse (n = 144)		
Yes	76	52.80
No	52	36.10
I don't know	16	11.10
In the last three years, I have been in a situation where I suspected human or animal abuse (n = 137)		
Yes	115	83.90
No	22	16.10
Yes, within the last three years, I have been in a situation(s) where I suspected human or animal abuse with (n = 114)		
Animal cruelty & neglect	63	55.30
Child cruelty & neglect	31	27.20
Elder cruelty & neglect	4	3.50
Spousal cruelty & neglect	16	14.00

What made you suspect human or animal abuse (n = 114)		
The behavior of people	62	54.40
Physical appearance of people	39	34.20
Person reported cruelty & neglect	69	60.50
Behavior of an animal	38	33.30
Physical appearance of an animal	60	52.60
Other	4	3.50
Who did you report the abuse to? (n = 99)		
Humane agency	43	43.40
Law enforcement	34	34.30
Social work agency	51	51.50
Direct supervisor	17	17.20
The Courts	14	14.10
Other	14	14.10
What was the result of your report of abuse? (n = 98)		
A police report was filed	25	25.50
Criminal charges filed	21	21.40
The abuser was convicted of cruelty & neglect	13	13.30
Removal of a child	13	13.30
Removal of partner	4	4.10
Removal of an elderly individual	0	0.00
Removal of an animal	23	23.50
Nothing was done	22	22.40
Other	8	8.20
Don't know	30	30.60
Do you think that others who are mandatory reporters for animal abuse in Ohio are (n = 88)		
Aware that they are a mandatory reporter of animal cruelty & neglect	73	83.00
Aware and know what to do if they suspect animal cruelty & neglect	33	37.50

Aware of how to report animal cruelty & neglect	33	37.50
Consistent in reporting of suspected animal abuse	19	21.60
Consistent in responding to call(s) for suspected abuse (i.e., check all individuals and animals in the home)	26	29.50
Do you think that Ohio House Bill 33 has been effective at increasing protection for humans and animals in Ohio? (n = 110)		
Yes, for animals	19	17.30
Yes, for humans	14	12.70
Yes, for humans and animals	52	47.30
Not for humans nor animals	25	22.70
Obstacles to increasing protection for humans and animals in Ohio (n = 101)		
I don't know if I am a mandatory reporter	9	8.90
I don't know how to recognize human cruelty & neglect	7	6.90
I don't know how to recognize animal cruelty & neglect	8	7.90
I don't know who to call	18	17.80
If I call, others don't care	24	23.80
I don't know what to look for	3	3.00
There are not enough people/agencies to help	60	59.40
Other	38	37.60
On a scale of 1 to 10, how much do you think human and animal cruelty and neglect are linked or related to each other (n = 117) (Mean/SD)	8.54 (2.02)	

Reports of abuse were predominantly directed towards social work agencies (52%), humane agencies (43%), and law enforcement (34%). The outcomes following the reports of abuse reveal a mixed effectiveness of the response systems. While police reports were filed in 26% of cases, criminal charges were filed in 21%, and animals were removed in 24% of cases, a substantial proportion (22%) saw no action taken, and there was a high level of uncertainty among respondents about the outcomes (31% didn't know the result).

A substantial majority (83%) of respondents reported that others who were mandatory reporters in Ohio knew that they were mandatory reporters for animal cruelty and neglect. However, the respondents perceived that only 38% of the mandatory reporters in Ohio were aware of what specifically to do if they suspected animal cruelty and neglect and knew how to properly report it. Additionally, only 21.6% of respondents thought that the mandatory reporters in Ohio were consistent in reporting suspected animal abuse and 29.5% in checking all individuals and animals in the home when responding to calls.

Regarding the effectiveness of HB33 in increasing protection for humans and animals, slightly less than half of the respondents (47%) reported that the policy had been effective for both humans and animals. Smaller proportions of respondents saw its effectiveness as limited to either animals (17%) or humans (13%), and 23% did not believe it has been effective for either group. Among the obstacles to increasing protection for humans and animals in Ohio, the most prominent obstacle reported is the lack of sufficient resources or agencies to help (59%).

A significant concern (24%) also existed around the efficacy of reporting, with respondents feeling that their reports of cruelty or neglect do not result in adequate care or action. Additionally, knowledge gaps are also notable, with respondents unsure of their roles as mandatory reporters (9%), how to recognize signs of cruelty (7% for humans, 8% for animals), and who to contact (18%). Finally, respondents generally perceive a strong link between human and animal cruelty and neglect, with an average score of 8.5 (Range 1-10, SD = 2.02).

Table 3 presents the descriptive statistics of demographic factors among the four groups differentiated by their training experiences. There were significant differences in the type of primary occupation by the four groups of training experience. Individuals in human welfare professions (such as adult protective services, mental health counseling, social work, and child protective services) are higher in receiving training on both human and animal cruelty and neglect ($p < .001$). Being a mandatory reporter was significantly lower among those who had not received any training on

cruelty and neglect compared to the remaining three groups with training experiences ($p < .01$).

Awareness of encountering suspected abuse in the last three years was lower among untrained individuals compared to those trained in any capacity ($p < .001$). Moreover, the type of suspected abuse also shows significant variations by the four groups of training experience, with animal cruelty and neglect being the most frequently suspected ($p < .01$). The capability to recognize abuse based on the physical appearance of animals also shows significant differences based on training; those without training are lower in reporting abuse based on these visual cues ($p < .001$).

Reporting practices also show significant differences; individuals with no training were lower in reporting abuse to human agencies compared to their trained counterparts ($p < .05$). Outcomes following these reports, such as police reports being filed ($p < .05$), abusers being convicted ($p < .05$), and animals being removed ($p < .01$), also vary significantly with training experience. Lastly, awareness among professionals that they are mandatory reporters of animal cruelty and neglect in Ohio was significantly lower in the untrained group compared to those who received training ($p < .05$). Similarly, the understanding of the connection between human and animal cruelty and neglect was significantly higher among those trained specifically in animal cruelty and neglect ($p < .001$).

Focus Groups

Four focus groups were conducted between August and October of 2024. Focus group participants consisted of dog wardens, deputy dog wardens, rescue and adoption center employees, humane agents, social workers, veterinarians, academics, and policy workers ($n = 15$). Demographic information of this sample is not provided as it is small in size and could easily lead to the identification of persons, which would negatively impact the professional relationship and void the informed consent agreement. Participants were asked the following eight guided questions, with additional follow-up questions as needed, and one open-ended question at the end of the focus group session:

1. Please think about the last time that you saw, suspected, reported, or responded to a call for human and animal abuse. Can you tell me a bit about those situations?
2. Have you received any prior training on how to manage these situations?
3. Can you think of anything that would have helped you respond better to the situation?
4. What did you feel were the biggest obstacles in getting help with the situation?
5. At that time, was there any place you could go to overcome these obstacles?
6. Based on your experiences, what do you think can be done to increase protection for humans and animals in Ohio?
7. Are you familiar with the concept of the Link?
8. Have you ever reported an instance of the Link?

Participant responses are reported in the aggregate below. In totality, the respondents were supportive of and complementary to the quantitative findings.

Almost all focus group participants reported that they had experience with The Link, whether or not by use of the exact terminology. Given their professions, some stated that they witness human and animal violence daily. Participants named key “red flags” that they identify as potential indicators of interspecies violence: lack of hygiene of children, adults, or the elderly; or environmental concerns, such as dirty homes, debris outside the home such as car pieces all over, or unkempt grass and landscaping. Participants expressed frustration because even when they witnessed these red flags, there were few resources for them to call for help. Supervisors or outside agencies, to whom HB33 mandated as cross-reporting partners, did not share their concern or would not help. The participants shared conflicted feelings of passion for their work along with helplessness to effect change.

Participants expressed a collective sense of isolation in their work. Some expressed not knowing they were considered mandatory reporters until they were contacted by this research team. Others stated that while they knew they were mandatory reporters, they did not know whom to call for support. Most importantly, it

was unanimous among participants that even if they called and received support (e.g., a law enforcement officer starting a case file), there was no follow-through or sharing of reporting back to the person who placed the initial report. This lack of communication is concerning because HB33 is grounded in the empirical framework that early, multisystemic intervention can save lives when used effectively, whether it is a human or an animal life.

Participants shared successes in their work, such as efforts in specific counties within Ohio that address this work as a multidisciplinary team. As a team, when there is a notification of an instance of suspected neglect or abuse (human or animal), multiple members of the team will arrive on the scene to offer either support or removal. Team members included humane agents, social workers, specially trained law enforcement, and related agency professionals (i.e., adult or child protective services). These individuals would combine their resources, offer education (e.g., food, medical care), and oftentimes, the removal of a victim.

Participants almost unanimously had not received training regarding The Link ($n=13$), even as mandatory reporters. Most individuals received training within their disciplinary silo. For example, a social worker would be trained in what to look for in suspected child abuse, or a veterinarian may have taken voluntary courses to learn about what to look for, but very few participants ($n=2$) noted that it was required for them to attend or complete those trainings. Those reporting that it was required were primarily humane agents, who reported that they were well-versed in looking for animal abuse but not for human abuse.

Discussion

The goal of Ohio HB33 was to help protect both animals and humans. The bill added individuals as mandatory reporters, and those mandatory reporters were to report anytime they suspected animal abuse or neglect while in a work capacity. Because there is a statistical link between violence among humans and animals, any time a mandatory reporter entered a home or suspected abuse at, for example, a veterinary clinic, by reporting this suspected abuse, they would be able to provide help to individuals and more

than likely save lives. Additionally, multisystemic reporting would address the issue of individuals who inherently have a propensity for violence towards living and sentient beings. This study aimed to examine if this goal was met, identify where there are strengths and room for improvement, and then provide recommendations and suggestions for policy improvement. Based on the findings, there are three primary needs to enhance the current policy: education, training, and policy advancement.

Education

First, both quantitative and qualitative analyses evince that widespread education on The Link must be offered. Though the majority of the participants shared that they had not heard the term or concept of “The Link,” when a definition was provided, they confirmed that they witnessed it often or every day. These statements evince that there is a crucial need for educating others on this important link between interspecies violence, sharing the statistical and relational propensity for the inherent violence of some individuals to not discriminate toward whom they harm, and approaching said violence from a multi-systemic, teamwork-based approach. Understanding that there is a solidified statistical relationship and academic concept that designates a link between human and animal violence is crucial to a working population that is so desperately and passionately trying to get help and resources.

Educating mandatory reporters is critical for them to understand what they are looking for, who to report to, why it is so important to report, and also to provide support for what they already know: that an entire household is at risk if aid or removal of danger is not provided. Education must extend not only to supervisors and administrators in the fields of animal welfare, social and adult protective services, and anyone who works in the field of animal care, but also to county administrators, city managers, and those who are responsible for determining what agencies provide resources. This must also include those who work in the court system.

Many participants noted distress when they did not receive follow-up on a case they had reported, courts not taking this issue seriously, and individuals either not being charged with cruelty and neglect or being charged and then having those charges

dropped. Education is one way in which the risk to both animals and humans may be exposed, but it also must be widespread and target the appropriate audience. This reiterates the importance of addressing this form of violence from multiple perspectives and with multiple agencies as a systemic force to address not only the current situation but the propensity and opportunity for later violence.

Training

Second, there is clearly a need and desire for training on The Link. At present, there is a lack of clarity for mandatory reporters about whom to report to, what cross-reporting is (hence, the importance of training), and the measurable impact of the cross-reporting mechanism. As this is central to HB33, it is evident that the policy has positive intentions but a lack of efficacy and efficiency in practice due to the lack of training at the time of implementation.

This study has shown that individuals who go into homes for welfare checks or who respond to calls for abuse and neglect sometimes learn on the job. In one case, a focus group participant reported that when they started work, they were given the keys to the office and told, “Good luck.” They were not trained, did not have to complete any statewide or mandatory training, and were unsure of whom to report abuse to when and if they saw it. There is minimal training on abuse and survivors in law enforcement training and reportedly none in the veterinary field that is required (Ohio Veterinary Medical Association, 2020, 2023). The findings herein demonstrate that mandatory reporters want and are asking to be trained.

Mandatory training should be extended to attorneys, court officials, city and county administration, law enforcement (i.e., police), emergency medical services (i.e., EMS and firefighters), veterinarians and veterinary technicians, and child and adult protective supervision employees. Training must include the academics behind The Link (re: education) but must also focus on the practical application, such as what to look for, whom to call, how to respond, and how to determine the level of potential danger. Based on the quantitative and qualitative findings, those who were trained in The Link expressed higher levels of professional comfort identify-

ing instances of The Link, knowing how to appropriately respond, and, of those who had training, many had formed community coalitions and response teams.

Policy Advancement

Third, while HB33 was a tremendous advancement for the State of Ohio, it is important to revisit and evaluate all policies and form a policy focused on best practices. HB33 included mandatory reporters such as social workers and veterinarians but failed to include other categories of individuals who work in client/community homes or are privy to information that may lead to a disclosure of neglect or abuse. For example, home health aides, occupational therapists, and guardians *ad litem*. Guardians *ad litem* go into homes and are tasked with writing a report to the court that notes what is in the best interest of a child (Ohio Revised Code Section 2151.281, 2025). The “best interest” standard is a legal standard, and a guardian *ad litem* is to walk through a home and interview all involved parties. However, at present, they are not required to consider the conditions of animals. If a guardian *ad litem* were trained to account for pets as family members, they might request to view and interact (species-specific and appropriate) with the pet in the home as well. If they found malnourishment, neglect, or abuse of the animal, then the guardian *ad litem* should note that in the court report and immediately report the issue to the appropriate agency. The court must consider the information provided when determining what is in the best interest of the child. Thus, HB33 must be reviewed to consider additional categories of occupations and/or individuals who should be added as mandatory reporters.

Upon its passage, HB33 was not disseminated to the general public or to the mandatory reporters themselves. The intention of the policy was to make sure that all mandatory reporters reported animal abuse. However, if a dog warden was not made aware that they were a mandatory reporter, or if those who are named mandatory reporters for child abuse were unaware of HB33, there would be no follow-through of cross-reporting. There is a profound difference between not knowing how to communicate and not communicating efficiently. As currently written, HB33 lacks

the implementation and enforcement that it intended to have. The general public and all mandatory reporters must be made aware of the existence and requirement to report in order for the intention of the policy to match its implementation.

Perhaps the greatest drawback of House Bill 33 in Ohio was that funding and research to implement the Bill and carry out its intention have not yet realized their full potential. Those who hold the purse strings and dispense grants and annual funding must get on board with this Bill. They must provide funding for the training of mandatory reporters and the courts, provide space and resources for abuse victims to be placed, and they must provide protection for those who report. Individuals who have a propensity for violence to harm animals and humans are highly dangerous. Administrators, city officials, and court staff need to be part of this effort to protect their community and truly innocent victims from these violent individuals before it is too late. Up to this point, they have not.

Recommendations

1. As currently written, HB33 lacks the implementation and enforcement that it intended to have. The general public and all mandatory reporters must be made aware of the existence and requirement to report in order for the intention of the policy to match its implementation.
2. Implementation of HB33 is contingent on all mandatory reporters (in Ohio) completing a required annual training. The training should be offered in person (i.e., at statewide professional conferences) and online, with approved continuing education credits.
3. Mandatory reporters need to have a central phone number to call for the cross-reporting requirement. Those who answer must be responsible for connecting professionals to their colleagues (i.e., a social worker to a humane agent).
4. Data collected from calls needs to be integrated into a statewide database (i.e., Ohio Incident-Based Reporting System, OIBRS), a voluntary database of crime statistics used by Ohio law enforcement, and/or a national database

(i.e., National Incident-Based Reporting System, NIBRS), the “national standard for law enforcement crime data reporting in the United States” (Bureau of Justice Statistics, 2023).

5. The policy must be reviewed to consider additional categories of occupations and/or individuals who should be added as mandatory reporters, as many are currently absent from the current iteration.
6. The policy needs to have a clear message regarding the importance of addressing interpersonal and interspecies violence by multiple professions/agencies as a systemic force. One clear message will aid the community in a clear understanding of the intention of the policy.
7. The state is encouraged to financially invest in the recommended training, central phone number, and database management.

Limitations

While this research was novel and necessary, there are limitations that will be addressed in future efforts. A ten-percent response rate is appropriate for survey research; however, the researchers would like to have a larger sample that is representative of the relevant professions. Also pertaining to the survey, the researchers are aware that the survey was long; respondents were informed that it could take about 15-20 minutes to complete. An incentive was provided because of the length and sensitive nature of the survey, both of which were disclosed in the informed consent. However, the length of the survey may have deterred some respondents.

Though the participants chose to attend the focus group(s) virtually, the researchers aspired to have the conversations in person and are curious if an in-person conversation would have shifted any responses. The focus groups were not recorded, which may have resulted in some lost data by virtue of listening and note-taking without the opportunity to listen back.

Future Research

In tandem with pursuing publication of the research, findings will be shared with all community members who participated

in this study. Future research efforts should continue to engage community members in conversation and consider participatory action research as a model for future work. The researchers intend to create an online, asynchronous training module for professionals to access individualized learning, as well as for organizations to integrate into their professional onboarding of new hires and training of staff. Evaluation of this effort will support continuous improvement.

House Bill 33 provides a strong framework for the advancement of the protection of humans and animals; its passage was nothing short of monumental. Continued evaluation of the policy and its implementation must be a consistent process. Thus, updates to HB33 must be made where and when possible. The continued formation of a best practices model will serve as a framework for additional states and countries to add similar policies to their legislation. Future research should seek to develop an updated typology of offenders, victims, and survivors. Similarly, consistent research that evaluates how policy is implemented and actualized in practice serves to improve the intention of policy and the efforts of community practice.

Conclusion

Ohio House Bill 33 was passed with the intention of addressing The Link by requiring mandatory reporters to report suspected animal abuse through a cross-reporting mechanism. The aim of this study was to evaluate the efficacy of House Bill 33. This research explored five areas of knowledge and experience: 1. awareness of legislation and reporting mandate; 2. to whom they report; 3. if they have reported any instances of suspected Link cases; 4. whether they were notified of follow-up; and 5. identification of challenges of reporting.

Through the dissemination of an online, confidential survey to mandatory reporters and the facilitation of focus groups, strengths and opportunities for improvement were identified. As a strength, this policy is unique and novel in its approach to developing interdisciplinary professional teams to explicitly address interspecies and interpersonal violence. However, there is a lack of

communication about who is a mandatory reporter, while others also did not know about HB33. Education in the concept of The Link needs to be increased throughout the state, including explicit training on how to recognize and report suspected abuse. Finally, the state is encouraged to invest in resources to support professionals who report by creating a centralized phone number and database, as well as encouraging follow-through conversations to increase trust amongst professionals. HB33 has been a positive shift in Ohio, though the potential is great to increase impact.

While Ohio works to refine its policy and practice to address The Link, it also serves as a novel case study for other communities. Opportunities to apply this research to other communities are evident through the five identified areas of knowledge and experience. Learning explicitly about The Link supports professionals' knowledge and skills to identify suspected abuse or maltreatment. In doing so, professionals are able to be more effective in their roles. Knowing whom to report suspected human or animal violence to, even when reporting is not mandated, may be a life-saving action. Human service and animal welfare professionals are encouraged to become aware of and raise awareness of legislation and reporting mandates.

Experience of reporting instances of The Link has been met with both positive and negative affirmations. In some cases, professionals identified feeling as though they were better able to support their clients by understanding the family unit, inclusive of pets; other times, professionals shared frustration because of the lack of system-level support to notify other professionals or receive follow-up that their report made a difference for their client. The frustration is significant because a consistent lack of acknowledgement, especially in challenging cases, can be a factor in burnout. These areas of knowledge and experience can be experienced in a linear and iterative manner based on individual experiences and needs. By acknowledging these as opportunities, other communities may be able to establish supportive policies, community practices, and professional role expectations that support engagement in the identification of suspected link activities.

Bibliography

1. Agnew, R. (1998). The causes of animal abuse: A social-psychological analysis. *Theoretical criminology*, 2 (2), 177–209.
2. American Pet Products Survey (2022) Pet Industry Market Size, Trends & Ownership Statistics. Retrieved from: https://www.americanpetproducts.org/press_industrytrends.asp.
3. Arkow, P. (2023) The National Link Coalition. Retrieved from: <https://nationallinkcoalition.org/>.
4. Ascione, F. R. (1999). The abuse of animals and human interpersonal violence: Making the connection. *Child abuse, domestic violence, and animal abuse: Linking the circles of compassion for prevention and intervention*, 50–61.
5. Ascione, F.R., & Lockwood, R. (2001). Cruelty to animals: Changing psychological, social, and legislative perspectives. In D.J. Salem & A.N. Rowan (Eds.), *The state of the animals 2001* (pp. 39–53). Washington, DC: Humane Society Press.
6. American Society for the Protection of Cruelty to Animals (2022) Research. Retrieved from: aspcapro.org/left-navigation/research.
7. Animal Welfare Institute (2023) Animal Welfare Institute. Retrieved from: <https://awionline.org/>.
8. Beirne, P., & Lynch, M. J. (2023). On the Geometry of Speciesist Policing: The Federal Bureau of Investigation's Animal Cruelty Data. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 12 (2), 137–149.
9. Browne, J. A., Hensley, C., & McGuffee, K. M. (2017). Does witnessing animal cruelty and being abused during childhood predict the initial age and recurrence of committing childhood animal cruelty? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61 (16), 1850–1865. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1177/0306624X16644806>.
10. Bureau of Justice Statistics (2023) National Incident-Based Reporting System (NIBRS). Retrieved from: <https://bjs.ojp.gov/national-incident-based-reporting-system-nibrs>.
11. Campbell, A. M. (2022). The intertwined well-being of children and non-human animals: An analysis of animal control reports involving children. *Social Sciences*, 11 (2), 46.
12. Chan, H. C. O., & Wong, R. W. (Eds.). (2023). *Animal Abuse and Interpersonal Violence: A Psycho-Criminological Understanding*. John Wiley & Sons.
13. Counselor, Social Worker, Marriage and Family Therapist Licensure Board (CSWMFT) (2023) For the Public. Retrieved from: <https://tinyurl.com/2cmdcxee>.
14. Eysenbach G. (2004). Improving the quality of Web surveys: the Checklist for Reporting Results of Internet E-Surveys (CHERRIES). *Journal of medical Internet research*, 6 (3), e34. URL: <https://doi.org/10.2196/jmir.6.3.e34>.
15. Fitzgerald, A. J., Barrett, B. J., Gray, A., & Cheung, C. H. (2022). The connection between animal abuse, emotional abuse, and financial abuse

- in intimate relationships: Evidence from a nationally representative sample of the general public. *Journal of interpersonal violence*, 37 (5–6), 2331–2353.
16. Flynn, C. P. (2011). Examining the links between animal abuse and human violence. *Crime, law and social change*, 55, 453–468.
  17. Giesbrecht, C. J. (2022). Intimate partner violence, animal maltreatment, and concern for animal safekeeping: A survey of survivors who owned pets and livestock. *Violence against women*, 28 (10), 2334–2358.
  18. Holoyda, B. J., & Newman, W. J. (2016). Childhood animal cruelty, bestiality, and the link to adult interpersonal violence. *International Journal of Law and Psychiatry*, 47, 129–135. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1016/j.ijlp.2016.02.017>.
  19. Ireland, J. L., Birch, P., Lewis, M., Mian, U., & Ireland, C. A. (2022). Animal abuse proclivity among women: Exploring callousness, sadism, and psychopathy traits. *Anthrozoös*, 35 (1), 37–53.
  20. Jegatheesan, B., Enders-Slegers, M.-J., Ormerod, E., & Boyden, P. (2020). Understanding the Link between Animal Cruelty and Family Violence: The Bioecological Systems Model. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (9). URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.3390/ijerph17093116>.
  21. Lockwood, R., & Arkow, P. (2016). Animal abuse and interpersonal violence: The cruelty connection and its implications for veterinary pathology. *Veterinary Pathology*, 53 (5), 910–918.
  22. Longobardi, C., & Badenes-Ribera, L. (2019). The relationship between animal cruelty in children and adolescent and interpersonal violence: A systematic review. *Aggression and Violent Behavior*, 46, 201–211. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1016/j.avb.2018.09.001>.
  23. Luke, C., & Arluke, A. (1997). Physical cruelty toward animals in Massachusetts, 1975–1996. *Society & Animals*, 5 (3), 195–204.
  24. McDonald, S. E., Collins, E. A., Nicotera, N., Hageman, T. O., Ascione, F. R., Williams, J. H., & Graham-Bermann, S. A. (2015). Children's experiences of companion animal maltreatment in households characterized by intimate partner violence. *Child abuse & neglect*, 50, 116–127.
  25. McDonald, S. E., Collins, E. A., Maternick, A., Nicotera, N., Graham-Bermann, S., Ascione, F. R., & Williams, J. H. (2019). Intimate partner violence survivors' reports of their children's exposure to companion animal maltreatment: A qualitative study. *Journal of Interpersonal Violence*, 34 (13), 2627–2652. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1177/0886260516689775>.
  26. Miller, C. (2001). Childhood animal cruelty and interpersonal violence. *Clinical Psychology Review*, 21 (5), 735–749.
  27. Monsalve, S., Ferreira, F., & Garcia, R. (2017). The connection between animal abuse and interpersonal violence: A review from the veterinary perspective. *Research in veterinary science*, 114, 18–26.

28. Mota-Rojas, D., Monsalve, S., Lezama-García, K., Mora-Medina, P., Domínguez-Oliva, A., Ramírez-Necoechea, R., & Garcia, R. D. C. M. (2022). Animal abuse as an indicator of domestic violence: One health, one welfare approach. *Animals*, 12 (8), 977.
29. Muri, K., Augusti, E. M., Bjørnholt, M., & Hafstad, G. S. (2022). Childhood experiences of companion animal abuse and its co-occurrence with domestic abuse: evidence from a national youth survey in Norway. *Journal of interpersonal violence*, 37 (23–24), NP22627–NP22646.
30. Newberry, M. (2017). Pets in danger: Exploring the link between domestic violence and animal abuse. *Aggression and Violent Behavior*, 34, 273–281.
31. November, R. (2024). Protection for pets and people: The critical need for increased federal funding for pet-friendly domestic violence services. *Family Court Review*, 62 (1), 243–256. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1111/fcre.12776>.
32. Ohio Revised Code (2021) Section 1717.01. Humane society definitions. Retrieved from: <https://codes.ohio.gov/ohio-revised-code/section-1717.01>.
33. Ohio Revised Code (2025) Section 2151.281. Guardian ad Litem. Retrieved from: <https://codes.ohio.gov/ohio-revised-code/section-2151.281>.
34. Ohio Veterinary Medical Association (2020) Animal Abuse Recognition and Reporting. Provided by the Ohio Veterinary Medical Association Animal Abuse Recognition & Reporting Task Force. Available at www.ohiovma.org/abuse.
35. Ohio Veterinary Medical Association (2023) Resources. Retrieved from: <https://www.ohiovma.org/>.
36. Patterson-Kane, E. G., Kogan, L. R., Gupta, M. E., Touroo, R., Niestat, L. N., & Kennedy-Benson, A. (2022). Veterinary needs for animal cruelty recognition and response in the United States center on training and workplace policies. *Journal of the American Veterinary Medical Association*, 260 (14), 1853–1861.
37. Piper, H. (2003). The linkage of animal abuse with interpersonal violence: A sheep in wolf's clothing? *Journal of Social Work*, 3 (2), 161–177.
38. Poe, B. A., & Strand, E. B. (2022). History of veterinary social work. In *The Comprehensive Guide to Interdisciplinary Veterinary Social Work* (pp. 13–43). Cham: Springer International Publishing.
39. Robinson, C., & Clausen, V. (2021). The link between animal cruelty and human violence. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 10. Retrieved from: URL: <https://tinyurl.com/yemovp9d>.
40. Sheay, E. (2020). People Who Hurt Animals Don't Stop with Animals: The Use of Cross-Checking Domestic Violence and Animal Abuse Registries in New Jersey to Protect the Vulnerable. *Animal Law Review*, 26 (2), 445–473.
41. Tomlinson, C. A., Murphy, J. L., Matijczak, A., Califano, A., Santos, J., & McDonald, S. E. (2022). The Link between Family Violence and Animal Cruelty: A Scoping Review. *Social Sciences*, 11 (11), 514.
42. Trentham, C. E., Hensley, C., & Policastro, C. (2018). Recurrent childhood animal cruelty and its link to recurrent adult interpersonal violence.

- International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 62 (8), 2345–2356. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1177/0306624X17720175>.
43. Vincent, A., McDonald, S., Poe, B., & Deisner, V. (2019). The Link between interpersonal violence and animal abuse. *Society Register*, 3 (3), 83–101.
  44. Volant, A. M., Johnson, J. A., Gullone, E., & Coleman, G. J. (2008). The relationship between domestic violence and animal abuse: An Australian study. *Journal of Interpersonal Violence*, 23 (9), 1277–1295.
  45. Williams, J. M., Wauthier, L., Scottish SPCA, & Knoll, M. (2022). Veterinarians' experiences of treating cases of animal abuse: An online questionnaire study. *Veterinary record*, 191 (11).
  46. Wood, L., Martin, K., Christian, H., Nathan, A., Lauritsen, C., Houghton, S., ... & McCune, S. (2015). The pet factor-companion animals as a conduit for getting to know people, friendship formation and social support. *PloS one*, 10 (4), e0122085.
  47. Wuerch, M. A., Giesbrecht, C. J., Price, J. A. B., Knutson, T., & Wach, F. (2020). Examining the relationship between intimate partner violence and concern for animal care and safekeeping. *Journal of Interpersonal Violence*, 35 (9–10), 1866–1887. URL: <https://doi-org.proxy.ulib.csuohio.edu/10.1177/0886260517700618>.

Соединяя политику и практику: изучение осведомлённости специалистов, барьеров и опыта в сообщениях о «Связи» между насилием над людьми и жестоким обращением с животными

Авива Винсент, Юнис Ли, Алана Ван Ганди, Лорен Касуэлл, Линда Квинн

Аннотация. *Цель исследования:* «The Link» (Связь) представляет собой признанный поведенческий феномен, согласно которому жестокое обращение с домашними животными может служить индикатором межличностного насилия, насилия над детьми или пожилыми людьми. Закон штата Огайо № 33 (HB33), принятый в 2021 году, ввёл обязанность специалистов сообщать о подозрениях на жестокое обращение с животными. В данном исследовании этот Закон используется для оценки эффективности подобных законодательных инициатив. *Гипотеза:* В представленном пилотном исследовании анализируются цели и предполагаемое воздействие закона HB33 с учётом демографических переменных (возраст, пол, род профессиональной деятельности), уровня осведомлённости о «Связи», существующих барьеров информирования о случаях жестокости и наличия профессиональной подготовки. *Методы:* Конфиденциальное анкетирование было направлено более чем 1500 специалистам, обозначенным в HB33 как лица, обязанные информировать о соответствующих случаях (mandatory reporters). Получено 160 ответов. Для анализа взаимосвязей между демографическими характеристиками и ключевыми переменными использовались однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), χ^2 -критерий и t-критерий Стьюдента для

независимых выборок. По завершении опроса респонденты были приглашены к участию в фокус-группах (N=14). *Результаты:* Большинство участников опроса составили женщины (78%) в возрасте от 35 лет и старше. Почти половина работала в сфере социальной защиты человека, в то время как около 20% были задействованы в защите животных. Осведомлённость о «Связи» была ниже у специалистов в сфере социальной работы по сравнению с теми, кто работает с животными ($p < 0,01$). Основания для подозрений о жестоком обращении также варьировались по секторам: работники социальной сферы чаще основывали свои подозрения на поведении или внешнем виде людей, тогда как специалисты в области защиты животных — на поведенческих и физических признаках у самих животных ($p < 0,01$). *Выводы:* Полученные данные подчёркивают тесную взаимосвязь между насилием над людьми и жестоким обращением с животными, что требует применения межсистемного (многоуровневого) подхода. В числе рекомендаций — уточнение формулировки обязанностей лиц, которым НВЗЗ предписывает сообщать о случаях жестокости, выделение финансирования на обязательную подготовку специалистов и создание централизованной системы учёта и передачи информации. Делается вывод о том, что, несмотря на выявленные недостатки, НВЗЗ может служить моделью для внедрения аналогичных инициатив в других штатах. *Значение для общественной практики:* Это инновационное исследование демонстрирует существующее противоречие между намерениями законодательства и практикой его реализации. Хотя НВЗЗ является необходимым и добросовестно сформулированным нормативным актом, специалисты, ответственные за сообщение о случаях жестокости по отношению к животным, не могут эффективно исполнять свои обязанности без соответствующего информирования и обучения. Законодательные инициативы, подобные НВЗЗ, будут значительно более эффективны при условии наличия финансовой поддержки их внедрения, регулярного обучения лиц, реализующих предусмотренные им меры, и систем отслеживания данных для постоянной корректировки. Более того, такие законодательные инициативы действительно предоставляют специалистам на местах, в сообществах, возможность спасти жизни — как человеческие, так и животных, — что и является изначальной целью данной политики.

Ключевые слова: зооправо, зооэтика, социальная политика, “The Link”, жестокое обращение с животными, межличностная жестокость, межвидовая жестокость, обязанность информировать, межведомственное информирование, комбинированный метод исследования, количественные методы, качественные методы.

DOI: 10.55167/31d695a3bd79

Table 3. Results of Descriptive Statistics of Demographic Characteristics by Training Experiences

	Total	Training on Human Cruelty & Neglect (n = 33)	Training on Animal Cruelty & Neglect (n = 21)	Training on Both Human and Animal Cruelty & Neglect (n = 71)	No Training (n = 16)	Chi- square/ F value	p value				
(Gender (n = 118											
(Frequency (%) or Mean (SD											
Female	92.00	78.00	19.00	16.10	15.00	12.70	50.00	42.40	8.00	6.80	
Male	22.00	18.60	5.00	4.20	4.00	3.40	9.00	7.60	4.00	3.40	0.73
Non-binary	4.00	3.40	1.00	0.80	0.00	0.00	2.00	1.70	1.00	0.80	
(Age (n = 118											
(Frequency (%) or Mean (SD											
years 18-24	2.00	1.70	1.00	0.80	0.00	0.00	1.00	0.80	0.00	0.00	
years 25-34	37.00	31.40	9.00	7.60	8.00	6.80	15.00	12.70	5.00	4.20	
years 35-44	24.00	20.30	6.00	5.10	5.00	4.20	11.00	9.30	2.00	1.70	
years 45-54	24.00	20.30	4.00	3.40	3.00	2.50	15.00	12.70	2.00	1.70	8.95
years 55-64	21.00	17.80	4.00	3.40	3.00	2.50	11.00	9.30	3.00	2.50	0.88
65+	10.00	8.50	1.00	0.80	1.00	0.80	8.00	6.80	0.00	0.00	
(Primary Occupation (n = 139											
Human Welfare: APS, LPC, Psy, SW, CPS	67.00	48.20	20.00	15.40	1.00	0.80	36.00	27.70	6.00	4.60	
Animal Medical: Vet, Vet Tech	14.00	10.01	0.00	0.00	8.00	6.20	4.00	3.10	1.00	0.80	
Law & policy: Law (all categories), policy, domestic violence	30.00	21.60	12.00	9.20	0.00	0.00	14.00	10.80	4.00	3.10	56.55
Animal Welfare: Deputy Dog Warden, Dog Warden, Human Agent	28.00	20.01	0.00	0.00	8.00	6.20	13.00	10.00	3.00	2.30	0.01.>

Years in Primary Occupation**(n = 145)**

years 0-2	26.00	17.90	9.00	6.60	4.00	2.90	9.00	6.60	3.00	2.20	
years 3-5	20.00	13.80	5.00	3.70	7.00	5.10	5.00	3.70	2.00	1.50	
years 6-10	30.00	20.70	8.00	5.90	3.00	2.20	15.00	11.00	4.00	2.90	18.67
years 11-15	16.00	11.00	2.00	1.50	0.00	0.00	9.00	6.60	2.00	1.50	0.10
or more years	53.00	36.60	8.00	5.90	6.00	4.40	31.00	22.80	4.00	2.90	

?Are you a mandatory reporter**(n = 131)**

Yes	110.00	84.00	25.00	19.20	19.00	14.60	58.00	44.60	7.00	5.40	
No	21.00	16.00	5.00	3.80	2.00	1.50	7.00	5.40	7.00	5.40	13.90

**In the last three years, I have seen an increase in
(human and/or animal abuse (n = 144**

Yes	76.00	52.80	18.00	13.40	7.00	5.20	39.00	29.10	7.00	5.20	
No	52.00	36.10	9.00	6.70	10.00	7.50	24.00	17.90	5.00	3.70	0.68
I don't know	16.00	11.10	4.00	3.00	3.00	2.20	6.00	4.50	2.00	1.50	

**In the last three years, I have been in a situation
where I suspected human or animal abuse (n =
(137**

Yes	115.00	83.90	25.00	19.20	18.00	13.80	61.00	46.90	5.00	3.80	
No	22.00	16.10	3.00	2.30	2.00	1.50	8.00	6.20	8.00	6.20	22.00

001.>

**In the last three years, I have been in a situation(s)
(where I suspected human or animal abuse (n = 114**

Animal cruelty & neglect	63.00	55.30	7.00	6.40	17.00	15.60	32.00	29.40	4.00	3.70		
Child cruelty & neglect	31.00	27.20	11.00	10.10	0.00	0.00	19.00	17.40	1.00	0.90	24.14	01.>
Elder cruelty & neglect	4.00	3.50	0.00	0.00	0.00	0.00	3.00	2.80	0.00	0.00		
Spousal cruelty & neglect	16.00	14.00	7.00	6.40	1.00	0.90	7.00	6.40	0.00	0.00		
What made you suspect human or animal abuse (n = 114												
Behavior of people	62.00	54.40	13.00	11.90	8.00	7.30	34.00	31.20	4.00	3.70	1.26	0.74
Physical appearance of people	39.00	34.20	11.00	10.10	3.00	2.80	22.00	20.20	1.00	0.90	4.52	0.21
Person reported cruelty & neglect	69.00	60.50	18.00	16.50	10.00	9.20	37.00	33.90	2.00	1.80	3.44	0.33
Behavior of animal	38.00	33.30	4.00	3.70	8.00	7.30	21.00	19.30	4.00	3.70	7.37	0.06
Physical appearance of animal	60.00	52.60	7.00	6.40	18.00	16.50	29.00	26.60	3.00	2.80	22.73	001.>
Other	4.00	3.50	2.00	1.80	1.00	0.90	1.00	0.90	0.00	0.00	2.42	0.49

?Who did you report the abuse to

(n = 99)												
Humane agency	43.00	43.40	5.00	5.20	11.00	11.30	21.00	21.60	4.00	4.10	8.32	01.>
Law enforcement	34.00	34.30	8.00	8.20	3.00	3.10	21.00	21.60	2.00	2.10	2.57	0.46
Social work agency	51.00	51.50	12.00	12.40	5.00	5.20	32.00	33.00	2.00	2.10	6.01	0.11
Direct supervisor	17.00	17.20	6.00	6.20	3.00	3.10	8.00	8.20	0.00	0.00	3.49	0.32
The Courts	14.00	14.10	2.00	2.10	4.00	4.10	7.00	7.20	1.00	1.00	1.92	0.59
Other	14.00	14.10	4.00	4.10	1.00	1.00	5.00	5.20	1.00	1.00	1.91	0.59

What was the result of your report of abuse? (n = 98)

Police report was filed	25.00	25.50	7.00	7.10	0.00	0.00	18.00	18.40	0.00	0.00	10.29	05.>
Criminal charges filed	21.00	21.40	2.00	2.00	6.00	6.10	13.00	13.30	0.00	0.00	5.57	0.14
Abuser was convicted of cruelty & neglect	13.00	13.30	1.00	1.00	7.00	7.10	4.00	4.10	1.00	1.00	14.50	05.>
Removal of child	13.00	13.30	2.00	2.00	1.00	1.00	10.00	10.20	0.00	0.00	3.27	0.35
Removal of partner	4.00	4.10	1.00	1.00	0.00	0.00	3.00	3.10	0.00	0.00	1.30	0.73
Removal of animal	23.00	23.50	0.00	0.00	9.00	9.20	13.00	13.30	1.00	1.00	14.83	01.>
Nothing was done	22.00	22.40	7.00	7.10	3.00	3.10	11.00	11.20	1.00	1.00	1.90	0.59
Other	8.00	8.20	2.00	2.00	1.00	1.00	5.00	5.10	0.00	0.00	0.79	0.85
Don't know	30.00	30.60	6.00	6.10	5.00	6.10	14.00	14.30	5.00	5.10	9.46	0.04

Do you think that others who are mandatory reporters for animal abuse in Ohio are? (n = 88)

Aware they are a mandatory reporter of animal cruelty & neglect	73.00	83.00	20.00	23.00	8.00	9.20	42.00	48.30	3.00	3.40	10.11	05.>
Aware and know what to do if they suspect animal cruelty & neglect	33.00	37.50	8.00	9.20	1.00	1.10	22.00	25.30	1.00	1.10	6.30	0.10
Aware of how to report animal cruelty & neglect	33.00	37.50	8.00	9.20	1.00	1.10	22.00	25.30	2.00	2.30	4.87	0.18
Consistent in reporting of suspected animal abuse	19.00	21.60	5.00	5.70	0.00	0.00	14.00	16.10	0.00	0.00	6.27	0.10
Consistent in responding to call(s) for suspected abuse (i.e., check all individuals and animals in the home	26.00	29.50	6.00	6.90	3.00	3.40	16.00	18.40	1.00	1.10	1.16	0.76

Do you think that Ohio House Bill 33 has been effective at increasing protections for humans and animals in Ohio? (n = 110)

Yes, for animals	19.00	17.30	1.00	0.90	5.00	4.60	10.00	9.30	2.00	1.90	
Yes, for humans	14.00	12.70	5.00	4.60	1.00	0.90	7.00	6.50	0.00	0.00	9.03
Yes, for humans and animals	52.00	47.30	11.00	10.20	7.00	6.50	30.00	27.80	4.00	3.70	0.43
Not for humans nor animals	25.00	22.70	7.00	6.50	2.00	1.90	14.00	13.00	2.00	1.90	

Obstacles to increasing protection for humans and animals in Ohio

(n = 101)

I don't know if I am a mandatory reporter	9.00	8.90	2.00	2.00	0.00	0.00	4.00	4.00	3.00	3.00	7.26	0.06
I don't know how to recognize human cruelty & neglect	7.00	6.90	1.00	1.00	2.00	2.00	2.00	2.00	1.00	1.00	1.57	0.67
I don't know how to recognize animal cruelty & neglect	8.00	7.90	3.00	3.00	0.00	0.00	5.00	5.00	0.00	0.00	3.79	0.29
I don't know who to call	18.00	17.80	6.00	6.00	1.00	1.00	9.00	9.00	2.00	2.00	3.51	0.32
If I call, others don't care	24.00	23.80	6.00	6.00	6.00	6.00	10.00	10.00	2.00	2.00	1.73	0.63
I don't know what to look for	3.00	3.00	0.00	0.00	0.00	0.00	3.00	3.00	0.00	0.00	2.97	0.40
There are not enough people/agencies to help	60.00	59.40	10.00	10.00	12.00	12.00	35.00	35.00	3.00	3.00	7.01	0.07
Other	38.00	37.60	10.00	10.00	7.00	7.00	18.00	18.00	3.00	3.00	1.26	0.74

On a scale of 1 to 10, how much do you think human and animal cruelty and neglect are linked (or related each other)? (n = 117)

	(2.02)	8.54	(2.37)	7.79	(1.28)	9.38	(1.45)	9.00	(2.34)	7.29	6.89	001.>
--	--------	------	--------	------	--------	------	--------	------	--------	------	------	-------

Mean/SD

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета. Весна–лето 2025

Елена Лукьянова, профессор Свободного университета

Юбилейное. Сентябрь для Свободного университета — месяц праздничный. Уволенные в августе 2020 года пятеро профессоров Вышки именно в начале сентября договорились о том, что мы не готовы поступиться своим правом на академическую свободу, мы не хотим быть наемными служащими у государства, которое эту свободу ограничивает, и, наоборот, мы готовы преподавать своим студентам из дома, из библиотеки, с пляжа, с пересадки в аэропорту или откуда-нибудь еще. Мы публично объявили о нашей инициативе, мы с радостью приняли еще 14 присоединившихся к нам профессоров и объявили набор на 19 первых курсов и получили 6,5 тысяч мотивационных писем от студентов. У нас тогда не было ничего. Не было денег, сайта, устава, структуры. Не было логотипа, девиза, журнала. Не было цехов и лабораторий. У нас были только профессиональные компетенции и свобода, регулируемая добросовестностью и нашими собственными требованиями к академическому качеству. Мы не знали, как долго продлится наше начинание и выживет ли оно вообще. Большинство наших профессоров тогда еще жили и работали в России. Еще не было войны, еще не было такого уровня гонений на свободу мысли и выражения мнения. Но уже режим поменял Конституцию, и тучи сгущались.

Сегодня трудно поверить, что прошло пять лет. Что Свободный университет не просто есть — он развивается. Нас стало много — и студентов, и преподавателей. У нас появились правила и институты самоуправления. Мы прошли через многие трудности и понимаем, что их еще будет немало. Но мы научились справляться с ними вместе. Со ссорами и спорами, но вместе. На расстоянии мы научились разговаривать и решать задачи. География наших преподавателей и студентов охватила полмира.

Да, мы, конечно, устали. Да, наши ряды регулярно пополняются иноагентами. А как иначе? Свобода и независимость по современным российским меркам стоят дорого. И, конечно же, в России нас признали нежелательными. Но 1 сентября 2025 года мы объявили набор на наш 11-й семестр. И к нам пришло еще 13 новых классных профессоров. Мы стали самым большим трансграничным русскоязычным онлайн-университетом!

А теперь о том, как мы жили и что делали весной-летом 2025 года. Начну с печального. Этой весной мы целый месяц жестко спорили и почти ссорились. Такое в нашем университете бывает примерно раз в полтора года. Спорили о прозрачности, о том, кто мы и как мы устроены. Всегда несколько человек вдруг начинают подозревать коллег в недобросовестности. И это закономерно в онлайн-режиме, когда не можешь посмотреть глаза в глаза. Было трудно, но коллектив оказался сильнее, и мы преодолели подозрения-непонимания. Как, впрочем, и во всех предыдущих случаях. Главное, что стало понятно — мы превысили по общей численности критическое число Данбара (максимальное число постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать в своем окружении, примерно 150 человек), поэтому нам нужно что-то менять в системе управления, чтобы информация и проблемы первично осмысливались в меньшем кругу, прежде чем дойти до общего обсуждения.

В марте 2025 Свободный университет стал партнером инициативного проекта Лаборатория «Академические мосты» в организации международной конференции «Война и мир: очевидное и вероятное», а профессора университета — ее активными участниками. На пленарной онлайн-секции, где обсуждались текущая ситуация и возможные последствия войны, выступал Кирилл Мартынов. Пленарный доклад Дмитрия Дубровского открывал очную секцию «Новообразования в образовании», которая прошла на площадке и в сотрудничестве с Рурским университетом (Бохум, Германия); на этой же секции Дмитрий представлял Свободный университет на круглом столе «Российские университеты за пределами РФ: проблемы и возможности». Там же в Бохуме представил свой доклад Денис Тихонов. В онлайн-секции «Религиозные идентичности во

время войны» участвовала Ксения Лучко, а в секции «Горечь памяти и бесценность смерти» — Светлана Еремеева.

Мы медленно и упорно двигались вперед. У нас не хватало рабочих рук и ресурсов, но вдруг мы почувствовали, что переходим на какой-то новый уровень — наши преподаватели, которые были жестоко отучены от любой инициативы российской высшей школой, вдруг начали оживать и понимать, что кроме них самих никто ничего не сделает. И еще постепенно преодолевался комплекс одиночки. Ведь преподаватель, по сути, очень одинокий человек. Он все время один на один с аудиторией. И вдруг мы почувствовали, что мы вместе. Что можно усилить себя и свой курс коллегами. Что тебе бросятся на помощь, если трудно. Что все, что ты делаешь, достойно оценки и похвалы. Скорлупа российского академического одиночества начала трещать по швам. Не сразу и не у всех, но начала. И это отличная новость. Наверное, именно пять лет было нужно, чтобы это ощущение инициативной свободы пришло. Мы уже было почти отчаялись, но нет. Все происходит в свое время. Вдруг во многих цехах началась кооперация и создание новых совместных программ. Самым большим приятно-неожиданным стала инициатива Свободных курсов, создавших большую двухлетнюю магистерскую программу «Свободное литературное творчество / Free Creative Writing». С потрясающими авторскими мастерскими и курсами, со звездными преподавателями. Похоже, что в недалеком будущем нам удастся дополнить эту программу мастерской литературного перевода. Давно хотели. Тем более, что есть чего переводить — и книги наших преподавателей, и учебные материалы, которых не хватает на русском.

И еще. Мы очень ждали, когда объединятся политологи. У нас их было мало, и они не очень хорошо себя чувствовали в большой кампании юристов. В итоге у них появилось два лидера, и дело пошло. Они стали объединяться. Появился новый майнор «Политика и право Европейского Союза (ЕС)» — 5 курсов. Началась подготовка большой магистерской программы по международным отношениям. Историки тоже подготовили майнор по российской колонизации в разделе *memory studies*.

Кроме того, при поддержке Nordic Council мы объявили нашу программу по демократии для русскоязычных слушателей, живущих в Латвии, Финляндии и Швеции¹. Еще одна новость — слушатели магистерской программы по публичному праву вдруг сообщили нам, что они хотят писать магистерские диссертации. Мы удивились и обрадовались. Написали инструкцию, распределили научных руководителей. Будем делать!

Мы увидели, что как только появляется интересная всем идея, она быстро и эффективно реализуется в рамках университета. Например, вдруг решили выпустить специальный номер журнала к 100-летию классика конституционного права и легенды юрфака МГУ профессора Августа Алексеевича Мишина. Очень быстро с огромным удовольствием коллеги собрали этот номер, написав оригинальные и интересные материалы, а филологи придумали для номера название «Cor Juris» — «Сердце права». Получился один из лучших номеров, который читается и перечитывается². Еще один номер журнала — «Нерусский мир» — с прекрасным материалом члена нашего Наблюдательного Совета французской профессоркой Сесиль Весе вышел этим летом³. В этих номерах мы также расшифровали две очень важные лекции гостей нашего YouTube канала — Ирины Бусыгиной и Андрея Кордочкина.

В начале сентября в Юрмале появилось объявление:

Журнал *Palladium* — одно из тех редких мест, где академическая мысль на русском языке все ещё говорит вслух. Без защитных оболочек, без редакционного испуга, без оглядки на повестку. Не новости, не лозунги — тексты. Длинные, живые, невыровненные. И у этих текстов — есть лица. Их рисует Марина Садомская. Каждый выпуск *Palladium* начинается с её обложки. Она не объясняет содержание, но всегда даёт почувствовать его направление: тревогу, сарказм, мысль, от которой не отмахнуться. «Лица журнала» — это выставка этих обло-

1. URL: <https://brivauniversitate.lv/ru/obyavleniya/novyj-nabor/2025/08/26/ty-zhivyosh-v-latvii-finlyandii-ili-shvecii/>.

2. URL: <https://freeuniversity.press/palladium/13/>.

3. URL: <https://freeuniversity.press/palladium/14/>.

жек. Это не рассказ о художнике — это приглашение в то самое пространство, где слово ещё дышит, а изображение служит ему не декором, а соратником. В экспозиции — 14 мольбертов с графикой, 14 выпусков, зеркало и пустой мольберт у выхода: «Следующий номер?» — и вопрос к тому, что будет дальше. Открытие — в гараже. Формат — камерный. Тема — свобода мысли, выраженная чёрной линией на белом фоне.

Да, действительно, журнал наш не просто интересный. Он еще и очень красивый, необычный по формату и оформлению для научных изданий. И если ему и нашему художнику-графику, Марине Садомской, являющейся по совместительству секретарем Наблюдательного Совета университета, посвящена выставка, значит мы хорошо и с душой работаем.

У нас началось сотрудничество с Варшавским университетом. Сначала с журнала восточно-европейского права. Через три с половиной года войны польские юристы пришли к выводу, что полноценный анализ проблем невозможен без российских ученых. Мы с удовольствием начали готовить публикации для партнеров. Начало положено. Сейчас готовимся к конференции в польском Щецине. Еще один шаг для академического сотрудничества.

Пятеро профессоров по представлению Свободного университета выиграли индивидуальные гранты на разработку новых программ.

Нас начали включать в делегации университетов в изгнании. Вот короткий отчет нашего коллеги:

Дорогие друзья, отчитываюсь: прилетел из поездки по американским университетам. Наша группа была 4 человека: от нас, от Европейского гуманитарного университета (Литва), от Шанинского фонда (Литва) и от FLAS (Черногория). В Вашингтоне мы были в университете Джорджтауна и в ряде НКО и ассоциаций (типа NAFSA и AIEA); в Питтсбурге — университет Дюкейна, Карнеги-Меллон и университет Питтсбурга; в Денвере — университет Денвера, MSU Денвер (госуниверситет) и Колорадо-Боулдер (там много лет работал Марк Липовецкий); в Висконсине — в университете Висконсин-Мэдисон, Кэррол университет и Конкордия.

В основном мы встречались с людьми из международных офисов, говорили про обмена студентов и возможные сотрудниче-

ства, несколько отдельных встреч было по нашей программе по Creative Writing, еще несколько со славистами, и пара с международниками...

Мы начали постепенно воплощать нашу давнюю идею — создание школы теологии и гуманистического христианства. Подобного не преподают в светских вузах на русском языке. Мы представили университет в колледже Бернардин в Париже. Основанный Этьеном де Лексингтоном в 1245 году, он первоначально предназначался для обучения монахов-цистерцианцев. С 2009 года является католической академией Франции и центром теологических и библейских исследований.

Лаборатория гуманитарных исследований искусственного интеллекта так и не ушла на каникулы летом 2025 года. Было запланировано два больших дела: подготовка нового курса «Я и мой ИИ: социальная психология отношений человека с искусственным интеллектом», набор на который хотелось объявить уже в осеннем семестре текущего года, и подготовка научной панели «Artificial Intelligence in European Education and Public Consciousness: Issues of Law Enforcement, Risk Management, and Everyday Practices of Human-AI Interaction» в рамках International Congress of Belarusian Studies в Берлине 25–27 сентября.

Работа над курсом велась при поддержке Гёте-Института. Автор курса — сооснователь и координатор Лаборатории Игорь Павлов. Задача была непростой: создать уникальную просветительскую программу, в центре внимания которой социально-психологические и этические аспекты отношений человека с ИИ в пространстве обыденной жизни. 23 августа была прочитана первая — пока еще пробная — лекция на тему «Как люди воспринимают ИИ-партнёров: антропоморфизация и (де)гуманизация машины» из будущего цикла лекций и занятий. Почти двухчасовая дискуссия после лекции подтвердила: тематика курса хоть и новая, но вызывает живой интерес и побуждает слушателей глубже осмыслить собственный опыт взаимодействия с ИИ.

Параллельно шла подготовка к проведению специальной научной панели по теме искусственного интеллекта в гуманитарном разрезе знаний. Инициатором и главным органи-

затором панели выступила наша Лаборатория. Коллективом Лаборатории были заявлены три доклада: «От выравнивания к благополучию: этические вызовы в эволюции LLM как автономных агентов» (Александр Климович), «Pedagogical and psychological aspects of learning science using Artificial Intelligence» (Макс Голд) и «Чувствующие машины и „бесчувственные“ люди: есть ли место эмпатии в отношениях человека с ИИ» (Игорь Павлов), а также доклад приглашенного коллеги из Польши «Niepełnosprawność a rozwój sztucznej inteligencji» (Dawid Michał Patalong). Участие в Конгрессе в Берлине — важный шаг для развития Лаборатории и возможность публично заявить о себе на международном уровне.

Мы собрали общее собрание и поговорили о возможности дополнительной монетизации, не затрагивая основной принцип бесплатности.

Летняя школа «Язык и свобода». С 24 августа по 10 сентября 2025 года в Кипариссии (Пелопоннес) состоялась Летняя школа Свободного университета под девизом «Язык и свобода». Административный центр района Трифилия уже становился в 2023 и 2024 гг. импровизированным летним кампусом конференций, стратегических сессий Ученого совета и летних школ Свободного. Эта традиция продолжилась, среди прочего, благодаря щедрой помощи организации Восточноевропейский академический альянс и клуба М.Е.С.К. в Кипариссии.

В 2025 году группа профессоров Цеха филологии и наук о культуре (Ася Штейн, Гасан Гусейнов) и Свободных курсов Свободного университета (Татьяна и Владимир Сотниковы), а также Тамрика Хвтисиашвили (США) провела в Кипариссии четыре семинара на русском языке. Темы: «Современная проза» (Сотниковы), «От мистерии к трагедии» (Штейн), «Язык и власть на постсоветском пространстве» (Гусейнов), «Введение в академический английский» (Хвтисиашвили).

Летняя школа стала очным продолжением онлайн-занятий и первой встречей студентов разных курсов, которые съехались из нескольких стран — из РФ, Украины, Грузии, Казахстана, Черногории, Израиля, Германии, Швейцарии, Италии, Финляндии, Латвии и США.

В рамках Летней школы прошел трехдневный фестиваль документального кино «Медиазоны». Участники обсудили шесть новейших документальных фильмов, снятых «Медиазоной» в России.

По вечерам в рамках Летней школы Яна Золотовицкая и Роман Золотовицкий (Гейдельберг) провели три занятия на тему «Театр как диалог и психологическая драма современности», а Александр Смолянский (Берлин) прочитал две лекции по точным методам в гуманитарных науках: «Вариативность подходов системы „Интегрум“ к анализу медийного пространства: показ и разбор инструментария» и «Digital humanities: секс и война. Лексика и концептуализация»

Сентябрь открылся творческим вечером и презентацией новых книг Татьяны Сотниковой (Анны Берсеновой) и Владимира Сотникова. Профессора и студенты Свободного университета обсудили курсы нового учебного года и дальнейшие планы летних школ Свободного.

Большую помощь в организации Летней школы оказали Соня Турколья (председательница правления М.Е.С.К.) и ее коллеги. Информацию о Летней школе поместила и местная газета под названием *Ελευθερία* (Свобода).

Пока мы трудились и развивались, в России продолжалось сужение академического пространства. Ограничивались выпуск и продажа книг, закрывались просветительские проекты, вводилась дополнительная цензура в образовании. Продолжалось давление на Московскую высшую школу социальных и экономических наук (Шанинку). В апреле 2025 года Рособнадзор на год запретил этому вузу принимать студентов из-за «неисполнения предписания об устранении нарушений, выявленных в 2024 году, таких как претензии к лицензионным требованиям и аккредитации». К сентябрю 2025 года список организаций, признанных российской прокуратурой нежелательными, достиг 263 наименований. Примерно треть из них — учебные и научно-исследовательские институты. Например, в первые дни сентября нежелательной была признана Швейцарская организация «Международный бакалавриат» (International Baccalaureate), под эгидой и по методике которой работало 29 лучших российских школ. Похоже, что дата объявления была специально приуроче-

на к началу учебного года. Так издевательство становится более изысканным. Этим же летом нежелательным был признан один из самых крупных и известных частных вузов США — Йельский университет, который вместе с Гарвардским и Принстонским университетами входит в так называемую «Большую Тройку». В официальном релизе Генеральная прокуратура обвинила вуз в подрыве политической стабильности России, ее экономических основ и территориальной целостности, а также подготовке оппозиционных лидеров.

В итоге мы оказались в хорошей компании. Теперь нас уже пятеро: Бард-колледж, который стал первым в России вузом, признанным нежелательной организацией (частный вуз из США, который более 20 лет сотрудничал с СПбГУ и должен был стать партнёром Университета свободных искусств, создаваемого в Петербурге по инициативе Алексея Кудрина); Центрально-Европейский университет (Австрия); Йельский университет; Мормонский университет Brigham Young (США, штат Юта) и мы. Вместе с Британским Советом, Независимым институтом философии (Франция), Центром Дэвиса по изучению России и Евразии при Гарвардском университете, Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, Центром Вудро Вильсона, проводящим исследования глобальной политики, Немецким Центром восточноевропейских и международных исследований, Центром европейских исследований (Martens Centre) имени Вильфрида Мартенса и Институтом международного образования мы вполне могли бы создать международный клуб образовательных и исследовательских организаций, подвергающихся преследованиям со стороны авторитарных режимов. Неплохая идея. Будем думать.

Курсы, набор на которые объявлен 1 сентября 2025 года

Цех политологии и права

- Я и мой ИИ: социальная психология отношений человека с искусственным интеллектом» (Лаборатория гуманитарных исследований ИИ)

- Сравнительная политология
- Аргументация, риторика и убеждение в международной политике
- Академическая свобода и университеты
- Свобода слова: Международные стандарты и современные практики
- Между Биржей и Алтарем: право, экономика и общее благо
- Противодействие грязным деньгам
- Английский для юристов: фокус на публичном праве / Legal English: Public Law Focus
- Курс «Демократические ценности» для жителей Латвии, Финляндии и Швеции

Майнор «Политика и право Европейского Союза (ЕС)»

- Евроинтеграции: Интеграционные процессы в Европе
- Введение в право ЕС
- Право Европейского Союза — продвинутый, углубленный курс по общему праву ЕС
- Единый европейский рынок — продвинутый курс по различным аспектам функционирования общего рынка ЕС,
- Между сотрудничеством и конфликтом: отношения ЕС и РФ с 1992 года

Свободные курсы Свободного университета

- Мастерская «Поэтика, критика и теория стиха»
- Жанровая проза: детектив, хоррор, фантастика, исторический роман
- Невидимый соавтор: как ИИ меняет креативное письмо
- Лаборатория длящейся катастрофы
- Теория литературы и вызовы современности

Цех социальных наук и гендерных исследований

- Анализ данных для социальных исследователей
- Концептуальные и философские основы феминизма

Цех филологии и наук о культуре

- Women's Voices: British and Irish Women Novelists from Anne Radcliffe to Virginia Woolf
- Творчество женщин-композиторов в контексте мужской композиторской традиции
- Война в зеркале русскоязычных пьес XX–XXI веков
- Теория и её институты

Цех философии и религиоведения

- Философская латынь. Часть вторая: Исповедь Августина
- Философия современного искусства: от Канта до искусственного интеллекта
- Отношение: диалог и семиотика
- Скептицизм, обоснование и внешний мир
- Диалоги Платона
- Символизм в иконографии: богословие образа и язык формы

Школа истории и исторической памяти

- Спецслужбы и агентуры влияния в СССР и России
- Введение в археологию Ближнего Востока: история археологии Израиля, Египта и Иордании

Школа компетенций

- Свободная школа: проектирование и реализация
- Introduction to American Studies: The Good, the Bad and the Ugly

Школа точных наук

- Томас Манн глазами математика
- ЦНС (головной и спинной мозг)
- Фотохимия

Магистерская программа «Свободное литературное мастерство» / «Free Creating Writing»

Мастерские

- Мастерская литературной критики и литературоведения
- Мастерская «Проза для взрослых и детей, жанровая беллетристика, литературная критика, эссеистика»
- Мастерская «Теория литературы и вызовы современности»
- Мастерская поэтического текста
- Мастерская «Документальная проза»

Список курсов:

- Документальная проза
- История советской литературы 1917–1956
- Русская проза новейшего времени (1990-е — 2020-е годы). Авторы и тренды
- Литературные мемуары и автобиографическая проза советского периода
- Поэзия эксперимента
- Введение в издательское дело
- Автобиографическая поэтика русского зарубежья
- История творческого взаимодействия человека и ИИ от Гомера до Ника Бострома
- Творчество женщин-композиторов в контексте мужской композиторской традиции
- Как писать текст на английском языке
- Лаборатория длящейся катастрофы
- Экспериментальная драматургия
- Dramatic Writing: как писать сегодня для кино и театра (введение в современную драматургию)
- Российская театральная цензура: история и современность
- Жанровая проза: детектив, хоррор, фантастика, исторический роман

- Глазами ребенка: рассказы русских, советских и пост-советских писателей XX столетия
- Истории о силе: практика посттравматической драмы
- Креативное письмо: современная проза и авторский голос
- Теория и практика иллюстрации
- Изучение читателя: история, методы, проблемы
- Писатель как исследователь
- Интеллектуальное сопротивление войне в новейшей русской литературе
- Невидимый соавтор: как ИИ меняет креативное письмо

Всего 63 курса и пять мастерских, не считая курсов, которые читаются на уже объявленных магистерских программах и майнорах. Тринадцать новых преподавателей.

DOI: 10.55167/b616cb56bdd5

The slow-motion collapse of Russian higher education

Dmitry Dubrovskiy

Dmitry Dubrovskiy' report was published in OVD-Info: <https://ovd.info/en/2025/05/21/slow-motion-collapse-russian-higher-education>

Russia was once a frontier of higher education, attracting top teachers and students worldwide. Today, Russian universities are being rapidly militarized while their overall quality has tanked. The fall began with the Kremlin's confused policy of trying to improve university quality, worsened at the 2010s authoritarian turn, and was finally exacerbated by the full-scale invasion of Ukraine.

Dmitry Dubrovskiy is a historian and human rights scholar at Charles University, specializing in the politics of academic freedom and civil society in Russia. His expertise includes analyzing state pressure on educational institutions and examining post-Soviet countries' broader human rights situation. Since 2015, Dmitry has also served as an expert advisor on academic freedoms, contributing to international advocacy efforts. In addition to his work at Charles University, he collaborates with various CSOs to advance research and public understanding of academic freedom in Russia. In April 2022, the Russian state designated him a "foreign agent."

Stage I: The Failed Optimisation, 2003–2011

For quite a long time, the overall direction of Russian higher education was oriented toward integrating into the international, primarily Western, higher education space. Most importantly, it reformed and transformed its own higher education system.

In 2003, Russia joined¹ the pan-European Bologna Process body of agreements on testing and education standards. The transition to the European education system began. Several significant institutional changes were made in universities' financing and governance structure.

2004 the Federal Service for Supervision in Education and Science (Rosobrnadzor) was established. A unified state exam sys-

1. URL: <https://tinyurl.com/2bn2nujb>.

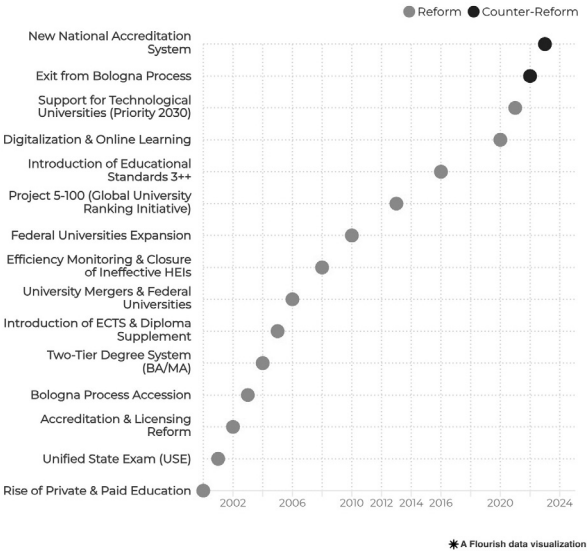
tem was introduced, which greatly facilitated access to higher education for students from the country’s underdeveloped regions.

The official goal of the reforms was to enhance the international recognition and quality of Russian higher education. The reforms spurred the emergence of the very category of a research university in Russia.

There was also an improvement in the rankings of universities; a noticeable increase in international publications; new laboratories; increased student and academic exchanges; intensified participation of Russian scholars in global research projects — and more.

Dual-degree programs began to emerge. In the Science at Risk report² we found that in 2014, there were approximately 250 joint and double-degree programs with foreign universities in Russia, accounting for about 2% of all educational programs in the country. In the 1990s, around 50,000 foreign students were studying in Russia, but by 2022, that number had grown to 350,000.

Russian Higher Education reforms and counter-reforms

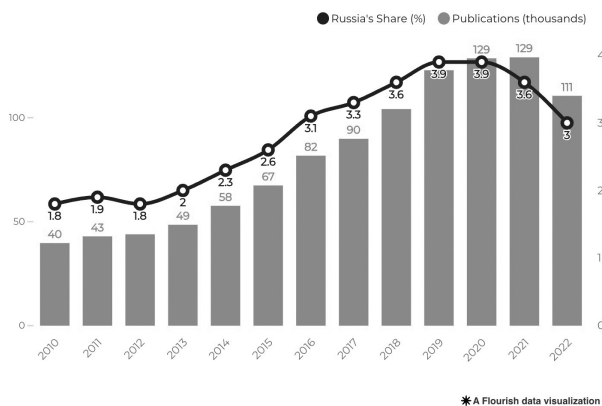
2. URL: <https://tinyurl.com/2yqrsg9c>.

It should be noted that all of these achievements were, above all, distributed very unevenly. A significant portion of resources was allocated to so-called “efficiency pockets”³ — creating “flag-ships without a fleet,” meaning highly developed universities and academic programs that had little to no impact on the broader state of higher education. The primary focus was on the Higher School of Economics (HSE), the New Economic School in Moscow, and the European University in St. Petersburg.

The Russian education system’s over-centralization continued after the positive changes in the 2000s–2010s. The growing income disparities between different faculty groups, driven in part by larger payments for those publishing abroad, contributed to the rise of academic precarity⁴. The institutional reform of universities (2006–2011) led to increased rectoral authority and a decline in internal self-governance structures.

The increase in international publications did not lead to a corresponding rise in citations. Instead, there came a growing trend of publishing in predatory journals of low quality, which provide publication on a paid basis without serious peer review.

Publication activity of Russian scientists

3. URL: <https://journals.openedition.org/transtexts/1543>.

4. URL: <https://tinyurl.com/29onxplh>.

Scholars and researchers began to be actively replaced by bureaucrats — so-called “effective managers” — who implemented “performance contracts” based on requirements for regular publication activity combined with increasing teaching loads. One of the Russian scholars even called⁵ this the “feudalization of university life.”

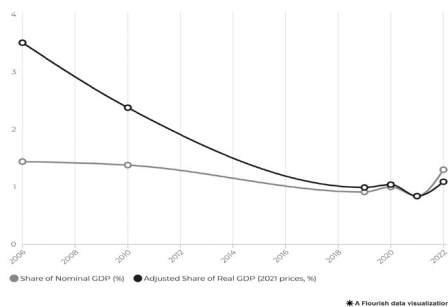
In other words, many faculty members did not benefit⁶ from globalization and market-based measures to promote publication output.

Stage II: Ideology Comes Into Play, 2011–2022

The institutional transformation of Russian universities preceded the ideological restructuring. Indeed, during the initial phase of higher education reform, there was no intense ideological pressure from the government. However, following the crackdown on the 2011–2012 protests and the annexation of Crimea in 2014, the situation changed significantly.

First and foremost, the financial landscape shifted. A superficial analysis reveals a significant decline in overall higher education spending after 2014. Economic stagnation and the sharply rising costs, partly associated with Crimea annexation, led the Kremlin to reduce the number of carrots in the education sector and replace them with more sticks.

Russian budget spending on higher education

5. URL: <https://tinyurl.com/23bfw7ul>.

6. URL: <https://tinyurl.com/28lgg25j>.

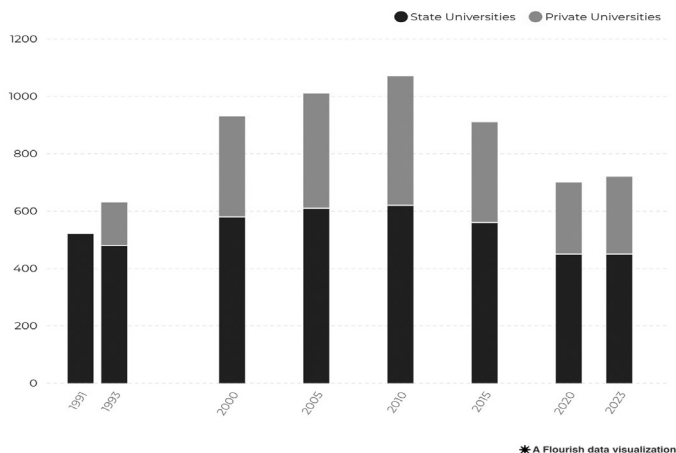
Although the nominal share of spending on higher education appears to decline over time, the real share (adjusted for inflation) reveals significantly higher investment levels in earlier years like 2006 and 2010 compared to the more recent period.

The presidential directive from Vladimir Putin to raise faculty salaries — issued without any additional funding — was implemented mainly through laying off professors. This further increased the dependence of academic staff on university leadership and the Ministry of Education.

As a result of Rosobrnadzor's strict policies and the federal university initiative — which involved mechanically merging various institutions — the total number of universities declined, along with a further reduction in the number of faculty.

These practices, along with the degradation of self-governance structures and the precariatization of a significant portion of faculty, led to a sharp decline in academic freedom.

Number of Russian higher education institutions

After the 2011–2012 protests, in which many Russian university students participated, the state began increasing pressure on universities, primarily by demanding loyalty to the ruling regime.

Even then, the tools of such pressure included⁷ various practices of dismissing and expelling critically-minded professors and students, often carried out by the so-called “Vice-Rector for Security,” typically a former or active FSB officer.

Amendments to the Federal Law “On Education” made student councils more dependent on university administrations, transforming them into mere decorations meant to legitimize administrative decisions.

Even in scientific publications, some Russian legal scholars are starting to call student councils a ‘part of the university administration’. The overall university structures became strictly unitary, with faculties and departments losing many opportunities for autonomous decisions.

During this period, the attack shifted from university autonomy to academic freedom in teaching and research. An aggressive historical policy manifested in pressure on independent historians and the emerging fight against “LGBT propaganda.”⁸

It affected both⁹ the position of the queer community within universities and the field of gender studies. For example, Oleg Kluyenkov from Archangels State University was fired¹⁰ under the pressure of FSB because of his work in a queer rights organization.

Many disciplines came under revision from the standpoint of “protecting traditional values.” Administrative mechanisms began to exert pressure on independent universities — for example, on the European University at St. Petersburg, which Rosobrnadzor shut down twice¹¹: in 2008 and in 2017.

Rosobrnadzor cited “violation of fire safety standards” and “a lack of a hall for physical exercise” as reasons for closures. If the real reason for the second closure is not entirely apparent (it could have been a building in the city center which the university lost), then the underlying reason for the first clo-

7. URL: <https://cisrus.org/2021/04/30/university-security/>.

8. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.14321/qed.3.2.0107>.

9. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.14321/qed.3.2.0107>.

10. URL: <https://tinyurl.com/22uo9697>.

11. URL: <https://tinyurl.com/25j8u997>.

sure was the European Union's decision to award the university a grant¹² to study electoral behavior — an action that displeased¹³ Putin.

“Foreign agent” law and rising anti-Western sentiment seriously affected¹⁴ the quality of teaching and research after 2015. Initially, only a few organizations were labeled¹⁵ as “foreign agents,” but the law played a key role in fostering self-censorship and limiting cooperation, particularly with Western countries.

At the same time, the law on “undesirable organizations” placed anyone affiliated with the Soros Foundation under threat, as it became one of the first organizations banned in Russia in 2015. The Soros Foundation supported Russian science and education, especially in the 90s. Academia in Russia (as is still the case in much of Eastern Europe) owes a lot of its infrastructure to Soros.

One result of the campaign against the “Soros legacy” was the designation of Bard College (New York) as an “undesirable organization” in Russia in 2021. This effectively marked the end of the Faculty of Liberal Arts and Sciences at St. Petersburg State University and the beginning of a broader crackdown¹⁶ on liberal arts in Russia, which came to be viewed as a “foreign” and alien educational model.

The rise in anti-Western sentiment also affected securitization in the natural sciences, particularly in applied fields. The number of espionage cases¹⁷ involving researchers from universities and scientific institutes—often individuals who had not violated any official restrictions but were nonetheless accused—continued to grow.

12. URL: <https://tinyurl.com/29ptn4tx>.

13. URL: <https://tinyurl.com/29ptn4tx>.

14. URL: <https://tinyurl.com/2yrtxggu>.

15. URL: <https://ovd.info/en/2025/05/21/>.

16. URL: <https://tinyurl.com/25z3mao5>.

17. URL: <https://tinyurl.com/24qx6cep>.

Stage III: The Catastrophe

Thus, the situation in Russian higher education began to deteriorate long before 2022. However, the absolute catastrophe started with the full-scale invasion.

First, all academic exchange programs, research initiatives, and educational projects with the West were immediately frozen¹⁸ and closed. Many of those involved in creating and developing these projects left leading universities — they were either fired or resigned, and many left the country. Although small in number, Russian academic emigration¹⁹ largely consisted of leading educators and researchers, primarily in humanities and social sciences.

The number of scholars left is challenging to estimate: roughly 2,500 and 8,000 scholars from more than 130,000 researchers in Russia. Foreign students and faculty, primarily from Western countries, also began leaving Russia.

In April 2022, Russia was excluded from the Bologna Process and announced it would develop “its own, distinctive, nationally-based” educational system. The impact of the war on international publications is not yet highly noticeable, but studies show specific trends in censorship²⁰ and self-censorship²¹ in the publication activity of Russian scholars.

This initiated a process of deglobalization of Russian higher education. In terms of the level of globalization of higher education, Russia has, within two years, reverted to the late 1980s while possessing a fraction of the scientific base the USSR had.

At the same time, there began an active militarization²² of Russian universities. In the war’s first year, students and faculty were conscripted. Russian universities became part of the war machine, with military-educational centers rapidly developing

18. URL: <https://tinyurl.com/23fm6522>.

19. URL: <https://www.ojed.org/jcihe/article/view/6304/2998>.

20. URL: <https://tinyurl.com/22y3dvgl>.

21. URL: <https://tinyurl.com/278zym9m>.

22. URL: <https://tinyurl.com/27cporgf>.

and propagandistic lectures and meetings with “veterans of the special military operation” being held.

Denunciations of anti-war students and teachers flourished, and the activity of pro-war student groups intensified, engaging in active war propaganda and raising funds for the Russian military. For example, historian Michail Belousov from Saint Petersburg State University was fired after²³ a student reported Belousov to the authorities for an anti-war stance. Children of Ukraine veterans or the veterans themselves are already studying and even teaching²⁴, aided by specially allocated funds from the state.

At the same time, the structure of control over universities and their faculty and students is strengthening. Coordinating Centers — one per region — have emerged “on issues of forming an active civic position among youth, preventing interethnic and interfaith conflicts, countering the ideology of terrorism, and preventing extremism.”

Under this lengthy title lies an institution whose task is to search for “disloyalty” in social networks and educational activities. A specific “vertical of power”²⁵ was created to control and discipline Russian universities.

A significant milestone in the ideologization of Russian higher education was the introduction of mandatory courses, two currently in place — “Fundamentals of Russian Statehood”²⁶ and “History of Russia.” Both courses are written from the perspective of Russian aggressive imperialism, and the time allocated to them is taken from hours meant for professional training.

These courses are often taught by outright propagandists who do not even have social science backgrounds. One of the quotations from the teaching recommendation is an illustration of the apologetic claims for all possible wars Russia could provoke on the post-Soviet territories: “*The Russian Federation is the successor state to the Soviet Union; the Soviet Union is historic Russia; fragments of the*

23. URL: <https://tinyurl.com/2y4bw6yx>.

24. URL: <https://cisrus.org/2024/12/18/2024/>.

25. URL: <https://tinyurl.com/29q22yb4>.

26. URL: <https://tinyurl.com/26k84xuj>.

former Soviet Union that adopt an anti-Russian stance may be reassembled in the interests of the Russian Federation.”

Today, Russian higher education is undergoing a reverse transformation: from building modern global educational projects to deglobalization, from democratic university governance to authoritarianism, and from an education free of ideology to one centered on ideological courses. Researchers collectively refer to all of this as the re-Sovietization²⁷ of Russian higher education, which is entirely consistent with the aggressive weaponization²⁸ of Russian universities in the era of aggressive war.

DOI: 10.55167/6915f69076fb

27. URL: <https://tinyurl.com/2bhadppz>.

28. URL: <https://tinyurl.com/26rltc3l>.

ЛЕКЦИИ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Palladium» публикует расшифровки публичных лекций, которые профессора университета и приглашенные спикеры читают студентам Свободного университета. Видео лекций доступно в канале университета на YouTube: https://www.youtube.com/@free_university

Как работает немецкая демократия (и как она не работает)

Алекс Юсупов, политолог, руководитель российской программы фонда имени Фредриха Эбберта

Я хочу использовать время доклада, чтобы осветить несколько принципов, на которых построена политическая система ФРГ, и рассказать о тех неожиданных кризисных и негативных эффектах, которые эти принципы сейчас вызывают. Все это напрямую связано с актуальной новостной повесткой: достаточно вспомнить миграционный кризис или недавнее официальное признание партии «Альтернатива для Германии» правозэкстремистской. Сегодня куда ни посмотри — везде что-то происходит: крупнейшая оппозиционная партия в Бундестаге, «Альтернатива для Германии» (АдГ), недавно была полицейскими органами официально признана правозэкстремистской, а значит — потенциально угрожающей всему государственному порядку. Так что есть о чем поговорить.

Прежде чем перейти к теме, хочу немного рассказать о себе. Я работаю в Фонде Эбберта уже больше десяти лет, в международном отделе, с 2022 года — в российской программе. До этого некоторое время провел в командировках — несколько лет работал в Казахстане, Афганистане и Мьянме. Политическое образование не является моей ежедневной функцией, хотя у Фонда Эбберта, как и у других немецких политических фондов, безусловно есть собственная система образовательных программ, ориентированных на политику.

В Германии всего шесть крупных политических фондов, каждый из которых аффилирован с определенной партией: Фонд Аденауэра связан с ХДС/ХСС, Фонд Науманна — с Свободной демократической партией, Фонд Бёлля — с зелеными, Фонд Розы Люксембург — с левыми, Фонд Зайдля — с баварскими консерваторами. У АдГ также есть свой фонд, но он пока еще не признан в полной мере. В любом случае, мандат между-

народного отдела — это сочетание политической и образовательной работы с публичной дипломатией.

Изначально эти фонды создавались после Второй мировой войны, чтобы предотвратить возвращение немецкой политики к диктатуре. Это плюралистическая система — здесь нет одной инстанции, одной правды. Наверное, если бы Свободный университет пригласил коллег из других фондов ответить на те же вопросы, что сегодня ставятся передо мной, ответы были бы совершенно другими — и это, как мне кажется, очень хорошо.

Публичная дипломатия — это то, чем я сейчас ежедневно занимаюсь в российской программе. Правда, до 2022 года публичная дипломатия на российско-немецком направлении имела какой-то конкретный смысл, но ныне уже трудно сказать, что от нее осталось; сейчас это в основном аналитическая деятельность. Я — политолог-международник, учился в университетах Гейдельберга и Манчестера, так что выступаю здесь скорее как практик.

Я родился в Москве, принадлежу к классическому пятому, последнему советскому поколению. Мой отец имел еврейские корни, поэтому мы эмигрировали в Германию, когда я был ребенком, и вся моя жизнь с тех пор прошла и проходит в Германии — другой родины у меня больше нет. Я — член СДПГ, Социал-демократической партии Германии. Помимо своей работы в Фонде Эбберта, я веду несколько политико-образовательных проектов: это подкаст «Канцлер и Бергхайн» и телеграм-канал «Юсуповский», где я обсуждаю актуальную повестку.

Моя основная задача сегодня — попытаться рассказать о главной загадке ФРГ. Эта загадка современной немецкой республики заключается в том, почему после 1945 года удалось создать устойчивую демократию, а после 1918-го — нет: ни после окончания Первой мировой войны, ни после немецкой революции, ни после построения первой парламентской системы.

Это скорее исторический подход. Многие коллеги-политологи предпочитают функционалистский взгляд: есть политический input — желание и волеизъявление народа, есть throughput — сложный комплекс процессов, акторов и институтов, и есть output — политики и решения, которые на выходе

формируют реальность. Мы так или иначе будем касаться этих аспектов, но исторический подход к политической системе ФРГ неизбежен и полезен, потому что эта страна и ее система были построены на так называемой «точке ноль» — Stunde Null.

С одной стороны, Stunde Null означала катастрофическую дискредитацию национал-социализма как идеи и системы. Ярчайшее доказательство этого — когда твои города лежат в руинах. Но Stunde Null — это и reset политической культуры. В послевоенные годы на Западе Германии наблюдается полное общественное отторжение нацистских идей и их носителей. Это подтверждали и социологические опросы (кстати, американские оккупационные власти начали их проводить довольно рано, уже в 1950-х): несмотря на сопротивление идее коллективной вины, открыто выражать пронацистские или ревизионистские взгляды было невозможно. Не было магического превращения нации «арийских господ» в нацию демократических граждан, но тем не менее релегитимация нацизма не произошла — это стало невозможно без всяких государственных инструментов цензуры и даже несмотря на достаточно несистемную денацификацию.

В этом заключалась гордость ГДР — с самого начала декларировать себя антифашистским государством. В ФРГ же по политическим и геополитическим причинам (где брать кадры, как противостоять Советскому Союзу) довольно быстро началась реабилитация широких кругов людей, когда-то состоявших в НСДАП.

Сегодня мы скорее говорим о том, какое влияние оказало разделение страны на две противоположные модели — оно создало «политическое зеркало», оказавшее серьезное влияние на развитие системы ФРГ. Кстати, тот факт, что само это зеркало исчезло, но на глубоком социоэкономическом уровне «новые земли» (бывшие территории ГДР) сохранили свою особенность, — это одна из причин нынешней ситуации с «Альтернативой для Германии» и кризиса политического режима, который на момент воссоединения был просто перенесен на всю территорию объединенной страны без переоснования.

Важно отметить, что объединение Германии планировалось уже в 1949 году создателями — так называемыми «отцами

и матерями» Grundgesetz. Интересно, что немецкая конституция не называется конституцией (Verfassung), а Основным законом — это отражение временного прагматизма: все, что тогда планировалось в Западной Германии, считалось временным, и разделение страны воспринималось как противоестественная и подлежащая преодолению ситуация.

Такой прагматизм позволил создать законодательную базу, которая, как и все в Германии, очень детализирована, но одновременно весьма прагматична: она отодвигает множество серьезных и сложных дилемм на задний план, регулируя самые актуальные, приближенные проблемы. Но, как покажет анализ нынешних проблем, откладывать их можно очень долго — но рано или поздно они возвращаются.

Какие факторы нужно назвать именно политическими и институциональными? Германский исторический дискурс XIX века часто сводится к двум вопросам.

Первый — так называемый «немецкий вопрос»: что такое немецкая нация? Германия была территориально раздробленной страной, формировавшейся очень поздно, без успешного национально-освободительного движения, как в Польше, и без объединяющего центра, как в Италии или Франции. Вопрос «кто такие немцы и что такое Германия?» оставался открытым довольно долго — вплоть до конца XIX века.

Второй — социальный вопрос: что делать с обществом, которое массово и катастрофически страдало от последствий поздней промышленной революции и войн? Как удержать страну от прихода социалистов и коммунистов, если их электоральная база — это множество обнищавших людей, особенно после краха империи в 1918 году?

Третий аспект — опыт Веймарской республики: республики, которая попыталась выстроить демократию, но провалилась и уступила место Третьему Рейху.

Помимо этих трех исторических сюжетов, есть и важнейший геополитический фактор, который изменился с 1918-го по 1945-й год. После Первой мировой войны отношение стран-победителей (особенно Франции, Великобритании и США) к Германии было пунитивным: Германию хотели не просто заставить выплатить репарации, но и добиться ее стратегического

унижения и демилитаризации, фактически вывести страну из числа великих континентальных держав.

Хотя после Второй мировой войны первоначально существовал так называемый «план Morgenthau» (предполагавший превращение Германии в аграрную страну), он не стал реальной альтернативой. Довольно быстро произошла смена парадигмы: западные союзники осознают, что процветающая, а не разоренная Германия больше отвечает их долгосрочным интересам — с одной стороны, для закрепления мира на континенте, а с другой — в контексте надвигающейся холодной войны.

Здесь колоссальную роль сыграл план Маршалла. Надо помнить, что средств, потраченных американцами на восстановление Франции и Великобритании, было меньше, чем для Германии, но при этом именно в Германии за счет этих относительно меньших сумм удалось добиться гораздо больших эффектов. Так называемое «экономическое чудо» стало возможным: уже в начале 1950-х, когда в Великобритании еще существовала продуктовая карточная система, в Германии начался стремительный экономический рост.

Есть еще один важный фактор, о котором мало говорят. Если и упоминают, то чаще в российских источниках это преподносится через призму «иностранных агентов» и неких геополитических манипулятивных сил. На самом деле речь идет о масштабной социальной и культурной интеграции элит новой послевоенной Западной Германии и средних классов. Я коротко называю это «стипендии и джаз».

Речь — о гигантском количестве программ по обмену с Соединенными Штатами, в которых приняли участие десятки тысяч человек. Элита здесь — это не только топ-1%, но и региональные управленцы, менеджмент, преподаватели университетов. Поездки, стажировки, семейный и школьный обмен — все это заложило фундамент разворота Германии на Запад.

«Джаз» здесь — символ привлекательной американской культуры. Что может быть более противоположно прусскому военному маршу, чем джаз? В связи с этим рекомендую замечательную книгу Вилли Винклера «Киссинджер и Унзельд» (Willi Winkler, «Kissinger & Unseld. Die Freundschaft zweier

Überlebender», Berlin, Rowohlt 2024). Генри Киссинджера вы все знаете, а Унзельд — возможно, самый великий издатель XX века, глава Rowohlt. Это бывший солдат Вермахта, чудом выживший на войне, который, будучи в Крыму, бежал от советской армии — вплавь через море. Киссинджер, еврей-эмигрант, бывший гражданин Рейха, ставший американским солдатом, а затем государственным деятелем. Обоих всю историю Западной Германии до объединения связывала личная переписка, в которой они обсуждали как раз те темы, о которых мы сейчас говорим.

И, наконец, последний, но крайне важный фактор — базовые экономические параметры. Партия ХДС всегда настаивала на том, что опыт ГДР ясно показывает: никакое социалистическое решение вопроса восстановления не сработает. Социал-демократы сперва сопротивлялись этим тезисам, но довольно быстро исключили плановую экономику и социализм из своей программной повестки. Так формируется рыночный консенсус, ставший основой для всей конструкции Западной Германии.

Бонн — антипод Веймара. Что это значит? Веймарская республика — первая немецкая демократия, но принципы, лежащие в ее основе, существенно отличаются от принципов Боннской республики (так условно называют ФРГ до объединения).

Первый важнейший принцип ФРГ — это концепция материального правового государства. Опыт Третьего рейха, который был высокофункциональным юридически, произвел сильное впечатление: нюрнбергские расовые законы, инструкции по администрированию и созданию инфраструктуры для Холокоста, аргументация территориальных претензий — все это в пределах системы было абсолютно легально. Это осознание привело к преодолению позитивистского подхода к праву: даже если легитимный законодательный орган создает какой-то объект права, это не обязательно делает его легитимным.

Поэтому современное немецкое право укоренено не только в государственных рамках, но и в идеях, предшествующих государству — правах человека. Именно поэтому в современной Германии так остро реагируют на любые признаки попрания индивидуальных прав, независимо от того, легальны

ли принятые решения: если что-то противоречит правам человека, это вызывает кризисы. Это проявляется, например, в дискуссиях о беженцах, в вопросах индивидуальных свобод, в применении Европейской конвенции по правам человека. Вся система постоянно обновляется именно благодаря позиции: не все, что легально в рамках национального процесса, является по-настоящему легитимным.

Второй принцип — монополизация легитимности. Веймарская республика существовала с двойной демократической легитимностью: отдельно парламент (рейхстаг) и отдельно президент, оба с собственным мандатом. Это система, которая действует, например, во Франции или в США (полупрезидентская или президентская демократия). Однако для Германии этот опыт оказался неприемлемым: двойная легитимность ведет к политическим конфликтам и кризисам.

Вот почему в ФРГ легитимный орган только один — парламент (бундестаг). Все остальное (правительство, глава государства, назначение судей) зависит исключительно от происходящего в парламенте. Абсолютная монополизация легитимности нужна для того, чтобы в стране никогда не появлялся лидер, который, опираясь на популярные настроения, утверждал бы свою власть в противовес парламенту, объявляя народ своим источником власти, а парламент — сборищем коррупционеров и болтунов. В немецкой системе подобного быть не должно.

Третий элемент, весьма необычный для тех, кто не привык смотреть на немецкую политическую систему через призму истории, — это скепсис по отношению к плебисцитарным, то есть к прямым демократическим, элементам. Мы видим, что с самого начала демократия в ФРГ проектировалась с элементами сдерживания самой демократии. Главная головоломка для авторов немецкой конституции заключалась в том, чтобы защититься от демагога.

В процессе создания ФРГ важно помнить, что сначала, после Второй мировой войны, на оккупированных территориях возникли отдельные земли — например, Гессен или Бавария — и только потом появилась федеральная конституция. Это не просто децентрализованная система: земли ФРГ дей-

ствительно являются государственными субъектами, хотя механизм выхода из федерации для них не предусмотрен. Именно эти земли стали фундаментом всей федеральной структуры.

Примечательно, что в земельных конституциях референдумы еще сохранились, но на федеральном уровне всенародного референдума по сути нет. Исключение — перераспределение территорий между землями. В остальном, немецкая система пронизана скепсисом по отношению к прямой демократии. В этом она абсолютный антипод Швейцарии, где референдумы — норма.

Существенно отличается и партийная система. В Веймарской конституции было лишь одно упоминание партий: избранные лица на государственных позициях должны представлять всю нацию, а не отдельные партии, и в целом к партиям относились скептически, считая их даже злом. Идеализировалась картина индивидуальных депутатов без партийных фракций.

В современной системе важным считается признание плюрализма общества, его неоднородности, и необходимость организовывать разные точки зрения в группы. Из этого вытекает сложная логика немецкого избирательного права, которое решает сразу три задачи. Первая: обеспечивает репрезентативность: Германия отличается от англосаксонских стран, здесь даже малые партии могут попасть в парламент. Вторая: дает шанс партиям бороться за голоса репрезентативно. Роль партийного аппарата высока, но чтобы сбалансировать это, действует принцип одномандатных округов. Каждый избиратель получает два голоса — за партийный список и за конкретного кандидата по округу. Это позволяет сохранить персональную связь между депутатом и округом. Третья: защищает от фрагментации. установлен пятипроцентный барьер для партий. Это высокий порог, который приводит к отсечению многих голосов; недавно, например, блок Сары Вагенкнехт набрал 4,98% — этого не хватило для прохождения в Бундестаг, и значительная часть избирателей осталась без представительства. Тем не менее, эта мера предотвращает веймарскую нестабильность: рейхстаг тогда был погружен в внутренние конфликты,

а рейхспрезидент управлял через передачу декретных полномочий правительствам, система просто не работала.

Всем, кому интересны эти темы, могу порекомендовать сборник «Weimar im Widerstreit» (ред. Генрих-Август Винклер) — тексты и теоретические размышления эпохи Веймара о причинах краха этой республики, еще до прихода к власти Третьего рейха.

У ФРГ, таким образом, есть пять якорей — пять ключевых измерений идентичности государства.

Первый якорь — деприоритизированная нация. Исторически немцы долгое время существовали без единого национального государства: они жили в Эльзасе, в Северной Италии, на территориях Богемии, Моравии — по всей Европе. Германские государства были раздроблены в составе Священной Римской империи, между ними шел спор между австрийским троном и прусским королевством, существовали сотни герцогств, баронств, графств — но единого государства долго не было. Часто они воевали друг с другом. После катастроф XX века в немецкой политической идентичности именно государство, республика становится основной ценностью, вокруг которой строится идентичность. Не этническая нация, а республика как система. С этим связана концепция «конституционного патриотизма» — патриотизма по отношению к правовым институтам, ценностям, процессам и балансу сдержек и противовесов, без апелляций к языку, культуре и крови. Об этом много писал Юрген Хабермас. До недавнего времени это было объяснением того, почему в Германии приживался мультикультурализм: над мультикультурной социальной реальностью надет «панцирь» конституционного патриотизма. Сейчас же, с ростом правых дискурсов, возвращается концепция «стержневой культуры», где акцент снова смещается к языку, обычаям и традициям.

Второй якорь — ФРГ как двойное отрицание войны и Третьего Рейха. Здесь на первый план выходит плюрализм: ни Третий Рейх, ни ГДР не допускали разнообразия и полностью подчиняли ресурсы общества единой цели. В ФРГ, напротив, ключевой принцип — разделение, дисперсия власти, а не концентрация. Если общество недовольно тем, что решения

принимаются «медленно» и «сложно», то это сознательно созданная конструкция: государство строит рамки (шпалеру), а общество само развивается внутри этих рамок. Эффективность и прямолинейность в пользу безопасности от новых диктатур принесены в жертву.

Третье измерение — ФРГ как государство-преемник. Это осознанная позиция: Германия утверждает свою преемственность не только в правовой, но и в этической плоскости. До сих пор в Берлине, например, штрафовать за проезд без билета могут по параграфу, унаследованному от Третьего Рейха. Эта преемственность выражается и в признании исторической вины, компенсациях, репарациях — в отличие от ГДР, которая от этого отказывалась.

Четвертый якорь — объединение страны как постоянная государственная задача. После объединения Германии в 1990 году многие положения, казавшиеся временными и допустимыми в 1940-х–1950-х годах, утратили временный характер, и сегодня это является вызовом для всей конструкции государства.

Пятый якорь — интеграция в Запад, отказ от особого немецкого пути (*Sonderweg*). Долгое время существовала идея, что Германия — не Запад и не Восток, а «особая цивилизация». ФРГ отрезала этот «особый путь», закрепив свою западную идентичность — это членство в НАТО, ЕС, устройство политической системы. Однако часть немецких политологов и историков считают, что Германия окончательно стала западной только сейчас. Внутриполитические и электоральные реалии (а также внешнее давление, в частности со стороны России) вызывают сомнения, насколько окончательна и безальтернативна эта «западная гавань».

Рекомендую книгу профессора права Штефена Аугсберга из Гессенского университета: Steffen Augsberg «*Verfassungspatriotismus: Konzept, Kritik, künftige Relevanz*» — о конституционном патриотизме, его концепции, критике и будущем.

Теперь о сегодняшнем дне: каковы правила игры и какие возникают проблемные эффекты? Германия известна как социальное государство. Что это означает? Социальное государство — это государство-плюс, оно делает больше, чем пред-

полагает классическая модель: не только защищает внешние и внутренние границы, но и берет на себя заботу о гражданах в трудной жизненной ситуации — например, если человек обеднел, заболел или оказался на грани голода.

В этом подходе есть парадокс: как может либеральная система забирать у человека право свободно распоряжаться своей жизнью, вплоть до права совершить роковой выбор? Здесь возникает антилиберальное ядро. Социальное государство исходит из того, что имеет право, ради поставленных целей, вмешиваться в экономику — посредством законодательства, налогов, пособий, регулирования. Экономическая активность, из которой формируется ресурсная база, частично изымается и перераспределяется ради обеспечения защиты людей в самых разных жизненных ситуациях: потери работы, инвалидности, болезни, вдовства и т. д. Причем список этих кризисных случаев все растет, поскольку расширяется само понимание того, от чего общество должно защищать.

Постепенно у социального государства появляется еще одна амбиция — бороться со структурным социальным неравенством. В этом смысле Германия уникальна даже среди других социальных государств. Если в американской конституционной традиции акцентируется «*pursuit of happiness*» как индивидуальная цель, то немецкая традиция коллективистская: общество будет счастливым, если сможет избежать чрезмерного неравенства. И легитимность системы строится на том, что такого неравенства быть не должно. Поэтому сегодня в Бундестаге идут дебаты об увеличении налогов на богатых, одноразовых «добровольных» взносах, которые вводил даже суперкоснезвативный Аденауэр, обсуждается экспроприация пустующих квартир у жилищных концернов и т. д.

Коллективное определение счастья превалирует над индивидуальным, когда речь идет о социальном государстве. На практике это означает, что если вы посмотрите на федеральный бюджет Германии, то увидите: более 50% расходов приходится на социальные статьи. Эта доля росла постоянно, и сегодня кажется удивительной для стороннего наблюдателя или для человека из классической рыночной экономики, как, например, в англосаксонских странах.

Сегодня эта тема обостряется: споры касаются системы пенсионного обеспечения, того, кто за чей счет будет экономить, а также самой способности социального государства выполнять свои функции в будущем. Проблему усугубляет индивидуализация биографий граждан — разные жизненные траектории, семьи, концепции развития, что приводит к созданию множества социальных инструментов, по сути — бюрократическому перегрузу и усложнению всей системы. Это реальность современной Германии.

Важно помнить, что все немецкие государства были социальными: Третий Рейх тоже строил социальное государство — однако только для «своих», а не для всех. ГДР также была социальным государством, но, в отличие от ФРГ, не задумывалась о качественной экономической базе. Это характерно и для большинства стран социалистического лагеря.

Рекомендую книгу «Welfare State and Social Democracy» — отличный ридер по теме, где, в частности, хорошо объясняются причины, по которым более радикальные (например, идея безусловного базового дохода) концепции не принимаются классической немецкой моделью социального государства. Этот спор до сих пор открыт.

Федерализм — это очевидная «F» в аббревиатуре ФРГ, и его базовые свойства, думаю, объяснять не требуется. Лучше сразу остановиться на проблемных эффектах.

Федерализм — это не только разделение властей на различные уровни, но и политический плюрализм с большим числом партий и акторов, примат права (где последнее слово за судом) и европейская интеграция, которая забирает у национального государства ряд полномочий. Все это было желанно: Германия сознательно строилась так, чтобы никогда больше не было единоличной власти, не появлялся тот, кто, не важно как легитимизирован, развернет государственную машину в собственную пользу.

Однако это ведет к радикальному приоритету инклюзии: разных интересов, групп, земель, идеологических позиций. Инклюзия становится важнее эффективности. Долгое время казалось, что Германия может позволить себе и то, и другое на высоком уровне, но последние экономические кризисы пока-

зали, что на деле речь о компромиссе: либо больше инклюзии в ущерб эффективности, либо наоборот. Сейчас Германия впервые оказалась на пороге необходимости выбирать.

Политолог Фриц Шарпф называет это «ловушкой политического переплетения»: при наличии нескольких пересекающихся уровней управления — местного, земельного, федерального, европейского, — и раздробленного финансирования многократно увеличивается количество точек блокирования решений. Все рациональные игроки начинают защищать свои интересы, блокируя реформы в ущерб системе в целом. Германская система характеризуется как система статус-кво. И долгое время это не было проблемой: она обслуживала усредненные интересы среднего класса, среднего бизнеса, средней зарплаты, центристской политики. Германия была настоящим «средним государством» Европы, в отличие, например, от Китая.

Еще один фактор — это юридификация политики. Политолог Филипп Манов эмпирически доказывает: из-за верховенства права и возможности обжалования компромиссы внутри сложной системы достигаются реже. Все больше вопросов вносятся в конституцию — например, недавно в нее включили защиту климата, до этого спорт, развитие культуры. Чтобы избежать долгих споров, временные коалиции закрепляют свои решения на уровне конституционного права. Для них это — выигранная партия.

Но это инструментализация конституции, изначально задуманной как временный документ, тонко регулирующий только самое основное. Теперь же количество политических конфликтов, которые сразу закладываются как нерешаемые в рамках политики, постоянно растет. Например, в Берлине власти приняли закон о «тормозе арендных плат», понимая (и имея юридические заключения), что его оспорят, и суд отменит закон. Но политическую выгоду можно извлечь за время, пока идет рассмотрение дела, тем самым используя изменения для электоральных целей.

В итоге система мутирует: теперь финальная власть принадлежит все больше не политикам, а юристам. Германия — страна юристов и адвокатов: две трети бундестага — это

адвокаты или учителя, профессии с высоким уровнем сертификации и склонностью к регламентации.

Самая очевидная и острая проблема для современной Германии — это вопрос обороноспособности демократии, так называемой «демократии с кулаками». Это парадокс: чтобы демократия могла сохраниться, в ней формально должно быть заложено антидемократическое зерно — механизмы самообороны.

Сегодня этот парадокс проявляется в борьбе с партией «Альтернатива для Германии» (АДГ). Система разделяет этот процесс на три блока: полицейский, политический и судебный. Сейчас полиция признала, что АДГ — экстремисты, дальше политики решают, запрещать ли партию, а последнее слово всегда за Конституционным судом. Эти логики существуют параллельно и не пересекаются. В этом — и красота системы, и ее уязвимость: нельзя исключить, что запрет сделает партию героем для определенной части общества. Это очевидный риск, и Германия сейчас находится именно в этой промежуточной точке демократического парадокса.

Да, демократическое большинство может захотеть демонтажа самой демократии — и немецкая система построена с учетом этого опыта. Поэтому в ней заложена масса инструментов, которые могут выглядеть как ограничения или репрессии: так называемая «вечная скрепа» — первые двадцать статей конституции вообще не могут быть изменены никаким демократическим большинством; возможны приостановление гражданских прав, запрет организаций, партий, ограничения для госслужащих, работа политической полиции (служба защиты конституционного порядка), но при этом все строго контролируется судами, а та же АДГ периодически выигрывает дела против полиции.

Это диалектический вызов: Германия — либеральное, бессенсурное государство, но в общественном пространстве нельзя допускать мировоззрения, которые отвергают саму систему. Такое «заколдованное противоречие» создает много конфликтов, которые усилились с миграцией, ростом мультикультурализма, вопросами светскости, равноправия полов,

религиозных символов и образования. Конституция ФРГ изначально не была рассчитана на такой объем новых вызовов.

Наконец, современное государство вынуждено регулировать и границы языка — что считать оскорблением, «hate speech» и т. д. Это сфера так называемой «третьей власти»: не просто власть заставлять или предотвращать, но власть задавать рамки допустимого. Поэтому все антикризисные механизмы современной ФРГ строятся как защита от прошлых угроз, но снаружи могут казаться чрезмерно репрессивными и антидемократическими. В этом — суть современного немецкого парадокса.

Заканчивая, я бы хотел вернуться к двум немецким вопросам. Что они значат в 2025 году и почему имеет смысл о них задумываться? Немецкий вопрос, конечно, уже не про нацию. Речь уже не о том, являются ли немцы, оставшиеся в Румынии, вернувшиеся из советского Казахстана или живущими в Эльзасе немцами, и не о том, должны ли границы Германии меняться, — это все на данном этапе абсолютно закрытая тема. Это вопрос о том, сколько независимости должно иметь современное государство Германия. Страна, которая отдала суверенитет сначала западным оккупантам, потом Европейскому союзу и в итоге, в общем, Соединенным Штатам, сейчас, по словам канцлера Мерца, занимается вопросом, как максимально быстро стать максимально независимой. Независимость Германии — это то, что ограничивается европейской архитектурой, это то, что успокаивает Европу как континент вечных войн, это то, что должно было быть неизменяемой константой нового двадцать первого века. Теперь вопрос возвращается: сколько армии, сколько собственных институтов, сколько лидерской роли, как помогать Украине, как реагировать на просьбы французов и поляков об отправке своих войск в Литву, — этот вопрос возникает сейчас в этой ипостаси. И он очень тяжелый. И вы видите в немецком обществе существенные различия. Мы видим это в электральной сфере и в публичном пространстве, потому что ответы разные на этот вопрос. Главная, конечно, здесь сквозная формулировка: каков правильный урок из немецкого двадцатого века. В Германии считалось, что главным уроком из Третьего Рейха была формула «Nie wieder Krieg!» — нико-

гда больше с немецкой территории не должна исходить война. А вторая интерпретация — «Nie wieder Auschwitz!» — никогда больше не должно быть Освенцима, построенного из-за Германии, немецкими силами, с немецкой поддержкой. Как бы то ни было, эти два принципа начинают рушиться уже в 1998 году, когда Германия впервые участвовала в интервенции в югославских войнах. Но сейчас проблема очевидна и на украинском примере, на примере Израиля—Палестина, потому что именно этим языком сейчас на улицах Германии ведется политическая борьба. Одни говорят, что любой патрон, поставленный в зону любого горячего конфликта — это предательство исторического урока, а другие говорят, что не помочь защищающейся стороне, жертве агрессии, которой, тем более, еще и грозят преступления против человечности, напоминающие Освенцим, — это, опять же, предать свою собственную политическую идентичность. В XX веке это были совместимые категории, теперь они перестают быть совместимыми, и этот конфликт никуда не пропадет в ближайшее время.

Завершая, я хотел бы вернуться к двум ключевым немецким вопросам. Как они звучат в 2025 году и почему о них стоит задумываться?

Первый — «немецкий вопрос» — больше не касается нации в этническом или территориальном смысле. Сегодня речь не о том, являются ли немцы, живущие в Румынии, Казахстане или Эльзасе, действительно немцами, и не о пересмотре границ Германии — эта тема завершена. Современный немецкий вопрос — о степени независимости немецкого государства. Страна, которая сначала передала суверенитет западным державам, потом — Европейскому союзу, затем — фактически Соединенным Штатам, сейчас, по словам канцлера Мерца, ставит перед собой задачу как можно быстрее стать максимально независимой. Но эту независимость ограничивает европейская архитектура: она успокаивает Европу как «континент вечных войн» и считается неизменной константой XXI века. Сегодня возвращается вопрос — сколько армии нужно Германии, сколько собственных институтов, лидирующей роли, как помогать Украине, как реагировать на просьбы союзников о военном присутствии в Балтии — и этот вопрос стал особенно

острым. В обществе по этому поводу есть большой разноречивой: разные ответы видны как в электоральной, так и в публичной сфере.

Главный сквозной вопрос — какой урок вынести из XX века? После Третьего Рейха сформулировался принцип «Nie wieder Krieg!» — чтобы с немецкой территории никогда больше не выходила война, и «Nie wieder Auschwitz!» — чтобы Освенцим никогда больше не повторился по вине Германии. Но эти две формулы вступают в противоречие уже с конца 1990-х, когда ФРГ участвовала в военной интервенции на Балканах, и особенно сейчас — при помощи Украине или обсуждении войны на Ближнем Востоке. В немецком обществе звучат противоположные аргументы: одни считают, что любое участие Германии в вооруженных конфликтах — предательство уроков истории, другие — что не помогать жертве агрессии, не защищать людей от преступлений против человечности — это предательство собственной политической идентичности. В XX веке эти принципы были совместимы, сегодня они все больше конфликтуют, и этот спор не исчезнет.

Второй — социальный вопрос. Это уже не о промышленной революции, не о пенсионных системах, а о том — кто заплатит за решение «немецкого вопроса»? Кто будет финансировать новую армию, увеличение расходов на НАТО, новые социальные гарантии? Система, где интересы граждан защищены мощной бюрократической машиной, привыкла расширять свою защиту, а не сокращать ее. Генерировать дополнительные средства становится труднее: выбор стоит между долгами, налогами, сокращениями.

Сейчас Германия движется в сторону заимствований, но это не единственный вариант — придется одновременно искать экономии и увеличивать доходы. Классическая модель уже не дает готового ответа. Кроме того, возникают новые процессы, подрывающие привычные обещания немецкой системы: образование не стало социальным лифтом; вертикальная мобильность зависит от семейного происхождения, денег, происхождения по землям. Капиталистическая модель не очень способна снимать неравенство, цифровизация меняет рынок труда, миграция создает новые социальные классы без наслед-

ства и прямой функции в системе. В Германии — крупнейший сектор низкооплачиваемого труда, фейк-предприниматели, работники платформ (Amazon, доставка еды, клик-ворк).

Как сохранить социальный мир в этом сложном обществе? Вот, собственно, о чем сегодняшняя немецкая дискуссия. Я попытался связать концептуальные основы ФРГ с нынешними вызовами — буду рад ответить на вопросы.

Вопросы

Мы прослушали лекцию о том, что немецкая демократия — это просто лучший из возможных миров. Это было похоже на трактат Лейбница о том, что следует признать, что многомудрый Творец после 1945-го года сотворил лучшую политическую систему в той реальности, в которой это было возможно. Есть ли что-то в немецкой демократии, что делает ее менее идеальной и на чем мы, может быть, сделали недостаточный акцент?

Очень справедливое критическое замечание. Можно начать с самой очевидной вещи — личного и, наверное, достаточно понятного взгляда мигранта, который хоть и давно живет в Германии, но не является прямым наследником местной политической системы.

Деприоритизация нации на бумаге выглядит как блестящее немецкое ноу-хау: создать современное общество с идентичностью, основанной на институтах и рациональных процессах, а не на крови. Но на практике это не совсем работает. В обществе сегодня растет запрос на традиционализацию того, что значит быть немцем. Конституция Германии не предусматривает никакой разницы: немец — это любой, у кого есть немецкий паспорт. Это очень прогрессивная формулировка, революционная для 1949 года, но теперь становится видно, что она оставила лакуну.

В современном языке нет термина и даже политкорректного способа говорить о разнице между гражданством и национальностью. Нет ясного ответа на вопрос о месте «био-немцев» (биологических немцев — выражение, само по себе неполиткорректное), и нет языка для публичного разговора об этом. Это создает большое пространство для ресентимента, особенно

среди молодых немцев и бывших жителей ГДР, которые не участвовали в истории ФРГ с самого начала и теперь спрашивают: где их место? Типичная ситуация — восточный немец приезжает в Кельн в 1990-м, сталкивается с успешным турецким немцем, и не может найти для себя объяснения, почему именно он должен делиться наследием объединения Германии.

Кроме того, нет определенного списка «прописных истин» — каким образом стать своим в Германии. В США все понятно: бейсбол, флаг, язык, — и ты считаешься американцем. В Германии гражданская идентичность не сложилась: этнонационалистические элементы локальны, на уровне диалектов и региональных идентичностей: франконцы, швабы, фризы, тюрингцы и так далее. Порог вхождения для мигранта остается неочевидным, и даже если существуют правила, нет политического языка для их обсуждения.

Это приводит к тому, что Германия — очень непростая страна для мигранта, даже если дело касается государств с колониальным прошлым. Немецкие политики долгое время считали, что вопросы мультикультурализма, миграции, сосуществования — «не их проблема»: эти темы пусть решают Франция, Великобритания, Бельгия. Тем временем Германия жила с теми же вопросами, просто ими занимались мало или никак, считая, что трудовые мигранты-гостарбайтеры рано или поздно уедут и в интеграции смысла нет. Игнорирование миграционных тем — один из крупнейших провалов современной Германии: немецкое богатство строилось на свободном движении товаров, денег, информации, но не людей. Миграция рассматривалась не как вызов, а как побочный продукт глобализации.

Вторая важная проблема — воссоединение Германии. Оно было не созданием новой страны, а просто расширением сферы действия западногерманской конституции. Считалось: западная система — лучшая, менять ничего не надо. Восточные немцы не получили шанса быть соавторами новой политической системы, что сегодня вызывает ощущение второсортности, символический и реальный ресентимент. «Альтернатива для Германии» на востоке получает политический капитал именно из аргумента «вас обманули, и мы исправим этот обман». Это

во многом наследие самоуспокоенности и гордыни Запада, уверенности, что менять ничего не нужно — и это историческая ошибка, которую современная Германия до сих пор не решила.

Есть вечный вопрос: немецкая система вся такая социальная, пишет формуляры, правила и законы, которые глупый человек не поймет. Тем не менее, глупые люди тоже хотят кушать. То есть, стремление бюрократии стать инклюзивной, становится неинклюзивным в своей форме.

Это очень точное наблюдение. Речь идет о своеобразной мифологии среднего класса, лежащей в основе западногерманского социального государства. Его суть — не допускать выпадения из среднего класса или давать шансы к нему присоединиться. О богатых государство практически не заботится: про них мало что знают, и социологические данные о действительном положении самых обеспеченных практически отсутствуют. Богатые успешно избегают как государственного внимания, так и участия в исследованиях.

В профессиональных социологических дискуссиях чувствуется: все, что мы знаем тщательно и детально, — это о группах, находящихся под угрозой выпадения (прекариат), и о среднем классе. Богатые остаются «вне поля зрения». Вся государственная мифология ФРГ строится на идее, что общественное благополучие — это превращение низов в средний класс. Это и есть, по сути, ключевая политическая мифология ФРГ: цель — чтобы каждый стал частью среднего класса.

При этом средний класс определяется не только уровнем дохода, но и компетенциями: умением ориентироваться в сложной юридической системе, работать с формуляриями, самостоятельно разбираться в бюрократии. При этом в Германии живет около миллиона функционально неграмотных людей — они умеют приспосабливаться, чтобы избегать ситуаций, где требуется читать или писать. Этот гигантский образовательный «разрыв» до недавнего времени просто воспринимался как несущественная деталь, хотя, на самом деле, это фундаментальный провал в представлении о социальной просветительской миссии.

Так что критика абсолютно обоснована — спорить тут особо не с чем.

Насколько хорошо демократия сочетается с стремлением ко всему среднему — к среднему порядку, среднему доходу? Насколько эта тяга к какому-то повседневному порядку превалирует над идеей либеральной демократии?

Мне кажется полезным провести различие между демократией и представительской системой, потому что это не обязательно одно и то же. Мы привыкли к тому, что эти понятия описывают одно и то же, но на самом деле это два разных принципа организации политических сообществ.

Для представительной системы, которой, конечно, является Германия, тяготение к центру — к медианному избирателю — заложено в самой логике того, как работают процессы селекции, выборов и переизбрания. Понятно, что выборный политик в Германии, с одной стороны, может стать каждый и у него нет изначальной власти, но тот факт, что ему придется переизбираться, означает, что ему нужно ориентироваться на обратную связь от тех людей, которые обеспечивают его мандат. Это приводит к конкуренции за условного средне-статистического человека, обывателя, гражданина. Во многом эпоха Ангелы Меркель воспринимается людьми именно так. Когда люди говорят о технократизме, они часто подразумевают именно центристскую политику, когда все делается для того, чтобы за тебя проголосовал условный Макс Мустерман — так обычно называют в маркетинге среднего немецкого человека, у которого две машины, который живет в не очень большом, но хорошем доме, два ребенка, собаку, откладывает на пенсию, дважды в год ездит в отпуск и так далее.

Наложение политики этого типа на квантифицируемые инструменты, которые пришли в немецкую демократию из американской, — то есть не только опросы, но и моделирование, менеджмент — привело к тому, что в Германии в районе 2010-х годов восхищение тем, что все можно измерить и как этим можно пользоваться, достигло пика. Сейчас к этому относятся гораздо более скептически, не только из-за скандала с Cambridge Analytica. Это приводило к тому, что вся полити-

ческая система из-за своих репрезентативных логик боролась только за этого условного медианного немецкого обывателя, оставляя идеологические фланги пустыми.

Сначала этим воспользовалась «Альтернатива для Германии», которая заняла нишу правее христианских демократов. В последнее время этим воспользовалась Сара Вагенкнехт, которая нашла себе нишу в квадрантах, где сочетаются лево-коммунитаристская риторика с национал-эгоистической позицией: против беженцев, закрыть границы, договориться с Путиным. Эти ниши не были раньше пустыми — они открылись из-за этого стремления в центр. Для демократии как таковой это не принципиальный изъян системы, но ее дизайн может быть антидемократичным в том смысле, что все большее количество людей чувствует, что их не представляют.

Мы сейчас живем в эпоху, когда происходит реактуализация, и система находится под стрессом, потому что непонятно, справится она или нет. С одной стороны, у нее есть вызов со стороны таких политических сил, как «Альтернатива для Германии», которые сочетают заполнение легитимной ниши с использованием тех, кто находится за пределами консенсуса: экстремисты, неонацисты, готовые к насилию элементы. С другой стороны, если система неотреагирует на запрос, на другой язык, на смещение границ того, что можно говорить, а что нельзя, на перенос центра внимания распределительной политики на определенные группы людей — например, забрать у украинских беженцев и передать восточногерманским фермерам (это все реальные запросы и импульсы) — то очень может быть, что демократические начала будут преобладать над представительскими.

Про либеральные начала я даже говорить не хочу — это третья плоскость. Но я думаю, что они сочетаются до тех пор, пока общество можно описать как гауссовский график с преобладанием некоего срединного медианного блока. У нас же общество просто усложнилось. Чем сложнее будет общество, тем меньше система будет в состоянии без конфликтов и турбулентности ему соответствовать.

Чем социальное государство отличается от «отнять все и поделить»?

Оно отличается тем, что не отнимает все и не перераспределяет полностью, потому что, естественно, на спектре форм и глубин вмешательства оно не является социалистическим — оно остается рыночным. Поэтому его большая разница с условным и конкретным примером ГДР в том, что здесь присутствует размышление о здоровье экономической субстанции, которая производит ресурсы, естественно, о сохранении стимулов для частного предпринимательства, для возникновения того, что называется *excellence*, для новых технологий, для инноваций — для всего того, чем немецкая экономика всегда гордилась. Ее инженерная и технологическая часть максимально инновативна, несмотря на среднюю структуру бизнеса. Это не сверхкорпорации, а большое количество «скрытых чемпионов» — их до сих пор 3,5 тысячи в Германии. О них больше никто в мире не знает, тем не менее они тоже являются частью не обязательно только социального государства, хотя многие из них юнионизированы. То есть у них есть профессиональные представительства по профсоюзной линии, причем предусматривается при определенном размере участие представителей рабочих в управленческих решениях. Так называемая рейнская или немецкая модель управления заключается в том, что лучше с самого начала пригласить профсоюзного представителя в совет директоров, чтобы он участвовал в решении о переносе производства в другую страну, закрытии или расширении, чем делать это исключительно в кругах менеджмента, а потом силовым, медийным, юридическим и финансовым путем бороться против манифестации конфликтных интересов работающих. То есть речь идет об инклюзии. Все это сводится для меня к формуле: здесь идет приоритет инклюзии над приоритетом эффективности. Но это не бинарная история, это не полная инклюзия за счет полной эффективности. Ни в коем случае — вопрос, как всегда, о том, каково соотношение этого коктейля. Немецкое соотношение этого коктейля вплоть до, наверное, 2015–2018 годов выглядело успешным.

Германия до последнего показывала свой иммунитет к деиндустриализационным трендам, она показывала рост,

несмотря на финансовый кризис на юге Европы. Да, это было связано с российской энергией, да, это было связано с разворотом энергетического поворота. Как бы то ни было, у нее не было причин сомневаться в том, что ее внутренняя система экономического регулирования и распределения является неправильной. Наоборот, казалось, что именно так — расширив базу тех, кто за счет социального государства пройдет биографический рост, выучится, предотвратит личные экономические кризисы, волеется в ту самую широкую прослойку среднего класса, которая, в свою очередь, является той средой, откуда приходят инновации, продуктивность и устойчивость. Вот, в общем-то, в этом и вся формула. Поэтому я бы сказал: всем это отличается от формулы «взять все и поделить».

Мне очень понравилась эта метафора про «последнюю гавань», в которую Германия так долго и трудно шла в XX веке. Допустим, к 1989 году она вроде бы окончательно туда добралась, или, по крайней мере, об этом было публично заявлено: Германия стала считать себя частью Запада и перестала искать свой особый путь, «Sonderweg», и какую-то уникальную идентичность. Нет ли у вас ощущения, что пока Германия швартовалась в этой последней гавани, саму гавань смыло? Оказалось, что, может быть, мы так долго туда стремились, что не заметили: самой гавани-то уже не существует в прежнем виде. Возможно, для самой Германии имело смысл многое встраивать в западную идентичность, но значительная часть Запада при этом оказалась где-то в стороне. Конечно, это связано и с событиями нашей новейшей политической реальности, и с тем, что США в определенный момент начали отказываться от ряда своих обязательств. В продолжение этого — второй вопрос. Может быть, Запад теперь все меньше имеет оснований претендовать на роль какого-то глобального лидера? Не получилось ли так, что Германия, в отличие от XX века, на самом деле сейчас очень маленькая страна — по меркам тех «слонов», которые определяют политическое пространство? В первую очередь это Китай, затем Индия, США, даже нынешняя Бразилия. Получается, что мы долго говорили об «европейском кризисе», а теперь как раз на примере Германии видим его — хотя бы в силу масштаба?

По поводу последнего хочется вспомнить замечательную фразу (не помню автора), что в Европе есть два типа стран: маленькие страны и страны, которые еще не поняли, что они маленькие. Мне кажется, это очень точное описание процессов, которые сейчас приводят немецких политиков в точку выбора: либо нужно использовать язык и инструменты позиционирования в качестве полюса в многополярном мире — речь о европейском суверенитете, стратегической автономии, политике перевооружения по фон дер Ляйен — например, независимость от США под Трампом, осознание зависимости от российской энергии, от китайской торговли, от американской защиты. Один из честных ответов на этот вызов мог бы быть: да, масштабы экономик и политических систем сегодня таковы, что либо Европейский союз совершает квантовый переход к государственности (чего сейчас нет предпосылок), либо все останутся малыми и очень малыми государствами в Европе.

Что касается финального «прихода на Запад», мне кажется, можно представить себе мир, в который ФРГ попала в 1989 году. В ту пору в Германии очень поверили в «конец истории». На самом деле, этот «конец истории» — это про судьбу Германии: это *happy end*, закрытие всех сюжетов, ответы на все вопросы, после чего можно заниматься технократизмом — передвигать регуляторные бегунки, реагировать на внешние кризисы... которые, как тогда казалось, всегда будут происходить где-то вовне, не здесь.

В современной Германии я бы назвал это «пентархией особых отношений»: Германия определила для себя пять стран, отношения с которыми как бы дают ответ на вопрос о собственной идентичности. Это отношения с США, Францией, Польшей, Израилем и Россией.

У каждой из этих стран свой вес: США — как государство, заложившее западный характер и сформировавшее социологический и политический ландшафт современной ФРГ; Израиль — как доказательство того, что Германия стала новой страной (для Аденауэра было принципиально добиваться дипломатических связей, поэтому мюнхенский теракт на Олимпиаде воспринимался как национальная драма и вызов всему процессу изменений); Франция — как старый враг, с которым

удалось преодолеть столетия вражды (нет больше двух стран таких, где были бы настолько тесные личные, институциональные и бизнес-связи: школьные обмены, совместные предприятия, заседание кабинетов министров и т. д.); Польша должна была бы стать «второй Францией», источником примирения, закрытием «восточных травм» немецкого империализма и принятием потерь, изгнания вотсочных прусаков, закреплением новой реальности в Европе. Россия — уникальный партнер как наследница СССР, державы, понесшей наибольшие потери и сыгравшей решающую роль в освобождении Германии от нацизма. Акцент на «освобождении» Германии появился сравнительно недавно, с 80-х годов, и стал очень важным для новой самоидентификации ФРГ. Сегодня происходят важные сдвиги. В немецком обществе в дискуссиях все чаще появляется осознание того, что Советский Союз был не монолитен, что в нем были разные субъекты, и потому историческая ответственность Германии по отношению к СССР теперь все чаще сопрягается с поддержкой Украины — эти дискуссии сейчас идут очень остро.

Как бы то ни было, особые отношения с Россией рухнули, с Израилем сейчас находятся в нишей точке — и, думаю, уже не восстановятся в том виде, как были раньше. Самой плотной связкой остается Франция. Польша могла бы быть второй опорой, но накопились проблемы и недоверие. Отношения с США осложняются второй администрацией Дональда Трампа.

Возможно, именно сейчас Запад в немецком толковании действительно «разваливается». Это связывает внешнюю политику с внутренними процессами: в обществе идут тяжелые переживания по этому поводу. Израиль и Газа вызывают наибольшие споры и конфликты среди молодежи, российско-украинская тема — среди старших поколений. Все это происходит одновременно, параллельно. Поэтому для Германии внешняя политика сегодня — это вовсе не что-то внешнее, роскоши считать это чужими войнами и конфликтами у Германии больше нет: все это прямо затрагивает самоидентификацию и внутреннее устройство страны.

Считаете ли вы германскую модель федеративной демократии подходящей для России?

С годами я стал большим скептиком институционального экспорта — в том числе потому, что долгое время сам зарабатывал этим на жизнь, работая в других странах. Мы с немецкой стороны объясняли принимающей стороне: вот наша система сберкасс, вот наша система страхования от несчастных случаев, вот наша система судов присяжных — и все они лучше. Я, наверное, могу убедительно приводить эти аргументы, но перестал в них верить. Чем больше я разбирался в немецком кейсе — пожалуй, поэтому и занялся им вплотную, хотя профессионально это не моя сфера — тем сильнее убеждался, что из немецкого опыта почти ничему нельзя научиться.

Сегодня популярна тенденция советовать читать литературу о политике памяти, о признании преступлений, о том, как жить в разделенной стране, как происходит обновление элит после падения диктатуры. Это все действительно очень полезно, и я всем это советую. Но учиться на этом, мне кажется, невозможно — потому что все это про уникальность, про абсолютную неповторимость контекста.

Тем не менее, у немецкого федерализма есть сильные стороны. Одна из них — в том, что он вырос снизу вверх: сначала появились земли, а потом возникла федерация. В самих землях это хорошо помнят: их конституции старше, пусть и на несколько месяцев, но все равно старше Основного закона. Это придает им серьезность в отношении к собственным функциям: образованию, полиции, культуре, инфраструктуре. Многие из этого контролируются не из Берлина, а именно на уровне земель.

Лично я, например, даже не пользуюсь выражением «федеральный центр»: в немецком политическом языке этого понятия нет, и даже в переводе мне кажется некорректным говорить «центр» — да, это столица, но не центр. Центр силы может быть в другой точке: например, финансовые транзакции проходят между Гессеном, Баден-Вюртембергом и Баварией; центр населения — скорее в Северном Рейне-Вестфалии; органы власти рассредоточены по разным городам.

Возможно, немецкая федерация во многом исторически поступила правильно, но она не специально сделала юг богатым, север заселенным, восток специфическим, а запад — близким к Бельгии, Франции и Люксембургу с их ценностями открытых границ. Это — контингентность, случайность. Никто не планировал, что раздробленность немецких земель, которую все помнят по школьным картам, приведет именно к такому современному политическому устройству.

Это — удачный ответ на вызовы социальной истории, в том числе подразумевающий отсутствие единой национальной идентичности. Крупнейшей идентичностью на момент создания ФРГ была прусская, но ее в современной Германии не существует. Нет прусской земли, нет прусского языка, нет прусской идентичности. Есть Бранденбург, Берлин, части других земель, но прусской целостности уже нет; ее сознательно стерли, в том числе союзники, чтобы перезапустить федеративное мышление: разные типы немцев, но одни и те же правила игры. Это не было органично, и потому, мне кажется, стоит серьезно относиться к «единицам»: планирование должно идти снизу. И если когда-то социально-территориальная организация будет совпадать с границами субъектов, такая федерация действительно может работать. Может быть, это звучит слишком абстрактно, но я опасаясь приводить какие-то более решительные примеры.

DOI: 10.55167/595a1fie3aaa

